

АЛЬТА МАХМУТОВА



Пора и нам зажечь зарю свободы!

Джадидизм и женское движение



КАЗАНЬ
ТАТАРСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
2006

УДК 94(47)
ББК 63.3(2 Рос=Тат) 523
М36

Махмутова А.Х.

М36 Пора и нам зажечь зарю свободы! (Джадидизм и женское движение) /
Альта Махмутова. — Казань: Татар. кн. изд-во, 2006 — 254 с., ил.

ISBN 5-298-03992-8

В работе рассматривается становление женского движения у татар в первой четверти XX века, исследуются причины выдвижения женского вопроса на передний план в жизни татарского общества. Книга посвящена замечательным женщинам, которые, вступив на рубеже XIX—XX веков в бескомпромиссную борьбу с косностью и невежеством, царившими в татарском обществе, внесли огромный вклад в развитие и прогресс татарского народа.

Издание рассчитано на широкий круг читателей и адресуется всем, кто интересуется историей татарского народа.

ISBN 5-298-03992-8

© Татарское книжное издательство, 2006
© Махмутова А.Х., 2006

*Светлой памяти моей мамы —
сельской учительницы
Валиахметовой Ркии
Ахметовны посвящается*

Предисловие

Сто лет тому назад в Оренбурге вышла из печати книга Ризаэтдина Фахретдинова (1859–1936) «Знаменитые женщины». Автор был уже хорошо известен в татарском обществе как просветитель, богослов, ученый, писатель. С 1891 года он являлся казием — членом Оренбургского духовного собрания, а на рубеже двух веков выступил и как автор биобиблиографического сочинения «Асар» и серии брошюр дидактического характера под общим названием «Наука нравственности». Именно в этой серии Р.Фахретдинов первым среди татарских просветителей поднял проблему воспитания женщины-татарки, ее права на образование. Позднее он развил проблему воспитания и освобождения женщины как в теоретическом, так и в художественном плане и в других своих работах.

Его большой труд «Знаменитые женщины» имел скромный подзаголовок «Книга с биографиями женщин мусульманского мира, написанная для моей дочери Зайнаб». Это произведение, как и «Асар», относящееся к традиционному и популярному жанру арабо-мусульманской историографии, представляет собой биобиблиографический свод жизнеописаний известных в свое время женщин, оставивших след в истории, как отмечал автор, «либо благодаря своему богатству, либо интеллекту». Появилась книга весьма своевременно.

Это было время, которое вошло в историю как эпоха назревания и разрывывания первой российской революции. Россия ожидала перемен. Романтическое ожидание, казалось, пропитавшее сам воздух эпохи, постепенно втягивало в себя представителей тех слоев и народов, которые веками были далеки от всякой «политики». На арену общественной жизни России вышли доселе неизвестные необычайно энергичные, рвущиеся к активной деятельности личности, выходцы из разных регионов, из разных слоев, из разных народов многонациональной Российской империи. Знаменем многих из них стало беззаветное служение своему народу, а орудием для «пробуждения» масс стало в первую очередь просвещение их.

Если отмена крепостного права и буржуазные реформы в России способствовали оживлению общественной жизни и распространению просветительских идей прежде всего в русском обществе, то к рубежу двух веков стремление включиться в активную жизнь страны наблюдалось уже у многих народов России, в том числе и у исповедовавших ислам. В татарском обществе, например, этот период ознаменовался качественным изменением общественного сознания. На основе религиоз-

ного реформаторства, просветительства, либеральных идей формировалось новое мировоззрение, появлялось новое миропонимание, создавалась теоретическая и практическая база последовавшего вскоре мощного подъема национально-культурного движения. Пробуждению национального самосознания служила новая татарская литература, бывшая тогда, по сути, единственным информативным источником и способствовавшая «революции в умах» в татарском обществе, особенно среди молодого поколения.

Начало XX века — это время, когда одной из самых характерных особенностей татарской общественной жизни стало все возрастающее желание переосмыслить историческое прошлое, когда шла переоценка целого ряда представлений. Как составная часть этой переоценки на повестку дня в татарском обществе встал и женский вопрос. Рассматривая становление женского движения у татар как одну из проблем татарского национального движения, надо иметь в виду, что оно являлось также проявлением участия татар в общероссийских событиях и явлениях. При этом всегда нужно учитывать своеобразие, придаваемое татарскому национальному движению исламом, который был не только системой религиозных догм, но в очень большой степени определял нормы частной и общественной жизни татар, их миропонимания. По существу вся борьба между старым и новым в татарском обществе в эту эпоху была постоянным вторжением в сферу традиционных взглядов и моральных устоев, основанных на религиозных принципах, и носила во многом революционный характер.

Трудно определить, когда зародился мой интерес к этой эпохе и людям, ее представлявшим. Вероятно, еще в детстве, когда я с упоением читала произведения Г.Тукая, Ф.Амирхана, К.Насыри и многих других, еще многое не понимая, но восхищаясь или сочувствуя их героям (ведь все мы родом из детства!). Но осознанный интерес к теме, несомненно, зародился в студенческие годы.

Дело было так. Весной 1963 года доцент кафедры истории СССР В.Н.Смирнова, занимавшаяся историей женского движения в России, предложила мне, студентке-заочнице, продолжить в курсовой и дипломной работах тему доклада, сделанного мной на руководимом ею спецсеминаре. Тема была интересной и тогда еще мало разработанной — «Женщины в революционном движении России 60–80-х годов XIX века».

С признательностью приняв предложение работать под ее руководством, тем не менее я попросила В.Н.Смирнову подумать над другой темой для дипломной работы, сказав, что хотела бы заняться местной историей.

В одну из встреч В.Н.Смирнова познакомила меня с Ю.С.Аитовым, как оказалось, подвижнически восстанавливающим доброе имя и благие дела своих родителей. Он дал мне русский перевод статьи «Открытие первой татарской женской гимназии в Казани» из журнала «Сююмбика» за 1916 год. Сказать, что эта статья произвела на меня большое впечатление — не сказать ничего. Это был настоящий шок! Как?! У нас, у татар, была настоящая женская гимназия?! Почему же о ней, а возможно, и о других, мы ничего не знаем, считая, что до 1917 года женщины-татарки были неграмотны, унижены, угнетены и т.д., и т.п.? Нет, это невозможно, это не может быть правдой... Примерно такие мысли зародились в моей голове, когда я познакомилась с содержанием статьи.

Попросив у Юсуфа Сулеймановича оригинал (номер журнала), я оказалась лицом к лицу с почти непреодолимой трудностью — арабской графикой, которой пользовались татары официально до 1929 года и которой я, естественно, не знала.

Обратилась за помощью к дедушке-соседу (я иногда видела его за старыми книгами). Но он, повертев в руках журнал, с сожалением признался, что не может мне помочь, так как умеет читать только тексты с огласовками (в арабском алфавите большинство гласных звуков передается с помощью специальных диакритических знаков, располагаемых над или под буквами и называемых огласовками). В начале XX века значительная часть религиозной литературы у татар печаталась с ними, а светская — без них).

Могли бы мне помочь родители (они хорошо владели этой графикой и пользовались ею в переписке между собой и с близкими), но они были далеко, в деревне. Обратиться к самому Ю.С.Аитову? Но я же хотела удостовериться в правильности перевода! Мое стремление узнать истину было так велико, что я решила самостоятельно справиться с этой задачей. Вообще-то у меня еще в детстве появлялось желание научиться читать арабское письмо. Но мама, научив меня писать мое имя, сказала, что эта графика слишком трудна для детей, что я смогу вернуться к ней, когда повзрослею. Это желание, видимо, подспудно жило во мне все это время.

И вот наступил час истины. Я, вооружившись небольшим пособием А.Ишмухаметова «Татарский алфавит на основе арабской графики», приобретенным заранее, впрок, села за работу. Собирая слова по отдельным буквам-значкам, я одолела за несколько дней довольно большую статью на арабской графике, убедилась в точности его русского перевода.

Эта работа оказалась настолько увлекательной, а материал таким интересным, новым, что я затем прочитала весь номер журнала и явилась к научному руководителю с определившейся темой, которой я хотела бы заниматься, — история женского образования у татар. Естественно, что тема дипломного сочинения была конкретизирована, мы ее назвали «Вопрос о женском образовании на страницах журнала «Сююмбика» (1913–1918 гг.)».

Именно с этого момента — с лета 1963 года — проблемы положения женщин-татарок, женского образования, женского движения на долгие годы стали предметом моих научных интересов, перейдя затем в тему кандидатской диссертации «Борьба за светское женское образование у татар (1861–1917)». Так я постепенно узнала, что женщины-татарки до 1917 года были далеко не такими забытыми и униженными, как считалось в общедоступной литературе. Они все поголовно не сидели взаперти в четырех стенах, не были «живыми куклами», как героиня произведения Ф.Амирхана «Татарка».

Для меня было немалым открытием, что в начале XX века были женщины-татарки, которые не только защищали свои права, но и рука об руку с традиционными деятелями общественного движения — мужчинами боролись за освобождение своего народа от невежества, за образование и просвещение его. Среди них были учительницы, поэтессы, врачи, журналистки, артистки...

Я назвала книгу цитатой «Пора уже и нам зажечь зарю свободы!» из стихотворения героини одного из очерков, учительницы и поэтессы рубежа XIX–XX веков Магруй Музаффарии, написанного под впечатлением книги Р.Фахретдинова и носящего то же название «Знаменитые женщины». Цитата эта ясно показывает читателям лозунг, под которым, в сущности, и шло в начале XX века становление женского движения у татар. Строки этого стихотворения в переводе Р.Морана стали также эпиграфами к отдельным очеркам. На мой взгляд, они как нельзя лучше представляют чаяния и надежды блестящей плеяды татарских женщин,

первыми из мусульманок решительно и смело бросившихся добывать себе свободу, право на образование, труд, человеческое обращение.

Все стихотворение читатель найдет в очерке, посвященном его автору. В стихотворении чувствуется и влияние революционной эпохи на появление нового мировосприятия, нового миропонимания в татарском обществе, и участие женщин в развернувшемся в эти годы татарском национальном движении. Это и революционность их собственных деяний, будь то обучение татарок в новометодных и особенно учеба в русских средних и высших учебных заведениях, создание доселе невиданных у татар женских школ нового типа или появление первых журналюшек, артисток, врачей и даже единственной в исламском мире казии — члена мусульманского Духовного управления!

В предлагаемой книге читатель не найдет исчерпывающего, полного описания участия татарок в общественной жизни рубежа XIX–XX веков. Работа носит очерковый характер. В ней запечатлены лишь некоторые страницы из огромного многообразия тем и материалов, сделана попытка дать портреты наиболее ярких представительниц, стремившихся к разрешению женского вопроса.

Джадидизм и женский вопрос

Когда полнация составил женский пол...

М.Музаффария

Что такое женский вопрос?

На протяжении веков в него вкладывали самое разное содержание. «Первое классовое угнетение совпадает с порабощением женского пола мужским», — считал Ф.Энгельс и связывал с ним зарождение женского вопроса. Однако объективное существование проблемы и осознание ее обществом обычно не совпадают во времени. Началом активного общественного осознания и постижения женского вопроса в мире считается конец XVIII — начало XIX века, т.е. эпоха Великой французской революции.

Ее идеологи, выдвинувшие лозунг естественного права человека и равенства всех людей перед законом, впервые провозгласили, что женщина такой же человек, как и мужчина. Еще Жан-Жак Руссо в своих произведениях, развивая положение о естественном праве, заявил о необходимости вывода женщины за рамки домашнего очага. Его ставшее крылатым выражение «Человек рожден свободным, а между тем везде он в оковах» стало знаменем борьбы за свободу, равенство и братство. Вольтер и Дидро признавали за женщинами равные права с мужчинами во всех сферах общественной жизни. Революция активизировала и самих женщин. Олимпия Гуж выступила автором Декларации прав женщины.

Женский вопрос в Европе обострялся все больше по мере вовлечения женщин в общественное производство. С середины XIX века литература по этому вопросу росла во всем мире, подобно лавине. В России он стал широко обсуждаться в эпоху падения крепостного права и буржуазных реформ, хотя женский фактор в ее истории играл немаловажную роль и в предыдущие эпохи. Достаточно вспомнить роль женщин в дворцовых переворотах XVIII столетия или жен декабристов. Известный литературовед-пушкинист конца XX века Ю.М.Лотман писал, что «после

14 декабря 1825 года ...именно женщины-декабристки выступили в роли хранительниц высоких идеалов независимости, верности и чести». Женщины, духовная жизнь которых была ограничена рамками семьи, преподали всей России пример гражданской стойкости и мужества, беззаветной верности долгу.

Между постановкой женского вопроса и ликвидацией крепостничества в России существовала нерасторжимая связь. Это определило демократический характер женского движения, которое прежде всего вело борьбу за изменение экономического, социального и правового положения женщины, за ее равноправие с мужчиной. Если в русском обществе постановка женского вопроса и становление женского движения, проходившее в преодолении традиционных представлений о роли женщины в семье и обществе, пришлось на 50–70-е годы XIX века, то в татарском обществе этот процесс начался на несколько десятилетий позже.

Даже сегодня, в начале XXI века, сохраняется прочное убеждение, что женщина в исламском мире, следовательно, и татарка, порабощена и обречена на затворничество, причем это освящено исламом; что Коран, определяя смысл жизни мусульманки, подчеркивает: она должна быть верной женой своего господина, доставлять наслаждения и удовольствия мужчине. Те же, кто знаком с творчеством татарского писателя Фатиха Амирхана, в качестве доказательства обычно цитируют или пересказывают его произведение «Татарка», особенно вот эти строки: «Она была живым существом. Но с шести лет какая-то темная сила на своем тайном судилище приговорила ее за совершение никому не ведомого греха к смерти и принялась медленно душить ее, душить в тисках какой-то безжалостной машины до тех пор, пока не будет выжата последняя капля жизни; она приказала заживо зарыть татарку в могилу, прежде чем перестанет биться ее сердце и остынет тело».

Далее Ф.Амирхан так изображал ее будущее. Ей сказали: «Вот тебе четыре стены, стереги их, они же будут стеречь тебя до тех пор, пока не найдется для тебя животное, именуемое мужем, которому ты будешь служить игрушкой». Читатели могут спросить: а разве писатель дал неверную картину? Мой ответ: и да, и нет. Почему? Безусловно, этот символический образ татарки был характерен для большей части татар даже на рубеже XIX–XX веков. Тем не менее в татарском обществе никогда не существовало полной закрытости женщины.

Связано это было с особенностями развития татарского общества и положением женщины в нем. И конечно же, в первую очередь возникает вопрос: а каково было это положение? Сразу же оговорюсь, что, ставя этот вопрос, всегда нужно уточнять, о каком именно времени идет речь, ибо состояние общества в различные отрезки времени не может быть одинаковым. Было бы наивным полагать, что положение женщин во всем исламском мире во все времена было (и остается!) одинаковым.

Статус женщины-татарки к концу XIX века определялся прежде всего законами мусульманской религии, которую исповедовали татары; поведенческими стереотипами, основанными на традициях, обычаях и этических нормах, господствовавших в татарском обществе, а также законами Российской империи.

Как же оценить влияние ислама на судьбу женщины? Как определялось положение женщины в обычном праве татар? А что внесли в него российские законы? Наконец, справедливо ли распространенное, прежде всего в западной цивилизации, представление, что ислам превращает женщину в затворницу и послушную исполнительницу воли мужчины, игрушку в руках всемогущего господина? Или правы те, кто подчеркивает, что ислам принес женщине свободу и равенство? Эти и

подобные им вопросы мне не раз приходилось слышать в своей жизни, когда я называла тему моих научных интересов.

На мой взгляд, простого и однозначного ответа на эти вопросы не существует. Возьмем, например, наши знания о женской доле мусульманки. Общепризнанным считается, что Коран, хадисы и труды средневековых мусульманских богословов, на которые опирается мусульманский менталитет, дают полное и адекватное представление о положении женщины-мусульманки.

Но при первом же обращении к Корану выявляется спорность такого подхода. 38-й (34-й) аят четвертой суры «Женщины», казалось бы, прямо говорит о неравноправии и подчиненности женщины. Вот он: «Мужья стоят над женами за то, что Аллах дал одним преимущество перед другими, и за то, что они расходуют из своего имущества. И порядочные женщины — благоговейны, сохраняют тайное в том, что хранит Аллах. А тех, непокорности которых вы боитесь, увещайте и покидайте их на ложах и ударяйте их. И если они повинятся вам, то не ищите пути против них, — поистине, Аллах возвышен, велик!» (пер. И.Ю.Крачковского).

Мне же, как и героиням моей книги, более по душе и кажется более справедливым другой аят, часто использовавшийся джадидами, — аят 193-й (195-й) третьей суры «Семейство Имрана». Он гласит: «И ответил им Господь их: Я не погублю деяний ни одного из ваших деятелей — ни мужчины, ни женщины. Одни вы от других».

Многие реформаторы ислама рубежа XIX–XX веков трактовали его как указание на полное равноправие женщин. Он и подходил больше к условиям жизни той эпохи, тогда как первый аят больше отражает состояние средневекового общества. Итак, два аята — два взгляда на положение женщины в исламе.

Теперь об обычном праве и этических нормах. И в наши дни типично мусульманскими воспринимаются такие явления, как многоженство, гарем, затворничество, хиджаб (ношение покрывала, чапана, паранджи и т.д.), калым (традиционный свадебный выкуп), неравенство женщин и мужчин при разделе наследства, система запретов в семейно-брачной жизни и т.д. Но знакомые с историей мировых цивилизаций читатели могут вспомнить, что эти явления были еще задолго до появления ислама и наблюдались на определенном этапе во всех цивилизациях. Ислам же, как считают современные исследователи, узаконил и закрепил силой религиозного установления те нормы общественной жизни, которые были присущи народам ареала распространения раннего ислама.

М.С.Мейер, обращая внимание читателей на этот симбиоз обычаев и религиозных установлений, в послесловии к переводу книги турецкой исследовательницы Бахрие Учок «Женщины-правительницы в мусульманских государствах» (1982) подчеркивает: «Религиозная регламентация обычаев, несомненно, способствовала их более широкому распространению, а в дальнейшем стала существенной помехой на пути их преодоления, когда она перестала соответствовать новым потребностям общественного развития. Последнее обстоятельство и породило у части востоковедов представление о том, что ислам всегда ограничивал права женщин, превращал их в послушных исполнительниц воли мужчин».

Конечно, в любом патриархальном средневековом обществе женщина неизбежно должна была занимать неполноправное, приниженное положение. Как в земледелии, животноводстве, так и в ремесле того времени ведущее положение занимали мужчины. Именно их усилиями в основном обеспечивалась жизнь семьи и развитие общества. Но приниженное состояние вряд ли можно воспринимать

как полное бесправие. Социальный статус женщины определялся и тем, что женщина — продолжательница рода. Это гарантировало ей определенные права на собственность, долю наследства, обеспечивало ее дееспособность в суде и т.д. Совсем, вероятно, неслучайно, что Коран и шариат так скрупулезно определяют порядок заключения брачного контракта, условия развода и дележа наследства.

«Опираясь на свои имущественные и семейные права, мусульманская женщина могла играть довольно активную роль в разных сферах общественной жизни. Разумеется, объем и проявления этой деятельности были различны в деревне и в городе; имущественное положение, уровень образования, принадлежность к разным социальным слоям также оказывали свое существенное влияние на активность женщин», — отмечает М.С.Мейер.

До сих пор речь шла об общих для всех мусульманских народов чертах. Пора перейти непосредственно к характеристике положения женщины-татарки к концу XIX века. Татарское мусульманское общество, в условиях потери государственности веками старавшееся жить изолированно, прежде всего от окружавшего его православно-христианского мира, продолжало сохранять черты замкнутого патриархального общества и в новую, буржуазную эпоху, во все более ускорявшемся темпе вовлекавшую в свою орбиту народы Российской империи. А это значило, что при несомненном социальном различии в положении женщины-татарки различных слоев сильно сказывалось сохранение средневековой структуры общества; поведенческие стереотипы и этические нормы, вырабатывавшиеся в течение веков, продолжали доводить как над женщиной из зажиточных слоев общества, так и над женщинами других групп.

Подавляющее большинство татарского населения составляло крестьянство. Женщина-крестьянка работала в хозяйстве наравне с мужчиной. Кроме всех забот по дому она активно участвовала и в полевых работах, особенно во время заготовки сена, уборки урожая, когда, как гласит поговорка, день год кормит. На нее почти полностью возлагались и обязанности по воспитанию детей.

Особенно увеличивалась роль женщин в тех крестьянских хозяйствах, где мужчины занимались отходничеством, столь распространившимся среди татар на рубеже XIX–XX веков, и в тех случаях, когда их забирали на войну. Наборы и мобилизации, отходничество вырывали из деревень многих трудоспособных мужчин.

Оставшись без кормильцев, женщины должны были принять на свои хрупкие плечи заботу о прокормлении семьи — стариков, детей. Они вели и всю работу по хозяйству: пахали, сеяли, косили, жали, молотили, заготавливали дрова, отправляли общественные повинности.

Таким образом крестьянка, фактически становясь главой семьи, переставала быть пассивным существом. Ей приходилось бывать и на сельских сходах, и встречаться с местным начальством. Менялось положение женщины в обществе, менялась и ее психология. Уже это говорит о том, что татарским крестьянкам затворничество было чуждо. К тому же трудно представить женщину в чапане и чадре с серпом или другим орудием труда в руках. Как правило, они чапан не носили, а при встречах с мужчинами на улице лишь прикрывали лицо краем платка.

В зажиточных же татарских семьях (как среди духовенства, так и среди кулачества и купечества) на долю женщин выпадало меньше тяжелой и грязной работы по хозяйству, но было меньше и свободы. Эти татарки, как правило, жили на отдельной, женской, половине, влача тягуче однообразное существование. На них распространялось затворничество во всем его объеме.

Особенно тяжело приходилось молодой замужней татарке, если брак был неравным, что чаще всего и встречалось в зажиточных семьях. Она, как правило, должна была навсегда похоронить себя в четырех стенах и на самом деле терпеть притеснения и от мужа-господина, и от свекрови и других членов семьи мужа.

Формально, по шариату и этическим нормам, родители, родственники или опекуны были обязаны спрашивать согласие девушки на брак. Однако эта правовая сторона дела постоянно нарушалась, превратившись в чистейшую формальность. Считалось, что отец лучше знает, что нужно для счастья дочери, и его согласие служило полным основанием для заключения брака.

При заключении брачной церемонии (никаха) присутствовали лишь мужчины с обеих сторон. Невеста, как и другие женщины, находилась в другой комнате. О согласии девушки на брак сообщали два свидетеля, как правило, из родственников. Это давало отцу возможность не считаться с желанием девушки, особенно если речь шла о заключении выгодной сделки.

Брак в целом воспринимался как сделка, которую нужно было заключить, по мере возможности, с выгодой, и чувства и переживания девушки просто отбрасывались. Среди сельской и городской бедноты брак был обставлен проще, так как здесь меньшую роль играл материальный расчет родителей, за исключением тех случаев, когда к бедной девушке сватался зажиточный человек.

Дело здесь могло усугубиться и тем, что Коран разрешал мусульманам иметь одновременно до четырех жен. Естественно, нужно указать, что многоженство у татар не было распространенным явлением. К нему прибегали чаще всего тогда, когда не было детей от первого брака или неизлечимо заболела первая жена. Правда, одновременный брак с несколькими женщинами являлся еще и показателем состоятельности и богатства. Не случайно среди татар была распространена поговорка «Русский разбогатеет — церковь строит, татарин разбогатеет — женится».

Организация брачно-семейных отношений на селе и в городе, основанная на мусульманском праве, в принципе была одинакова. Однако имущественное положение, принадлежность к разным социальным группам, несомненно, сказывались в городе гораздо отчетливее. Чем глубже проникали буржуазные отношения в татарско-мусульманский мир, тем сильнее проявлялись различия в положении женщины разных слоев.

Много городских женщин-татарок традиционно были заняты в кустарном производстве. Они чаще всего выступали в качестве подсобной рабочей силы, помогая отцу, мужу, брату (например, в таких промыслах, как выделка кож, обработка дерева, рогожно-кулеткацкое или горшечное производство, изготовление обуви и т.д.). Но были и традиционные промыслы, где основными производителями выступали женщины. Самыми распространенными женскими ремеслами были ткачество, вязание, вышивка, широко применяемые в изготовлении одежды и обуви. Эти промыслы особенно были распространены в Казани, Казанском, Арском и Лаишевском уездах.

Например, в работе Криваксиной «О женском кустарном труде в городе Казани» отмечалось, что только изготовлением тюбетеек и вышиванием золотом и бисером головных уборов и обуви к 1892 году в Казани занималось свыше тысячи татарок.

Кустарки обычно работали не самостоятельно, а по заказу мелких и средних торговцев или посредников. Они поставляли материал и продавали готовый товар в городах и на ярмарках. Так называемая торговля азиатской обувью приносила хорошие доходы купцам, но сами труженицы, работая с раннего утра до позднего вечера, получали гроши.

В казанских газетах время от времени появлялись публикации, содержащие более чем убедительную характеристику условий труда и заработка татарок, занятых в промыслах. Вот, например, описание труда татарок из газеты «Волжский листок» от 5 июня 1905 года: «Работница за набивку паклей и шитье 100 штук чапашек получает всего 20–30 коп., причем только молодая, хорошая работница с раннего утра и до глубокой ночи в состоянии сшить всего 50 штук, выработывая таким образом 10–15 коп. в сутки при условиях, если работница будет шить не отрываясь. Заказчиками этих изделий являются исключительно татары, торгующие на Сенном красным товаром против Соборной мечети. И в довершение всего почти ни одна работница не получает расчета наличными деньгами: ей платят товаром из лавки заказчика, и преимущественно ситцем. Стоимость этого ситца, всегда лежалого и нередко даже прямо гнилого, не превышает 12–14 коп. за аршин, а его ставят в счет работницы по 16–18 коп. Теперь вопрос: куда деваться с ситцем, который работнице вовсе не нужен? Ей нужны деньги, чтобы поест самой и накормить ребят. Приходится ситец продавать. Его охотно берут приезжающие на базар крестьяне, но дают не более 5–7 коп. за аршин. Вот условия этого каторжного труда».

Не легче было положение татарок, работавших в качестве прислуги в зажиточных и богатых домах. По сведениям газеты «Танг юлдузы» (Утренняя звезда) за 28 сентября 1906 года, только в Казани в том году было свыше 350 служанок-татарок, в основном молоденьких девушек из бедных крестьянских семей. Это была самая бесправная часть женщин. Их рабочий день был не нормирован. Они были обязаны в любое время дня и ночи быть готовыми исполнить любую прихоть или каприз хозяев. Многие из них подвергались насилию и издевательствам со стороны хозяев и их сынков, после чего оказывались выброшенными на улицу и были вынуждены встать на путь попрошайничества и проституции. Естественно, что таково же было положение работниц и прислуги и у других народов.

Татарки и на селе, и в городе в массе своей даже к концу XIX века были неграмотными или, в лучшем случае, малограмотными, умеющими читать лишь определенные книги. Среди них очень сильны были всевозможные предрассудки, суеверия, вера в приметы, в самые невообразимые легенды. Рассадником невежества являлось большинство так называемых женских школ. Как правило, обучением девочек занимались жены мусульманских духовных лиц — абыстай, часто сами малограмотные. В «женских школах», чаще всего располагавшихся в задней избе муллы, вовсе не приспособленной для занятий, девочки заучивали на непонятном им арабском языке определенные молитвы из книг типа «Хафтияк» (Седьмая часть Корана), знакомились с мусульманскими обрядами и обычаями по книге «Иман шарты» (Условия веры). Конечно, и такое обучение было бесполезным, однако в новую эпоху только его было уже мало.

Татарки, как и все женщины России, были ограничены в правах и по российскому законодательству. Даже новые законы, появившиеся в ходе буржуазных реформ, закрепляли неполноправие женщины во всех областях жизни — в получении образования, занятии должностей, в семейном и гражданском праве и т.д. Так, Положения о земских учреждениях и городском самоуправлении исключали их из состава лиц, пользующихся личным правом участия в земских и городских избирательных собраниях и в избрании гласных. Женщины же, имеющие достаточный имущественный ценз для участия в них, должны были уполномочивать для этого своих ближайших родственников-мужчин (не значит ли это, что так делалось исключительно из уважения к имуществу?).

Или возьмем Устав о службе гражданской. Его 157-я статья определяла круг должностей для женщин. Это были должности помощниц контролеров и счетных чиновников в женских заведениях ведомства императрицы Марии; акушерские, фельдшерские и аптекарские должности в женских лечебных заведениях; женщины могли участвовать в оспопрививании и зубоврачевании. Занимать должность врача до революции 1905–1907 годов они могли только без права государственной службы, а значит, и без права на привилегии, которые полагались государственным служащим.

Женщины могли служить также в учебном и тюремном ведомствах. В министерствах же земледелия и государственных имуществ, юстиции, путей сообщения, морском и в сенате они могли служить только по письменной и счетной частям и лишь по вольному найму, то есть без права государственной службы. Им запрещалось занимать даже должность волостного писаря. Женщина могла вести все дела, но не имела права подписи, — подписывать все документы должен был мужчина.

Указом от 14 января 1871 года воспрещался прием женщин, даже по вольному найму, на канцелярские и другие должности во всех правительственных и общественных учреждениях, где места предоставлялись по назначению и выборам. В 1876 году этот указ был распространен и на звание частного поверенного (адвоката). Только в годы первой мировой войны женщины получили право заниматься адвокатурой, но в каждом отдельном случае было необходимо получение высочайшего разрешения самого императора.

Однако и этот ограниченный круг должностей был почти недоступен для татарок. И не только потому, что эти должности требовали специального образования. Даже после получения образования и специальности в государственных учебных заведениях татарки, как и другие женщины нехристианского вероисповедания, могли работать лишь среди своих единоверцев.

Так, Положение о женских гимназиях и прогимназиях, утвержденное 24 мая 1870 года и действовавшее до 1917 года, в § 44 определяло права выпускниц. В нем указывалось, что ученицы, завершившие основной курс и дополнительный восьмой класс и награжденные золотой или серебряной медалью, получали звание домашних наставниц, не имеющие медалей — звание домашних учительниц. Оба звания давали право преподавания по узкой специальности в городских училищах и в младших классах гимназии, а также вести учебно-воспитательную работу в семьях и частных пансионах. Домашние наставницы и учительницы считались состоящими на службе по ведомству Министерства народного просвещения; проработавшие 25 лет имели право на получение от государства пожизненного пособия.

Здесь же специально оговаривалось, что выпускницы нехристианского вероисповедания, получившие звание домашней наставницы или учительницы, могли преподавать лишь в домах (или учебных заведениях) своих единоверцев. Кроме того, нехристианки-выпускницы лишались и прав, определенных положением от 1 июля 1834 года о домашних наставниках, учителях и учительницах. Все это обязательно указывалось в каждом свидетельстве о звании домашней наставницы или учительницы.

Это правило сохранялось вплоть до свержения царизма. Например, первая учительница-татарка в русской школе Казани появилась только после февральской революции 1917 года. Это была Дина Булатова, принятая преподавательницей немецкого языка в женскую гимназию Пономаревой, о чем сообщили многие татарские газеты.

Естественно, изменения в стране, происходившие в пореформенную эпоху особенно бурно, не могли не затронуть татарский мир. Ислам был ядром средневековой культуры татар, следовательно, преобразования в татарском обществе должны были начинаться с изменения отношения к этому ядру. И реформаторское движение у татар началось в рамках ислама и выступало в первую очередь как поиск религиозного обновления.

Одним из актуальных направлений татарской общественной мысли рубежа XIX–XX веков стало перенесение центра тяжести от чисто богословских вопросов к проблемам социальным и политическим, осознание того, что татарскому обществу необходимо современное видение мира и приведение традиционной мировоззренческой системы в соответствие с требованиями эпохи. Поиски ответов на усложняющиеся вопросы жизни вынуждали вносить кардинальные изменения в представления о месте и роли ислама в жизни общества.

Ислам, бывший, по мнению реформаторов, воплощением социальной общности татар, созидательных сил народа, его духовной энергии, культуры, должен был стать и основой национального возрождения. Начавшая ощущаться ограниченность мусульманской догматики могла быть дополнена как обращением к опыту времен пророка Мухаммеда, к эпохе «чистого ислама», так и к опыту европейской цивилизации, к которой уже приобщилась часть реформаторов, занимаясь самообразованием или получив образование в светских учебных заведениях.

Идеологическим и духовным катализатором всех этих перемен стал джадидизм, идеи которого с 80-х годов XIX века распространялись в татарском обществе, став основой для складывания тех элементов «высокой культуры», без которых немыслима современная нация. Эти идеи, доходя до самых отдаленных уголков России, постепенно овладевали умами людей.

С самого зарождения реформаторского направления встал и вопрос о положении женщины в исламском мире, в том числе и у татар. Писатели-просветители конца XIX века выступили с резкой критикой существующего положения женщины-татарки, создав женские образы соответственно своим гуманистическим и просветительским идеалам.

На рубеже столетий протест против бесправного положения в семье и обществе вызревал и среди татарок. В самом конце XIX века женский вопрос быстро получил права гражданства и в публицистике, стал одним из существенных в общественной жизни татар и, в известном смысле, даже модным.

О воспитании и образовании женщины, о ее положении в семье и обществе, ее трудоустройстве, о пределах личной свободы и самостоятельности писали и спорили все — как сторонники, так и противники освобождения женщины, мужчины и женщины, писатели и педагоги... Самые разные слои татарского общества были заинтересованы в том или ином разрешении женского вопроса — органической части происходивших среди татар буржуазных преобразований. И одной из особенностей татарского просветительства было выдвижение проблемы женского равноправия и свободы в ряд требовавших незамедлительного решения общественных задач.

Я совершенно не случайно начала книгу со столетия произведения «Знаменитые женщины» Р.Фахретдинова, человека огромного таланта и трудолюбия, широчайшей эрудиции, энциклопедических знаний. Он не только одним из первых выступил в защиту прав женщин с просветительских позиций. Обратившись к первоисточникам ислама — Корану и Сунне, Р.Фахретдинов весьма смело взялся

обосновывать тезис, что женщина такой же человек, как и мужчина. Женский вопрос и связанные с ним проблемы брака и семьи он решал исходя из принципа естественного права человека на равные возможности. В то время в обществе, где взгляд на женщину четко выражался в пословице «Волос долог, да ум короток», сама постановка женского вопроса казалась почти невозможной.

В конце XIX века Р.Фахретдинов начал публиковать отдельными брошюрами главы большой работы «Наука нравственности», посвященной изложению его взглядов на морально-этические нормы в мусульманском (татарском) обществе*.

Хотя практически во всех этих брошюрах так или иначе ставились проблемы, тесно связанные с женским вопросом, среди них следует особо отметить две: «Воспитанная мать» (1898) и «Воспитанная жена» (1899), в которых автор стремился систематически изложить свой взгляд на воспитание женщины-татарки. «Делает женщин чистыми и охраняет их от всего дурного не чапан и шаль, а воспитание и разум, вера и справедливость, и превыше всего — целомудрие их мужей», — подчеркивал он уже в первом очерке, выступая против установившихся в татарском обществе обычаев, в частности против требования затворничества женщины.

Большое внимание уделил Р.Фахретдинов проблемам семьи и брака, вопросам взаимоотношений мужа и жены. Он был уверен, что главным в браке должно быть взаимное согласие и уважение друг к другу, а не страх и подчинение женщины. Ученый подчеркивал, что женщина-мать — это воспитатель будущего человечества. «Хорошие или плохие качества народа во многом зависят от матерей, — указывал он. — Воспитанные матери являются ими не только для своих детей, но и уважаемыми матерями для всех мусульман. Труд матери — это самый тяжелый и хлопотливый труд, и его невозможно обрисовать или объяснить словами».

В 1899 году он опубликовал и первое свое художественное произведение — повесть «Салима, или Целомудрие», где главными героями являются татарский шакирд и девушка-иранка, получившая высшее образование в Египте, знавшая в совершенстве не только родной персидский, но и арабский, турецкий, французский и английский языки, усвоившая не только историю и культуру мировых цивилизаций, но и изучившая экономику и торговлю. Она успешно руководила бесчисленным богатством (торговыми и промышленными предприятиями), оставшимся после смерти отца.

Салима высоконравственна, справедлива, приветлива и чиста; представляя собой идеал девушки-мусульманки, она обещает в будущем стать авторитетной матерью нации. «Насколько она умна, настолько миловидна и практична, привлекательна и нежна. Насколько образованна и нравственна, настолько учена и обворожительна, — рисовал ее образ автор. — Ее голос, мягкий, как масло, чарует душу, как трель соловья, успокаивает, как дуновение утреннего ветерка. Ее можно было бы назвать идеальной девушкой, представляющей море науки».

Через все произведение красной нитью проводится мысль о том, что «женщины ничуть не хуже мужчин; если получают должное воспитание и будут обучаться в упорядоченных (реформированных) школах, они могут удивлять мужчин своим

* Необходимо отметить (и это чрезвычайно существенно), что Риза Фахретдинов называл своих соплеменников не только мусульманами, но и булгарскими тюрками, т.е. фактически булгарами (Примеч. ред.).

хорошим образованием». Идеализируя свою героиню, Р.Фахретдинов давал образец для подражания, стремился привлечь внимание читателей, и особенно читательниц, к знаниям, просвещению.

В целом вся повесть пронизана просветительским духом. Ее главная идея — человек может стать по-настоящему счастливым лишь тогда, когда он приобретет основательные знания, усвоит ремесла и получит хорошее воспитание; для достижения прогресса нации, светлого будущего народа в первую очередь необходимо дать молодому поколению хорошее образование и научить ремеслам.

В произведении, носившем назидательно-дидактический характер, автор делает много лирических и публицистических отступлений. В таких случаях просветитель берет в нем верх над писателем: хотя в целом повествование идет от имени героя — молодого человека, десять лет проведшего в одном из казанских медресе, в этих отступлениях автор говорит уже от своего имени. Он не только поучает с нравственно-этических позиций молодого читателя, к которому обращена повесть, но и попутно дает ему информацию по истории, экономике, культуре и просвещению разных народов.

Р.Фахретдинов отмечал, что для того чтобы молодежь смогла подняться до уровня Салимы, необходимо реформировать существующую у татар систему образования и воспитания. «Для жизни недостаточно знания одних религиозных догм, — нужны научные знания, — утверждал он. — Чтобы стать настоящим человеком, нужно обладать знаниями и хорошей нравственностью». Ученый подчеркивал, что татарской молодежи, представляющей будущее нации, необходимо изучать языки, особенно русский язык, усваивать достижения культуры народов мира: «Без знания русского языка и овладения основами наук невозможно служить народу. Если вы хотите сделать нацию счастливой, то нужно дать ей знания и развить ремесла. Без знания русского языка все это невозможно».

Он затрагивал и проблемы любви и брака, свободы и равноправия женщин, включив их в число неотложных задач. Так в небольшой повести Р.Фахретдинов поставил перед татарским обществом жизненно важные проблемы: необходимость служения народу, реформы системы образования, изменения отношения к женщине.

«Салима» — художественная утопия, но в ней главенствовала публицистика эпохи. Причина в обществе, которое не имеет главного информативного средства той эпохи — периодической печати. Здесь общение, обмен мнениями, дискуссии по общественно-политическим, философским и нравственным проблемам почти отсутствовали, в лучшем случае находились в зародышевом состоянии, и оставался только один путь — использовать для этого популярную художественную и публицистическую литературу.

Печать во все времена была и является существенным элементом общественной борьбы, формирования общественного мнения, ареной сражения за души. А у татар, впрочем, как и в целом в России, печатное слово играло исключительную роль. Как в свое время писал А.И.Герцен, «у народа, лишенного общественной свободы, литература — единственная трибуна, с высоты которой он заставляет услышать крик своего возмущения и своей совести».

Надо признать, что татарские интеллектуалы рубежа веков, решив возложить на литературу и функции отсутствовавшей периодической печати, в полную силу использовали эту «трибуну». И это мы хорошо видим в творчестве Р.Фахретдинова. Публицистичность усиливала актуальность, созвучность эпохе этих произведений, расширяла круг читателей. Убежденный, что «невежество — это болезнь,

а бедность — беда» любимого им народа, всю свою деятельность, в том числе и литературную, он подчинял одной великой цели — освобождению народа от этих бедствий. Просвещение широких масс народа, обучение его необходимым для существования ремеслам — вот путь спасения, который, по мнению просветителя, надо широко пропагандировать. И большую роль в этом должно было сыграть просвещение женщин.

Этой же цели служило и другое его художественное произведение — повесть «Асма, или Действие и наказание», опубликованное в 1903 году в Оренбурге. Р.Фахретдинов был убежден в силе литературы и искусства исправлять нравы. Так, характеризуя одного из идеализированных героев, он указывал: «Злые свекрови, терзающие своих снох, взволнованные его игрой на курае и пением, становились как масло, прощали недостатки снох, не только прощали, но и, раскаиваясь, просили у них прощения». Однако, уделяя огромное внимание просвещению через литературу и искусство, главной обязанностью литературы просветитель считал воспитание людей высоконравственных и неоднократно подчеркивал: «То, что делает людей счастливыми, не единственно знание, а совокупность знания и совершенства. А совершенство есть высокая нравственность».

Особое значение имела публикация в том же 1903 году объемного труда Р.Фахретдинова «Знаменитые женщины». Это произведение, как и «Асар», относящееся к традиционному и популярному жанру арабо-мусульманской историографии, говоря его словами, «содержит биографии женщин, знаменитых среди мусульман, воспетых в произведениях ислама и в какой-то мере послуживших нашей нации знаниями или имуществом». Посвятив книгу дочери Зайнаб, он подчеркивал, что подобные книги не должны читаться только ради времяпровождения: в таком случае от них не будет никакой пользы. Такие книги, указывал он, предназначены для назидания, чтобы получить поучительный урок или вызвать у читателей отвращение, если дано жизнеописание дурных людей.

Р.Фахретдинов ставил вопрос: «Почему в наши дни среди мусульман не появляются личности, подобные Фараби, Ибн-Сине, Ибн-Халдуну, Ибн-ал-Асиру, Ибн-Рушду и другим?..». И отвечал: «Некоторые ответят, что не способствует появлению подобных великих людей время. Но такой ответ был бы самой большой ложью и самой тяжелой клеветой». Его собственное объяснение причин этого таково: «Если раньше были матери, способные воспитать своих детей великими людьми, то сегодня такие женщины среди мусульман исчезли. Если бы сегодня были такие матери, то среди мусульман появились бы глубоко мыслящие, деятельные, с чистой душой и прекрасной нравственностью ученые, служащие во имя гуманизма новаторы и изобретатели». Так автор возвел женский вопрос на высоту социально-политических проблем.

Итак, отсталость, «болезни» нации он видел не только в бессилии и бедности нации, но и в потере веры в силы народа, в отсутствии ученых и высоконравственных людей, что, в свою очередь, связывал с отношением общества к женщине-матери. Симптомом неизлечимой «болезни» он считал потерю веры в свои силы и способности, в завтрашний день. А поскольку бездеятельность и застой, присущие современному ему мусульманскому обществу, неминуемо приведут нацию к еще более тяжелому состоянию, каждому ее члену необходимо менять свое отношение к национальным делам, начать трудиться во имя прогресса нации.

Сам Р.Фахретдинов верил в будущее своего народа, в молодежь, которая за пять-шесть лет, по его мнению, сможет преодолеть путь, занявший у других народов

десятилетия. И одним из главных шагов по возрождению народа просветитель считал изменение отношения к женщине, к ее воспитанию, к ее роли в обществе. «Если женщины будут почитаемы и воспитаны по правилам, то будут обладать различными достоинствами и знаниями, — отмечал Р.Фахретдинов. — Только у нации, которая может правильно воспитывать женщину, дети вырастут знающими, воспитанными, правдивыми, способными подчинить свои интересы общему благу, и вместе с тем они будут патриотами, будут любить науку, сумеют довести любое дело до конца. Эти вещи составляют дух нации».

Просветитель указывал, что изменение отношения общества к женщине — очень трудная проблема, ибо это требует изменения поведенческих стереотипов в обществе, воспитания нового миропонимания и другого мировоззрения. Само собой разумеется, что задачу исправления нравов и пропаганды просвещения он возлагал прежде всего на литературу. Препятствий же на этом пути немало, отмечал он, и прежде всего необходимо преодолеть сопротивление новому миропониманию не только невежественной черни, но и считающих себя учеными так называемых улемов. Он писал, что пока они именем шариата призывают не пускать девочек в школу, вряд ли найдутся читатели его книги.

Но пессимизм Р.Фахретдинову не был присущ. Он был убежден, что такие времена невечны, что скоро появятся люди, которые призовут: «Если хотите стремиться к прогрессу нации, если надеетесь довести свет веры до самых маленьких подземелий, учите дочерей! Пусть ваши дочери учатся в школах. Готовьте матерей нации. После того как появятся матери, будут и сыновья!». Так ряд жизнеописаний с особым восхвалением ума и образованности женщин Р.Фахретдинов заключал положением о том, что для процветания нации необходимо поднять на должную высоту женщину-мать, которая играет решающую роль в воспитании подрастающего поколения; нужно, чтобы женщина не была рабыней, чтобы она получала хорошее воспитание и образование.

Он был уверен, что со временем вместо женщин-мусульманок, не умеющих говорить ни о чем, кроме досужих бытовых новостей, появятся женщины, способные обсуждать такие важные проблемы, как вопросы обучения и воспитания детей, правильного ведения домашнего хозяйства; а вместо девушек, растрачивающих свою молодость на чтение книг этико-дидактического характера — «Сайфульмулюк», «Малика», «Тахир и Зухра» или сонников, придут девушки, с наслаждением изучающие труды по основам образования, методике обучения, правилам общения, развитию ума и т.д.

«Тогда и на эту книгу обратят внимание!» — восклицал Ризаэтдин Фахретдинов. Конечно, называть чтение широко распространявшихся в течение веков в народе в устной и рукописной форме произведений пустым времяпровождением — это несомненный перебор, но чего не бывает в пылу полемики! И не следует воспринимать эти слова ученого как прямое отрицание золотого фонда народного творчества.

Что же касается произведений самого Р.Фахретдинова, надо сказать, что долго ждать своих читательниц просветителю не пришлось. Книги его сразу же по выходе из печати находили не только своих читательниц, но и читателей и последователей.

Еще один импульс к выдвиганию женского вопроса на передний план татарской общественной жизни, видимо, дали несколько публикаций, принадлежавших перу талантливого арабского юриста и публициста Касима Амина (1865–1908). В 1899 и 1900 годах в Египте появились его книги «Тахрир ал-мар'а» (Освобождение женщины) и «Ал-мар'а ал-джадида» (Новая женщина), вызвавшие не только в

арабском, но и во всем мусульманском мире оживленные дискуссии. Надо сказать, что новая литература, издававшаяся на арабском и турецком языках, легко находила своего читателя и в прогрессивной татарской среде, хорошо знакомой с этими языками. Книги эти, как и многие другие, паломники и обучавшаяся в Каире, Стамбуле и других городах молодежь привозили и в Поволжье, где они находили благодатную почву.

В книгах К.Амина ссылками на Коран, хадисы и человеческий разум доказывалась незаконность порабощенного положения женщины-мусульманки. Для мусульманского мира женский вопрос фактически становился составной частью проблемы освобождения всего общества от оков средневековья.

И Касим Амин, получивший высшее юридическое образование во Франции, первым среди арабских публицистов дал систематическое изложение женского вопроса не просто с просветительских позиций, а с точки зрения модернизированного ислама.

Так же, как Р.Фахретдинов, поставив проблему необходимости женского образования не только для развития самих женщин, но и для прогресса общества, Касим Амин сделал серьезный вклад в поиск путей освобождения женщины-мусульманки. «Не невежество оберегает женщину, а воспитание разума и поведения; более того, образование — это самый правильный и единственный способ создания в обществе такой женщины, которая знала бы цену чести и защищала бы ее», — подчеркивал он, защищая свои позиции.

Касим Амин утверждал: «Следует воспитывать женщину так, чтобы она существовала прежде всего для самой себя, а не как игрушка для мужчины. Следует воспитывать женщину так, чтобы она входила в человеческое общество как цельное существо, а не как материя, из которой мужчина может вылепить все, что угодно. Следует воспитывать женщину так, чтобы условия своего счастья или несчастья она находила в самой себе, а не в других».

Академик И.Ю.Крачковский, в чьем переводе я цитировала мысли Касима Амина, считал, что заслуга его «не только в том, что он впервые (в арабском мире. — А.М.) систематически сформулировал женский вопрос и разработал его в деталях, но и в том, что защиту его он поставил целью своей жизни, посвятив специально ему свою писательскую деятельность».

В это же время на XII Международном конгрессе ориенталистов, происходившем в 1899 году в Риме, в секции «Мир ислама» с докладом о культуре, истории и современном положении казанских татар выступила русский ориенталист О.С.Лебедева. В том же году этот доклад был опубликован в Риме. Свои работы она часто подписывала псевдонимом «Гульнар-ханум» и под этим именем стала известна в мире среди ориенталистов. Часть ее доклада под названием «Свобода мусульманок (Положение мусульманской женщины прежде и теперь)» была опубликована в том же году в египетском журнале «Иджтихад» (Усердие). В 1900 году эта работа под названием «Об эмансипации мусульманской женщины» была издана в Петербурге на русском языке.

Историк татарской книги А.Г.Каримуллин посвятил ей один из очерков своей книги «Путешествие в мир книги» (на татарском языке).

Ольга Сергеевна Лебедева родилась в 1854 году в Казани (или в имении близ Казани). Хотя у нас нет сведений, где она училась, какое получила образование, известно, что уже в молодости она заинтересовалась жизнью (бытом) и историей казанских татар, а затем и языками и культурой Востока. Ее муж, городской голова Казани, видимо, не препятствовал этому ее увлечению.

О.С.Лебедева была хорошо знакома с Шигабутдином Марджани, Мухамметгали Махматовым и другими татарскими учеными и писателями. Уроки восточных языков (арабского, фарси, турки) она брала как у преподавателей Духовной академии, так и у Каюма Насыри.

В 1886 году она опубликовала свой перевод известного средневекового произведения «Кабуснама». Лебедева перевела его с татарского языка, а перевод на татарский язык с фарси, в свою очередь, был сделан и издан в 1882 году Каюмом Насыри. А.Каримуллин считал, что О.С.Лебедева, возможно, сделала этот перевод с целью углубления своих знаний в восточных языках.

Видимо, с этой же целью она в конце 80-х годов отправилась в Турцию. Несколько лет жила в Турции, где изучала язык, историю и литературу, знакомилась с постановкой школьного дела, положением дел в периодической печати. Она активно общалась с турецкими учеными, писателями и общественными деятелями, в частности с видным турецким просветителем Ахмедом Мидхатом, и добилась признания общественности Турции.

В начале 90-х годов XX века на страницах турецкой печати стали появляться статьи О.С.Лебедевой о русской литературе. А затем в Стамбуле отдельными книгами были изданы в ее переводе на турецкий язык произведения таких русских писателей и поэтов, как А.С.Пушкин, М.Ю.Лермонтов, Л.Н.Толстой, и их биографии, написанные ею. Русская периодика высоко оценила эту ее деятельность, назвав Гульнар-ханум полномочным представителем русской литературы в Турции. Она не только знакомила турецких читателей с русской литературой, но и одной из первых начала работу по переводу образцов турецкой и арабской литературы на русский язык. Она перевела на русский язык и подготовила к печати произведения Ахмеда Мидхата и Касима Амина, однако из-за цензурных препон не сумела довести дело до конца.

В 1893 году О.С.Лебедева вернулась на родину, как она сама отмечала в интервью «Новороссийской газете», с целью распространения цивилизации среди татар России. Сразу по возвращении домой она отправилась в Петербург и с присущей ей энергией приступила к хлопотам по осуществлению своих целей. Ольга Сергеевна встретила с начальником главного управления по делам печати МВД Е.Феокистовым, познакомила его со своими планами по просветительской работе среди казанских татар.

Она собиралась издавать еженедельную историко-литературную семейную газету «Чишмэ» (Родник) на русском и татарском языках, открыть специальные светские школы для татар. Однако ее хлопоты не увенчались успехом, хотя О.С.Лебедева сообщала о своем согласии принять любые условия, которые предложат властные органы.

Пережив крушение своих надежд, Гульнар-ханум поставила перед собой новую цель: способствовать выработке у русской общественности нового объективного взгляда на историю и культуру мусульманских народов.

Она установила деловые связи с прогрессивными учеными Петербурга, общалась с такими известными русскими востоковедами, как В.В.Бартольд, И.И.Березин, В.В.Радлов, Ю.И.Крачковский и другие. Она обратилась к ним с призывом к созданию всероссийского общества изучения Востока. Получив поддержку, О.С.Лебедева с неустойчивой энергией в течение нескольких лет добивалась организации этого общества. Наконец 29 февраля 1900 года было дано высочайшее разрешение на открытие Императорского общества изучения Востока.

Но деятельность общества приняла отличное от задуманного востоковедами направление. Председателем его был назначен генерал-лейтенант Н.К.Шведов, а О.С.Лебедева стала лишь его почетным председателем и фактически была отстранена от активной деятельности в рамках общества.

В 1889–1905 годах она активно участвовала в работе VIII–XIV Международных конгрессов ориенталистов с докладами по истории казанских татар, о положении мусульманской женщины, старалась донести положения этих докладов и до русского читателя. Однако на этом пути ее часто ожидали цензурные рогатки.

Опубликованная в 1900 году брошюра о положении мусульманки вызвала резкое неприятие и критику со стороны миссионеров, которые обвинили автора в противопоставлении ислама православию. Видимо, в ответ на подобные обвинения О.С.Лебедева вновь и вновь поднимала тему положения мусульманки на конгрессах в Гамбурге (1902) и Алжире (1905). Эти ее выступления издавались на разных языках вместе с другими материалами конгрессов. В 1905 году в переводе Амины-ханум Батыршиной с французского языка на русский выступление Лебедевой в Алжире на XIV конгрессе под названием «Свобода мусульманки» опубликовала бакинская газета «Каспий».

О.С.Лебедева утверждала, что собственно ислам не препятствует просвещению и равноправию женщин. Она приводила ряд примеров из ранней арабской истории, когда образованные и умные женщины играли видную роль в государственной и общественной жизни. Но затем, по мнению автора, неправильное толкование ислама привело постепенно к полному порабощению женщин.

В последнее время, по ее словам, стали и у мусульман (особенно на территориях, находящихся в ведении Франции) появляться деятельные женщины, начали издаваться газеты и журналы, которые стремятся «разбудить женщин, уничтожить дурные обычаи и восстановить былое положение мусульманок».

Успехи этого дела О.С.Лебедева связывала с успехами просвещения: «Невозможность существования цивилизованного общества без просвещенных, образованных женщин является истиной, против которой никто не будет возражать». Она подчеркивала также неразрывную связь между свободой мусульманки и культурным возрождением Востока и утверждала, что положение и условия жизни женщины в христианском мире не намного отличаются от исламского мира.

Много внимания женскому вопросу уделяла и издававшаяся с 1883 года в Бахчисарае (Крым) газета «Тарджиман» (Переводчик). Просветительские идеи, пропагандируемые в газете, в сравнительно короткий срок начали завоевывать умы, а проблемы женского образования рассматривались в ней как часть общего просвещения народа. «Газета издавалась один-два раза в неделю в небольшом формате и в небольшом количестве экземпляров, но действие, производимое этим маленьким листком, было в тысячу раз важнее русского «Нового Времени» или какого-нибудь английского гиганта вроде «Таймса», — подчеркивал литературовед Дж.Валиди в работе «Очерк истории образованности и литературы волжских татар (до революции 1917 г.)», опубликованной в 1923 году.

Все хорошо знают, что редактором-издателем газеты был известный просветитель Исмагил Гаспринский (1851–1914). Но мало кому ведомо, что с самого начала рядом с ним рука об руку в газете работала его жена и помощница Зухра-ханум. И будет только справедливо, если здесь займет место рассказ об этой незаурядной женщине.

Представительница известного рода татарских промышленников Зухра Асфан-

дияровна Акчурина родилась в 1862 году в деревне Старое Тимошкино (татарское название Зиябаши) Симбирской губернии. Детство и юность любимой дочери Фатимы и Асфандияра Акчуриных были счастливыми, беззаботными. Они жили то в фамильном селе клана Акчуриных Старом Тимошкине, то в имении Коромыслово, купленном еще Курамшой Акчуриным и полученном Асфандияром по наследству, то в губернском городе Симбирске, где почти у каждой из многочисленных ветвей Акчуриных были свои дома. Родители в ней души не чаяли, холили и лелеяли ее. Да и девочка росла смышленной, любознательной. Она получила хорошее по тем временам домашнее татарско-мусульманское образование и воспитание.

Но этого обучения любящим родителям показалось мало. Они решили воспользоваться примером дворян, приглашавших гувернанток к своим детям. Для занятий с Зухрой была приглашена специальная гувернантка, русская по национальности. Гувернантка занималась с ней русским языком, музыкой, знакомила с русской литературой. «Хотя гувернантка и не обладала большими знаниями, уже то, что она пришла из другого мира, из русской жизни, была хоть немного знакома с расцветающей литературой России, дало хорошую пищу для фантазий маленькой Зухры, способствовало расширению ее кругозора, ее мышления», — отмечал Гаяз Исхаки в статье «Исмагил бек, Зухра ханум Гаспринские», опубликованной в газете «Ил» (Страна) в 1914 году.

«Уже в детстве стало чувствоваться отличие Зухры от детей в ее окружении, от родственников и сверстников, — подчеркивал он. — С одной стороны, она красива, с другой — проворна, с третьей — отличалась особенным, присущим именно ей, складом ума. Кроме того, она любила аккуратность, обожала все красивое; любила красиво, со вкусом одеваться и соответственно вести себя. В ее уме были какие-то, не присущие большинству людей, особенности. Она была красноречива и находчива; рассказывая смешные истории, могла заставить сверстников и друзей смеяться до колик. Сама при этом не теряла серьезности. Чувствовалось при этом верховенство ее ума, ее желание расти вне ограничения известными рамками, характерными для окружающих: видно было, что душа ее витает в каких-то неведомых, немислимых даялах», — характеризовал девушку со слов лиц из близкого ей окружения Г.Исхаки.

Столкновения с действительностью, существование не только в узком кругу домашних, близких и дальних родственников, свойственников, кумушек и т.д., как это было принято в то время для женской половины татар даже привилегированных слоев, но и знакомство с малоизвестным ее окружению русским миром, общение с представителями знатных фамилий Симбирской губернии (как татарских, так и русских) — своего рода элитарным кругом симбирского общества, — все это способствовало развитию ее неординарного ума. Наблюдательность, склонность к размышлениям, характерные для нее с детства, развивали в ней критическое отношение к окружающему ее миру, к его порядкам. Она зачитывалась прогрессивной русской литературой, пропагандировавшей просветительские идеи долга перед народом, служения народу. Не нужно забывать также, что взросление девушки пришлось на эпоху, когда народнические идеи завоевывали умы значительной части молодежи.

Взрослея, Зухра все больше привлекала внимание окружающих не только своей красотой, стройностью стана, сиянием больших лучистых глаз, приветливостью взгляда, серьезностью и ласковостью одновременно, но и своей образованностью, смелостью речей, критическим умом. Имя ее как нельзя лучше подходило ей и звучало весьма символично — Зухра (так татары называют утреннюю звезду,

планету Венера). А друзья и родственники часто называли ее по-русски — Заря, Зоренька. В каком бы обществе она ни появлялась — будь то торжества в семьях их русских знакомых и друзей, городские балы или путешествия на пароходе, она оказывалась в центре внимания.

Молодые русские мужчины, выделяя ее среди других женщин, наперегонки стремились познакомиться с ней, источали ей комплименты, начинали объясняться в любви или по меньшей мере издалека не сводили с нее глаз.

Такое положение не на шутку тревожило родителей. После одной из поездок на пароходе, когда в течение дня Зухре объяснились в любви несколько русских, доведя тем самым ее маму и тетю до панического состояния, пребыванию Зухры в русском обществе был положен предел. «Но, тем не менее, ее не заперли в четырех стенах, как казанских девушек, ее личная свобода не была ограничена. Она продолжала жить по порядкам, принятым в ее окружении», — указывал Г.Исхаки.

«То, что она по красоте своей была ярче окружающих, по разуму была выше всех, вызывало по отношению к Зухре-ханум и опасения, и подозрения, которые могут быть объяснены завистью-сожалениями окружающих. Женщины испытывали к ней чувство ревности, завидовали ей из-за ее красоты и изящества. Мужчины, хотя и восхищались ее красотой и стройностью, пугались проворства и остроты ее ума, боялись ее возможного превосходства над ними, — подчеркивал писатель. — Она и сама начала чувствовать свою отчужденность в этой среде. Она начала ощущать, что это узкое существование тесно для ее проворных крыльев, приготовившихся лететь в неведомые дали, начала чувствовать, что ей не хватает воздуха».

Именно в это время она лишилась любимой матери. Смерть Фатимы-ханум, а затем и повторную женитьбу отца Зухра перенесла очень тяжело. Она замкнулась в себе, стала болезненной, что не на шутку встревожило отца и других родственников.

Когда в 1880 году брат отца Ибрагим Курамшевич Акчури (1859 — начало 30-х гг. XX в.), после успешного окончания Симбирского кадетского корпуса занявшийся традиционным для династии предпринимательством (впоследствии он прославится и как один из образованнейших татар), решил поехать в Крым на лечение, отец Зухры попросил его взять с собой и свою дочь.

Оказавшись в Крыму, Акчурины решили нанести визит молодому городскому голове города Бахчисарай Исмаилу Гаспринскому (1851–1914), который только что выпустил в свет небольшую брошюру «Русское мусульманство».

Ибрагима и Зухру, познакомившихся с содержанием этой работы, изумили взгляды автора на будущее мусульман России: он считал, что для здоровья, прогресса российских мусульман им необходимо принять на вооружение русскую и европейскую культуру. Это было настолько схоже с их собственными представлениями, только выражено более четко и ясно, что Акчурины решили лично познакомиться с автором, выразить ему свою благодарность, найти у него ответы на занимавшие их вопросы.

Так произошло знакомство Исмаил-бека и Зухры-туташ. Как отмечал Г.Исхаки, И.Гаспринский, вспоминая об их первой встрече, говорил друзьям: «Ощущение было такое, как будто всего меня ошпарили кипятком». Видимо, и И.Гаспринский оставил у Зухры-туташ неизгладимое впечатление. Но, хотя они встречались еще несколько раз, делились мыслями о судьбе российских мусульман, возможно, и планами на будущее, о личных чувствах между вдовцом 29 лет и восемнадцатилетней девушкой не было сказано ни слова.

Вернувшись домой, в Коромысловку, после долгих раздумий Зухра-туташ ре-

шила писать письмо Исмагил-беку (воспитанная и образованная девушка первой пишет письмо мужчине — для того времени это было из ряда вон выходящее событие!) и получила ответ. Так между ними завязалась переписка, в которой они обсуждали многие интересовавшие их вопросы, в частности идею выпуска газеты на тюрко-татарском языке, которой горел в то время молодой и энергичный городской голова.

И. Гаспринский наверняка послал Зухре-тутах и обращение к тюрко-мусульманской общественности, опубликованное им в 1881 году. В поисках своих будущих подписчиков, а возможно, и благотворителей молодой просветитель разъяснял в нем: «Известно, что учение и знание составляют символ исламизма; но это может осуществиться тогда, когда народ на своем языке имеет книги, школы, науку, литературу и типографии...». Он доказывал безотлагательную необходимость создания типографий, что даст возможность издавать всевозможную печатную продукцию, так необходимую для прогресса нации. «Миллионам русских мусульман как бы обязательно необходимо создать на родном языке книги, литературу и печать вообще», — подчеркивал он.

Эти и подобные этим мысли находили живой отклик в душе начитанной и впечатлительной девушки. Исмагил-бек, по-видимому, задумал начать просветительскую деятельность с создания собственной типографии, что дало бы и возможность зарабатывать деньги для издания газеты. В своих письмах он подробно рассказывал Зухре-тутах о предпринимаемых им шагах, о трудностях, встречающихся на каждом шагу, о волоките в чиновничьих кабинетах... Девушка же всемерно поддерживала в нем веру в правоту начатого им дела, примерами из истории и литературы укрепляла его решимость в достижении поставленной цели. Так, через письма, произошло сближение двух сердец, двух душ. И они решили объединить свои судьбы.

Во время встречи в 1881 году на Макарьевской ярмарке И. Гаспринский сообщил Ибрагиму Акчуруну о своем желании жениться на его племяннице и попытался уговорить его стать посредником между ним и отцом Зухры-тутах. Но не сумев склонить его на свою сторону и, несмотря на предупреждения, решил сам поехать в Коромысловку просить руки девушки.

Остановившись в соседней русской деревне, И. Гаспринский письмом сообщил Зухре о своем приезде. Произошло тайное свидание в саду Акчуриных, объяснения в любви, клятвы... Наутро состоялась встреча Исмагил-бека с отцом невесты. Однако Асфандияр-эфенди воспринял его предложение как унижение для своей фамилии: не фабрикант, не миллионер, а какой-то пришлый незнакомец в высокой шапке, называющий себя писателем, недостойн его любимой красавицы дочери! Мало того — невиданное дело! — он утверждает, что девушка согласна! И отец с негодованием прогнал незваного жениха.

Но молодые были упорны в своем стремлении быть вместе. Вечером в саду у дома, при лунном свете, в присутствии двух свидетелей, приведенных И. Гаспринским, и служанки Зухры-тутах, было заключено тайное соглашение о браке («алдым — бирдем»), которое Исмагил-бек и предъявил отцу невесты на другой день.

Гнев Асфандияра Курамшевича был неописуем: он даже остановил работу на фабрике и приказал рабочим расправиться с новоявленным зятем. И. Гаспринского спас лишь надетый им для пушей важности мундир городского головы, расшитый золотом: рабочие, окружившие его в саду, не осмелились поднять руку на человека в таком мундире.

Не добившись признания брачного договора у родственников, И.Гаспринский отправился в Уфу искать управу на Акчуриных у муфтия: соглашение, заключенное при свидетелях и подписанное ими, по мусульманским законам должно было считаться действительным.

Муфтий С.Тевкелев, ознакомившись с бумагами, признал их законность, о чем и дал Исмагил-беку соответствующий документ, признававший брак действительным. Он также написал письмо наиболее авторитетному представителю рода Тимербулату Курамшевичу, порекомендовав завершить дело с миром.

И.Гаспринский, вернувшись в село, попросил посреднической помощи у бывшего в селе судебного следователя, чье появление вызвало переполох в доме Асфандияра Акчурина. В конце концов была сыграна скромная свадьба, молодые соединились. Но сколько пришлось приложить сил и энергии для преодоления сопротивления Акчуриных!

Статья Гаяза Исхаки, описывавшая эти события со слов, по выражению писателя, «весьма осведомленных и близких к Гаспринским лиц» и опубликованная после смерти И.Гаспринского, вызвала недовольство Акчуриных, вступившихся, как им, вероятно, казалось, в защиту чести и достоинства семьи (хотя, на мой взгляд, Г.Исхаки весьма уважительно написал о Зухре-ханум и дал высокую оценку ее роли в жизни просветителя). Появились ответные статьи Ибрагима и Махбубджамал Акчуриных, обвинившие Г.Исхаки в тенденциозности, в искаженном изображении взаимоотношений между Акчуриными и Гаспринскими. Безусловно, история с женитьбой в какой-то степени наложила негативный отпечаток на отношения между семьями, особенно в первое время, но впоследствии они постепенно сгладились, что подтверждается фактами, приведенными Наилем Таировым, исследователем истории рода Акчуриных, в его книге.

И в работе известного просветителя Р.Фахретдинова «Знаменитые женщины» нашлось место для рассказа о Зухре-ханум, жемчужине среди татарских женщин. Он так оценил описанное выше событие: «Стать спутницей жизни человека, у которого в действительности не было богатства, имущества кроме его пера, — свидетельство преданности просветительским идеям. По рассказам, это ее желание было так сильно, что она, несмотря на сопротивление отца и других родственников, оставила свою родину — Симбирскую губернию и уехала в Крым, в Бахчисарай».

Итак, общность идеалов, надежды на будущее помогли Исмагил-беку и Зухре-ханум преодолеть все рогатки и начать совместную жизнь, полную великих планов и не менее великих свершений. В 1883 году И.Гаспринский наконец-то добился разрешения правительства на издание газеты на русском и татарском языках. Зухра-ханум полностью поддерживала начинания своего мужа не только морально, но и материально, отдав на издание газеты и свое небольшое приданое, и даже свои украшения. Когда в апреле 1883 года ценой многих стараний и отчаянных усилий, сложной дипломатической борьбы, требовавшей и мужества, и смирения, и компромиссов, появилась газета «Тарджиман», ее редактору и издателю было 32 года, а его жене и «правой руке» — 21 год. Все еще у них было впереди: и трудности различного характера, связанные с выпуском газеты, и создание круга читателей и последователей, и признание, и слава... И всюду рядом с мужем была Зухра-ханум.

«Отдав бывшие у нее немногие драгоценности (алмазы и золото) на подготовку издания газеты, добавила силы для продолжения дела. В течение пяти-шести лет одна занималась всеми письменными делами газеты, в частности проблемами подписки на «Тарджиман», получением и рассылкой разных бумаг, вела

приходную книгу, — охарактеризовал ее деятельность в «Тарджимане» Р.Фахретдинов. — Если бы нужно было поручить все эти дела оплачиваемому сотруднику, обеднел бы сундук газеты и ее издание не могло бы быть продолжено. Ясно, что благодаря ее участию, ее стараниям «Тарджиман», не угасая, продолжал распространяться среди малоинформированного о мировых событиях, очень слабо знакомого с издательским миром народа, такого, как мусульмане России».

И на самом деле газета начала издаваться в период, когда в тюрко-мусульманском мире нужно было внедрить в сознание и закрепить в умах единоверцев даже самую идею необходимости создания органа печати. Требовалась кропотливая просветительская работа. Как отмечает современный исследователь жизни и творчества И.Гаспринского В.Ю.Ганкевич, «о том, каким тяжелым периодом были первые годы становления газеты «Тарджиман», свидетельствуют многочисленные публикации, в которых И.Гаспринский просил о подписке и распространении своего издания».

Даже через несколько лет в интервью С.Филиппову просветитель признавался, что ему трудно не только в материальном смысле, но и «в силу тех условий, в которых стоит моя газета в нашей мусульманской массе».

Очень интересное описание начала их деятельности по изданию газеты дал Г.Исхаки. «Когда начали выпускать «Терджиман», Исмагил-бек вместе с Зухрой-ханум по очереди крутили вручную допотопную печатную машину. Напечатав, сами складывали (фальцевали) газету, сами надписывали адреса, наклеивали марки, относили на почту. Отправив номер адресатам, два друга-единомышленника начинали готовить материалы для будущего номера. Исмагил-бек писал, Зухра-ханум правила текст, стараясь сделать его более понятным, добавляла слова, исправляла, переводила на татарский язык...». Здесь, видимо, нужно добавить, что Исмагил-бек писал, как правило, по-русски, а Зухра-ханум, лучше мужа владевшая поволжским тюрки, переводила текст. Естественно, создававшаяся в таких условиях мужем и женой газета была небольшого формата; русский текст располагался на одной странице, а тюрко-татарский — на другой странице газетного листа.

Просветительские идеи, пропагандируемые в газете, в сравнительно короткий срок начали завоевывать умы. Росло и число подписчиков. В.Ю.Ганкевич указывает в биографическом очерке о И.Гаспринском, что если к концу первого года было 320 подписчиков, то в 1884 году их стало 406, а в 1885 году число подписчиков выросло до 1000. Эти цифры являются лучшим доказательством роста популярности газеты и вместе с тем авторитета ее редакции и влияния просветительских идей, распространяемых через газету.

Но не успели Гаспринские порадоваться росту числа подписчиков, как их настигла очередная беда, — 9 июля 1885 года случился большой пожар, в котором сгорела дотла их типография. Газета временно перестала выходить.

Приложив все силы, всю энергию, в короткий срок Гаспринские сумели построить новое здание для типографии, закупить новое оборудование и уже с 16 сентября начать выпуск обновленной газеты.

В связи с этим редакция писала: «Газета «Переводчик» с 16 сентября возобновилась и издается в Бахчисарае два раза в неделю вместо одного. Заключая в своей программе отделы официальный, политический, литературный, смеси и сообщая своим читателям в доступной форме сведения из текущей мировой жизни, «Переводчик» ставит своей главной задачей посильное содействие прогрессу идей среди русских мусульман и сближению их с отечеством. Вместе с тем редакция заботится сделать газету интересной для лиц, интересующихся Востоком

вообще... Редакция просит просвещенных мусульман и всех сочувствующих прогрессу не оставить «Переводчик» без участия и способствовать распространению его в районе своего жительства, имея в виду, что газета может расти по форме и содержанию лишь при сочувствии и поддержке общества».

Конечно, еще долгое время газета была «инородным телом», «диковиной» в мусульманском обществе России. Многие годы она была убыточным предприятием, и только в начале XX века начала себя окупать. Хотя и тогда она денежного дохода не приносила, факт окупаемости газеты говорит о том, что примерно за двадцать лет Гаспринские воспитали своего постоянного читателя. Без сомнения, в этом была заслуга не только Исмагил-бека, но и Зухры-ханум. Они вместе, рука об руку неустанно и самоотверженно трудились для того, чтобы распространение просвещения стало процессом необратимым.

И Р.Фахретдинов, и Г.Исхаки очень высоко оценивали роль Зухры-ханум в становлении И.Гаспринского как просветителя. «Зухра-ханум в ту пору была самой большой опорой Исмагил-бека, — подчеркивал Г.Исхаки. — Для него, ринувшегося на общественную арену с возгласом: «Моя нация!» в то время, когда весь тюрко-татарский мир был покрыт темным покрывалом невежества, жена была человеком, благодаря поддержке которого он не свернул с намеченного пути, остался верным своим идеалам в окружении множества врагов. Они вместе одолели и голод, и холод. Она всегда находила тепло сердца для того, чтобы согреть оледеневшую на улице душу Исмагил-бека, давала надежду и силу, когда Исмагил-бек, устав от одиночества, нужды и бедности, готов был уступить безнадежности».

И в дальнейшем Зухра-ханум активно участвовала в повседневных бесконечных делах по подготовке газеты к выпуску, вела переписку с читателями, которая увеличивалась от номера к номеру, готовила материалы к печати, особенно приходившие с ее родины, исполняла обязанности редактора и издателя во время многочисленных поездок мужа... «Зухра-ханум — первый работник в издании газеты... Так как она лучше Исмагил-бека знала поволжско-уральский тюркский диалект, Зухра-ханум была главным посредником в сношениях с этим регионом, писала важные труды... Хотя ее имя редко появлялось в печати, всем было известно о ее великих стараниях на просветительском пути», — подчеркивал Р.Фахретдинов. Как отмечает современный исследователь Н.Таиров, «всю эту колоссальную работу мог выполнять только высокообразованный, высоконравственный, готовый к самопожертвованию человек; этим требованиям и отвечала Зухра».

Не нужно забывать, что при этом Зухра-ханум была любящей и заботливой женой и матерью. У Гаспринских было пятеро детей — дочери Шафика и Нигяр и сыновья Рефат, Айдар и Мансур. Это была дружная, большая семья. Двери их просторного дома, расположенного в самом центре Бахчисарая, были открыты для всех: и для родственников, и друзей, и для единомышленников, и зачастивших в Крым представителей разных тюркоязычных народов, которые хотели своими глазами увидеть издание газеты, будоражившей их мысли, рассеять свои сомнения, услышать от его редактора и издателя ответы на встававшие перед ними вопросы.

Приучая мусульманское общество к газете, Гаспринские за основу взяли постепенность. Сначала газета ограничивалась лишь констатацией «голых» фактов или подачей простых сведений о тех или иных событиях. Например, в номере газеты от 1 ноября 1885 года в сообщении «Новый мектеб» говорилось о том, что школа эта в Бахчисарае открылась в 1883 году при девяти учениках; теперь число учеников достигло 50. В программу обучения входят «чтение по-арабски

и по-турецки, турецкое письмо, мусульманский закон, чистописание, скоропись и начальная арифметика. В два года ученики легко приобретают эти знания».

Особое место на страницах газеты занимали проблемы женского образования, которые рассматривались Гаспринскими как часть общего просвещения народа. В многочисленных статьях газета пыталась убеждать читателей, что обучение обязательно для женщин и мужчин, что одна грамотная девушка принесет обществу больше пользы, чем несколько юношей, ибо она, став матерью, сможет правильно воспитывать и обучать своих детей. Гаяз Исхаки указывал, что в обращении Исмагил-бека к женскому вопросу, несомненно, была заметна роль его жены, единomyшленницы, друга Зухры-ханум. Безусловно, она стала для мужа примером того, как образование может раскрыть возможности и способности женщины; своим трудом она доказала, что образованная женщина может не хуже мужчин справляться с любым делом.

Впервые вопрос о необходимости обучения девочек был затронут в газете в подвальных очерках под общим названием «Плоды времени», имевших подзаголовки «Оригинальные очерки из жизни мусульман с романической фабулой». Автором этих очерков, дававшихся почти в каждом номере за 1885 год, указан М.Искандеров. В нескольких номерах за октябрь-ноябрь под этим названием помещен большой рассказ из жизни рода татарских промышленников Джанмамаевых, весьма напоминающий историю рода Акчуриных, а главной героиней очерков является молодая девушка, очень похожая на Зухру-гуташ.

Повествование ведется от лица адвоката, оказавшегося в гостях у Джанмамаевых во время их праздничного съезда в фамильной деревне «Каратав в С-ской губернии, где каждый из Джанмамаевых имел родовую усадьбу и где на общем кладбище покоятся родоначальники этой фамилии». Рассказав, что «каждая семья содержит муллу и русского учителя для обучения своих детей грамоте», тратя ежегодно несколько тысяч рублей, но не получая при этом хороших результатов, автор устами адвоката изложил свое видение «нормальной школы», постановки обучения.

«Вы, конечно, убеждены, что каждый мусульманин и мусульманка должны знать свою религию и грамоту. Вы, конечно, понимаете, что живя, торгуя в России, где законы пишутся и суд творится по-русски, необходимо знать русский язык, хоть ради собственной защиты и благополучия. И наконец, вы, несомненно, знаете, что чем больше сведений имеет человек, тем более он понимает и лучше судит и лучше устраивает жизнь, — убеждал адвокат своих слушателей. — Вы не раз, вероятно, слышали, господа, что вера наша обязывает учиться наукам и мусульманина, и мусульманку. Они обязаны знать религию, повеления Аллаха и затем, сообразно полу и жизни, приобретать иные сведения. Так, когда мальчик обучается, например, бухгалтерии, механике, технике, девушка должна изучать домашнее хозяйство, кройку, шитье, рукоделие и прочее».

Таким образом, заставляя своих читателей поверить в то, что они и сами хорошо знают: насколько правы сторонники хорошего образования, автор указывал и пути достижения этого. Обращаясь к Джанмамаевым, адвокат объяснял: «Ничего не стоит открыть на общие готовые средства (которые тратит каждая семья. — А.М.) фамильный пансион для мальчиков и даже особо для девушек... Дети ваши выучились бы как следует своему и русскому языку, религии и другим наукам, кои можно бы преподавать на том же языке».

В статье «Женщины Востока и Запада», опубликованной в № 26 газеты за 1889 год, сравнивая положение женщины в семье и обществе в странах Запада и мусуль-

манского Востока, И. Гаспринский убедительно показывал разницу в этом положении в разных странах, различных цивилизациях. Он подчеркивал, что, тогда как женщины западных стран активно участвуют во многих областях общественной жизни, науки и искусства, восточные женщины (имеются в виду мусульманки) лишены элементарного образования. В статье «Нужно ли учить женщину?» просветитель настоятельно требовал перестать унижать женщину поговорками типа «Волос у женщины длинен, а ум короток» и учить девочек наравне с мальчиками. Он предлагал брать пример с японцев, которые в каждой деревне имеют начальную школу и стремятся охватить обучением всех детей — и мальчиков, и девочек.

Мысли о необходимости просвещения и воспитания женщины-мусульманки И. Гаспринский излагал не только в статьях, но и в литературных и публицистических произведениях. В 1903 году он опубликовал работу «Кадынлар (Женщины)», как бы ставшую итогом его размышлений по женскому вопросу. «Половина населения каждой страны, каждой губернии, каждого города и каждой деревни — женщины. Теперь предположим, что женщины какой-то нации полностью невежественны. Это же значит, что половина этой нации невежественна. Да, если половину населения мира или половину нации составляют женщины, нужно признать, что их роль в обществе и в жизни какого-либо отдельного народа невероятно велика», — отмечал он. Так И. Гаспринский, обратив внимание читателя на то, что на земле сколько мужчин, столько и женщин, заявил, что пора наконец уделить внимание и этой половине населения земного шара; что следует заняться проблемами их развития, воспитания, труда, в целом их жизни.

Супружество, материнство, воспитание детей — вот те функции женщины, которые, по мнению автора, определяют исключительную важность ее роли и места в обществе. «Уважаемые женщины! Не ошибайтесь, говоря: «Мы — женщины», «Какой толк от женщин?», не употребляйте вовсе таких фраз. Это неверно. Вы должны хорошо усвоить, что составляете половину человечества и в некоторых случаях стоите даже выше мужчин. Запомните это! — обращался к женщинам И. Гаспринский. — Во-первых, вы производите на свет детей, дарите человеку жизнь, вскармливаете ребенка своим материнским молоком. Во-вторых, учите ребенка первым звукам, первым словам родного языка. В то же время вы даёте ему воспитание, учите его отличать хорошее от плохого. У вас он учится понимать сложности жизни и разноцветье человеческого сообщества. Вы учите его быть честным, справедливым, трудолюбивым, и с этими знаниями он вступает в жизнь. Разве может человечество забыть все это? Женщина — это великая сила. Женщина — основа государства».

Чтобы девочка стала хорошей женой и хорошей матерью, отмечал он, ее нужно готовить с детства. Просветитель подчеркивал: «Для каждого дома женщина нужна как воздух. Для самой женщины столь же нужны науки и знания». Он указывал, что если женщина займет достойное положение в обществе, то это будет способствовать прогрессу общества. В обществе же, где женщина лишена прав, не может быть и развития. Отсюда следует необходимость повышения общей культуры, воспитания в обществе уважительного отношения к женщине.

Просветитель поместил в своей работе и специальный раздел о великих женщинах, где приводил примеры из мировой истории и описывал факты, когда женщины участвовали в общественно-политической жизни, управляли государством. Он выделял имена Клеопатры, Елизаветы Тюдор, королевы Виктории, императрицы Екатерины II, обращал внимание на то, что были среди женщин поэты, писатели, ученые...

Возможно, сейчас многим из нас покажется несколько смешным и наивным с такой страстностью, как это делали просветители рубежа XIX—XX веков, писать о необходимости обучения и воспитания женщины, о том, что она такой же человек, как мужчина, и имеет равные с ним права на образование, на общественную деятельность, что она должна читать, а что — нет... Но тогда такие слова для одних звучали как откровение, а другими воспринимались как потрясение основ общества...

Весной 1893 года исполнилось десять лет со дня выхода первого номера газеты. Отметить этот юбилей к Гаспринским приехали единомышленники и почитатели из разных уголков России. Гаспринских засыпали поздравлениями, цветами, подарками. Не забыли и о деятельности Зухры-ханум. Особенно теплые, проникновенные слова о ней были произнесены другом и соратником И. Гаспринского городским головой Бахчисарая Мустафой Давидовичем, который был хорошо осведомлен о роли Зухры-ханум в издании газеты. После многочисленных хвалебных слов в ее адрес он назвал Зухру-ханум первой журналисткой среди мусульманок России. Затем от имени крымских тюрок ей на грудь прикололи золотую брошь.

Зухра-ханум не была бы собой, если бы успокоилась на достигнутом. Как только газета встала на ноги, появились сотрудники, могущие заменить ее (в частности, в газете работали и ее родные братья). Она, передав помощникам часть обязанностей по газете, занялась новым для нее делом — созданием образцовой школы для девочек.

В 1893 году Гаспринская создала на свои средства первую джадидскую начальную женскую школу для девочек в Бахчисарае, взяв за образец начальную школу для мальчиков, действовавшую при медресе Зинджирли в Бахчисарае с 1883 года, и руководила ею в течение десяти лет, до самой своей кончины.

Прошли годы. Вот уже Исмагил Гаспринский — признанный во всем мусульманском мире национальный лидер тюрок, «отец нации». Совместное детище Гаспринских «Тарджиман» приобрело широкий круг читателей, идеи просветителя нашли своих почитателей и последователей. Подрастали дети. Казалось бы, жизнь улыбается супругам. У Зухры-ханум появилась возможность передышки. Но судьба приготовила им новый удар — Зухра-ханум заболела тифом. Ослабленный многолетним интенсивным трудом организм не выдержал. Она умерла 13 апреля 1902 года на сорок первом году жизни.

Так завершился жизненный путь жены, друга, единомышленника и ближайшей помощницы редактора-издателя первой тюрко-татарской газеты «Тарджиман» Исмагила Гаспринского, первой журналистки среди татарок, одной из первых татарок, получивших домашнее татарско-мусульманское и русско-европейское светское образование, Зухры Асфандияровны Акчуриной-Гаспринской, женщины, которая с полным правом может быть названа предвестницей выхода татарок на общественную арену.

Р. Фахретдинов отметил, что после смерти Зухры-ханум на имя И. Гаспринского пришло около трехсот писем и телеграмм-соболезнований со всех уголков России. Оценивая ее роль в истории, он подчеркнул: «Возьмите и прочитайте биографию любого великого человека. Всегда рядом с ним Вы увидите Женщину, готовившую дорогу к вершинам, наполнявшую его душу радостью и мужеством». Именно такой женщиной была и Зухра-ханум, которая «в самые тяжелые дни успокаивала мужа рассказами о том, что великие дела никогда не обходятся без трудностей, убеждала его в необходимости терпения ради достижения желаемого, поддерживала все его начинания».

Первые татарские поэтессы и писательницы

Свободу дали б нам — и все б иначе стало!

М.Музаффария

Просветительские идеи, завоевывавшие все большее число сторонников в татарском обществе, способствовали появлению среди писателей и поэтов, в конце XIX века дружно вступивших на литературное поприще, и авторов-женщин. Это прежде всего Галимателбанат Биктимирова, Ханифа Гисматуллина, Галима Рахматуллина, Хабира Насырия, Газиза Самитова... Особо следует подчеркнуть, что эти женщины в своих произведениях (будь то стихи или проза) не только оплакивали беспросветную жизнь женщины-мусульманки (конечно, у них встречались и подобные мотивы), но и искали пути выхода из такого положения.

Называя этих писательниц первыми ласточками, литературовед М.Гайнуллин указывал, что «объективно появление женщин-татарок среди авторов новой литературы само по себе было революционным явлением, показывающим расширение национально-освободительного движения».

В самом конце XIX века во все более увеличивавшемся потоке новой литературы появилась пока еще слабая, но вполне ощутимая струйка публикаций, авторами которых были женщины. Как отмечал Р.Фахретдинов в «Знаменитых женщинах», первой женщиной-татаркой, чей труд был опубликован отдельным изданием, была Ханифа Гисматуллина.

Она родилась в Сибири, в семье муллы и мударриса Гисматуллы ат-Тюмени, от отца получила очень хорошее богословское образование, была выдана замуж в деревню Старое Тимошкино (татарское название — Зиябаши, или Зия) Симбирской губернии.

Р.Фахретдинов указывал: «Ее знания освидетельствовали шейх Зайнулла ал-Халиди, ученый Галимджан Баруди и другие великие ученые. Оставшись вскоре после замужества вдовой, она всю жизнь посвятила обучению».

В конце XIX века Гисматуллина с помощью Акчуриных открыла в Зиябаши новометодную школу для девочек. Одновременно занималась и литературным трудом, опубликовав в 1895 году этико-дидактическое произведение «Убеждения людей истины», в 1897 году — сборник лирических стихотворений «Утешение». В последующие годы она опубликовала еще несколько книг: в 1898 году — «Возбуждение интереса», в 1900 году — «Россыпь вопросов».

Эти ее книги были посвящены проблемам воспитания и обучения детей и носили характер методического руководства для учительниц новометодных женских школ, которые только что начали появляться. Х.Гисматуллина в своих книгах предлагала использовать и при обучении девочек новые порядки, вводимые джадидистами в обучение мальчиков: звуковой метод обучения грамоте, обучение родному языку, началам арифметики и географии, распределение учащихся не по изучаемым книгам, а по классам и т.д. Она предлагала также приучать девочек к чистоплотности, знакомить их с навыками, необходимыми для ведения домашнего хозяйства, подчеркивала необходимость бережного и ласкового обращения с ученицами. Обращаясь к взрослым женщинам, она советовала не бояться публиковать свои произведения, ибо «печать служит прогрессу всех народов, является посредницей передачи наших мыслей друг другу».

Примерно в эти же годы начала публиковать свои произведения и другая учительница — Галимателбанат Биктимирова (1876–1906), также дочь муллы, получившая первоначальное образование у своего отца, муллы деревни Кышлау Царевококшайского уезда Казанской губернии.

Лутфулла-хазрат, решивший подготовить своих дочерей к учительской деятельности, составил для них специальный учебный план, программы и пособия, создав, таким образом, первую частную женскую учительскую семинарию. Девушки под его руководством изучали арабский, персидский и русский языки, занимались арифметикой, историей и географией, педагогикой и методикой. Все его дочери стали учительницами, удивлявшими многих своими познаниями.

Выйдя в 1895 году замуж за муллу и мударриса Мухаммедгарифа Биктимирова, Галимателбанат переехала в деревню Яубаш Касимовского уезда, где открыла женскую новометодную школу.

Р.Фахретдинов писал о ней: «Будучи женщиной ученой и добродетельной, она провела жизнь обучая и воспитывая детей, совершенствуя и развивая науку воспитания». Учительство она совмещала с литературным трудом. В своих произведениях просветительно-дидактического характера «Побуждение девушек к чтению», «Благородство опекунства» и других, опубликованных на рубеже веков, она доказывала необходимость распространения знаний и просвещения как среди мужчин, так и женщин.

В предисловии к книге «Этика сосуществования» (1897) Г.Биктимирова писала: «Мои мысли лишь о распространении знаний и просвещения среди наших соплеменниц — женщин и превращении их в обладательниц информации. Ибо женщины составляют половину населения мира. Счастье и благополучие семьи тесно зависят от ума и знаний женщин. Они растят воспитанных детей, и в мире появляются великие личности. Если женщина получит образование... и будет хорошо осознавать, в чем состоит ее труд, если она прекрасно воспитает детей, будет лад и счастье в семье». В этой работе она также стремилась показать, как не допустить трений в семье между мужем и женой, свекровью и невесткой, мачехой и пасынками и т.д.

Зухра и Исмагил Гаспринские, пристально следившие за новинками татарской литературы и регулярно знакомившие с ними читателей, в своей газете «Тарджи-ман» от 26 мая 1897 года отмечали: «Госпожа Биктимирова жалуется на окутавшее всех нас невежество, и в особенности на жалкое положение обучения девочек. Она говорит о необходимости обучать девочек чтению, письму, арифметике, полезным сведениям, рукоделиям и арабской литературе, не ограничиваясь лишь механическим чтением Корана. Она указывает, что по мусульманскому закону «знания одинаково обязательны для мужчин и женщин» и что девочки, имеющие быть в будущем матерями и хозяйками, должны по природе своей явиться воспитательницами детей и распорядительницами в экономической жизни семьи. А для сего нужны знания и подготовка».

Ее работы показывают, что писательница прекрасно владела арабским и персидским языками, была хорошо знакома с восточной литературой. В произведениях Г.Биктимировой татарская общественность увидела залог прогрессивных изменений в жизни татарских женщин. Во вступительном слове к ее книге, которое написал Р.Фахретдинов, отмечалось: «Уважаемая Галимателбанат-ханум, являясь матерью и ведя дом, учительствует в женской школе, воспитывает большую группу девушек. Для определения глубины ее мыслей достаточно прочитать несколько слов из ее предисловия к брошюре. Эти слова дороже миллионов всяких красноречивых выражений».

Ответом на сожаление Г. Биктимировой, что «ее книга лишена изящных слов», звучит следующее высказывание просветителя: «Книгу, написанную на чистом родном языке, нельзя ругать только потому, что она лишена пышных, благозвучных и красноречивых слов. Миллионам наших женщин и детей необходимо изучение языка и правил поведения с помощью таких писательниц, как Вы. Книга, которую Вы пишете, должна быть понятной и полезной для них. Следовательно, «сила и мощь» научного трактата не должна заключаться в изложении трудными словами легких понятий, наоборот, они должны заключаться в умении легко объяснять трудные понятия».

В годы первой русской революции, которую писательница, как и остальные просветители, встретила с романтическими ожиданиями, она выступила с рядом публицистических статей. В них выразилась, говоря словами М. Гайнуллина, ее «вера в то, что революция уничтожит невежество, принесет возможность народу жить по своему усмотрению, писателям открыто высказывать свои мысли». Учительница и в этих своих статьях писала о необходимости обучения девочек, предлагала добиваться от государства организации двухгодичных школ для подготовки учительниц и излагала свое видение программы этих школ (в частности, она предлагала включить в их учебный план обучение родному и русскому языкам, а также началам арифметики, истории и географии, педагогики и методики). Однако Биктимировой не удалось увидеть претворение своей мечты в жизнь: в ноябре 1906 года она умерла при родах.

Женщины, движимые общим порывом к свободе, в начале XX века стали публиковать и работы научно-практического характера. Например, Хабира Насырия (1882–1912), племянница Каюма Насыри, опубликовала в 1902 году пособие для массового читателя «Словарь арабского, персидского и тюркского языков». В нем давались объяснения словам, вошедшим в складывавшийся в то время татарский литературный язык, то есть язык новой литературы. По всей видимости, в появлении этой работы есть доля знаменитого просветителя.

Были у нее и рассказы, преследовавшие цель исправления нравов, воспитания добродетельного человека. Вторая ее книга — сборник дидактических новелл и анекдотов под названием «Смешные истории, или Удивительно поучительные слова» — увидела свет в 1904 году. Так племянница продолжила дело, начатое известным татарским просветителем, и как бы выполнила его самое заветное желание, высказанное им в своей родословной в 1880 году, еще до рождения Хабиры, — чтобы среди родственников нашелся человек, способный своими произведениями просвещать народ.

Еще одна писательница рубежа веков — это Галима Рахматуллина. «Ее книги также имели некоторое значение в развитии татарской литературы... Суждения писательницы — в духе времени: по своему содержанию они глубоко созвучны просветительскому движению эпохи», — отмечал литературовед М. Гайнуллин. В «Памятке матерям», опубликованной в 1903 году, она писала о важности воспитания ребенка. В стихотворной форме автор доходчиво разъясняла читательницам, что большое влияние на ребенка оказывает окружающая среда, что деньги и чрезмерное баловство портят детей. В своих работах она критиковала недостатки современного ей воспитания, советовала женщинам почаще обращаться при воспитании к книгам, подчеркивала, что совместное чтение рассказов о правдивых и мужественных людях и беседа о прочитанном способствуют воспитанию детей и подrostков в нужном для родителей направлении.

В сборнике рассказов «Врата содружества», изданном в 1906 году, Г.Рахматуллина, продолжая традиции восточной классики, использовала форму сказки-поучения. Взяв отвлеченный сюжет и дав героям многозначительные имена Гакыл (Разум), Хакикат (Истина), Гаделетдин (Справедливость веры) и другие, автор эзоповскими приемами критиковала существующие порядки, призывала к разумным поступкам. В конце рассказа Г.Рахматуллина устами Гаделетдина высказала наивные, но прекрасные идеи о равенстве и дружбе между народами, о высокой ценности труда во имя общества: «Пусть дети Адама — народы — считают себя равными; пусть отдельный человек не считает себя выше других народностей и выше других племен, мужчин и женщин. Пусть живут они в довольстве и дружбе... Пусть не принимают во внимание различия рода и пола. Пусть видят в людях только прекрасные качества: их старательность, благие намерения, их труд на пользу народа...»

Хотя на рубеже XIX—XX веков женщины-татарки довольно активно начали публиковать свои произведения, среди них было немало таких, которые не решались открыто выступить в печати, как отмечал М.Гайнуллин, «довольствуясь лишь тем, что записывали свои переживания в дневник». В качестве примера он анализировал творчество поэтессы Газизы Самитовой (1862–1929). Уроженка Астраханской губернии, она рано научилась читать и писать, уже в подростковом возрасте начала вести дневник, отражая в нем свои настроения, переживания, часто принимавшие стихотворную форму.

Девушка Ташлыяр, где она росла, была многонациональной, и девушка рано овладела русским и калмыцким языками. Позднее она изучала арабский и персидский языки, познакомилась с классической поэзией Востока. Ранние стихи поэтессы, созданные в 1876–1882 годах, проникнуты высокими и чистыми чувствами, большими надеждами на светлую, счастливую жизнь.

Однако в 1882 году беззаботная пора ее жизни резко обрывается. Родители выдают Газизу замуж по традиции за не любимого ею человека. Основной темой ее стихов становится бесправие и обреченность татарских женщин.

Однако Газиза не опустила рук, не подчинилась судьбе. Она начала долгую и изнурительную борьбу против считавшихся священными обычаев, за свою свободу, требуя в письмах к отцу развода с ненавистным ей мужем.

Несмотря на то, что Газиза была уже матерью пятерых детей, в 1894 году ей удалось добиться развода. Наступила эпоха относительной личной свободы для поэтессы, что нашло отражение в ее творчестве.

Литературоведы считают 1894–1900 годы вершиной ее творчества. В ее стихах этих лет присутствует дух оптимизма, они разнообразны по тематике, богаты по содержанию. К этому же периоду относятся ее путевые заметки о путешествии по Волге, в которых имеются интересные заметки о посещении Великого Булгара с описанием памятников старины, не дошедших до наших дней.

Новая джадидистская литература требовала и нового читателя. И на рубеже столетий он появился. Сначала это были читатели (естественно, и читательницы) неискушенные, но уже начавшие через газету И.Гаспринского «Тарджиман» и арабо-турецкую литературу знакомиться с иной жизнью, новыми веяниями, которые приходили в противоречие с их наивными представлениями о мире, о других народах. Читательницами новой литературы чаще всего были дочери сельских мулл, городских и сельских торговцев и мелких чиновников, жадно прочитывавшие все, что попадало им в руки через братьев и других родственников.

В начале XX века стали появляться читатели и читательницы, уже начавшие осознавать общественные потребности и интересы, соответственно им искавшие и ценившие в литературе прежде всего нравственный, обучающий, воспитательный аспект, относившиеся к писателю как к учителю жизни, чуть ли не как к пророку. «Это было удивительное время — время, когда всякий захотел думать, читать и учиться, и когда каждый, у кого было что-нибудь за душой, хотел высказаться», — вспоминали современники атмосферу той эпохи. Они тогда не просто много читали, но и обязательно обменивались мнениями по поводу прочитанного, обсуждали, спорили яростно и подолгу о проблемах, поднимаемых авторами.

Так на рубеже XIX—XX веков стараниями новаторов в общество последовательно внедрялись свободололюбивые идеи, культ знания. «В сознании многих и многих был один властелин — культ знания, образования, по крайней мере элементарной грамотности, — отмечает М.А.Усманов в предисловии к книге «Гаспринский И. Россия и Восток». — Он, этот культ, восхвалялся в сотнях произведений художественной словесности молодых тюркоязычных литератур, в многочисленных народных песнях — творениях шакирдов, то есть учеников медресе. Высмеивалось все старое, закоренелое, «восточное»; воспевалось все новое, прогрессивное, «европейское». Так постепенно разрывались кольца замкнутости, изолированности; все смелее и смелее открывались окна и двери общительности, взаимопонимания, сотрудничества».

Эти явления стали особенно заметными в бурные революционные годы. Можно, пожалуй, сказать, что революция, «сама являющаяся актом величайшего культурного значения» (М.Горький), перевернула татарское общество, в корне изменила его менталитет. Как отмечал М.Усманов, «были расшатаны закоренелые преграды на пути самовыражения угнетенных народов империи». Появилась лелеянная в мечтах периодическая печать на родном языке. Росло книгопечатание. Возник татарский публичный театр. Как грибы после дождя, всюду, где жили татары, рождались всевозможные благотворительные общества, имевшие просветительскую направленность.

Но, конечно, самое мощное пропагандистское и агитационное орудие представляли газеты и журналы, издававшиеся в Петербурге и Казани, Уральске и Астрахани, Оренбурге, Уфе и Москве (всего в 1905–1907 годах выходило на татарском языке 22 газеты и 11 журналов). Подавляющее большинство этих изданий представляло новаторское направление, поставившее целью пробуждение татарского народа. На их страницах шли поиски путей выхода из застоя и духовного возрождения, восстановления (в некоторых случаях создания) различных институтов культуры и духовной жизни. В число обсуждаемых тем входил и вопрос о положении женщины, о ее просвещении.

Уже в годы революции 1905–1907 годов, когда татарская периодическая печать еще только «проклевывалась», был поставлен вопрос о создании специального печатного органа для женщин. В 1906 году в далеком Бахчисарае И.Гаспринский, претворяя в жизнь мечту своей покойной жены, Зухры-ханум, начал издавать специальный женский литературный журнал «Галыме нисван (Мир женщин)», где ведущую роль заняла их старшая дочь Шафика.

Редакция газеты «Фикер» (Мысль), выпускавшейся в Уральске в 1905–1907 годах, также предприняла некоторые практические шаги, собираясь создать женскую газету под названием «Иптэш» (Товарищ). В ряде номеров газеты «Фикер» за 1906 год даже появилось объявление следующего содержания: «Редакция решила

создать специальную газету для защиты интересов женщин и приглашает кого-нибудь из них стать редактором предполагаемого издания».

Но революция потерпела поражение, была закрыта и газета «Фикер», об издании новой газеты редакции, попавшей под бдительное око жандармерии, нечего было и думать.

Как отмечал исследователь татарской периодической печати Р.У.Амирханов, «создать газету для женщин не удалось, но поток их писем в редакции ... возрастал». Увеличение числа материалов от женщин заставило многие газеты и журналы открыть на своих страницах специальные отделы под названиями «Мир женщин», «Женская страничка», «Женский мир» и т.п. Скоро появление корреспонденций от женщин на страницах газет и журналов вошло в норму, стало обычным явлением, что в значительной степени способствовало развитию гражданской активности женщин, изменению их миропонимания и представлений об окружающей действительности. Это с одной стороны. С другой — эти публикации способствовали росту интереса к женскому вопросу в целом в татарском обществе, к поиску путей его решения во благо прогресса нации.

Многие газеты и журналы с самого начала своей деятельности не только предлагали эти темы для обсуждения, но и предоставляли женщинам свои страницы. Татарки, движимые общим порывом к свободе, к свету знания, и сами начали выступать в печати с призывами к учебе, к знаниям, к освобождению женщин. Женский вопрос стал одной из злободневных проблем, широко обсуждаемых на страницах печати.

Возьмем для примера газету «Эль-ислах». Эта еженедельная литературно-научная газета, как было заявлено редакцией, «одинаково открывающая пути знания для всех слоев», увидела свет 3 октября 1907 года.

Открытие отдела «Мир женщин» редакция молодежной газеты разъясняла так: «Письма, ежедневно поступающие от женщин в нашу редакцию, заставляют нас открыть отдел «Мир женщин». В этом отделе систематически печатались письма и корреспонденции из городов и деревень, содержащие и сокровенные мечты татарок о будущем, и гневные выступления против приниженного, рабского положения женщин, и конкретные предположения и сообщения об открытии женских начальных и ремесленных школ, женских обществ, библиотек.

Официальным редактором и издателем газеты считался Вафа Бахтияров, но фактически ею руководил Фатих Амирхан, да и Габдулла Тукай активно в ней работал со дня своего приезда в Казань. Эта молодежная как по составу редакции, так и по направленности содержания газета с первых дней своего существования стала собирать вокруг своей редакции шакирдов, стремящихся к знаниям, к свободе. Среди молодых интеллектуалов вскоре стали появляться и девушки — ученицы русских гимназий и русско-татарских школ.

Так, в один из дней осени 1907 года в редакции «Эль-ислах» оказались несколько 14–17-летних девушек — учениц школы Магруй Музаффарии. Самые смелые среди этих юных, красивых девушек — ее дочь Махмуда Музаффария и Зайтуна Мавлютова (тукаеведы считают, что в нее был влюблен Габдулла Тукай). Возможно, для придания девочкам-подросткам смелости с ними вместе пришли и их старшие сестры Джамиля Музаффария и Бадрижиган Мавлютова.

Это вполне могло случиться, так как приехавшие из Чистополя сестры Мавлютовы находились в свойстве с Ф.Амирханом, и известно, что они посещали его в редакции «Эль-ислаха». Что Фатих встречал их приветливо и уважительно, в

этом нет никаких сомнений. Он и сам писал в своих воспоминаниях, что в редакцию к ним приходили ученицы разных учебных заведений.

Познакомившись с газетой и выпускающими ее молодыми интеллектуалами, ученицы школы Магруй-ханум решили донести свои думы и чаяния через газету до своих единомышленников. В этот раз или в другой девушки оставили материалы для публикации в молодежной газете. И уже в седьмом номере газеты было опубликовано их письмо на имя редактора. О чем же писали девушки? Вот несколько отрывков из их письма: «Мы, вступив на путь знания, просвещения и профессии, стараемся учиться, писать, познать; хоть немного, но начать шевелиться, чтобы поднять головы, задавленные под гнетом наших мужчин. А идущие в лавки Сенного базара с узлами на головах испорченные женщины, со жвачкой во рту и белилами на лицах, всячески хулят нас разными непристойными словами, когда мы идем на занятия или с занятий... Хотя у них нет ни пылинки знания религии и веры, они пристают к нам со словами типа: «Зачем вам нужно учиться шить, вышивать, вязать? Вот мы не учились, как вы, у мугаллим или каких-то учительниц. Но сами делаем каляпуши, приносим их молодым красивым парням с Сенного базара и продаем за дорогую цену. Зачем нужен счет? Мы вот считаем на пальцах так, что приказчики диву даются. Вам совсем не нужно учиться. Женщинам учиться запрещено»; поносят нас всякими мерзкими словами» — так начиналось письмо.

Видимо, ежедневная хула, которую девочки вынуждены были слушать, идя в школу, допекла их, если они решили об этом написать в газету. Но ученицы Магруй Музаффари не ограничивались только жалобами, они задавались вопросом: «Как найти дорогу к прогрессу? Как обрести свои права?». Следовательно, пятнадцать девушек, поставивших свои подписи под письмом, уже в первых номерах газеты от имени всех татарок открыто заявили о своем праве на образование.

Возможно, инициатором письма была все та же четырнадцатилетняя смелая Махмуда. Этот вывод подтверждает и тот факт, что в трех номерах «Эль-ислах» (№7–9) одно за другим были опубликованы ее стихотворения: «Проснемся, женщины!», «Учительницам закона божьего» и «Женщины». Как видно уже из названий, все они посвящены теме освобождения женщины. Особый интерес в этом плане представляет первое из них, написанное с молодым задором и призывающее девушек к активным действиям. Вот оно:

Проснемся, женщины!

Подруги! Должно быть решительно взято
Все то, что нам дорого, близко и свято...
Довольно дрожать нам, как запертым овцам,
Не надо бояться за смелость расплаты!
Дорогу к подъему отыскивать нужно,
Нам жить без порыва в грядущее душно,
Мы косы покроем вуалью свободы,
Чапаны отсталости выбросим дружно.
Захочешь учиться — разлюбят за это,
Кто к свету стремится — сживают со света,
Всегда нас держали в плену с колыбели,
Чтоб мы никогда не узнали расцвета.
Подруги! Вставайте: «Ислах» призывает!
В нем против невежества мощь грозная!
Проснемся быстрее, сомкнемся теснее:
Нам ночью беззвездною солнце сияет!

(Перевод Б.Дубровина)

Во втором стихотворении (пер. В.Ганиева) автор критикует жен мулл, застывших в фанатизме, утонувших в приверженности к старине, и выражает надежду, что у молодых девушек найдется сила, чтобы разрушить эту старину.

Учительницам закона божьего

Ну ладно, ладно. Не виню вас в том,
Что доживать вам век свой по старинке.
А нам дано
В стремление молодом
Весь мир преобразовывать трудом.
Годами вы невежеством своим
Туманили нам головы. Довольно!
И больше
Мы вам ходу не дадим.
Свет разума теперь необходим.
Уж надоел нам «Кисекбаша» мрак.
Невежество навек мы схоронили.
Ему мы прочитали «Табарак»,
«Ясином» придавили.
Будет так!

Здесь нужны некоторые пояснения. «Кисекбаш (Отсеченная голова)» — памятник тюрко-татарской религиозно-дидактической литературы XIV — XV веков. Это ода, восхваляющая подвиги Гали, зятя пророка Мухаммеда; она многократно переиздавалась и была одной из самых популярных произведений, распространявшихся как в печатном, так и в рукописном виде. «Табарак» и «Ясин» — суры из Корана, часто применяемые мусульманами в жизни.

«В этих стихотворениях, написанных с глубоким чувством и достаточно гладко, можно услышать чистосердечные голоса начавших просыпаться в результате революции 1905 года молодых татарских девушек, которые, совершенно искренне добиваясь свободы, зовут к просвещению, к труду», — так оценил эти юношеские стихи Махмуды Музаффариин литературовед М.Гайнуллин.

Не только стихотворения, но и письма, корреспонденции, рассказы, помещаемые на страницах газет и журналов, дают возможность понять, чем жили женщины и девушки, их авторы, какие вопросы они ставили, а следовательно, представить мечты и чаяния, внутренний мир и тех, кто присылал свои корреспонденции, и учениц женских школ нового типа, появлявшихся повсюду, и их учительниц.

Например, гневное письмо под названием «Мои вопросы» прислала в редакцию газеты «Эль-ислах» Бадрижиган Мавлютова, вернувшаяся в Чистополь. Видимо, год жизни в Казани и учебы в русско-татарской школе Х.Ахмеровой — М.Музаффариин позволил девушке ясно осознать то приниженное положение, в котором находились женщины. «Считаете ли нас, девушек, людьми, как и мужчин? Если мы не люди, почему на нас накладывают те же обязанности, что и на людей?.. Если мы люди, почему нас прячут от таких же людей, как мы сами? Почему нас оскорбляют, разрешая выходить на улицу только в сопровождении старух и детей, не доверяя нам самим?..» — настойчиво спрашивала она.

Обращаясь к мужчинам, к татарскому обществу, она подчеркивала: «Если вы признаете нас за людей и считаете несправедливым такое положение, что делаете вы, прогрессивные люди, для вызволения нас из этого состояния? Как вы думаете, разве мы не смогли бы выполнять те же работы, что и вы, если бы получили хорошее воспитание и необходимые знания? Разве мы не могли бы стать верными

помощниками для вас? Ответьте же, пожалуйста, ответьте! Ведь в ответе на этот вопрос содержится вся наша жизнь, вся наша радость, точнее, вся радость нации!».

Хотя может создаться впечатление, что такие корреспондентки, как Б.Мавлютова, взывая о помощи, уповали лишь на прогрессивных людей (мужчин) и пассивно ждали, ничего не делая сами, это не так. Эти девушки уже задумались о своем неправомерном положении. Постановка таких вопросов уже сама по себе говорила о том, что их авторы начали искать пути выхода из рабского положения.

Не меньше волновал татарок и другой важный комплекс проблем, связанный с развитием системы женского новометодного образования. В годы первой русской революции повсюду — в деревнях и городах под влиянием все растущего стремления девушек к знаниям стали появляться женские школы. Множество проблем, встававших перед молодыми, неопытными учительницами, невозможно было решить в одиночку, хотя, естественно, большую роль в постановке учебного дела играли личность самой мугаллимы, ее способности и знания, ее целеустремленность. Некоторые из них начали обращаться в редакции газет и журналов с письмами.

Наиболее активную позицию в обсуждении проблем, встававших перед учительницами, заняла, например, мугаллима Магисарвар Бикмиева.

Газета «Эль-ислах» опубликовала семь ее писем и статей о положении женщин-татарок, состоянии женских школ, проблемах, встававших перед обществом в связи с постановкой вопроса о необходимости женского образования. Редакция, в первом своем номере заявившая, что «почтет за честь служить, по мере возможности, не только интересам мужчин, но и женщин», поместила и два редакционных ответа на ее статьи с поддержкой ее начинания.

Уже в третьем номере газеты, вышедшем 17 октября 1907 года, было помещено письмо-обращение М.Бикмиевой к коллегам-мугаллимам (учительницам) с предложением собраться, по примеру мужчин, на совещание для обсуждения и решения наболевших вопросов женской школы. Первоочередной задачей мугаллим она считала необходимость выработке единых программ для всех женских новометодных школ в России и предлагала учительницам высказать свое мнение через «Эль-ислах» по следующим вопросам:

1) Необходимо ли собраться учительницам для выработки единых программ и решения других насущных вопросов или их можно решить посредством обсуждения на страницах газеты?

2) Нужен ли созыв официального съезда мугаллим? Если нужен, то где, в каком городе?

Однако обращение М.Бикмиевой оказалось «гласом вопиющего в пустыне». Во-первых, в условиях поражения первой русской революции уже невозможны были всевозможные собрания, съезды, совещания (съезды и совещания татарских учителей и в годы революции не получали разрешения властей и собирались полулегально). К тому же и учительниц, способных организовать для решения проблем женских школ, у татар еще не было. Были лишь одиночки, осмелившиеся, вроде М.Бикмиевой, поставить эти вопросы, что подчеркивалось и в одиночных ответах на ее обращение.

Например, мугаллима Фархиджамал Айдарова, понимая неподготовленность самих татарских учительниц для решения проблем женской школы, предложила обратиться к обществу мугаллимов, возникшему в годы революции, с просьбой

подготовить специальные программы для женских школ или хотя бы оговорить в подготовленных для мужских школ программах, что можно применять в женских школах. Но и это предложение опоздало: в условиях постреволюционной России легальная деятельность подобных обществ была недопустима. И татарские учителя, в 1906–1907 годах собиравшиеся на совещания для выработки программ мужских школ, после революции уже не могли устраивать встречи даже для обсуждения и решения вопросов, касающихся школы и просвещения.

Откликнулся на призыв М.Бикмиевой обсудить проблемы женской школы и Ф.Амирхан. В передовой статье «Казань, 26 ноября» (1907), помещенной в 8-м номере газеты, он отмечал, что последние десять лет можно считать достаточно успешными в деле упорядочения мужских школ. Однако, по его мнению, они ничего не прибавили в женском образовании. «Если посмотреть серьезно, однобокий прогресс нашей нации (если, конечно, он осуществится) не приведет нас к счастью; наоборот, он может привести к неожиданным результатам. С другой стороны, однобокое (то есть только мужчин) обучение и хорошее воспитание вообще невозможны», — подчеркивал он.

Писатель обращал внимание читателей на то, что многие недостатки в жизни татарского общества происходят лишь из-за темноты и невежества женщин. «Кто из нас забыл услышанное от матери, вроде: Земля держится на рогах быка; человек, отрастивший волосы, — нечестивец, неверный; пароходы и трамваи движутся из-за колдовства; каждый человек, называющий себя ишаном, — святой и т.д.?.. Короче говоря, сколько невероятных сведений, морочащих головы, дети получают с молоком матери... И это только тысячная доля вреда для нации от отсутствия достойных женских школ!» — указывал Ф.Амирхан.

«Если же мы возьмем вред, который приносит их невежество им самим, то он несравнимо больше: материальная нужда из-за отсутствия знаний и профессий заставляет наших девушек выходить замуж за любого, даже самого безнравственного, мужчину и только, чтобы не голодать, терпеть от него невероятные унижения и притеснения; теряя все человеческие права, жить под властью чьей-то тирании. Из-за того, что они умственно и духовно не подготовлены к участию в жизни татарского общества, девушки вынуждены быть лишь куклами (игрушкой) в руках мужей, даже тех, которые признают равенство прав женщин», — с молодым максимализмом (Фатиху всего двадцать один год!) подчеркивал один из лидеров татарской молодежи.

«И на самом деле, как может мужчина, привыкший жить общественной жизнью и мыслить общественными категориями, считать своим товарищем и не принимать за куклу свою жену, способную думать лишь о еде да одежде и сплетничать с кумушками?! — продолжал Ф.Амирхан. — Поистине, горькая наша вина в том, что, имея только в нашей Казани семь-восемь упорядоченных мужских школ, мы не имеем хотя бы одну нормальную женскую школу. Если мы теми же руками, которыми отводим в школы, дающие хотя бы мало-мальские знания, наших сыновей, будем продолжать отдавать наших девочек в руки невежественных и лживых абыстай, несомненна наша ответственность не только перед нашими дочерьми, но и перед их детьми, которых они будут воспитывать в будущем».

Хочу обратить внимание читателей на то, что эта статья Ф.Амирхана в защиту женщины-татарки, ее прав на образование и профессию, появилась почти на два года раньше его знаменитого рассказа-эссе «Татарка», которую литературоведы считают программным произведением Ф.Амирхана, а сам автор называл любимой

своей вещью. «Татарка», вышедшая из печати в 1909 году, — это «стихотворение в прозе, выразительно написанное талантливым пером. В нем подняты две большие проблемы — извечная беспросветная судьба женщины-татарки и основная проблема реализма, то есть положение, при котором мысли и чувства, дела и поступки человека определяются окружающей средой», — отмечал литературовед И.З.Нуруллин.

«Родилась... При рождении она была человеком» — так начиналось эссе. Человеком, имеющим равные с мальчиками права, указывал автор, татарка оставалась до шести лет: дышала тем же воздухом, купалась в лучах солнца, играла, прыгала, дралась, как мальчишка... В шесть лет она услышала волю Темной силы из уст отца и матери: «Стыдно девочке играть вместе с мальчишками!». Девочка не верила, пыталась сопротивляться. Но все родственники единодушно твердили ей эти слова, и она привыкла, начала играть в куклы. Когда мальчики пошли в школу, татарку отвели к абыстай, ибо «девочке нельзя учиться вместе с мальчишками». Девочка снова пыталась возражать: почему?!! К голосам родственников прибавился голос абыстай: «Ты гаурет (так назывались части тела, которые нельзя показывать. — А.М.)».

В тринадцать лет на голову татарки надели мешок. «Почему?!» — сопротивлялась она. И вновь слышала: «Ты гаурет». В пятнадцать ее оторвали от учебы и заперли в четырех стенах: жди, пока не придет за тобой тот, кого называют мужем. Наблюдая из окна, она поочередно влюблялась в кривоногого приказчика, горбатого шакирда, богатого пьяницу-бездельника... но ее прогнали и от окна. Наконец, не спрашивая ее согласия, татарку отдали за Биктимира — «воля отца — воля Аллаха». Темная сила торжествует: татарка, родившаяся человеком, превратилась в куклу-игрушку, приспособленную лишь для того, чтобы развлекать мужа и продолжать род.

Это короткое, но очень выразительное и емкое произведение Ф.Амирхана было взято на вооружение всеми поборниками женского равноправия. Несмотря, казалось бы, на беспросветность положения женщины-татарки, изображенной Ф.Амирханом, его «Татарка» звала к борьбе, к борьбе с судьбой, с окружающей средой, с обстоятельствами. Ее читали на литературно-музыкальных вечерах со спены, рассылали родным и знакомым в другие города и селения. В нем находили силы для борьбы девушки, стремившиеся вырваться из оупляющей среды средневекового мирка, желавшие получить соответствующее времени образование и профессию.

Книгоиздательства, развернувшие свою активную деятельность в годы первой российской революции, также уделяли большое внимание произведениям, посвященным женскому вопросу. Так, в 1909 году книгоиздательство «Сабах» в Казани начало издавать серию брошюр под общим названием «Подарок женщинам». Издатель обещал, что в ней будут помещены лучшие оригинальные и переводные произведения, «излагающие в историческом, научном и литературном плане права женщин, общие вопросы, касающиеся женщин и сообщающие сведения, которые необходимы женщинам». Серия открывалась брошюрой «Положение мусульманок в исламе». Автор ее считал, что угнетенное и приниженное положение женщин у мусульман происходит от тех гнилых основ, которых нет в раннем исламе. Следовательно, эти несоответствующие чистому исламу основы должны быть уничтожены. Работа заканчивалась выражением страстной надежды, что в скором времени это будет сделано.

Известный журналист-просветитель и издатель Фатих Карими в Оренбурге также уделял много внимания изданию книг, посвященных воспитанию женщин. Он переиздавал ранние работы Р.Фахретдинова, служившие учебниками этики в школах, издавал и сочинения самих женщин, нередко со своими пространными предисловиями. Так, обстоятельную вступительную статью он предпослал книге Фахрелбанат Сулеймании «Воспитание девушек». Ф.Карими, дав беглый обзор того, как и под влиянием каких факторов менялось положение женщины в обществе, особое внимание уделил определению роли ислама в изменении этого положения.

Бесправие женщины, считал Ф.Карими, непосредственно связано с уровнем цивилизации общества: «История свидетельствует: чем менее цивилизованы люди, тем хуже их взгляд на женщину, тем меньше прав они предоставляют женщинам... Только с развитием образования и культуры этот взгляд меняется, и люди начинают понимать, что женщина, как и мужчина, является полноправным человеком, и понежнему ей начинают давать эти права». Он подчеркивал, что мусульманки впали в невежество потому, что некоторые богословы средневековья толковали догмы ислама неправильно.

Ислам, указывал он, предполагает обучение женщин наравне с мужчинами. Ф.Карими отмечал, что в последнее время у татар «мало-помалу начало распространяться просвещение. Вместе с этим стали понятны также необходимость и важность просвещения женщин. Стало ясно, что без этого невозможен прогресс нации». Общество начало понимать, что невежество женщин во многом обуславливало невежество народа. Не сидели сложа руки и сами женщины. Появился ряд более или менее известных, и еще больше неизвестных, женщин-писательниц, издательниц, учительниц и т.д.: «Своим пером, своим трудом по обучению детей они способствуют развитию нации».

Так Ф.Карими отстаивал взгляды, установившиеся в просветительском лагере: процесс освобождения женщины рассматривался как одна из сторон культурно-национального развития общества на основе подлинного ислама. Это положение, по его мнению, стало основой женского движения у татар, проблемой, которая так или иначе способствовала не только воспитанию и образованию женщин, но и помогала установлению в татарском обществе нового мировосприятия.

Фахрелбанат Сулеймания (1865–1959?), сестра Галимателбанат Биктимировой, в течение многих лет занимавшаяся обучением девочек в Нижнем Новгороде, с появлением татарской периодической печати стала активно посылать в них свои материалы, посвященные хорошо знакомой ей теме — положению женщины-татарки в семье и обществе, ее общественной роли, воспитанию и обучению девушек. Особенную известность получили ее работы «Семейное воспитание» и «Воспитание девушек», неоднократно переиздававшиеся в Казани и Оренбурге и служившие книгой для чтения в женских школах. Ф.Сулеймания указывала, что ее книги «полезны для всех женщин — богатых и бедных» и подчеркивала, что в процессе воспитания девочек нужно учитывать, что «девочки со временем станут матерями-воспитательницами, верными хранительницами имущества в доме».

Г.Ибрагимов в статье «Судьба женщины», опубликованной в 1913 году в журнале «Анг», писал о ней: «Ставшая известной благодаря своим статьям, посвященным воспитанию женщин, и литературным переводам... Фахрелбанат Сулеймания... вышла в первый ряд уважаемых личностей, идущих по пути женского прогресса». В 1915 году она была приглашена на работу в женский журнал «Сююмбака», где проработала секретарем до его закрытия.

Активная пропаганда со страниц книг и периодической печати нового взгляда на женщину, становление системы женского образования у татар способствовали формированию нового мировоззрения, нового мировосприятия. Появился новый тип татарской девушки, всеми фибрами души рвущейся к образованию, знаниям. Одним словом, как бы открылся какой-то клапан или даже прорвалась плотина, до сих пор удерживавшая татарок в стороне от жизни, от образования. И они очень быстро стали догонять мужчин в стремлении получить знания, профессию, чтобы не только быть самостоятельными, независимыми, но и просветить свой народ, помочь ему выбраться из вековой темноты и невежества.

«Быть мугаллимой сейчас вообще постепенно становится своего рода ремеслом, скажем так, разновидностью труда. Идеал каждой девушки из невежественных семей среднего достатка — выучившись каким-либо способом, получить звание мугаллимы. Она считает возможным использовать учительство в какой-либо школе этапом для подъема по ступеням жизни, — отмечал в указанной статье Г.Ибрагимов. — Сейчас уже везде можно встретить женщин и девушек, живущих в чужой стороне самостоятельно, отдельно от семьи и обеспечивающих свою жизнь учительствованием (такое явление редко встречается лишь в Казани). Есть даже такие, которые копят с таким трудом добытые деньги для дальнейшей подготовки в учительницы русского языка или учебы на высших курсах».

Уже в годы первой революции в России появились татарки, прилагавшие неимоверные усилия для того, чтобы разорвать пути бесправия и получить доступ к знаниям. В эти годы, и особенно в годы после революции, сотни девочек начали учиться в русских женских гимназиях, десятки девушек поступали на всевозможные женские курсы. Немало девушек, подготовившись самостоятельно, сдавали экстерном экзамены за курс русских женских или даже мужских гимназий, чтобы таким образом получить доступ к высшему образованию. В следующих очерках и пойдет речь о таких личностях, которые не только показали пути к знаниям и послужили примером для других, но и своими делами способствовали пробуждению своего народа, прогрессу татарского общества.

В годы между двумя российскими революциями в татарскую литературу пришла новая волна писательниц и поэтесс. От своих предшественниц они отличались большей широтой взглядов, более смелой постановкой злободневных вопросов, касающихся всех сторон жизни общества, хотя и они в первую очередь ставили проблемы, волновавшие женщин. К тому же хорошей трибуной для них стали татарские газеты и журналы, широко открывшие свои страницы для их творчества.

Среди этих женщин прежде всего следует назвать Махбубджамал Акчурину (1869–1948). Она родилась в деревне Дема Кузнецкого уезда Саратовской губернии в семье муллы, первоначальное образование получила от отца, затем занималась самообразованием, обучала девочек в родной деревне. В 1892 году ее выдали замуж в деревню Савинка Самарской губернии, где она также продолжила учительствовать. Здесь она частным образом стала брать уроки у разных лиц, обратив особое внимание на изучение русского языка и литературы.

Литературная деятельность Махбубджамал-ханум охватывает разные аспекты. Особое внимание в ее произведениях, выражавших прогрессивные взгляды эпохи, уделялось общественным и нравственным проблемам, волнующим татарское общество, — воспитанию детей, положению женщины в обществе, социальному неравенству и другим. Ее имя стало известно татарской общественности прежде

всего через публикации в журнале «Шура», где в 1909–1915 годах нашли место как ее статьи, посвященные проблемам воспитания детей, гигиены семьи, жилища, так и очерки, рассказы, эссе.

Интересен очерк Акчуриной «Наша древняя литература», опубликованный в журнале «Шура» в 1911 году. Здесь писательница анализировала такие памятники древней литературы, как «Тагир-Зухра» и «Сайфулмулюк», одной из первых поставила вопрос о необходимости поиска, сбора и изучения произведений устного народного творчества и рукописного наследия. «Так же, как любое наше дело идет не так, как у других, и наша литература не может избавиться от этой привычки. Другие народы день ото дня выказывают все больше уважения древним авторам. У нас же увеличивается число обвинителей наших древних писателей. На какую бы статью, написанную молодыми, мы ни бросили взгляд, обязательно найдем места, задевающие старые книги», — отмечала она.

«Мы должны быть бесконечно благодарны нашим древним писателям; так же, как должно хранить, не выбрасывая, найденные под землей каменные топоры и молотки, на нас лежит обязанность сохранить и эти [литературные памятники]», — подчеркивала Махбубджамал-ханум. Она выступила резко против уничижительного отношения к памятникам старины, волновавшим многие поколения читателей и слушателей. Писательница особо подчеркивала нравственную ценность подобных произведений, дающих молодому поколению, да и в целом народу, эстетическое воспитание. «Если мы совсем бросим старое, следуя принципу «Кинь старую шапку в печь, принесу новую», не останемся ли мы и без старого, и без нового?» — так ставила вопрос М.Акчурина, выражая сомнение в будущем литературы, отрицающей древнее наследие.

Ее беспокоило то, что существовавшие издревле в народе легенды, сказания с их уникальными мелодиями постепенно теряются, забываются. Она выказывала опасение: «Существует вероятность, что в какое-то время произведения со специальной для каждого мелодией, передаваемые от матери к дочери, из уст в уста, могут исчезнуть». Махбубджамал-ханум была уверена: то, что каждое древнее произведение имело свойственную только для него мелодию, доказывает существование музыки у татар.

«Я не сомневаюсь, что если исполнять песни из книги «Тагир — Зухра» на мелодии, которые дошли до нас из древности, то у обвинителей смягчатся сердца и по их спинам побегут мурашки. И еще: из этих обоих произведений ясно видно, что в древности у нас была музыка. Так как в нашем народе сильна привычка отвращать от всего, говоря — это нельзя, то нельзя, отрицали и музыку. Обвиняя музыку, в конце концов совсем ее потеряли; не осталось ничего, кроме скрипки, играющей на свадьбах перед водкой, да тридцати-сорокакопеечных гармоней», — указывала она. В то же время она выражала надежду: «Хотя у нас и достаточно тех, кто хотел бы совсем выкинуть эти книги, нельзя терять надежду; будем надеяться, что в будущем в мусульманских операх [театрах] будет поставлен «Сайфулмулюк». («Сайфулмулюк» — это сказание (дастан) любовно-романического характера, написанное в XV веке хорезмийским поэтом Маджлиси и по сюжету восходящее к арабским сказкам «Тысяча и одна ночь»; оно было широко распространено у татар, отрывки из него и ныне нередко исполняются как старинные песни).

Среди художественных произведений М.Акчуриной особое место занимают рассказы «Сцена из жизни мишарей» и «Жестокий отец, или Жизнь мишарей»,

опубликованные в 1914 году (первый — в журнале «Шура», второй — отдельным изданием). В них она дала реальные картины жизни татарской (мишарской) деревни, сумела отобразить угнетенное положение татарки, ее тяжелую судьбу, показать, как под беспощадными ударами невежества и фанатизма, веками господствовавшего в деревне, унижалась татарская женщина. В 20-е годы Махбубджамал-ханум постепенно отходит от литературно-публицистического творчества. В 1929 году она переехала в Баку, где и жила до своей кончины в 1948 году.

Следствием активизации женщин в общественной жизни и увеличения интереса татарской общественности к женскому вопросу во втором десятилетии двадцатого века было появление специального женского журнала для женщин, основателями которого стали Асма и Якуб Халили.

Его редактор и издатель Якуб Ибрагимович Халили (1877–1938) родился в деревне Иж-Буби Сарапульского уезда Вятской губернии. Там же окончил знаменитое медресе Буби. Некоторое время работал учителем в разных местах, в частности в джадидистском медресе, построенном и содержавшемся на средства «пушного короля», купца Загидуллы Шагидуллина в его родной деревне Акзегитово Цивильского уезда Казанской губернии. После женитьбы на дочери купца Асме (1890–1969), работавшей там же в женской школе, чета Халили переехала в Казань.

Я.Халили вместе с Ахметом Урманчеевым основал книгоиздательское товарищество «Юл (Дорога)», написал и в 1910 году издал несколько учебников для татарских школ — «Гыйльме халь (Вероучение)», «Ин яна элифба (Новейшая азбука)» и другие.

Якуб и Асма Халили, как бы решив заполнить пустующую нишу (отсутствие журнала для женщин в татарской периодике явно ощущалось обществом), начали ходатайствовать об издании журнала.

16 сентября 1913 года Я.Халили получил разрешение казанского губернатора на издание «журнала для женщин на татарском языке с рисунками, под наименованием «Сююмбика». Журнал имел подзаголовок: «Литературно-общественный, экономический женский журнал, издающийся один раз в две недели». Программа журнала, утвержденная губернатором, включала «статьи по вопросам правового, экономического, морального и семейного положения женщин».

В журнале намечался раздел, «выясняющий наиболее соответствующую современным условиям экономическую постановку домашнего хозяйства в отношении жилища, освещения, отопления, рынка, кухни, прислуги и т.п.». Разумеется, программа журнала включала также разделы: воспитание детей, история женского вопроса, положение женщины с точки зрения шариата, беллетристика и критика, обозрение общественно-политической жизни за последние две недели, ответы на вопросы читателей.

Особое внимание программа обещала обратить на отделы кулинарии, рукоделия, моды и косметики. В кулинарном отделе предполагалось давать «рецепты разных блюд, составленные и проверенные на практике опытными специалистами; изыскание способов улучшения и удешевления стола, советы о заготовке припасов и о приготовлении домашним способом предметов гастрономии». В отделе моды должны были быть «разнообразные рисунки платьев как детских, так и дамских, а также самого разнообразного белья, — вполне доступная для домашнего изготовления». Этот отдел также должен был вмещать «руководство

по кройке и шитью платьев и белья, а также и изготовление шляп и искусственных цветов». В отделе рукоделий предполагалось помещать рисунки «как простых обиходных работ, так и новейших изящных рукоделий с подробными описаниями каждого предмета». Косметический отдел намечал «всевозможные советы и указания по элегантной гигиене, по уходу за красотой и ее сохранению».

Как видим, программа журнала намечалась весьма обширная. Издатели намеревались охватить все вопросы, касающиеся положения женщин, начиная с правовых, экономических, этико-нравственных проблем и кончая сведениями о ведении домашнего хозяйства, модах и косметике.

Журнал начал издаваться на средства Асмы и Якуба Халили. И здесь, как и в случае с Гаспринскими тридцать лет назад, рядом с мужем-издателем стояла его жена, помогавшая ему во всем.

При встрече в мае 1965 года Асма-ханум рассказывала автору этих строк, что в первый год всю работу по выпуску журнала вели они с мужем вдвоем. Они сами писали большинство статей, сами корректировали и сами же рассылали журнал подписчикам.

Журнал был рассчитан прежде всего на прогрессивные слои общества, на интеллигенцию. Благодаря актуальности тематики он очень быстро приобрел популярность и стал полностью окупаться.

Уже на второй год существования журнала секретарем его стала работать известная публицистка Фахрелбанат Сулеймания, а позже для работы в журнале были привлечены Шагид Ахмадеев и другие работники.

Приступив к работе, Ф.Сулеймания поместила в журнале обращение к читательницам, в котором определила свои задачи и направление журнала таким образом: «Буду стараться ввести своих сестер в мир прогресса и культуры праведным путем ислама и человечности, придерживаясь религии и шариата. В целом можно сказать, что работники «Сююмбеки» придерживаются этого направления».

Популярность периодического органа прежде всего доказывается его тиражом. По сведениям Казанского временного комитета по делам печати, в 1916 году журнал «Сююмбика» выходил тиражом в 1200–1300 экземпляров. Из татарских журналов, издававшихся в это время в Казани, большим тиражом выходил только детский журнал «Ак юл (Светлый путь)», имевший тираж в 1400 экземпляров. Хорошо известный татарской общественности журнал «Анг (Сознание)» имел тираж в 1000 экзмпларов, а издаваемый Г.Баруди журнал «Ад-дин валь-адаб (Религия и нравственность)» выходил тиражом в 700 экземпляров. О довольно быстром распространении журнала «Сююмбика» говорилось и на страницах самого издания. В ряде случаев редакция вынуждена была отвечать отказом на просьбы читателей выслать комплекты журнала: многих номеров его в редакции уже просто не было.

Первый его номер увидел свет 27 октября 1913 года. Он открывался редакторской статьей «Начальное слово», в котором объяснялись причины появления журнала и рассказывалось о его программе. Редактор указывал, что в журнале большое внимание будет уделяться как вопросам общественного, правового, политического, экономического и семейного положения женщин, так и в особенности вопросам воспитания детей. Он объяснял особое внимание вопросам воспитания детей так: воспитание детей у татар всецело находится в руках матерей; только воспитанные матери могут вырастить воспитанных детей, поэтому женщины и

девушки (будущие матери) нуждаются в журнале, способном освещать все стороны вопросов о воспитании детей и организации семьи. Статья заканчивалась пожеланием, что каждый татарин, знающий, что будущее нации находится в руках матерей, воспитывающих детей, поможет журналу в выполнении намеченной программы.

Итак, редактор-издатель Я.Халили продолжил путь, намеченный татарскими просветителями в женском вопросе: журнал «Сююмбика» должен служить воспитанию хороших «матерей нации», способных повести татар по пути прогресса. Эта линия затем неоднократно подчеркивалась и в других программных статьях журнала.

Содержание журнала значительно отличается от программы, утвержденной губернатором. Редакция журнала обращала гораздо большее внимание на такие насущные проблемы, волновавшие татарскую общественность, как положение женщины в семье и обществе, ее положение по шариату, история женского движения в России и за границей и, конечно же, воспитание детей. Отойдя от намеченной программы, редакция совсем немного места отвела отделам кулинарии, полезных советов и рукоделия; только в трех номерах из девяносто одного имеются советы по косметике и совсем не нашлось места моде.

С журналом активно сотрудничали как сами женщины, так и мужчины. Авторами журнала были, например, М.Музаффария, М.Акчурина, Багбустан-ханум, Р.Ибрагимия, К.Музаффария, Б.Тиришкавия, Накия, Н.Думаи, И.Рамеев, Ф.Сайфи и другие. Многие из этих имен открыл для читателей журнал «Сююмбика». Среди имен женщин, пришедших в эти годы в литературу, публицистику и открытых журналом, назовем и имя учительницы, в дальнейшем публицистки, писательницы, общественной деятельницы Абруй Сайфи (1890–1960).

Абруй Сайфи — это псевдоним, закрепившийся за писательницей после 1917 года, когда она вышла замуж за писателя, журналиста, общественного деятеля Фатиха Сайфи-Казанлы. Настоящее ее имя — Накия Салаховна Сайфуллина.

Она родилась в деревне Кульбаево-Мараса Чистопольского уезда Казанской губернии. После окончания сельской школы занималась самообразованием, в 1905–1912 годах учительствовала сначала в деревне Адам-Су (ныне деревня Старый Татарский Адам Аксубаевского района РТ) и городе Чистополе Казанской губернии, затем в Астраханской губернии, где вышла замуж за Муртазу Гильманова.

С 1912 года начинают появляться ее публикации в татарских газетах и журналах. Свои публикации она подписывала по-разному — Накия, Абруй, Накия Абруй, Абруй Гильманова, Миляуша...

С 1915 года особенно активно она сотрудничала с журналами «Анг» и «Сююмбика». Причем интересно, что если в журнале «Анг» публиковалась ее лирическая проза (например, только в 1915 году были опубликованы ее четыре рассказа — «Луна», «Любовь», «Перед божеством любви», «Скучаю!»), то в журнале «Сююмбика» печаталась ее публицистика, например, «Преклоняю колени перед духом нашего отца Исмагил-бека» (1914) или «У меня нет свободы» (1915).

Впрочем, ее перо настолько умело, что публицистика Абруй Сайфи, проникнутая любовью к народу, идеями служения ему, мастерски описывающая сельскую жизнь, сельские школы, звучит как художественное произведение. Вот небольшой отрывок из ее очерка «Деревня», который можно, по-моему, определить и как эссе. «При слове «деревня» перед моими глазами друг за другом встают беспрядочно расположенные неприглядные улочки, покрытые соломой, похожие на

баньки домишки, всего в два обхвата, покосившаяся мужская школа, деревенский мужик... крепко завязавший свои лапти и одетый в желтый тулуп, покорные сельские молодки, день-деньской занятые работой и, можно сказать, не снимающие свои фартуки и лапти от бани до бани... Еще много-много разного встает перед моими глазами» — так начинается очерк.

«Но все же я люблю деревню. Она мне дорога, она мне близка. Мне близок тот мужик, сидящий на пересечении улиц. Мне хочется жить там. Без лицемерия и фальши, хочется сидеть среди мужичек, делить с ними их жалобы и горести, хочется показать им свою любовь, свое родственное сострадание, свое сочувствие. Хочу воспитывать, учить вон тех, бегающих с салазками вдоль улицы, девчушек, с материнской любовью прижимая их к себе, отдавая им душу. Я привязана к деревне какими-то внутренними духовными нитями, служенье сельскому люду — самое святое для меня», — подчеркивала Абруй, высказывая в конце очерка свои сокровенные мысли. Надеюсь, что даже в моем переводе, далеко от совершенства, читатель поймет то, что двигало публицисткой при написании этого и других очерков, посвященных деревне.

После февральской революции 1917 года Абруй-ханум с головой окунулась в общественно-политическую жизнь. Она активно работала в Мусульманском социалистическом комитете, развертывая работу среди женщин; много сделала для объединения солдаток для борьбы за их права, за мир, не покладая рук работала в бюро солдаток-мусульманок, созданном 12 мая 1917 года. Она — организатор и участница многочисленных собраний, совещаний, съездов, митингов... Пригодилось и ее талантливое перо: ее многочисленные статьи пропагандировали освободительные идеи, призывали женщин-татарок к борьбе за освобождение от угнетения и бесправия, излагали их требования.

Учительница, журналистка, хорошо знавшая жизнь народа, не менее активно участвовала в строительстве новой жизни, как казалось многим, вставшим на сторону Советской власти. Член ВКП(б) с 1919 года, Абруй-ханум всецело отдалась организации делегатских собраний, развернула деятельность по привлечению женщин в советское строительство. Не осталось без дела и ее талантливое перо: ее многочисленные статьи, брошюры, книги были посвящены политическому воспитанию женщин-татарок.

Наибольший интерес для нас представляет работа А.Сайфи «Женщины-татарки в борьбе за свободу», опубликованная в Казани в 1922 году на татарском языке. Эта ее книга уже не популярная агитационно-пропагандистская брошюра, а попытка исследования женского движения у татар. Во введении автор подчеркивала, что этим трудом хочет внести свою лепту в изучение женского движения. Главным материалом ей послужили собственные дневники и газетные статьи и сообщения, что позволило ей дать яркую характеристику женского движения. А.Сайфи одной из первых подчеркнула большую роль татарской прогрессивной литературы конца XIX — начала XX века в постановке женского вопроса у татар, в привлечении к нему внимания широкой татарской общественности. Борьбу вокруг женского вопроса в татарском обществе, постепенное включение забытых и бесправных женщин в общественную жизнь она связывала с революцией 1905–1907 годов, с ее влиянием на все стороны жизни татар.

В двадцатые годы А.Сайфи, кроме партийно-политической и журналистской деятельности, занималась и переводами на татарский язык произведений А.П.Чехова, А.Барбюса и др. В 1926 году она один из организаторов журнала

«Азат хатын» (Свободная женщина), член редколлегии и активный автор, сотрудничавший с журналом с его первого номера до 1937 года, когда она, как и многие представители татарской интеллигенции, была исключена из партии, репрессирована. Она отбыла в лагерях восемь лет, освободилась в 1945 году, была реабилитирована в 1956 году. Однако подорванное здоровье дало себя знать — в феврале 1960 года Абрый-ханум не стало...

Но вернемся к журналу «Сююмбика». Особенно много внимания уделял журнал вопросам образования женщин, всячески пропагандируя светское образование, помещая информацию о женских джадидских школах и их учительницах, о девушках и женщинах, обучающихся в русских гимназиях и на высших женских курсах. В журнале была опубликована и недельная сетка часов для восьмилетней женской школы. На ее страницах нашли место и фотографии женщин и девушек, добившихся значительных результатов на пути служения народу, на пути к просвещению.

Не только само появление журнала, но и особенно его большая популярность среди образованных кругов татар говорят о начале становления татарского феминизма со всеми его особенностями. В этом процессе большую роль сыграли всевозможные женские общества, как правило, возникавшие в городах под влиянием оживления татарского национального движения в годы между двумя российскими революциями. Чаще всего они возникали как общества культурно-просветительные, благотворительные и взаимопомощи по инициативе женщин из интеллигентных семей, достаточно тесно связанных с русским обществом.

Первое известное нам подобное общество возникло в 1907 году в Уфе и называлось «Уфимское мусульманское дамское общество». Организаторами его выступили женщины из мусульманских дворянских семей Уфы Султановых, Джантуриных и других. Члены общества разработали свой устав, в котором определялись цели и задачи общества, условия членства и т.д. Основными своими задачами общество определяло распространение просвещения среди мусульманок, открытие в этих целях женских школ, библиотек, читален, организацию благотворительных вечеров, концертов и спектаклей, материальную помощь бедным девушкам в получении образования и т.д.

В 1912–1917 годах, по подсчетам З.С. Миннуллина, появилось более семидесяти организаций мусульманок во многих городах, не только таких, как Оренбург (1912), Москва (1913), Троицк (1914), Казань (1917), но и в отдаленных — Баку, Ташкенте... Все они, как правило, преследовали культурно-просветительские цели и способствовали пробуждению мусульманок, вовлечению их в общественную жизнь. Любопытно, однако, следующее: в начале XX века в борьбу за свои права, как правило, вступали женщины, получившие мусульманское воспитание и образование, не желавшие мириться с традиционными устоями татарской жизни. В следующее же десятилетие, особенно накануне свержения царизма, активную роль в татарском женском движении все более и более начинали играть татарки, получившие среднее и высшее русско-европейское светское образование. Это были учительницы (по меньшей мере с гимназическим образованием), врачи, курсистки, внесшие в татарское женское движение большую организованность и целенаправленность. Известное влияние на них оказывало и становление русского феминизма, происходившее в это же время.

Довольно активно в эти годы начали действовать курсистки. Так, в 1914 году, стремясь решить неотложные задачи мусульманского женского движения,

курсистки Салима Якубова и Махфуза Максудова, учившиеся на педагогических курсах Петербурга, попытались передать IV съезду мусульман составленную ими петицию с изложением насущных требований, касающихся положения женщин. Однако никто из мужчин — участников съезда не подал им руку помощи, о чем с возмущением писали некоторые издания (например, «Ил» Г.Исхаки или «Сююмбика» Я.Халили). Курсистки жаловались в «Сююмбике»: «Так как нас не включили в число равноправных участников съезда, мы решили было воспользоваться сбором членов съезда в гостях на одной из дач вблизи Петербурга, чтобы вместе обсудить некоторые злободневные вопросы. Однако, когда мы, выйдя встречать гостей, протянули им руки для приветствия, некоторые из них прошли мимо, как бы не замечая нас, другие не приняли наши протянутые руки».

Итак, «радетели нации», видимо, сочли попытку девушек никчемной блажью, недостойной внимания мужчин, занятых «гораздо более важными делами». Естественно, что образованные женщины восприняли это пренебрежительное отношение к девушкам как оскорбление всех женщин-татарок. Но не менее унижительным они посчитали и способ, каким курсистки хотели достичь равноправия. Так, учительница из Оренбурга М.Уралбаева возмущалась: «Я хотела бы спросить у этих женщин, под влиянием чего они пытались до такой степени унижить нас — женщин? Они (делегаты. — А.М.) недостойны подачи им наших рук, даже если бы сами протянули нам руки. А вы проливаете слезы из-за того, что они не приняли ваши протянутые руки. Не унижение ли это? Мы найдем наши права в борьбе, но только не таким путем».

В годы первой мировой войны заведомо возросла гражданская активность татарок. Во многих местах усилилась деятельность уже имеющихся женских организаций. Возникли и новые общества, имевшие целью организацию помощи раненым, беженцам, солдаткам, сиротам войны. Так, например, уже в 1914 году в городе Троицке, с начала XX века превратившемся в один из крупных центров татарской культуры, был организован Комитет мусульманских женщин по оказанию помощи раненым. Под председательством Мафтухи Яушевой комитет развернул большую работу, изготавливая необходимое для раненых (шили одежду, белье и т.д.), собирая вспомоществования и т.д. Газеты и журналы тех лет довольно часто помещали информацию о деятельности таких обществ.

Среди татарок, пришедших в татарское общественное движение и поэзию в эти годы, особое место занимает Гиффат-туташ — Загида Хусаиновна Бурнашева (1895–1977). Она родилась 19 октября 1895 года в деревне Азеево Рязанской губернии в семье торговца-маклера. Начальное образование получила в школе родной деревни, затем училась в соседней деревне. Русскому языку она выучилась еще в детстве, общаясь с русскими девочками, жившими в той же деревне. Уже подростком она увлеклась русской и татарской литературой, с увлечением читая Кольцова, Пушкина, Лермонтова, Тукая, Дәрдемнда, Амирхана... Тогда же начала писать стихи.

Ее родители, особенно мать, были ярыми приверженцами старины, патриархальных порядков и стремление девочки-подростка к учебе, к новой жизни встретили как несчастье или большую беду семьи. На девушку пытались воздействовать и уговорами, и угрозами. В 1914–1915 годах она, скрываясь под псевдонимом «Гиффат-туташ», начала публиковать свои стихи в татарских газетах и журналах. Когда же мать Загиды узнала, что ее дочь пишет стихи и собирается поехать

учиться в русской школе, ее горю и ярости не было предела. Она сожгла все книги и записи дочери, заперла в шкафу ее одежду, даже запретила видиться с подругами. Мало того, мать дошла до того, что стала писать доносы на родную дочь. «Она хочет уехать из деревни, чтобы работать в организации людей, выступающих против царя... Она психически больна, поэтому прошу отдать ее под мою опеку», — писала она в полицию и просила волостного старшину не выдавать паспорт дочери.

Борьба Загиды-туташ за личную свободу в семье, отмечал литературовед М.Гайнуллин, приняла в то время общественно-социальный характер.

6 сентября 1915 года девушка опубликовала в газете «Вақыт» (Время) обращение к прогрессивным силам татарского общества. Рассказав в нем о своей трагедии, девушка объясняла: «Я вынуждена была бежать из их дома... Хотела уехать учиться, волостной старшина не дает паспорт. Раскрыв нации через печать свое оскорбленное сердце, объяснив пролитые мной слезы обиды, призываю нацию защитить одну из своих дочерей, несправедливо притесняемых и вытерпевших столько мук на пути к знаниям». Это обращение нашло горячий отклик и в татарской прессе, и в целом у татарской общественности.

Односельчане Загиды Ибрагим и Габдулла Бурнашевы помогли ей приехать в Москву, найти работу. Ее стихи одно за другим публиковались на страницах газет и журналов и находили поддержку критиков. В 1915–1917 годах увидели свет три ее сборника под общим названием «Стихи Гиффат-туташ». В то же время она обратилась и к публицистике, подняв довольно острые, злободневные проблемы. Особенно характерна в этом смысле ее статья «Женщины в нашей печати за 10 лет», где автор отметила участие женщин в праздновании десятилетия татарской периодической печати и подвергла резкой критике журнал «Сююмбика», подчеркнув, что журнал не может набрать ожидаемую читательницами высоту.

Она включилась в общественную жизнь Москвы, активно участвовала в работе благотворительных организаций. В 1917 году Загида Бурнашева — среди организаторов Всероссийского съезда мусульманок (апрель), делегат I Всероссийского мусульманского съезда. В июне 1917 года она отправилась просвещать мусульман в Среднюю Азию. После Октября активно участвовала в установлении Советской власти в Ташкенте, Самарканде и других городах. В 1918 году З.Х.Бурнашева вступила в коммунистическую партию и до выхода на пенсию в 1952 году была на партийной работе в среднеазиатских республиках.

Выйдя на пенсию, Загида-ханум переехала в Татарстан, сначала в Буинск, затем в Казань. Здесь неутомимая Гиффат-туташ занялась сбором материалов о борьбе женщин за свою свободу. Этот ее труд завершился небольшой по объему, но богатой по содержанию книгой «Из истории женского движения у татар», вышедшей в 1971 году в Татарском книжном издательстве.

Примерно тогда я и познакомилась с легендарной Гиффат-туташ, которую уже знала по татарской дореволюционной периодике. В одно из моих посещений я получила из ее рук книгу с автографом автора, которая и сейчас передо мной. Она много рассказывала о женском движении у татар, давала яркие характеристики его участницам. Особенно интересны для меня были ее рассказы о бурном 1917 годе.

Февральская революция, разрушив самодержавный режим, в одночасье раскрыла перед россиянами новые горизонты для осуществления их самых потаенных

чаяний, широких надежд. На несколько месяцев Россия стала самой свободной страной в мире. В стране в целом и в татарском обществе в частности происходили колоссальные изменения. В Казани, Уфе, Москве, Петрограде, Астрахани, Оренбурге, Троицке и т.д. возник целый ряд новых общественно-политических образований татар. Повсюду проводились митинги, демонстрации, всевозможные съезды — профессиональные, религиозные, женские и т.д. На них, как и везде в России, обсуждались важнейшие политические вопросы того времени: о войне и мире, о демократической республике и Учредительном собрании, о национальном равноправии и самоопределении... В работе многих из них активно участвовали и женщины.

24–28 апреля 1917 года в Казани в здании Нового клуба состоялся Первый всероссийский съезд мусульманок, созданный по инициативе московских женщин. В работе съезда участвовало около 150 женщин-делегаток из разных регионов, в основном представлявших интеллигенцию. Эти женщины, получившие образование как в татарских женских школах, так и в русских гимназиях и на Высших женских курсах, уже ничуть не уступали мужчинам в знаниях и были способны решать насущные вопросы, волновавшие как самих женщин, так и в целом татарское общество. Здесь были учительницы, врачи, курсистки, получившие известность своей активной общественной деятельностью в годы войны. И все они были настроены решительно, стремились занять активную гражданскую позицию в преддверии всероссийского мусульманского съезда.

Председательницей Центрального бюро по созыву женского мусульманского съезда была зубной врач из Казани Хадича Зарифовна Таначева (Ямашева) (1883–1952) — активная участница общественного движения среди татар с эпохи первой российской революции, в 1907 году официальный редактор газеты «Урал». Открывая съезд, она отметила: «Революция дала нам свободу. Пользуясь ею, мы в разных местах начали собираться и обсуждать наши проблемы... На этом съезде мы будем обсуждать лишь важнейшие вопросы, подлежащие внесению на рассмотрение Всеобщего мусульманского съезда, который вскоре состоится в Москве. Вот они: права женщин по шариату; место женщин в семье и общественной жизни; политические права женщин и участие их в Учредительном собрании».

Председателем съезда была избрана Сара Ахмерова, ее заместителями — Хадича Таначева и Фатима Алкина, секретарями — Зухра Салихова, Марьям Губайдуллина, Хадича Мустафина и Зейнаб Алиева. Для подготовки резолюций было создано пять комиссий. По всем предложенным вопросам были заслушаны доклады, подготовленные Центральным бюро по подготовке женского съезда.

Прошли бурные обсуждения. Редактор-издатель женского журнала «Сююмбика» Якуб Халили, присутствовавший на съезде как журналист и поместивший в свое журнале отчет о нем, отмечал высокий уровень докладов и активное участие в их обсуждении не только делегаток, но и многочисленных гостей.

В решениях съезда подчеркивалось, что понятие «хиджаб» (покрывало, закрытость, затворничество) в шариате отсутствует; что по шариату мужчина и женщина равны. На этих положениях базировалось и другое решение: право женщин на участие в политических и общественных делах. Следовательно, был сделан вывод, что они имеют равные с мужчинами избирательные права и могут участвовать в предстоящих выборах в Учредительное собрание. Утверждались равные права мужчин и женщин в семейных делах. Подчеркивалась недопустимость многоженства. Решения эти и по духу, и по букве полностью соответствовали

взглядам подавляющего большинства делегатов на роль женщины в семье и обществе и показали, какую значительную силу могут представлять женщины в предстоящих политических баталиях.

Было избрано Центральное бюро мусульманок из пяти человек (Салима Якубова, Загида Бурнашева, Диляра Булгакова, Уммугульсум Асфандиярова, Рауза Султангалиева) и делегация из восьми человек для участия в предстоящем Всероссийском общемусульманском съезде в Москве, куда, кроме членов ЦБ, вошли еще Хадича Таначева, Ильгамия Туктарова и Криницкая.

1 мая 1917 года в доме Ш.Асадуллаева в Москве торжественно открылся Первый Всероссийский мусульманский съезд. В его работе участвовало около 900 делегатов из всех регионов России, из них 112 женщин. Это был пятый по счету Всероссийский съезд мусульман (три из них состоялись в 1905–1906 годах, четвертый — в 1914 году), но первый, в работе которого участвовали женщины. Одна из них — председатель Центрального бюро мусульманок России Салима Якубова — была избрана и в президиум съезда. Не вдаваясь в подробности его работы, укажу лишь, что среди тринадцати пунктов повестки дня, вынесенных на обсуждение делегатов, немаловажное место занимал и женский вопрос.

На съезде он рассматривался сначала в специально созданной секции. Ее предложения были вынесены на общее десятое заседание съезда, проходившее под председательством Гаяза Исхаки.

В ходе дебатов особо подчеркивалось, что отсутствие равноправия с мужчинами женщин, составляющих половину нации, затрудняет национально-демократическое движение. Отмечалось, что хотя мусульманки Поволжско-Уральского региона сравнительно свободно пользуются своими правами, женщины Кавказа и Туркестана вынуждены подчиняться обычаям, выдаваемым за требования шариата и не признававшим за ними человеческих прав. После бурного обсуждения съезд принял резолюцию о равноправии мусульманок, подготовленную в секции и от ее имени предложенную съезду Ф.Кулахметовой.

Вот она: «Всероссийский мусульманский съезд в Москве, принимая во внимание ту огромную роль, которую играют мусульманки в культурной и общественной жизни, вынес следующую резолюцию:

1. Мусульманки как в политических, так и в гражданских правах должны быть равноправными с мужчинами.

2. Многоженство ввиду того, что оно противоречит принципу человечности и справедливости, должно быть совершенно уничтожено».

Итак, в работе Общероссийского мусульманского съезда впервые участвовали женщины. За очень короткий срок — всего полтора-два десятилетия — татарки сделали стремительный рывок к прогрессу. Женщины, еще в конце XIX века почти не показывавшиеся свободно на улице, в 1917 году выступали с трибуны Всероссийского мусульманского съезда, заставляя мужчин не только выслушивать то, что они говорят, но и принимать решения о равноправии женщин и мужчин. Это прежде всего показатель подготовленности татарского (мусульманского) общества к принятию мысли, что прогресс нации возможен лишь при активном участии женщин во всех ее делах, что идея равноправия женщин, выдвинутая идеологами джадидизма еще на рубеже XIX — XX веков, овладела умами. В связи с этим уместно вспомнить известное выражение Шарля Фурье: «В каждом данном обществе степень свободы женщины есть естественное мерило общей свободы».

Женская школа Буби

Учите нас — равны мы их ученым будем.

М.Музаффария

Известно, что история татарской школы уходит корнями в глубокую древность. Но также известно, что в XIX веке в мектебах и медресе (так назывались татарские школы) учились только юноши. Девочек, как правило, жены мулл обучали лишь основам вероучения, т.е. основным молитвам, которые они заучивали наизусть. Систематическое же обучение девочек чтению и письму считалось делом ненужным. Становление системы женского национального образования непосредственно связано с распространением среди татар просветительских идей и появлением новометодной (джадидистской) системы образования.

Не ограничиваясь введением в существовавшую веками систему обучения новых методов и предметов преподавания, джадидисты уже в конце XIX века поставили вопрос об обучении девочек и занялись созданием женских джадидистских школ. Необходимость образования женской половины населения вытекала из принятой на вооружение джадидистами теории естественного права и выдвижения на передний план проблем воспитания нового человека.

Как было показано в предыдущих очерках, идеологи джадидизма считали: роль скоро предназначение женщины — не только рождение, но и воспитание детей, прежде всего она сама должна быть хорошо образована и воспитана. Только тогда она сможет стать не только хорошей и доброй женой, хранительницей домашнего очага и мудрой воспитательницей детей, но и полезным членом общества. Так в условиях формирования национального самосознания проблема женского образования трансформировалась в проблему подготовки «матерей нации».

Первые женские новометодные школы у татар стали появляться почти параллельно с такими же мужскими, и инициаторами создания их становились сами муллы-джадидисты или их жены и дочери. В предыдущем очерке уже говорилось об открытии женских новометодных начальных школ героинями очерка — писательницами и поэтессами. Школу же среднюю, которую можно с полным правом назвать так, на рубеже XIX–XX веков создали братья Нигматуллины-Буби в далеком от Казани татарском селе Иж-Буби Сарапульского уезда Вятской губернии.

В этой деревне, расположенной в глухом уголке Вятского края, издавна действовало мужское медресе. По имеющимся официальным архивным данным, его в 1811 году открыл мулла Габдулкарим Халиуллин, прадед просветителей. По сведениям же, дошедшим до нас в рукописной «Краткой истории медресе Буби» Габдуллы Нигматуллина-Буби, медресе до 1911 года просуществовало около ста тридцати лет. Взяв за основу именно эти сообщения, в 1991 и 2001 годах в Иж-Буби провели конференции, посвященные юбилею школы. Как бы то ни было, к приведенным данным остается лишь добавить, что мальчиков в деревне обучали издавна, а девочек стали обучать гораздо позже. Однако обо всем по порядку.

Как и судьба многих татарских медресе, существование и этого учебного заведения полностью зависело от многих случайностей, и прежде всего от возможностей и умения сельского муллы. Оно могло процветать при энергичном и образованном мулле-мударрисе или зачахнуть после его смерти, если по какой-либо причине прежний руководитель не смог подготовить себе смену. История почти каждого

татарского медресе знает немало подобных моментов. Я же попробую показать это на примере медресе Буби.

Габдулкарим Халиуллин, третий имам и первый мударрис в Иж-Буби, имя которого известно нам, приметив шакирда знаменитого медресе Мачкара Нигматуллу, сына Мунасыпа (1889/90–1845), какими-то судьбами оказавшегося в Иж-Буби, решил подготовить его себе на смену.

Нигматулла, выходец из служилых татар деревни Береске Казанской губернии, уже завершал учебу в медресе, прослыл хорошим знатоком мусульманского права, имел несколько переписанных собственноручно авторитетных средневековых книг по богословию со своими комментариями, любил участвовать в богословских, часто схоластического характера, диспутах (этот прием был широко распространен в татарских медресе) и нередко побеждал в них, был энергичен, прямолинеен.

Габдулкарим-хазрат женил его на своей дочери Газизе (1801–1843) и взял себе в помощники как в мечети, так и в медресе. После смерти хазрата в 1825 году дела полностью перешли к Нигматулле, и первый период известности медресе Буби связан с его именем. У Нигматуллы и Газизы было несколько дочерей (по традициям того времени их имена и даже количество до нас не дошли) и три сына — Губайдулла (1821–1845), Габдулгаллям (1834–1903) и Габдулла (1837/38–1883), которые, по мысли хазрата, должны были пойти по его стопам.

Однако старший сын, выдававший большие способности и отличавшийся проницательным умом, не захотел наследовать дело отца и выбрал себе торговое поприще (большинство жителей деревни жило торговлей).

Первая его поездка в Среднюю Азию была очень удачной, он вернулся с большой прибылью, но вторая поездка окончилась трагически — Губайдулла был ограблен и варварски убит на башкирских землях при возвращении домой.

Нигматулла скончался 26 февраля 1845 года еще до получения этой ужасной вести, оставив кучу малолетних детей. Медресе же перестало существовать, так как второй мулла Иж-Буби Джалалетдин Габдулкаримов был невежествен и заниматься обучением детей не только не мог, но и не хотел.

Друг Нигматуллы-хазрата и благодетель сельский торговец Мухаммет-садык сын Гайсы отвез одиннадцатилетнего Габдулгалляма учиться в медресе Фазлуллы-ишана в деревню Такталачук Мензелинского уезда.

А Габдулла, которому не было еще и восьми лет, нанялся мальчиком к сельским торговцам. Пока старший брат учился в медресе, младший, при жизни отца едва начавший различать буквы, не только выучился самостоятельно читать и писать по-татарски, но и изучил русский язык и пристрастился к чтению газет. Немного повзрослев, он занялся мелочной торговлей и сумел и себя прокормить, и содержать дом, и даже помогать материально брату.

В 1857 году двадцатитрехлетний Габдулгаллям, завершив свое образование, вернулся в Иж-Буби и был избран имамом и мударрисом. В том же году хазрат женился на Бадрелбанат, дочери имама и мударриса Иманкула, сына Махмуда деревни Чебенле Мензелинского уезда. Она была образованной девушкой, знала достаточно хорошо арабский и персидский языки, т.е. была подготовлена к роли абыстай (это слово употреблялось при обращении к женам мулл и означало образованная женщина). С этого времени молодые Бадрелбанат и Габдулгаллям Нигматуллины начали обучение детей в Иж-Буби.

«Дни прогресса и счастья Буби начинаются с этого времени, когда наш отец стал имамом в Буби. Ибо с этого дня отец стал обучать мальчиков, а мама —

девочек, и таким образом они начали освещать Буби светом науки и просвещения. Когда наш отец приступил к своим обязанностям, в Буби уже тринадцать лет не было медресе, шакирды все разошлись кто куда. Поэтому деревня Буби была пуста, и от знаний, учения ничего не осталось. Но когда отец объявил о создании своего медресе, его учитель Якуб-хазрат дал ему несколько своих шакирдов, да и с округи собралось достаточно желающих учиться у него юношей. И обучение началось, но так как специального для медресе здания еще не было, уроки проводились в доме Гарая сына Мухамедрахима... Жаждавший учения народ, увидев в Буби шакирдов и обрадовавшись, как будто увидел ангелов, стал предпринимать шаги к строительству здания медресе», — описал Г.Буби возрождение медресе в селе.

Второй этап известности медресе Буби начинается, таким образом, в конце 50 — 60-х годов XIX века. Росло число шакирдов, сельские благотворители строили новые здания для медресе, что было показателем того, что Габдулгаллям-хазрат оказался способным учителем, умевшим заинтересовать своих учеников учебой, выработать у них стремление к знаниям. Не менее старательно занималась религиозно-нравственным воспитанием девочек и молодая его жена Бадрелбанат-абыстай. Так они вместе прививали детям тягу к знаниям и уважение к письменному слову, развивали их внутренний мир и мышление. Это, а также образ жизни и поведение способствовали росту их авторитета не только у прихожан, но и у окрестного населения, что приводило и к росту числа шакирдов.

У хазрата и его жены родилось шестеро детей. Но первые три ребенка умерли в младенчестве, и родители очень переживали, что не смогли уберечь их от смерти. На их счастье трое следующих — Губайдулла (1866–1938), Мухлиса (1869–1937) и Габдулла (1871–1922) оказались жизнестойкими. Взросление их пришлось на 70–80-е годы, когда реалии второй половины XIX века требовали нового осмысления эпохи.

Образование братья получили в медресе своего отца. «Хотя наше старое медресе и не пользовалось славой на стороне, — вспоминал Габдулла позднее, — в нем обучали всему, чему учили в знаменитых в то время медресе Тюнтера, Кышкара, Казани. Даже толкование Корана и хадисы, чему в тех медресе не обучали или обучали очень мало и лишь летом во время каникул, было внесено в число уроков нашего медресе».

В формировании и развитии мировоззрения человека первостепенное значение имеют среда, близкое окружение, воспитание. Особая атмосфера уважения к знанию и книгам, царившая в семье, окружала мальчиков с детства.

Все дети рано пристрастились к чтению, много и увлеченно читали, особенно восточную классику. Истинным образцом служения знаниям и просвещению были для них родители — Бадрелбанат-абыстай и Габдулгаллям-хазрат, а также дядя Габдулла, младший брат отца, мударрис знаменитого тогда медресе Стерлибаш Уфимской губернии. Губайдулла, бывший старшим, также сыграл значительную роль в духовном становлении Мухлисы и Габдуллы.

Мударрис очень серьезно относился к обучению шакирдов. «Наш отец не пропускал уроков, как многие мударрисы, из-за приглашений в гости, в продолжение учебного года не уезжал в другие деревни и во время уроков не бросал шакирдов ради каких-либо сельских событий, кроме церемонии никаха. В то время, как шакирды многих медресе вынуждены были довольствоваться одним уроком в два-три дня или даже в неделю, наш отец не лишал шакирдов своих ежедневных уроков... Занимался уроками утром с половины девятого до двенадцати, после обеда с двух до пяти, а зимой, когда дни были коротки, заходил в медресе после вечернего намаза и занимался с шакирдами часов до девяти-десяти», —

отмечал его сын. Такое серьезное отношение к обязанностям мударриса показывает его незаурядность, преданность делу обучения и воспитания.

Габдулла-махдум (так называли сыновей мулл) отмечал: «Естественно, и у нас не было упорядоченного начального обучения, не существовавшего тогда ни в одной татарской школе... Но, как и в других медресе, и у нас изучали: по арабской морфологии — «Бидан» и «Шархе Габдулла», по синтаксису — «Кавагид» с «Гавамилом», «Анмузаджем» и «Мулла Джами», по логике — «Йсагуджи», «Шамсия Мирсайд» и «Сулям кази», по каламу — «Гакаид», «Мулла Джалал» и «Ахун Юсуф», по красноречию — «Талхис», по законоведению — «Мухтасар» и «Хидая», по основам шариата — «Зубдат ал-асрар» и «Таузих» с «Талвихом», по этике — «Гайн ал-гильм» и «Тарикаи Мухаммадия», по хадису — «Мишкат ал-масабих» и «Сахих ал-Бухари», по тафсиру — «Казий Байзави», по счету — «Холясат ал-хисаб», по правилам наследования — «Сираджия».

Сравнение программы медресе Буби с традиционным курсом наук, изучаемых в мусульманских медресе на протяжении веков, показывает, что она была достаточно всеобъемлющей. Преодолевшим начальную ступень обучения и жаждущим пополнить свои знания и подготовиться к будущей духовной деятельности шакирдам Габдулгаллям-хазрат предлагал заниматься по двенадцати предметам.

Перечень учебников показывает, что в этом медресе использовались достаточно известные и широко распространенные в татарских медресе книги авторитетных средневековых авторов. Особенно необходимым считалось изучение морфологии и синтаксиса арабского языка, логики, калама, законоведения и основ шариата. И многие шакирды, одолев эти пять-шесть курсов, считали себя вполне готовыми к духовной деятельности и не утруждали себя дальнейшим учением.

Естественно, сыновья муллы изучали все эти книги, а повзрослев, занялись и самообразованием. Большое воздействие на них оказали произведения Шигабутдина Марджани (1818–1889), Каюма Насыри (1825–1902) и, конечно же, газета «Тарджиман» Исмагила Гаспринского (1851–1914). Просветительские идеи, пропагандируемые в газете, в сравнительно короткий срок начали завоевывать умы.

«Прошло несколько лет, и уже плоды его усердной работы вырастали на его глазах. Под влиянием «Тарджимана» открывались в разных концах России масса новых школ, много благотворительных учреждений, начиналась литературная деятельность. Мусульмане России посредством «Тарджимана» ознакомились и общались друг с другом и осведомлялись о том, что совершается во всем культурном мире. Газета побуждала иных к совершенствованию своих знаний, иных — к общественной работе, а иных к литературной, иных к педагогической деятельности, и не прошло десятка лет, как Гаспринский нашел себе сотни сторонников, которые развивали и распространяли идеи великого учителя», — подчеркивал литературовед Дж.Валиди в работе «Очерк истории образованности и литературы волжских татар (до революции 1917 г.)».

Среди сторонников И.Гаспринского оказались и сыновья Габдулгаллям-хазрата. Старший из них, Губайдулла, в 1890 году отправился учиться в Стамбул, где поступил в среднее отделение одного из самых передовых учебных заведений Турции — «Мектеб-и мулькие-и шахане», созданного по примеру французских светских учебных заведений для подготовки государственных чиновников. Габдулла же, также страстно желавший продолжать образование, должен был остаться помогать родителям.

Братья нашли выход: Губайдулла из Стамбула присылал необходимые книги

и подробные советы и рекомендации. Так под руководством брата Габдулла продолжал заниматься самообразованием, по мере возможности знакомясь со всеми предметами, которые изучал брат. Особенно занимала его математика, и это его увлечение сохранилось надолго. По воспоминаниям шакирдов, даже уже став известным мударрисом и ученым богословом, он, как в молодости, ночи напролет просиживал за геометрическими и алгебраическими задачами.

В эти годы братья увлекались новым направлением мусульманской мысли и зачитывались, в частности, трудами арабских просветителей-гуманистов Мухаммеда Абдо, Абдуррахмана ал-Кавакби, Касима Амина, турецких реформаторов-идеологов «новых османов» Намыка Кямала, Зии-бея, Ахмеда Мидхата (Мидхата-паши) и других. Через их произведения они восприняли идеи французских просветителей Руссо, Монтескье, Вольтера и других, а воплощение этих идей стало смыслом их жизни.

Еще будучи шакирдом, братья стали помогать отцу в медресе, постигая таким образом искусство обучения. Тогда же Габдулла написал несколько комментариев к классическим арабским учебникам богословия, в которых критиковал старых авторов. Затем увлекся сравнительным изучением религий, написал несколько работ, посвященных критическому анализу христианства.

В 1895 году двадцатичетырехлетний Габдулла стал указным муллой и с благословения отца приступил к реорганизации медресе. Он отправил одного из своих шакирдов, М.Ф.Галимова, в Бахчисарай к И.Гаспринскому для обучения новому методу («ысуле джадид») и на деньги купца М.Ахметзянова построил здание для начальной джадидской школы из четырех больших комнат (для четырех классов), снабдив их настоящими партами, классными досками и другим оборудованием (чего никогда не было в старых мусульманских школах). Осенью того же года из Стамбула, завершив учебу, вернулся его старший брат Губайдулла. Габдулгаллям-хазрат полностью передал медресе в ведение братьев и впоследствии ни разу не усомнился в правильности своего решения.

Необходимо отметить, что на рубеже двух веков братья Нигматуллины-Буби приступили не только к реформе существовавшего уже около ста лет медресе, но и к созданию невиданной доселе у татар женской школы. Главным организатором, душой и вдохновителем создания в Иж-Буби очага просвещения, подобного которому не было в то время не только у татар, но, пожалуй, и во всем мусульманском мире, был Габдулла Буби, Губайдулла же был идеологом преобразований. Но не только братья, а и их жены Насима и Хуснифатима и сестра Мухлиса самоотверженно отдались делу просвещения. Родители же своим авторитетом всецело поддерживали их начинания. Габдулла Буби неоднократно подчеркивал, что ни одно из их с братом начинаний не было бы реализовано, если бы они не ощущали постоянную их поддержку и одобрение.

Постепенно отказываясь от старых книг и приучая шакирдов к новым порядкам, семейство Буби к 1902 году создало комплекс мужской и женской средних школ, где наряду с глубоким изучением богословия давалось и широкое светское образование. Но и в дальнейшем, подвижнически служа высоким просветительским целям, Буби продолжали совершенствовать учебные программы, вводить новые предметы, открывать новые классы.

Остановлюсь подробнее на истории создания женской школы в Иж-Буби. В то время как у татар для мужчин существовала освященная веками традиционная система религиозного образования, образование женщин оставалось в зачаточном состоянии во все времена, хотя, пожалуй, не было ни одной деревни, где бы девочки

совсем ничему не учились. Об этом говорят и официальные данные. Так, по сведениям казанского губернатора, в мусульманских мектебах Казанской губернии в 1900 году обучалось 18186 татарок, т.е. на 12 женщин приходилась одна ученица, в то время как, по тем же данным, одна учащаяся приходилась на 55 русских женщин.

Но что это была за учеба? По сложившейся традиции девочки в течение нескольких лет ходили к жене муллы — абыстай брать уроки. Знаток состояния образования у татар Я.Д.Коблов в работе «Конфессиональные школы казанских татар» отмечал: «Женские школы имеют совершенно случайный характер. Дело образования девочек обычно находится всецело в зависимости от личного усердия и образованности жены приходского муллы, так как учительницами женской половины мусульманского населения обыкновенно являются жены мулл, которые собирают девочек и учат их у себя на дому». Конечно, школами эти мектебы можно было назвать только с большой натяжкой. Они устраивались просто: «Жена муллы — учителя, особа грамотная, задумывая учить у себя девочек, объявляет о своем желании населению; девочки собираются, и школа считается открытой». Хорошо, если это была образованная женщина, такая, как Бадрелбанат-абыстай, могущая научить своих учениц начаткам грамоты и религии.

Однако большая часть жен мулл была совершенно не подготовлена и занималась обучением и воспитанием девочек прихода лишь потому, что это традиционно входило в их обязанность. Вот еще одно свидетельство. Директор народных училищ Вятской губернии писал попечителю Казанского учебного округа: «В татарских женских конфессиональных школах девочек обучают жены и родственницы мулл, которые и сами едва только умеют читать и писать по-татарски. Большинство же этих учительниц не только не умеет читать...». К сожалению, черновик письма на этом обрывается, следующий лист не сохранился. На листе нет и точной даты, но то, что он подшит вместе с бумагами начала XX века, позволяет предположить, что и письмо писалось тогда же. Однако и сказанного более чем достаточно для доказательства состояния образования татарок.

С началом деятельности новометодистов положение женского образования мало изменилось, так как, во-первых, вначале новометодные школы создавались в основном для юношей. Во-вторых, единичные женские новометодные школы, открывавшиеся почти одновременно с введением нового метода обучения грамоте в мужских мектебах, в лучшем случае давали лишь элементарную грамотность, чего явно было недостаточно для подготовки будущих «матерей нации». Девочки, прошедшие «курс учения», в большинстве своем могли читать только определенные книги религиозно-нравственного содержания и знали наизусть необходимые молитвы, что обнаружилось, когда стали устраивать публичные экзамены в подобных школах.

А жаждущие знаний девушки, которых к началу XX века становилось все больше, могли, как и прежде, получать их лишь у своих ученых родителей или братьев, мужей, а также слушая украдкой уроки для шакирдов. Фактически каждая из татарок, ступившая на стезю общественной жизни на рубеже XIX — XX вв., именно так получала знания. Лишь вкусив таким образом сладость познания, они продолжали самообразование и становились просвещенными людьми. Это и Галимателбанат Биктимирова, Фахрелбанат Сулеймания, Газиза Самитова и другие, о творчестве которых речь шла в предыдущем очерке, а также Магруй Барудия, Магруй и Махмуда Музаффарии, Лябиба Хусаинова, Фатыма-Фарида Вагапова и многие другие, активно включившиеся в общественную жизнь в эпоху первой

русской революции или несколько ранее. В эту плеяду женщин, несомненно, входят и женщины ставшего широко известным своим подвижничеством и завоевавшего огромный авторитет просветительской деятельностью семейства Нигматуллиных-Буби.

Старшая из женщин — Бадрелбанат-абыстай, по словам ее сына, Габдуллы Буби, «образованная, достаточно хорошо знавшая арабский и фарси», получила образование у своего отца. «Обучая с очень большим старанием, наша мама хоть немного спасала женщин от невежества, обучала их грамоте, а некоторых даже немного познакомила с персидским и арабским языками», — отмечал Г.Буби в своей рукописной «Краткой истории медресе Буби».

Приступившие в 1895 г. к преобразованию мужского медресе братья Буби, убедившись в первых успехах своих начинаний, с согласия родителей решили начать и создание совершенно нового типа женской школы. К этому времени они уже были активными сторонниками равноправия женщин. Воспитание и обучение женщин, предоставление им широких возможностей для повышения образованности и культуры, по их мнению, являлось одним из необходимых условий преодоления отсталости и обеспечения прогресса нации.

Как писал позднее Габдулла Буби в своем рукописном сочинении «Женщины», нацию, женская половина которой остается невежественной, можно сравнить с наполовину парализованным человеком. К тому же женщина — первый и главный воспитатель детей. Именно она формирует характер ребенка, воспитывает его ум и чувства, прививает ему первые нравственные понятия. «В воспитании человечества ни один учитель не может оказать такого влияния, как мать», — отмечал он. Следовательно, подчеркивал он, необходимо дать женщине такое образование и воспитание, чтобы она сумела успешно выполнить эту задачу. Так на рубеже веков братья Буби пришли к мысли о необходимости реформирования обучения и воспитания не только юношей, но и девушек, и создание образовательно-просветительского комплекса для воспитания будущего нации семья Нигматуллиных-Буби сделала делом своей жизни. Родители же своим авторитетом всецело поддерживали начинания своих детей.

Вот как писал об этом сам Г.Буби. Про отца: «Еще при жизни отца мы начали реорганизацию женской школы. И вместе с братом начали давать некоторые уроки в этой женской школе. (Удивительный факт! На рубеже XIX–XX веков, когда даже обучение девушек письму считалось запретным, два молодых муллы дают уроки в женской школе, свободно общаясь с ученицами! Не забудем и то, что происходит это в татарском селе. Знающему обычаи и порядки того времени трудно даже вообразить эту картину! — А.М.) Отец совершенно не возражал против всего этого, наоборот, он поощрял нас, благодарил, возносил молитвы и защищал нашу цель от мулл, считавших священным все старое, вплоть до старой одежды. Следовательно, видно, что покойный отец, уже достигший семидесятилетнего возраста, не был фанатиком, приверженным к старому. Это был человек очень свободомыслящий, воспринимающий все новшества. По этой причине, пока он был жив, ни один мулла не выступал против нас».

Новшества в женской школе поддерживала и Бадрелбанат-абыстай, что стало особенно важно после смерти Габдулгаллям-хазрата. «Так как благодаря отцу она также была свободомыслящей, мама ничуть не возражала против реорганизации женской школы и нашего участия в преподавании в ней. Наоборот, она также защищала все эти наши дела, и так как за свою глубокую религиозность и правед-

ность почиталась святой не только простым народом, но и окрестными муллами, мы широко пользовались ее защитой, авторитетом и влиянием на окружающих. Незнающих и поэтому противившихся нашим начинаниям людей мы не раз оставляли словами: «Все наше дело возглавляет мама, если бы было не по шариату, она не дала бы нам воли», — отмечал Г.Буби роль матери в становлении женской школы нового типа.

Конечно, самое активное участие в создании новой женской школы принимали молодые женщины семьи — жены братьев и их сестра Мухлиса. Братья, видимо, женились на девушках, стремившихся к знаниям и образованию. Об этом свидетельствует не только вся их последующая жизнь, но и то, из каких семей они вышли. Жена Губайдуллы-эфенди, Насима Шакирджановна Файзуллина, была двоюродной сестрой Хариса Файзи-Чистапули, учившегося вместе с ним в Турции (Род Файзуллиных в XX веке дал немало известных людей — например, это и известный драматург Мирхайдар Файзи, и сам Харис Файзи, и его сыновья композитор Джаудат и нейрорентгенолог Мидхат.) Габдулла Буби женился на свояченице своего единомышленника и основного благотворителя медресе Мухаммеджана Ахметзянова Хуснифатиме Гиззатуллиной (1882–1941).

В это время и их сестра, Мухлиса-абыстай, чья семейная жизнь сложилась несчастливо, вернулась в Иж-Буби.

Просветители, приступая к созданию женского медресе, решили подготовить сестру и своих молодых жен к работе в женской школе. «Мы упорядочили эту школу, систематизировали методы и пути обучения. И ежедневно давали по два урока в ней, — писал Габдулла Буби. — Но наша родная сестра Мухлиса Буби, супруга брата Насима, и моя жена Хуснифатима отдавали работе в этой школе всю душу, все свои способности, жертвовали всем ради благополучия и процветания женской школы. Они втроем по вечерам брали у нас уроки, целыми днями обучали в школе и преодолевали немыслимые, никем до сих пор не виданные препятствия. Во имя направления женщин России по пути знания и просвещения они, выслушивая самые грубые обвинения, брали на себя многие беды и тяготы и, не получая ни копейки жалованья, лишь ради нации вкладывали огромные труды и старания, что присущи только великим людям».

Г.Буби не назвал конкретного времени, когда они приступили к созданию женской школы. Но используя приведенные им в «Краткой истории медресе Буби», путем несложных подсчетов можно приблизительно определить дату возникновения женской школы в Иж-Буби. К 1901/02 учебному году, по словам Г.Буби, уже действовали четырехлетняя начальная школа — ибтидаи — и два средних класса рушдии, т.е. женская школа стала шестилетней. Для того чтобы открыть шестой класс, нужны ученицы с соответствующим уровнем образования. Следовательно, начало обучения девочек братьями Буби с использованием нового метода можно отнести примерно к 1897–1898 годам.

Так стараниями семейства Нигматуллиных-Буби к 1901/02 учебному году в Иж-Буби возникла шестилетняя татарская женская школа. Братья полностью перенесли в нее принципы организации начального образования, применяемого ими для обучения мальчиков. И в татарской женской начальной школе, можно сказать, впервые в ее истории были определены продолжительность обучения (4 года), количество уроков в неделю (по 24 урока в 1–2 классах и по 25 — в 3–4-х), изучаемые предметы и количество уроков по ним.

Школа Буби было хорошо оборудована: имелись парты, классные доски, геог-

рафические карты, глобусы, другие учебно-наглядные пособия. Все расходы по содержанию женской школы братья Буби взяли на себя. Предлагаю рассмотреть сетку часов по предметам, составленную братьями.

Как показывает таблица, здесь наряду с вероучением преподавались чтение, письмо и грамматика тюркского (татарского) языка, арифметика, география. Введение всех этих предметов в программу обучения девочек было совершенно новым явлением. Также обращает на себя внимание то, что большую часть времени занимают предметы общеобразовательные: 59 часов из 98 недельных, или почти 60% времени! А в пятом и шестом классах, не вошедших пока в учебный план, в 1901/02 учебном году преподавались еще и естествознание, всеобщая история, арабский и персидский языки, гигиена, каллиграфия, домоводство, рукоделие. В то время это была единственная женская татарская школа, в которой имелись программы, определенные сроки учебного года, расписание уроков.

Таблица 1

Недельная сетка часов для женской начальной школы

Названия уроков	1 класс	2 класс	3 класс	4 класс	Всего
Азбука, письмо, чтение	18				18
4 действия арифмет.	4	4	6	6	20
Тюркское (татар.) чтение		6	4	4	14
Тюрк. (татар.) письмо		4	1	2	7
Коран	2	6	6	6	20
Основы вероучения		3	4	4	11
Заучивание сур		1			1
Правила чтения Коран			2		2
География			1	2	3
Истор. пророков и ислам			1	1	2
Всего уроков в неделю	24	24	25	25	98

Возможно, деятельность семейства Буби и других создателей женских новометодных школ явилась причиной того, что в книге противника преобразований в татарском обществе Г.Мухиддинова под названием «Стальные пики против нового метода» появилась специальная глава, направленная против женского образования. «В одной из глав своей книги Мухиддинов яростно нападает на реформу в женском образовании, на обучение женщины письму и на вводимый в последнее время обычай, по которому экзаменационные испытания учениц производятся в школах мужчинами, — отмечал начальник главного управления по делам печати князь Н.В.Шаховской в 1900 году, анализируя татарскую печать. — В шариате

(т.е. священном законе мусульман), замечает Мухиддинов, нет позволения обучать их письму, так как обучение употреблению пера есть дверь к соблазнам. Он старается затем доказать низкое сравнительно с мужчиною положение женщин, утверждая, что их невежество и ограниченность предначертаны самим Провидением».

Сам Габдулла Буби также писал о подобных нападках со стороны консервативных мулл и невежественных прихожан. «Каких только нелепостей нам не пришлось услышать в связи с этой женской школой! Что только ни говорилось: что девушки гуляют по улицам под ручку с шакирдами, что несколько девушек родили детей, что шакирды и девушки, собираясь вместе, поют и пляшут, что мы после проведенного урока целуем каждую девушку в губы... Даже в наше обвинительное заключение в 1912 году по свидетельству (жандармского) ротмистра был включен пункт о том, что якобы из наших с братом комнат был устроен тайный путь в спальню девушек», — грустно иронизировал Г.Буби, вспоминая историю создания своей женской школы.

При создании просветительского комплекса братьев поджидали не только организационные трудности. Как известно, бичом селений, особенно в жаркое время, были пожары, уничтожавшие иногда целые села. Так и летом 1905 года в Иж-Буби произошел большой пожар — выгорела почти вся деревня, не пострадали лишь несколько домов, в частности здания мужских школ, находившихся на острове, и мечети. Сгорела и вся усадьба семейства Буби, в том числе и женская школа.

Габдулла-эфенди в это время отсутствовал (совершал хадж, знакомился с постановкой учебного дела в странах Ближнего Востока), и все заботы по восстановлению хозяйства легли на плечи старшего брата. К возвращению в марте 1906 года брата из путешествия Губайдулла Буби уже начал строительство двух больших двухэтажных зданий — одно для жилья многочисленной и дружной семьи (оно сохранилось до сего дня) и рядом другое, для женского медресе.

Для функционирования школы необходимы не только желание и возможности ее создателей. Не менее, чем в создателях и преподавателях, школа нуждалась и в ученицах. Откуда же могли взяться ученицы, если менталитет, традиции мусульманского общества не допускали такое обучение девушек, какое предполагали братья Буби? Успешной деятельности по созданию женского медресе в Иж-Буби способствовала новая обстановка в стране и в татарском обществе, возникшая в условиях назревания и развертывания первой революции в России.

Именно в этот период перед татарским обществом вплотную встала проблема подготовки «матерей нации», способных не только «воспитать настоящих детей нации», но и «повести нацию к прогрессу», для чего было необходимо организовать обучение и воспитание женщин по-новому. Уже говорилось, что этими идеями была насквозь пронизана татарская художественная, нравственно-педагогическая, историческая, публицистическая литература, получившая широкое распространение в эти годы. И вдохновленные этой литературой девушки, узнав о школе Буби, устремлялись со всех концов страны в Иж-Буби.

Семейство же Буби, пользуясь колебаниями в политике правительства, вызванными революцией, и прямой поддержкой сторонников преобразований в татарском обществе, продолжало совершенствовать учебные программы, вводить новые предметы, открывать новые классы. При этом братья Буби помогали практическими советами руководителям вновь создаваемых женских школ.

Так в 1907-м или 1908 году в Иж-Буби в течение нескольких месяцев стажировалась посланница Лябибы Хусаиновой, открывшей свою женскую школу в Казани и прикладывавшей много сил для ее развития. Это была Амина Галеева, дочь Салихджана и племянница Галимджана Баруди, известных казанских мудар-рисов. На следующий год уже братья Буби отправили в Казань для передачи опыта учительницу своей школы Газизу Шамову.

Достигнув определенного уровня, братья столкнулись с почти неразрешимой дилеммой: присущая им осторожность подсказывала, что афишировать результаты преобразований нежелательно; в то же время им хотелось передавать свой опыт другим, хотелось охватить обучением и воспитанием не только девочек своей деревни и округа, но и всех желающих учиться у них. Именно в годы первой российской революции слава мужского и женского медресе Буби стала распространяться на просторах империи.

Этому способствовали и возникшая в эти годы татарская периодическая печать, доносившая до самых дальних уголков страны новости татарского общества, и участие братьев Буби в общественно-политической жизни, и, конечно, учащиеся мужского и женского медресе. Возвратившись в родные места на каникулы или по окончании учебы, они рассказывали о создаваемом в Иж-Буби совершенно новом комплексе учебных заведений, о неведомых предметах, изучаемых в них... И их братья и сестры, соседи и знакомые, уговорив родителей, отправлялись вслед за ними учиться в Иж-Буби.

События революционных лет вдохнули в реформаторов уверенность в правоте их дела. Они с еще большей решимостью продолжили и дело создания женской школы, задумав превратить ее в настоящую женскую учительскую семинарию. В 1907 году при содействии гласного Сарапульского уездного земства, своего горячего сторонника и единомышленника Бадретдина Залялетдинова братья Буби добились открытия в Иж-Буби земского одноклассного женского русско-татарского училища, ставшего составной частью женской школы, имевшей к этому времени семь классов.

Г.Буби вспоминал, что они опасались недовольства родителей учениц этим их шагом: занятия русским языком девушек могли показаться неприемлемыми для правоверных мусульман, началом отхода от веры их отцов и дедов. «Но особо возражавших против введения русского языка в женскую школу не было, — писал он. — В сущности в округе уже немного привыкли к этому, так как мы в течение двух-трех лет, нанимая за свой счет частную учительницу русского языка, обучали девушек русскому языку летом». После включения одноклассной русско-татарской школы в состав женского медресе братья составили новый учебный план и для его средних классов.

Обращает на себя внимание, что 5–7 классы женской школы полностью отда- ны изучению общеобразовательных предметов. Это, возможно, связано с тем, что религия основательно изучалась в начальной школе. Кроме того, в эти годы перед татарским обществом вплотную встала проблема подготовки учительниц для начальных женских школ, и братья Буби, как видно, решили обстоятельно взяться за это дело. А для этого необходимо было дать будущим учительницам как можно более широкие знания в сравнительно короткие сроки.

Как показывает таблица, программа была обширной, вполне достаточной для подготовки учительниц. При этом более половины всего времени отводилось на изучение языков и предметов гуманитарных: арабского, персидского, русского и тюркского языков, географии, всеобщей истории, риторики. Серьезное место

занимали предметы естественно-математического цикла — математика, физика, зоология, ботаника. Уделялось внимание таким предметам, как этика и психология, воспитание детей, домоводство, гигиена, рукоделие, особо необходимым не только для работы учительниц, но и в семье и общении всем девушкам... Количество уроков в неделю достигало 30–33, из них на изучение русского языка в каждом классе отводилось по 12 часов.

Таблица 2

Недельная сетка часов в 5–7 классах женской школы, 1907 год

Названия предметов	5 класс	6 класс	7 класс	Всего
Арабский язык	2	2	2	6
Этика и психология	1	1	1	3
Арифметика	3	3	4	10
Тюркский язык	4	1	1	6
Персидский язык	1	1		2
География	2	2		4
Всеобщая история	2	2	2	6
Физика и естествознание	3	3	3	9
Гигиена		1	2	3
Зоология		1	1	2
Ботаника			2	2
Воспитание детей			1	1
Домоводство			1	1
Риторика		1		1
Рукоделие			1	1
Русский язык	12	12	12	36
Всего часов в неделю	30	30	33	93

Так братья Буби продолжали совершенствовать учебный процесс. Но и противники женского образования, пытаясь остановить их деятельность, не успокаивались. Особенно активизировался в эти годы знаменитый своим консерватизмом Ишмишан, который в своих проповедях обвинял братьев в ереси, проклинал их, называл их неверными, а в 1907 году выпустил даже фетву (приговор духовного лица по шариату. — А.М.) о запрете обучения девушек письму.

«Но женская школа с каждым днем прогрессировала, — констатировал Г.Буби. — Девушки собрались из Уфы, Казани, Москвы, Симбирска, Ташкента, Самарканда, Семипалатинска, Тюмени, Астрахани, Каракуля, Пишпека, Касимова, Зайсана, короче, со всех уголков России. И окрестные муллы, даже самые консервативные из них, привезли к нам своих дочерей, ибо они каждый раз, приезжая в Буби, убеждались в том, что все сказанное о школе ложь и клевета».

Итак, в Иж-Буби возникло учебное заведение, готовившее учительниц для татарских начальных женских школ. Хотя уже первые его выпускницы, в свою очередь, еще в начале XX века стали создавать начальные школы по типу школы Буби, и их деятельность немало способствовала росту числа новометодных женских школ в годы первой русской революции, отсутствие у них официально признанных документов, удостоверявших их право на обучение детей, делало их положение весьма шатким. Правда, в те революционные годы об этом еще не очень задумывались, так как административные органы пока как будто не замечали изменений, происходивших в школьном деле татар. Получение в 1908 году братьями Буби от Сарапульского училищного совета разрешения (права) принимать экзамены на звание учительницы-мугаллимы начального татарского училища и выдавать свидетельства, дающие лицам, выдержавшим эти экзамены, право преподавания, внесло существенные изменения в положение выпускниц школы Буби — будущих учительниц.

Первыми такие свидетельства, являвшиеся официальным документом, получили Мухлиса, Насима и Хуснифатима Буби и другие учительницы самой женской школы. К этому времени женщины семьи Буби были уже высокообразованными и опытными учительницами, хорошо знавшими не только исламское вероучение. Братья полностью поручили своей сестре Мухлисе Буби руководство женским медресе, этой первой в России упорядоченной средней женской татарской школой.

Закрепление права выдачи свидетельств означало, что созданное в Иж-Буби женское медресе официально признано учебным заведением, готовящим мугаллим для татарских школ. Так появилась первая в России татарская женская учительская семинария — дарельмугаллимат. Нужно подчеркнуть, что свидетельства, выдаваемые в Буби, были тогда для татарских учительниц единственным официальным документом, признававшимся всеми административными органами. Если учителя-мужчины могли получить подобный документ от Оренбургского духовного собрания, то у учительниц такой возможности до тех пор не было. «Школой, которая в России была раньше всех реформирована и раньше всех начала выпускать мугаллим, была вот эта женская школа Буби», — подчеркивал и сам Г.Буби.

Особую значимость этому событию придавало то обстоятельство, что число новометодных женских школ в послереволюционные годы стало расти даже быстрее, чем количество таких же мужских школ. По всей вероятности, это было следствием того, что система женского образования у татар фактически отсутствовала. При наличии горячего стремления к образованию создавать новое на свободном месте можно было несколько быстрее.

В Иж-Буби придавалось большое значение не только общеобразовательной и педагогической подготовке, но и воспитанию личностных качеств девушек. Ученицам внушалось, какая высокая миссия «матерей нации» их ожидает, в них воспитывалось уважение к труду, и особенно к труду учителя. Большое значе-

ние придавалось воспитанию в ученицах привычки к самообразованию. Их приучали читать не только учебную и художественную литературу на всех изучаемых языках, но и общественно-политические, философские и иные не менее серьезные произведения, касающиеся различных волнующих татарское общество проблем.

Ученицы могли пользоваться книгами, газетами и журналами как из библиотеки самого женского медресе, так и личной библиотеки семьи Буби и библиотек сельской и мужского медресе. Поощрялось обзаведение собственными книгами, для чего братья от своего имени делали заказы в различные книжные издательства (это позволяло учащимся сэкономить несколько копеек на покупке каждой книги). В свободное от занятий время учили девушек и рукоделию. Порицалось лишь ничегонеделание. Но атмосфера в школе была такой рабочей, дружественной и строгой одновременно, что отлынивающих от учебы и других полезных занятий просто нельзя было и представить.

Официальное признание женского медресе в Иж-Буби как центра подготовки учительниц привело к еще большему увеличению числа учениц в нем. По данным директора народных училищ Вятской губернии, в 1909/10 учебном году в школе было 120 учениц, но, по-видимому, значительно больше. Так вспоминали ученицы школы, это же можно заключить и по рукописи Г.Буби, хотя он и не называл конкретного числа. Здесь, пожалуй, более близок к истине вятский губернатор, писавший в донесении, что в женской школе перед ее закрытием обучалось до 300 учениц.

До 1908 года в Иж-Буби девушек, как и юношей, обучали бесплатно. В 1908 году, в зависимости от состоятельности шакирдов, установили плату за обучение в мужском медресе, а в 1909 году стали брать плату за обучение и с девушек. «Но эти деньги мы направили не на женскую школу, а на мужское медресе — отмечал Г.Буби. — Когда девушки, окончившие школу Буби, стали приглашаться в мугаллимы с окладом в триста-четыреста рублей в год, даже те окрестные муллы, которые, следуя словам Ишми из Тюнтера, твердили о греховности обучения девушек, начали заполнять нашу школу своими дочерьми: ведь мулле ничего не стоит отправиться за деньгами даже в ад! Муллы, несогласные, когда их дети учились в школе, дать в ее пользу хотя бы копейку и находившие всевозможные фетвы, чтобы самим не давать эту копейку, очень полюбили получаемое их дочерьми жалованье, признали его вполне законным. Девушек стало очень много; Москва, Казань, Уфа, Симбирск, Астрахань, Петропавловск, Ташкент, Самарканд, Каракуль, Капал, Зайсан, Семипалатинск — отовсюду приехали девушки. Причем их отцы не были бедны, как многие из тех, кто привозил к нам сыновей. Напротив, они были богаты. Поэтому не представило труда собрать с них в 1909 году 600, в 1910 году 800, в 1911 году 1000 рублей».

Вводя плату за обучение, братья Буби надеялись постепенно полностью освободиться от благотворительных сборов на ярмарках, от случайной зависимости от отдельных лиц, так как, как отмечал Г.Буби, «выпрашивать у баев трудно. Они очень любят поговорить о просвещении и прогрессе нации, но, когда дело доходит до денег, раскошеливаются очень туго».

Несмотря на создавшееся в условиях столыпинской реакции тревожное состояние вокруг Буби, братья продолжали работать над улучшением учебных программ и в 1909 году вновь усовершенствовали программу начальных и средних классов женской школы.

Недельная сетка часов для женской школы, 1909 г.

Названия уроков	1 кл.	2 кл.	3 кл.	4 кл.	5 кл.	6 кл.	7 кл.	Всего
Азбука, письмо и чт.	18							18
Математика	4	4	4	4	3	3	2	24
Рассказы по ист.	1	2						3
Вероучение		3	3	3	2	2	2	15
Толков. Корана			2					2
Коран	1	6	4	4				15
Тюрк. чт. и письмо		8	8	8				24
История пророков			2	2				4
География		1	1	1	2	2	2	9
Спец. чт. для девуш.				2				2
Физ.и естествозн.					2	2	1	5
История ислама					2	2	2	6
Арабский язык					4	4	4	12
Тур., перс.языки					2	2	2	6
Тюркское сочин.					1	1	1	3
Домоводство							1	1
Зоология							1	1
Русский язык					12	12	12	36
Рукоделие					1	1	1	3
Всего часов	24	24	24	24	31	31	31	189

Девушек обучали татарскому, тюркскому, русскому, арабскому, персидскому и турецкому языкам, географии, математике, физике, зоологии, домоводству и рукоделию. Более того, для желающих были и уроки французского языка. Кроме того, Г.Буби сделал следующее примечание к сетке часов женского медресе: «Так как в этом году мы не организовали 4 класс рушдии (т.е. 8 класс женской школы. — А.М.), уроки по краткой геометрии, психологии, гигиене, педагогике и методике не были внесены в эту программу, просто не было возможности».

В первых четырех классах серьезное внимание уделялось религиозному обучению и воспитанию (9–11 уроков из 24 недельных во 2–4 классах), а в старших классах девушки получали именно светское образование. При 4 уроках на вероучение и историю ислама из 31 недельного в каждом классе это не может вызвать никаких сомнений!

Постоянные изменения, вносимые в учебную программу как женской, так и мужской школ, объяснялись тем, что татарские новометодные школы не имели ни разработанных программ для них, ни типовых учебников. И новаторам приходилось самим подбирать наиболее приемлемый вариант обучения. Не было учреждения, занимавшегося делом подготовки, подбора и назначения учительских кадров. Не было органа, который занимался бы вопросами разработки программ, налаживания учебного процесса, методического руководства.

Правда, в годы революции начали было появляться различные союзы, комитеты и общества татарских мугаллимов, ставившие перед собой задачи улучшения учебного дела у татар и условий жизни самих учителей. Самым крупным из этих организаций было общество «Нашре магариф» (Распространение просвещения), возникшее в начале 1906 года в Казани и поставившее перед собой задачу объединения татарских мугаллимов для решения назревших вопросов татарской школы. III Всероссийский мусульманский съезд, состоявшийся 15–21 августа 1906 года также рассматривал эти проблемы.

Общество «Нашре магариф» провело летом 1906–1907 годов два совещания, в работе которых участвовали мугаллимы из многих мест, в том числе и Иж-Буби. Ими были выработаны учебные программы и образец расписания уроков для четырех начальных и четырех средних классов мужских школ, документы, касавшиеся вопросов управления учебными заведениями татар и внутришкольного распорядка, а также определявшие права и обязанности самих мугаллимов, составлены рекомендательные списки учебников и пособий для учителей и школьных библиотек.

Для татарских школ, за редким исключением все еще не знавших ни программ, ни расписания уроков, ни правил для учащихся, ни твердых сроков начала и окончания уроков или учебного года, короче говоря, ничего, что является неотъемлемой частью обычной школы в нашем понимании, решения этих съездов и совещаний, несомненно, имели большое значение. Они явились руководством для многих начинающих учителей и начали применяться даже в некоторых женских новометодных школах, например, в женской школе уфимского общества женщин-мусульманок. Но предназначенные только для мужских школ, они не учитывали специфики женского образования. А вопросов, требующих неотложного решения, как указывалось в первом очерке, было достаточно и у начинающих учительниц: по какой программе и чему учить девочек; какие учебники можно применять в женских школах; кому должны подчиняться женские школы и т.д.

К решению поставленных проблем в эти годы вплотную приступили братья Буби. В сущности в ходе развития женского медресе в Иж-Буби с самого начала разрабатывались концепция женской школы, программы и методика преподавания различных предметов в ней с использованием достижений мировой педагогики. Накапливался опыт учебно-воспитательной работы, в котором остро нуждались начинающие учительницы. В целях улучшения преподавания в новометодных школах и повышения уровня подготовки их учителей братья Буби решили организовать специальные летние курсы. С лета 1908 года в Иж-Буби стали неофициально работать трехмесячные курсы для мугаллимов (учителей) и отдельно

для мугаллим (учительниц). Эти курсы явились своего рода ответом на обращения учительниц за помощью через газеты.

В татарских газетах ежегодно помещались приглашения на эти курсы с перечислением предметов преподавания, условий обучения и проживания, с объяснением проезда. В первый год на курсах было всего 6 мугаллим. В 1909 году собралось 42 мугаллимы, а в 1910 году — 58 мугаллим. «Кроме знакомства с педагогикой и методикой обучения, они большую пользу получили и от изучения новых наук (общеобразовательных предметов. — А.М.), приехавшие мугаллимы все уехали очень довольные. Постепенно эти летние классы Буби должны были еще более окрепнуть, но в 1911 году нас арестовали...» — писал Г.Буби.

Курсы по подготовке мугаллим стараниями женщин семьи Буби продолжали работать и после ареста братьев. По сообщению газеты «В мире мусульманства» от 5 (18) августа 1911 года, тем летом на них занималось до 60 слушательниц. Таким образом, только на этих курсах в Иж-Буби за четыре года было подготовлено около 170 учительниц. Они получали здесь не только педагогическую и методическую подготовку. Знакома с постановкой дела в женском медресе, организаторы курсов учили мугаллим и принципам организации женской школы, давали им примерные программы учебных курсов, рекомендовали списки учебников и пособий для женских школ и библиотек и т.д. Нужно сказать, что курсы эти были двоякого направления. Среди приезжавших на курсы, кроме мугаллим, были и девушки, желавшие систематизировать свои знания, прослушать курс наук за определенный класс, перед тем как продолжить образование в Иж-Буби.

В 1910 году летом братья Буби, мугаллимы Р.Атнабаев и Ю.Валидов вместе с 84 мугаллимами, собравшимися на летние курсы, составили учебный план, недельную сетку часов и специальные программы по предметам для четырехлетней начальной мужской и женской школ. Программы четко определяли объем знаний и учебные книги по отдельным предметам. Был разработан тогда же и учебный план четырех средних классов женской школы (по всей видимости, по просьбе собравшихся на курсы мугаллим). «После того, как сделали эту программу, мы ввели в 4 класс женской рушдии (имеется в виду последний, восьмой, класс. — А.М.) по два урока педагогики и методики воспитания. Таким образом, улучшилась и женская рушдия», — отмечал Г.Буби.

Итак, появился восьмой, завершающий класс средней женской учительской семинарии (напомню, что женские гимназии в России были семиклассными, с дополнительным восьмым педагогическим классом). Во всех восьми классах были введены уроки рисования и каллиграфии. Значительно увеличилось число уроков на татарский язык и литературу, математику и естествознание, куда вошли и начало физики с химией, и зоология с ботаникой. Расширилось преподавание арабского языка, домоводства и рукоделия. И, самое главное, в программу восьмого класса включили преподавание педагогики и методики.

Все эти изменения говорят о том, что женская школа Буби приобрела оформленный вид женской учительской семинарии. Правда, обращает на себя внимание, что число часов в старших классах в женской школе доходило до 30–38. Следовательно, можно допустить, что предполагалась доработка учебного плана женского дарельмугаллимата и разгрузка его от лишних часов, как это было сделано в мужском медресе.

Какие же изменения были сделаны в 1910 году? Рассмотрим следующую таблицу.

Таблица 4

**Недельная сетка часов для начальной и
4 средних классов женской школы**

Название уроков	1	2	3	4	5	6	7	8	Всего часов
Тюрк.(татар.) чтение	6	5	3	3					17
Коран		4	4	4					12
Вероучение	2	3	3	3	1	1	1	2	16
Прав. чт. Корана			1						1
История ислама			2	2	2	2	1	1	10
География			2	2	1	1	1		7
Тюрк. язык и л-ра	4	3	4	5	3	3	3	3	28
Математика	4	5	4	6	2	2	2	2	27
Рисование	1	1	1	1	1	1	1	2	9
Каллиграфия	4	1	1	1	1	1	1	1	11
Разв. устной речи	2	1	1	1					5
Гигиена		1	1	1					3
Дух. и нац. стихи	1	1	1	1					4
Пение Корана					1	1	1	1	4
Физ. и естествозн.					2	2	1	1	6
Арабский язык					4	4	4	4	16
Домоводство							1	2	3
Естеств. история							1	3	4
Русский язык					12	12	12		36
Рукоделие					1	1	1	2	5
Всего часов в нед.	24	25	28	30	31	31	31	34	234

Для того чтобы яснее представить успехи Буби в области женского образования, можно посмотреть сравнительную таблицу предметов преподавания (с указанием количества недельных часов) в женской школе Буби (1910 год), в предложенной журналом «Сююмбика» в 1914 году программе средней женской школы и программе женской гимназии ведомства Министерства народного просвещения. Обучение во всех трех типах школ было восьмилетним.

Сопоставление круга изучаемых предметов в первых двух графах показывает, что подготовленная братьями Буби программа женской школы была, по-видимому, взята за основу и составителями примерной программы для восьмилетних женских школ, опубликованной редакцией журнала «Сююмбика». Это предположение допустимо тем более, что редактор журнала Якуб Халили был не только уроженцем Иж-Буби, но и учеником и единомышленником братьев Буби, а по некоторым сведениям, и их родственником. Сравнение данных первой и третьей граф показывает много общего между женской школой Буби и женской гимназией, являвшейся государственным учебным заведением России. Обе школы готовили не только будущих матерей семейств, но и учительниц.

Таблица 5

Сравнительная таблица предметов преподавания

Названия предметов	Медресе Буби	«Сююмбика»	Жен. гимн. МНП
Вероучение	33	48	16
Татарский язык и лит-ра	54	45	
Русский язык и лит-ра	36	30	23
Математика	27	20	23
История	10	16	12
География	7	8	10
Естествознание	10	8	12
Арабский язык	16	10	
Педагогика и методика	4	4	5
Каллиграфия	11	11	6
Рисование	9	4	14 необязат.предм.
Гигиена	3	2	
Домоводство	3	2	
Рукоделие	5	7	9
Немецкий яз. (необяз. пред.)			26
Француз. яз. (необязат. пред.)			26
Всего часов в неделю	228	215	182

Обращает на себя внимание, что в школе Буби, кроме основательного изучения языков и специальных для женских школ дисциплин, старались дать девушкам всестороннее образование и развитие, введя широкий спектр дисциплин естест-

венно-математического цикла. Это позволяет сделать выводы в пользу женской школы Буби, тем более что ее программа еще только складывалась, а министерские женские гимназии работали уже по давно установленной программе, принятой еще в 1874 году. Как знать, как сложились бы дела в школах Буби, не прерви царское правительство их развитие грубо и насильственно...

Бедя всегда приходит неожиданно. Не только для членов семьи Буби, но для всей округи, шире — для всего татарского народа она пришла в ночь на 30 января 1911 года в лице сотни полицейских стражников, руководимых жандармским ротмистром Будогоским. По всей деревне в течение трех дней шли обыски и допросы, братья Буби и учителя мужского медресе были арестованы и увезены в Сарапульскую тюрьму... Все мужские школы были закрыты. Так было положено начало разгрому очага просвещения в Иж-Буби.

Начались скорбные дни. Вся тяжесть неизвестности легла на плечи оставшихся на свободе женщин. Стиснув зубы, они продолжали работу в женском медресе. Власти путем угроз пытались добиться закрытия и этого последнего оплота просвещения в Иж-Буби. Были распущены слухи, что и женщин посадят в тюрьму, если они сами добровольно не распустят учениц. Слухи эти встревожили женскую половину семьи да и других учительниц.

Обратимся к авторитетному свидетельству Габдуллы Буби. Власти «хотели закрыть и женскую школу, — отмечал он. — Наша сестра Мухлиса Буби и наши жены пришли к нам в тюрьму посоветоваться об этом. «Что нам делать? Нас пугают, что арестуют и нас, если мы продолжим работу женской школы». Мы сказали: «Чем потерять лицо, закрыв школу, лучше сесть в тюрьму, но сохранить доброе имя». После этого они успокоились и, укрепившись в своей правоте, продолжили свое дело.

Наконец, приказом вятского директора народных училищ от 18 января 1912 г. была закрыта и женская школа. Мужская и женская школы Буби в свое время успешно работали, творили великие дела. И закрылись они не по нашей вине, а по приказу деспотического правительства».

Какой же повод нашли административные органы Вятской губернии для закрытия женской школы в Иж-Буби? В распоряжении директора народных училищ от 18 января 1912 года указано, что женское медресе и все другие школы в Иж-Буби «были закрыты за допущенное ими уклонение от своего прямого назначения». Конечно же, давать образование женской половине рода человеческого — это великий грех или, как определил директор народных училищ, «уклонение от своего прямого назначения». Правда, в чем состояло это «прямое назначение» школы, директор не удосужился уточнить.

Но как бы там ни было, женское медресе работало еще целый год в условиях полной неуверенности и тревожного ожидания.

Подводя итоги, можно сказать, что открытием восьмого класса фактически было завершено создание женской учительской семинарии в Иж-Буби. Таким образом, мы видим, что этот процесс занял чуть более десяти лет. Без всякой помощи со стороны государственных органов, надеясь лишь на свои силы и средства, братья Буби разработали концепцию женского педагогического образования, подготовили и проверили на практике программы и учебные планы светского учебного заведения для подготовки учительниц, проложив путь идущим за ними в благородном деле обучения и воспитания будущих учительниц. Так семейство Буби на практике доказало, что нации необходима система женского образования,

что образованные женщины могут наравне с мужчинами трудиться во благо родного народа.

Эта несомненно нужная и успешная работа была прервана царским правительством в самом начале пути. Но даже за эти десять с небольшим лет становления школы семейство Буби подготовило в женском медресе и на летних курсах довольно внушительный отряд татарских учительниц, занятых просвещением широких масс не только в царской, но и в Советской России, и, главное, был показан пример многим последователям дела братьев Буби.

Трактат Г.Буби «Женщины»

Нет, Бог здесь ни при чем, все дело в воле тут...

М.Музаффария

Среди лиц, активно включившихся в решение женского вопроса у татар как в практическом, так и в теоретическом плане, особое место занимал Габдулла Буби. Из предыдущего очерка читатели уже познакомились с его практической деятельностью в деле создания женской учительской семинарии в его родном селе Иж-Буби Сарапульского уезда Вятской губернии. И разрабатывая вместе с братом концепцию образования татарок, и претворяя ее в жизнь, просветитель немало раздумывал о положении мусульманской женщины, изучал первоисточники ислама, чтобы понять самому и доказательно объяснять другим происхождение ее униженного положения, знакомился с постановкой женского вопроса у других народов мира.

Все эти занятия привели Габдулла к твердому убеждению, что не ислам виноват в угнетении женщины у татар, а средневековые обычаи, присущие ранним арабскому и персидскому обществам, привнесенные вместе с исламом в быт и нравы татар. Следовательно, делал вывод Габдулла Буби, необходимо очистить ислам и вернуть женщине то высокое положение, которое она должна занимать и занимает по Корану. Естественно, что путь к освобождению женщины просветитель видел прежде всего в ее просвещении и образовании.

Однако успешная подвижническая деятельность семейства Буби была прервана грубым вмешательством царской администрации. Сначала, в самом начале 1911 года, был закрыт комплекс мужских школ, а в январе 1912 года были закрыты и женские школы. Как писал в газете «Вятская речь» от 13 июня 1912 года Н.Яранский, «по доносу Динмухаметова, провозгласившего незыблемость мусульманских устоев, изобретались всевозможные рецепты для начинки воображаемой бомбы. Как феникс из пепла, в пугливом воображении ротмистра Будогоского возникла легенда панисламистской пропаганды, родились страхи «мусульманской опасности», явилась необходимость разгромить две лучшие татарские школы, оторвать от светлого дела два десятка преданных работников». Хотя следствие, продолжавшееся более года, и суд над Буби, состоявшийся 28 мая 1912 года в Сарапуле, не смогли доказать вину братьев Буби в распространении идей панисламизма, царское правительство оставило в силе решение о закрытии иж-бубинских школ.

Арест, тюрьма, следствие и суд завершили крупный, самый деятельный и, несмотря на трудности, самый счастливый этап жизни семьи Буби, когда ее члены,

как одно целое, сообща трудились на благо своего народа. Но даже в самые трагические дни — будь то Сарапульская тюрьма, где братья пробыли в общей сложности почти два года, или день суда, они не поддавались унынию, не опускали руки, а жили надеждой и мечтами о восстановлении прежнего или создании новых очагов просвещения. Они хорошо представляли себе, что не смогут остаться в Иж-Буби ни в качестве мулл, ни в качестве руководителей школы. На основании ст. 1435 устава духовных дел братья Буби были уволены от должности «в дисциплинарном порядке по постановлению губернского правления от 7 декабря 1911 года за преданием суду по обвинению в распространении идей панисламизма по 1 ч. 102 ст. Угол. Улож.». И хотя обвинение это осталось недоказанным и даже не вошло в обвинительный акт, о восстановлении их в должности не было и речи.

Пока работала женская школа в Иж-Буби, была надежда на продолжение работы в ней после окончания судебного процесса. «Мы с братом решили было оба остаться в Буби и всеми силами стараться вести эту женскую школу, трудиться, развивать ее. Но после закрытия женской школы нам пришлось изменить наши планы. Мы долго советовались, разбирали разные варианты, — вспоминал Г. Буби этот период поисков новых путей для своей деятельности. — Наконец мы решили: как только я выйду из тюрьмы, отправиться в Китай, в Кульджу».

Кульджа — это город, расположенный в Китайском Туркестане (ныне это Синцзян-Уйгурский национальный округ КНР), в котором к началу XX века сформировалась достаточно большая татарская диаспора.

Г. Буби связывал с этим городом большие надежды, мечтал свершить там много дел, конечно, связанных с просвещением широких народных масс и с прогрессом тюркских народов. Он планировал «взять в свои руки одну из тамошних школ, реформировать ее, преобразовав (в учебное заведение) такого уровня, которое могло бы выпускать соответствующих эпохе мугаллимов и имамов; и женскую школу довести до уровня воспитания и обучения мугаллим; и постепенно собрать там всех мугаллимов, работавших в Буби, — короче, сделать Кульджу центром распространения знаний и просвещения в Туркестане, если будет возможно, основать общество распространения в народе ремесел и промышленности...».

Приехавший 25 сентября 1913 года вместе с женой и младшей дочерью в Кульджу Габдулла Буби должен был ощутить себя как бы вернувшимся в то недалекое время конца XIX века, когда казанские татары еще только начинали ставить национальные проблемы, в число которых входили и вопросы освобождения женщины. Дискриминация женщин, обреченность их на затворничество были здесь настолько вопиющи, что просветитель не мог не внести свою долю в решение женского вопроса. Практическая работа семьи Нигматуллиных-Буби в Иж-Буби, Троицке и Кульдже по созданию женской школы — дарельмугаллимата явилась основой и для теоретических обобщений просветителя, которые завершились написанием солидного трактата «Женщины».

Этот трактат, законченный автором в Кульдже 18 мая 1916 года, посвящен изложению взглядов Г. Буби на женский вопрос и является итогом его размышлений, теоретическим обоснованием тех положений, на осуществление которых он положил столько сил и трудов. За основу своей работы философ взял труды арабского просветителя Касима Амина по женскому вопросу, которыми он зачитывался еще в молодости. Хотя автор скромно называет свой труд переводом работ К. Амина, это не так. Мы видим лишь созвучие мыслей, единство взглядов двух авторов. Это произведение о роли и месте женщины в семье и обществе, ее правах и

обязанностях, об отношении к женщине на Западе (Европа и Америка) и на Востоке (в основном имеются в виду тюркские народы, исповедовавшие ислам), о роли просвещения женщин для прогресса общества и зависимости положения женщины от этого прогресса. Через всю работу красной нитью проходит спор с противниками женского образования и равноправия.

В нем он заявил о необходимости изменить царящий в Туркестане порядок вещей, рассматривая женский вопрос как часть проблемы ликвидации пережитков средневековья. Завершая этот большой труд (385 страниц убористой рукописи), автор пояснил: «Если наша женская школа служит прогрессу своим видом и делом, пусть книга выполнит эту роль своим содержанием, своей проповедью». Констатируя полную неподготовленность мусульманских женщин Средней Азии к великой обязанности, возлагаемой на них самой природой, — воспитанию детей, Г.Буби обосновал необходимость достижения равноправия женщин в обществе для прогресса человечества в целом.

Одно из основных положений этого произведения — ислам не делит человечество на мужчин и женщин. Г.Буби утверждал, что дискриминация женщин была чужда раннему исламу. Обосновывая этот тезис цитатами из Корана и хадисов, автор доказывал, что все положения ислама говорят о качествах, которыми должен обладать человек, обязанностях, которые на него возложены Всевышним, независимо от того, мужчина он или женщина.

Несмотря на большую загруженность в школах и общественную работу, Габдулла Буби нашел время и для теоретических изысканий как в решении проблем, связанных с положением женщины-мусульманки, так и в целом в области воспитания и обучения. Как и все его сочинения, произведение написано в резко полемическом духе. Автор как бы дискутирует с противниками прогресса, представленными в данном случае невежественным духовенством Кульджи. По всей видимости, непосредственным толчком к его написанию послужили кульджинские события, в частности фетвы, направленные против обучения девочек, хождения их с открытыми лицами по улицам и т.д., выносившиеся ахунами Кульджи в 1915–1916 годах.

Теоретической основой взглядов Г.Буби по женскому вопросу являлось принятое просветительской мыслью учение о свободе как естественном праве человека. Это учение, воспринятое им еще в молодости как из сочинений татарских просветителей, например, глубоко уважаемых им Ш.Марджани и И.Гаспринского, так и из произведений таких арабских и турецких реформаторов, как Намык Кемаль, Ахмед Мидхат, Мухамед Абдо, Касим Амин, Абдуррахман аль-Кавакиби и другие, явилось для него путеводной звездой на всю жизнь. Г.Буби опирался также на провозглашенный просветителями принцип равенства в правах между всеми членами общества, который, естественно, должен был распространяться и на женщин.

Проблемы свободы и равенства занимают в произведениях Г.Буби важное место, как это характерно для всех просветителей. Подходил он к этим вопросам чисто практически, включая в понятия свободы и равенства целый комплекс конкретных прав граждан и обязанностей государства по обеспечению этих прав. Сюда, по его мнению, входили свобода мысли, воли и действий; полная справедливость и безопасность, охрана чести и репутации человека; защита науки и истинной религии; абсолютное, всеобщее равенство в правах; отчетность правителей перед народом. Впрочем, ничем не ограниченная, анархическая свобода также не являлась его идеалом, ибо в данном случае свобода перерождается в свою противоположность — произвол. Настоящая свобода должна существовать, по мнению

Г.Буби, в границах нравственности и ислама, очищенного от позднейших наслоений, дискриминировавших женщин. Только тогда естественным продолжением свободы явится равенство прав людей.

«Человек подчинился государству лишь на этих условиях (сохранения своей свободы). Если государство начинает вмешиваться в какое-либо частное дело человека, тогда сила индивидуума слабеет, он перестает выполнять свои обязанности, вверяет свою судьбу другим, его душой овладевает сильная лень; наконец, он бывает вынужден презренно прозябать в низменной жизни, потерять уважение, чувства... Даже обыскав весь свет, невозможно найти большее притеснение для человека, чем вмешательство в его частную жизнь, ничего, что больше ранило бы его сердце. Поэтому нации, идущие впереди по пути прогресса наук и просвещения, считают свободу, т.е. право каждого человека на свободу мысли, воли, дела, самым священным из человеческих прав», — отмечал просветитель, сам в полную силу почувствовавший, что значит вмешательство государства в жизнь человека, когда он целых два года был вынужден провести в тюрьме.

Философ стремился показать, как постепенно, под влиянием тех или иных условий, сложилось современное ему положение женщины-мусульманки. С его точки зрения, угнетенное, неравноправное положение женщины сложилось еще во времена варварства. Тогда оно соответствовало условиям жизни. «Жизнь арабов состояла из войн и убийств, и жили они за счет награбленного. В подобной жизни женщины не могли быть равны мужчинам, и единственной их обязанностью было родить и выкормить ребенка. Их целью было вырастить из него воина, а не ученого и благонаправного человека, — объяснял он. — Арабская женщина довольствовалась молочными продуктами в еде, платьем из шерсти в одежде и войлочным шатром вместо дома. Создание всего этого не требовало от нее широких знаний и большого умения. Ничего кроме этого в жизни ее не интересовало, ибо ни семья, ни общество не нуждались в ее участии в их делах...».

В первом разделе под названием «Мусульманская женщина» автор стремился показать, как с принятием ислама изменилось положение арабской женщины. Используя первоисточники — Коран и Сунну, он объяснял, что по исламу женщина имеет равные права с мужчиной. Он доказывал, что женщина по Корану имеет право на образование, наследство, может самостоятельно распоряжаться своим имуществом, трудиться, участвовать в административной и общественной жизни. Ценность человека перед Аллахом, подчеркивал он, заключается в том, насколько он успешен в служении ему. При этом Г.Буби тут же отмечал, что служение Всевышнему не заключается лишь в неустанных молитвах и бесконечном повторении его имени. Прежде всего это служение своему народу, отечеству, человечеству благими делами. Именно благие дела, убеждал он, приближают человека к Богу, благодеяние же присуще женщинам не в меньшей степени, чем мужчинам.

Обратившись к истории раннего ислама и приведя примеры проявления равноправия мужчин и женщин в реальной жизни пророка Мухаммеда и его приближенных, он указывал, что впоследствии отношение к женщине в мусульманском мире изменилось, и связывал возникновение приниженного положения женщины с историческими условиями и неверно вынесенными суждениями невежественных факихов*. Исходя из всего этого, Г.Буби делал вывод, что утверждение неравноправного положения женщины вследствие падения роли просвещения и знаний

* Факих — специалист по мусульманскому праву (Примеч. ред.).

в мусульманском обществе привело арабский мир к потере могущества, что приниженное состояние женщины ведет любую нацию к гибели. «Роль женщин в общественной жизни очень велика. Их влияние на прогресс или регресс какого-либо народа даже сильнее влияния законов и религий», — утверждал философ.

По естественным законам жизни все находится в постоянном развитии и движении. «Мы сейчас живем совсем в ином времени. Народы в безопасности друг от друга. Все упорядочено. Никто теперь не нуждается в войнах ни для освобождения от притеснений, ни для нахождения средств жизни. Раньше ценность человека определялась величиной добычи и героизма в войнах... Теперь, за исключением особых моментов, когда войны ведут специально подготовленные люди — армии, нужды в войнах не осталось. Все — мужчины и женщины — борются друг с другом за существование не путем кровопролития, а другими средствами: кто на поприще науки, кто в промышленности, торговле или сельском хозяйстве. То есть сейчас чрезвычайно расширилось поле для борьбы умов. Следовательно, человек с высокоразвитым интеллектом может с полным правом поспорить на этом поле», — объяснял просветитель.

Автор часто обращался к разуму и здравому смыслу, призывая духовных лиц и состоятельных людей Кульджи брать пример с казанских татар. «Высокая нравственность, искомая исламом и человечеством, заключается в свободе воли и знаниях. К ней потихоньку начали приближаться татарки, вышедшие за пределы четырех стен, — подчеркивал он. — По мере роста свобод у татарских женщин растет и их уважение к мужу, к себе, к своей семье. Лет двадцать пять-тридцать назад и наши казанские девушки были пленницами в четырех стенах...».

Продолжая эту мысль, он воспевал свободу: «Источником всякого благополучия и успеха, основой развития человека и совершенства его поведения является свобода, и ничего кроме свободы. Свобода разума, свобода мысли, свобода воли являются самой главной причиной, поднимающей мужчин в материальном и нравственном отношении». Г.Буби уверен, что недалек тот день, когда и мусульманка получит свободу, что ее можно достичь в рамках ислама, не повторяя излишеств и ошибок, допущенных европейскими женщинами.

То, что женщина является таким же человеком, как и мужчина, и их равноправие необходимо для прогресса и счастья человечества, считал Г.Буби, раньше поняли в Европе. «С этого времени европейская женщина начала утверждаться в новом положении, понемногу развивая ум, исправляя нрав. Взяла в свои руки одно за другим свои права, начав рука об руку с мужчинами участвовать во всем: так же, как они, училась в школах, вместе с ними участвовала во всевозможных литературно-научных вечерах и научных обществах, путешествовала в разных странах, — рассказывал он. — Прошло совсем немного времени, и исчезла прежняя женщина, исчезло прежнее животное, не знавшее ничего, кроме украшений и одежды, довольствующееся положением игрушки. Вместо нее появилась просвещенная и воспитанная новая женщина — друг и товарищ своего мужа, воспитательница своих детей, делающая человека человеком».

Значит, и приниженное положение женщины-мусульманки не может быть вечным и неизменным. «Ведь женщина такой же человек, как и мужчина. Всевышний и ее украсил интеллектом. Хотя сегодня она из-за невежества и бесправия не может быть равна с мужчиной, хотя мы и не можем дать ей все права, предоставленные шариатом, мы все же обязаны поднять ее на ту ступень, которая близка к современному уровню мужчины. Только тогда мы сможем быть свободными от угнетения других, сохранить себя в этом мире».

Г.Буби был уверен, что нация, желающая достичь счастья в этом и загробном мире, сама должна управлять своей судьбой, что она «не согласится быть пушинкой, брошенной в штормы революций и преобразований; скорее согласится умереть, будет преодолевать всякие трудности, но будет стараться сама открыть ворота прогресса, как бы крепко они ни были заперты; и откроет — и, войдя в них, добьется соответствующих исламу и шариату широких прав и достигнет высокого уровня развития».

Свою уверенность философ подтвердил следующими словами: «Самое большое благодеяние и глубочайшее уважение для моей нации я вижу во вхождении в эти ворота и думаю, что начинать нужно с изменения (положения) женщины; я верю в это самой крепкой верой. Поэтому я, приехав сюда (в Кульджу), прежде всего стал добиваться строительства женской школы; благодаря пожертвованиям верных слову хороших людей мы смогли построить восьмиклассный дарельмугаллимат. На будущий год мы выпустим в свет более десяти мугаллим, окончивших третий и четвертый классы рушдии и получивших достаточно хорошее обучение и воспитание. Я думаю через них потихоньку воздействовать на всех женщин нашего народа. Я это считаю благим делом и, несмотря на то, что мое здоровье этому препятствует, служу на этом поприще, а моя супруга чрезвычайно помогает мне».

Сохранение же униженного положения женщины следует из слепого поклонения старым обычаям и нравам, что было особенно характерно для Средней Азии той эпохи. «Наверное, не осталось ни одного народа, кроме нас, кто бы не изменил свое старое положение, продолжал бы жить по-старому, — сетовал Г.Буби. — Если мы посмотрим на цивилизованные народы вокруг нас, то увидим: у них постоянно идет борьба между полезным и бесполезным, между правильным и ошибочным. У них никогда не прекращается борьба за безопасность личности, за развитие промыслов, науки и просвещения. Лишь мы не можем вдохнуть силы в нашу науку и просвещение. Наш народ похож на пустыню, где не произрастает ничего. Коран велит стараться, мы же так поддались лени, что даже думать не хотим, отказываясь от всего, что нам непривычно».

Один из разделов трактата посвящен рассмотрению изменений в положении женщины в мире. Автор проследил эти изменения с момента зарождения человечества до начала XX века. Речь здесь идет о роли и месте женщины в семье и обществе, ее правах и обязанностях, об отношении к женщине на Западе и на Востоке, о роли просвещения женщин для прогресса общества и зависимости положения женщины от этого прогресса. Много места в трактате уделено рассуждениям о природе деспотизма, проблемам воспитания и обучения, описанию положения женщин Кульджи.

Опираясь на работы Касима Амина «Освобождение женщины» и «Новая женщина», Г.Буби выделил четыре этапа в процессе развития человечества и его отношения к роли женщины: «На первом этапе, представлявшем колыбель человечества, они были свободны, но жизнь их была полна трудностей и бед. На втором этапе появилась семья, женщинам стало чуть легче, но они превратились в бесправных рабынь. На третьем этапе человечество обрело прогресс, вступив на путь цивилизации, вид рабства несколько видоизменился, и у женщин появились некоторые права, но она все еще была вынуждена подчиняться деспотизму мужа. На четвертом этапе цивилизация, культура поднялись на небывалую высоту, свобода женщин была отдана в их собственные руки, они стали равны мужчинам во всех правах». Перейдя затем к рассуждениям о положении женщин в Кульдже,

философ определил, что если можно считать, что татарки находятся на третьем этапе, то киргизки, уйгурки, кашгарки занимают лишь вторую ступень исторического развития.

На четвертой ступени развития, по мнению Г.Буби, находились женщины Европы и Америки. «Но и европейские народы не сразу пришли к пониманию естественного права женщины на свободу. Прошли века, произошло много событий. Теперь же они признают и свободу других, уважают ее, стараются расширить поле свободы. Справедливый человек уважает справедливость и благородство, где бы они ни проявлялись. Право же везде должно быть одинаковым. Или у каждого должно быть равное право, или ни у кого его не будет. Если кто-то отбирает право другого, значит, такой человек сам топчет ногами собственное право», — заключал мыслитель. Ему, как и многим новаторам мусульманского мира той эпохи, присуща идеализация достижений западного мира. «Если мы и не понимаем этой истины, народы Европы и Америки уже давно ее осознали. Поэтому они стараются улучшить положение женщин, поднять их на должную высоту», — продолжал он обосновывать необходимость изменения положения мусульманской женщины.

Г.Буби отмечал, что каждого человека, вырвавшегося на арену жизни, не может не испугать множество дел и обязанностей, по необходимости обрушивающихся на него. Следовательно, личность должна быть готова к выполнению их. «Чтобы сделать что-то необходимое, обязательное для человека, чтобы хорошо выполнить такое дело или обязанность, недостаточно хвататься за него только тогда, когда возникнет необходимость; нужно загодя готовиться к этому, учиться, стремиться (к четкому выполнению своих обязанностей) и стараться... Из этого следует, что лишать человека такой подготовки значит приговорить его к гибели», — рассуждал мыслитель.

Исходя из этого положения, Г.Буби считал, что сначала необходимо определить круг дел, обязанностей человека в жизни. Он выделял три группы человеческой деятельности (следовательно, и женщины), располагая их в следующей последовательности: 1) для охраны, защиты своей жизни, 2) для пользы семьи, 3) для пользы общества. «Деяния человека в жизни по своей важности разделяются на три группы: первая — это дела, которые он выполняет в защиту своей жизни, вторая — дела, приносящие пользу семье, третья — дела, полезные общественному бытию».

Считая высшей функцией человека третью — служение на пользу общества, Г.Буби, однако, подчеркивал, что без полноценного выполнения первых двух функций невозможно быть полезным обществу. Чтобы человек мог хорошо выполнять все эти дела, его необходимо готовить к ним с детства, т.е. нужно обучать и воспитывать. Он указывал, что женщина имеет право и должна учиться не только потому, что она мать и воспитательница своих детей, но и как член общества: «Ведь женщина, так же, как и мужчина, человек. За исключением различий, связанных с полом, она ни в чем не отличается от мужчины: не различается ни один орган, его функции; в чувствах, в мысли, короче, во всем, что делает человека человеком, нет никакой разницы».

Просветитель считал, что правильное воспитание ребенка означает воспитание и развитие его в этих трех направлениях. «Ибо так же, как, пока человек не осознает необходимость защиты собственной жизни, он не в состоянии выполнять свои обязанности по отношению к семье, так и сила общественного бытия зиждется на крепости семьи, — делал вывод Г.Буби. — Вот эти три направления воспитания необходимы каждому мужчине и каждой женщине». При этом не только нужно просветить ребенка относительно охраны его здоровья, но и необходимо научить

его всему, что способствует формированию здорового телом и духом человека. Не менее важно умственное воспитание, как направленное на защиту интересов самой личности и семьи, так и приносящее пользу обществу. В соответствии с таким пониманием проблем воспитания и обучения философ посвятил рассмотрению каждой из групп дел и обязанностей женщины особый раздел.

Обеспокоенный, как и все татарские просветители, застоем среди мусульман и, в частности, татарского народа и продолжая размышлять о путях его возрождения, Габдулла Буби выдвигал тезис о прямой зависимости развития нации от положения женщины в обществе, и в первую очередь от ее образованности. «Не подняв женщин на должную высоту, невозможно осуществить прогресс мусульман», — подчеркивал он. А поднять женщин на должную высоту, по его мнению, можно лишь путем их обучения и воспитания. Исходя из этого убеждения, он развертывал подлинно демократическую деятельность по развитию женского образования у татар, по созданию женских учительских семинарий, как одного из звеньев в системе просвещения всего народа. Он стремился подготовить как можно более многочисленную армию татарских учительниц, способных просвещать народ.

Г.Буби был уверен, что упрочению обычаев старины среди татар и сохранению их в неизменном виде в изменившихся условиях «много способствовало деспотическое государство», т.е. царское самодержавие. Он указывал на прочную связь между степенью цивилизованности и просвещенности народов и их обычаями. Он неоднократно подчеркивал: «Не могут быть одинаковыми жизнь и обычаи народа дикого и невежественного и народа цивилизованного». Он считал, что нет прочнее власти над человеком, чем власть обычаев. По его мнению, чем невежественнее человек, тем прочнее держится он за старые обычаи. Власть обычаев «каждый подчиняется не раздумывая, не чувствуя, — указывал Г.Буби. — Поэтому она побеждает все остальные факторы: побеждает законы; готовит новое оружие для искажения решений, выносимых для развития народа; портит даже религию, делая ее неузнаваемой».

По мнению Г.Буби, есть единственная вещь, способная бороться с властью обычаев и победить ее, — это просвещение. «С развитием просвещения и науки у какой-то нации изменяются и старые взгляды и обычаи этой нации». То же самое происходит и со взглядами на положение женщины. «Женщин освобождают из заключения и способствуют их продвижению по пути прогресса и цивилизации. Значит, и прогресс, и регресс женщин зависят от прогресса и регресса нации», — делал вывод автор. Как видно, этот его вывод вполне перекликается с общеизвестным просветительским положением, гласящим, что «уровень культуры всего более характеризуется юридическим положением женщины».

Вслед за Р.Фахретдиновым и Касимом Амином Г.Буби считал, что существующее положение мусульманки в корне противоречит установленным Аллахом естественным законам. Женщина лишена всякой свободы. Она пленница «хиджаба», который толкуется двояко: как покрывало, которое не только заставляет ее утратить естественный человеческий облик, но и мешает ей двигаться, смотреть, говорить, даже дышать; как затворничество, запрещение покидать дом, которое превращает женщину в арестантку.

В результате, отмечал Г.Буби, если под свободой подразумевается независимость человека в мыслях, воле и действии, то следует признать, что мусульманка лишена и того, и другого, и третьего. «Наш народ, в частности называемая учеными группа духовных лиц, все еще считает ненужным обучение и воспитание женщин, —

отмечал он. — Удивительное дело! Все положения шариата, определяющие обязанности и запреты для мусульманина, одинаковы как для мужчин, так и для женщин; а обучение чтению и письму — самое первое средство узнать эти обязанности и границы дозволенного, для женщин якобы не только нежелательно, но даже греховно! Как же это возможно?».

Г.Буби выступал и против тех людей, кто пытался сохранить затворничество и невежество женщин, говоря, что «женщины — нежные создания» и их нельзя заставлять работать или учиться. «На первый взгляд, — писал он, — может показаться, что это — проявление милосердия к ним. На деле же это — обман их, вредительство в отношении женщин». В основу воспитания женщин, считал Г.Буби, следует положить правильный взгляд на их социальную роль в обществе; следовательно, воспитание женщины не должно быть ниже воспитания мужчины. Возражая против бытующей точки зрения, что просвещение только развратит женщин, он восклицал: «Странно! Воспитанием можно исправить животных. Как же оно может испортить женщин? Как же так — обучение исправляет мужчин, а женщин — таких же людей — развращает?».

Г.Буби подчеркивал: «Даже самые простейшие существа в животном мире имеют определенные права и обязанности, без исполнения которых они не могут существовать. Если так, то мусульманки, низведенные до положения игрушки и содержащиеся взаперти в четырех стенах, не могут считаться не только настоящими женщинами, но даже человеком или же животным. Позорно и прискорбно!». Нарушение естественных законов оказывается роковым: оно ведет к упадку нации. «Нация, половина которой содержится взаперти, — отмечал Г.Буби, — ничем не отличается от наполовину парализованного человека».

Он старался показать взаимосвязь между политическим строем и семейным укладом. В этой связи весьма интересны его размышления о деспотизме. Развенчивая деспотизм и тиранию, он последовательно разбирал пагубное влияние деспотизма на все стороны общественной жизни. Так, по мнению Г.Буби, деспотизм искажает истинный смысл религии, поставив ее себе на службу. Он губит материальные богатства нации, превращая имущество людей в объект грабежа как со стороны самого деспота и его пособников, так и со стороны нарушителей закона, процветающих под эгидой деспотизма. Деспотизм губит духовные богатства нации: он борется против науки и просвещения, ибо темные и невежественные массы легче держать в повиновении, чем просвещенный народ.

Деспотизм разлагает общество, порождает бесчисленное множество мелких деспотов под сенью великого тирана. Он портит нравы, заставляя человека быть неблагодарным богу, отнимая у него любовь к своему народу, к родине, к семье, к друзьям, вынуждая его на ложь, лицемерие и обман, отторгая его от общественной и культурной жизни. Тем самым деспотизм оказывает губительное влияние и на воспитание человека, ибо в воспитании непременно участвуют окружающая среда и политические факторы. Эти рассуждения Г.Буби завершил следующим выводом: «Ни воздух, ни земля угнетенного народа не способны вырастить благородные качества; там могут взрасти только дурные, скверные черты».

Размышления Г.Буби о деспотизме не сводились к одной лишь критике существующего мироустройства, а содержали и позитивные моменты: он наметил пути и средства борьбы против деспотизма и изложил свои представления об идеальном обществе и государстве. Сама по себе возможность и необходимость борьбы с деспотизмом вытекают из учения о свободе воли, которого придерживался автор.

Это учение, по его мнению, дает теоретическое и моральное обоснование этой борьбы и указывает, с чего надо начинать, каким путем идти.

Коль скоро пленники деспотизма лишены воли, унижены, низведены до положения скота и пребывают в вечном страхе, то первая и главная задача борцов с деспотизмом состоит в том, чтобы заставить угнетенных осознать свое положение, почувствовать волю к борьбе, победить свой страх. А поскольку воля, по Г.Буби, теснейшим образом связана с нравственностью, страх же происходит от невежества, на первый план выдвигается задача воспитания и просвещения широких слоев народа. Итак, просвещение широких народных масс — главный путь борьбы с деспотизмом: «Без основательных знаний и просвещения невозможно узнать болезни нации и по-настоящему лечить их».

Когда будет уничтожено невежество — исчезнет страх, и деспот, вопреки своей природе, боясь возмездия просвещенного народа, превратится в справедливого руководителя, нежного отца, исполнителя воли народа. «Вот тогда и народ достигнет самой счастливой и прекрасной жизни», — рисовал Г.Буби идиллическую картину в утопическом духе. Как и многие просветители, он не был явным сторонником революционной борьбы; по его убеждению, с деспотизмом нужно бороться мудростью, бороться последовательно.

Габдулла Буби был твердо убежден, что народ может и должен добиваться своей свободы и победы над деспотизмом. Да, невежественный народ — «пища деспота и его сила». Если деспот лишается поддержки народа, он теряет почву под ногами. Поэтому он боится гнева народного больше, чем народ боится его тирании, ибо «он боится справедливой мести, а народ боится предполагаемых мучений и угнетения. Он боится потери жизни и власти, народ боится расставания с небольшим богатством и изгнания с родной земли». Следовательно, для того, чтобы уничтожить деспотизм и возможность его возрождения, нужно, чтобы в умах всего народа созрел сознательный протест против тирании, пришло понимание губительности тиранического режима для нации. А этого, по его мнению, возможно добиться путем просвещения народа.

Здесь мы видим причудливое переплетение сильных и слабых сторон мировоззрения Г.Буби. Он искренне верил, как и прежде, в возможность сокрушения деспотизма только силами просвещения, но в то же время признавал историческую необходимость народной борьбы с деспотизмом, необходимость готовить народ к этой борьбе. Такая противоречивость, нечеткость, аморфность представлений — все это в той или иной мере свойственно всему просветительскому лагерю, в том числе и Габдулле Буби.

Весьма интересны рассуждения Г.Буби о роли различных наук в жизни общества. Как и другие татарские просветители, он считал науку истинным источником знания, а знания — необходимой основой человеческой жизнедеятельности. К оценке места и значения наук в обществе Габдулла Буби подходил через призму отношения к ним деспотического правительства. По его мнению, не всякая наука может убедить народ, что «свобода дороже жизни», и показать ему «величие и права личности, пути сохранения их и освобождения от гнета, [...] предести и пользу свободы и равенства». Поэтому и деспотическое правительство боится не всякой науки.

Так, оно не очень боится языкознания, ибо знает, что «из него редко выходит сила, поднимающая знамена и пробуждающая народы». Деспотизм совсем не боится богословия, направленного на потустороннюю жизнь, так как ему хорошо известно, что оно «не дает человеку мысли, с ним не поднимаются завесы перед

глазами. Если же из них (духовенства. — А.М.) единицы начинают проповедовать среди народа справедливость, то деспот тут же торопится закрыть им путь крупными, падающими с его тиранического стола, и заставить их служить себе».

Любопытно, что Г.Буби здесь не только развенчивал духовенство и показывал, что оно находится на службе у деспота, но и давал очень резкую оценку богословию. Однако мы не должны забывать, что Г.Буби выступал не против религии и богословия в целом, а против таклида (подражания), повторения утверждений средневековых схоластов. Трезвое, критическое отношение к схоластическому богословию было присуще ему еще в начальной стадии его деятельности, когда в своих очерках «Истина» он выступил с открытым призывом к реформе ислама и резкой критикой в адрес последователей таклида.

Лишь науки об обществе (правоведение, философия, история, политология и другие), по его мнению, «рассеивают облака, выпускают солнце, воспаляют сердца, расширяют умы, доказывают человеку, что он человек, показывают народу его права и угнетенность при деспотизме, учат народ путям достижения и сохранения своих прав». В этом страстном гимне общественным наукам видно продолжение традиций татарского просветительства, возвеличивавшего значение этих наук в общественной жизни. Вспомним для примера, как, раскрывая место и роль науки и философии в жизни общества, Шигабутдин Марджани большое внимание уделял истории и считал, что она играет в жизни общества особо важную роль. «История, — подчеркивал он, — в действительности является матерью знаний и просвещения, всеобщей школой рода человеческого».

Г.Буби указывал, что деспотизм боится общественных наук именно потому, что они, как факел, освещают человеку путь, помогают ему разобраться, где истина, а где ложь. «Поэтому российское правительство, давая полную свободу нашим старым вероучительным школам, закрывает наши новые дома науки (новометодные школы. — А.М.), будящие сознание и мысль, изгоняет наших руководителей школ, пытается погасить огонь знаний и просвещения, соответствующие времени и начавшие распространяться среди нас», — подчеркивал он.

Между деспотизмом и наукой, считал Г.Буби, идет непрекращающаяся борьба. При этом обе силы стараются привлечь на свою сторону народные массы. Просветитель придавал большое значение роли народных масс в поступательном развитии общества, видел в них реальную силу. Он подчеркивал: «Если народ захочет, может совершить очень многое». Здесь уместно будет отметить, что понятия «народ» и «нация» для него тождественны, что вообще характерно для просветителей.

Рассуждения Г.Буби о народе, об общественном развитии пронизаны верой в силу разума, знаний, в силу народа. Говоря о народе, Г.Буби прежде всего имел в виду татарский народ, но также и другие народы России; говоря о деспотизме, он четко подразумевал царское самодержавие. Г.Буби неоднократно обращался с патриотическим призывом к молодежи, чтобы каждый был верным другом своего народа, разделяющим с ним все беды и радости, честным сыном и дочерью своей родины, не жалеющим для нее ни мысли, ни времени, ни имущества.

И это были не просто громкие слова. Этим требованиям была подчинена вся его собственная жизнь и деятельность. Именно основываясь на собственном опыте, он считал, что труд во имя народа и просвещения является тяжелым и беспокойным делом, требующим много терпения и готовности на всевозможные лишения. Этот многолетний опыт позволял ему так подытожить свои размышления: «Но, возможно,

именно поэтому он входит в число дел чрезвычайно благородных, великих и приносящих величайшее наслаждение!».

Г.Буби постепенно сосредоточил свою деятельность, свои раздумья на одном вопросе, почти возведя его в абсолют. Так же, как и арабский просветитель Касим Амин, он рассматривал женский вопрос как важную часть проблемы ликвидации пережитков средневековья. Габулла Буби считал, что существует тесная взаимосвязь между политическим деспотизмом и отсталым домашним укладом, ибо деспотизм порождает бесчисленное множество мелких деспотов под сенью великого тирана. «Везде, где царит деспотизм, женщина подвергается всевозможному угнетению, — подчеркивал он. — Права ее проглочены мужчиной; она переносит всевозможные оскорбления и унижения; ее личность растоптана; в семье — что мать, что дочь, — женщина оказалась в полном унижении, у нее не осталось ни авторитета, ни решающего голоса».

Посвятив специальный раздел рассмотрению роли женщины в семье, немало внимания Г.Буби уделял показу того ее униженного, беспросветного положения, с которым он столкнулся в Восточном Туркестане. Приводя конкретные примеры, он указывал: «Мы видим такое жалкое положение наших семей, что невозможно ни на мгновение принять его. Причиной его является лишь невежество. Женщины Туркестана отличаются друг от друга лишь в одежде и украшениях, в невежестве же у них нет никаких отличий. Мало того, чем более состоятельна женщина, тем более велико ее невежество. Например, считается, что казашка среди туркестанских женщин стоит на самой низкой ступени; но по своему положению она самая разумная среди женщин: она все выполняет вместе с мужем».

Указав на большую разницу между кругозором мужчин, которые «хоть немного, но учатся, бывают в поездках, развивают свой ум», и их жен, стоявших по развитию намного ниже уровня своих мужей, просветитель отмечал, что подобное различие зачастую приводит к трагедиям в семье. «В частности, если мужчина обучался в упорядоченной школе и просветился светом знания, он и у себя дома любит порядок, его вкус требует красивых дел, тонкие чувства и приятное обращение лишают его покоя. Он понимает с полуслова, любит, чтобы и его понимали по одному жесту, по одному движению. Он то разговаривает, то смеется, то молчит. У него есть любимые мысли, направление, дела во имя родины и общества, от чего он получает духовное удовлетворение. Он плачет вместе с бедными, горюет вместе с несчастными, радуется добрым делам вместе с народом», — так представлял он состояние образованного мужчины.

«Вот такой человек хотел бы видеть рядом с собой такого же разумного человека, чтобы он мог поделиться с ним своими чувствами, провести весь вечер за беседой, получить понимание, — продолжал рассуждать Г.Буби. — Если его жена невежественна, он будет прятать от нее радости и беды, ибо увидит, что они находятся в разных мирах. Оттого, что жена может думать только о роскошных одеждах и украшениях и беззаботной жизни с мужем, ее глупость и невежество отвращают от нее мужа, он смотрит на нее с презрением, не обращает на нее внимания».

Охарактеризовав таким образом один из самых часто встречаемых случаев непонимания, возникшего между мужем и женой в мусульманских семьях, даже внешне благополучных, Г.Буби отмечал, что ни одна из сторон в этом не виновна. Причину такого непонимания он видел в различиях в воспитании юношей и девушек и в отживших традициях, господствовавших у мусульман в системе семейно-брачных отношений.

Он подвергал резкой критике присущую мусульманам традицию создания молодой семьи лишь по желанию родителей, когда не берутся во внимание чувства молодых. Доказывая, насколько порочна такая традиция, Г.Буби подчеркивал: «Когда какой-либо неграмотный мужик надумает купить, например, лошадь, он не согласится на покупку, пока не увидит ее и не узнает о ее достоинствах и недостатках. Если так, то как мужчина и женщина в здравом уме могут быть согласны с обычаем, по которому они обязаны связать свои судьбы раньше, чем познакомятся друг с другом? Умный человек, когда отправляется в путь, старается выбрать себе даже во временные спутники достойного человека. В то же время все наши (мужчины), называемые умными, как слепцы, соглашались сделать спутницами всей своей жизни девушек, которых никогда не видели, с кем никогда не общались».

Г.Буби считал, что при создании семьи главную роль должна играть любовь между юношей и девушкой. Для того чтобы чувство любви зародилось, нужно не только увидеть друг друга, что считалось в мусульманских семьях необязательным, необходимо общение молодых людей, чтобы они узнали вкусы, взгляды, привычки друг друга. Обязательным условием для создания счастливой семьи он признавал любовь и уважение между будущими мужем и женой, которые могут возникнуть только при общности взглядов, нравственных устоев, воспитания, и призывал всех отнестись серьезно к этому шагу. «Только основанный на подобной общности брак — благо, только он приносит счастье и целомудрие. Если же брак не основан на подобной общности, тогда, какими бы качествами ни обладали муж и жена, как бы долго ни продолжался этот договор, такой брак несчастен, бесполезен», — утверждал он.

Пока же женщины невежественны, отмечал Г.Буби, брак не может быть счастливым. «Только тогда, когда женщина будет знать свои права и свою ценность, появится брак — естественное средство, делающее мужчин и женщин счастливыми. Тогда мужчины и женщины полюбят друг друга сердцем, умом, всем своим существом и только тогда объединятся. Тогда и женщина станет жить своим умом, выбирать мужа, соединять свою жизнь с тем человеком, к которому чувствует влечение. Тогда и ее близкие, знающие ее развитие и способности, будут советовать и соглашаться с ней, и она, не боясь их гнева и осуждения народа, прямо заявит о своих чувствах. Тогда и мужчины познают цену женщине, и обе стороны будут наслаждаться истинной любовью друг друга», — рисовал он идиллическую картину семейного счастья.

Просветитель придавал большое значение любви между мужем и женой, считая, что именно она помогает семье преодолевать все трудности и тяготы, встречающиеся на ее пути. «Любящие друг друга муж и жена с первого дня живут в раю. Какая беда в том, что пустовато в кармане или на столе нет ничего, кроме хлеба и лука? Им достаточно того, что их сердца каждое мгновение бьются радостно в лад. От этой радости в их телах появляется сила, в душе — решимость, в сердцах — ощущение наслаждения жизнью. Благодаря этой любви жизнь им кажется драгоценной, все тяготы — легкими. Поэтому высокочтимый Умар (Омар I б. ал-Хаттаб ал-Фарук (ок. 585–644) — второй «праведный» халиф, выдающийся государственный деятель — А.М.) говорил: «Нет более благостного, после веры, чем любимая женщина», — пел он гимн любви.

И тут же просветитель сокрушался: «Но сегодня наши мужчины и женщины еще так далеки от этой священной жизни...». Исходя из такой постановки вопроса о браке и семье, просветитель решал и проблему многоженства. Объясняя существование полигамии в ранний период истории мусульманства тогдашними обстоя-

тельствами, Г.Буби подчеркивал недопустимость ее в современных условиях, ибо она оскорбляет человеческое достоинство не только женщины, но и мужчины, препятствует созданию крепкой семьи, являющейся основой нации и государства.

Уделяя большое внимание просвещению народа, первоочередным Г.Буби считал просвещение женщин. К постановке женского вопроса, как и к трактовке всей общественной жизни, он подходил с идеалистических позиций и угнетение женщины объяснял тем же засилием невежества. Он глубоко верил, что счастье татарского народа и его быстрый прогресс, в результате которого он встанет в один ряд с другими народами, возможны только путем обеспечения женщин правами и свободой в семье и в обществе, что, в свою очередь, может быть достигнуто лишь через просвещение и воспитание.

Так просветитель приходил к выводу, что борьба за возрождение и прогресс нации должна начинаться с перестройки семьи, с обеспечения женщине того положения в семье, которое она должна занимать в соответствии с законами разума и справедливости. Для правильного построения семьи, считал он, необходимо четко и верно, в соответствии с задачами прогресса нации и законами «истинного» или «первоначального» ислама, определить назначение женщины, ее роль в семье и в жизни общества.

Г.Буби был уверен, что самой важной естественной функцией женщины является воспроизводство рода человеческого. «Поэтому самой полезной общественной функцией женщины является замужество, рождение и воспитание детей», — отмечал он. При этом он подчеркивал, что женщина не животное, воспроизводящее потомство, а человек; следовательно, главное ее назначение — это воспитание детей. Много места в своих размышлениях он отводил проблемам воспитания. Он был убежден, что именно воспитание, в широком смысле этого слова, является рычагом,двигающим народы по пути прогресса или регресса: «О, если бы мы знали, что проблемы воспитания являются самым важным вопросом! О, если бы мы понимали, что все остальные важные вопросы входят в эту проблему!». Нет нужды доказывать, сколь современны эти его размышления и в наше время.

Г.Буби указывал, что воспитание имеет свои объективные законы, знание которых необходимо как педагогу, так и матери-воспитательнице. Он отмечал, что воспитание — трудная и благородная задача. «Как бы ни были велики человеческие дела, среди них, наверное, нет ни одного, кроме воспитания, которое приносило бы большие заботы, так нуждалось бы в душевной тонкости и широких знаниях», — отмечал он. Для роли воспитателя, считал Г.Буби, более всего подходит женщина — она наделена огромным терпением, тонкой чувствительностью от природы; если же с детства развивать в ней эти качества, не забывая при этом и об умственном ее развитии, то прогресс нации пойдет семимильными шагами.

«Большинство людей считает воспитание детей очень легким, само собой разумеющимся делом. Но никакое самое великое из деяний человека не сравнится с воспитанием по уровню требуемых им трудов, тонких чувств, широких знаний, — подчеркивал Г.Буби. — Воспитание нуждается в широких знаниях, ибо охрана здоровья ребенка, знание его души, утверждение в его сердце прекрасных качеств невозможны без знания законов, обеспечивающих физический и духовный рост ребенка. Оно требует великих трудов, ибо правильное воспитание ребенка с момента рождения до его взрослого состояния, учитывая происходящие в нем изменения, требует много терпения, непрерывного внимания, постоянного наблюдения и контроля. Правда, каждая мать не сможет охватить все эти огромные знания. Но каждая женщина должна быть осведомлена о большинстве из них. Чем больше

какая-либо женщина будет знать основы этих знаний, тем больше склонности к воспитанию детей у нее появится».

Воспитание, по мнению Г.Буби, должно складываться из трех компонентов: физического, нравственного и умственного. Под физическим воспитанием Г.Буби подразумевал гигиену тела, движение, физические упражнения, воздержание от всяких излишеств. Сюда же он относил и народные игры. Он считал, что физическое воспитание дает человеку бодрость, приучает к смелости, отваге, свободе. Кроме того, от физического воспитания, от физического здоровья зависит и умственное здоровье: «Здоровье ума зависит от здорового тела... Когда отсутствует физическое воспитание, не может быть и речи о совершенстве умственного воспитания. Равновесие ума может быть достигнуто лишь регулированием физического состояния».

Особое внимание, по мнению Г.Буби, следует обратить на физическое воспитание девочек, так как оно важно как для собственного здоровья женщины, так и для здоровья будущего поколения, т.е. для физического здоровья нации. «Сегодня, вероятно, нет человека, сомневающегося в необходимости физического воспитания для мужчин. Но и женщины могут стать полноценными личностями лишь при хорошем умственном и физическом воспитании. Чтобы сохранить их здоровье и красоту, нужны уход за телом, воспитание тела. И они должны воспитывать свое тело движением и воздержанием в пище. Они должны преодолеть слабости, возникающие из-за отсутствия правильного ухода за отдельными органами, и освободиться от слабости ума, жаждающего на слабом здоровье», — отмечал он.

Физическое воспитание обязательно должно осуществляться параллельно с умственным и нравственным воспитанием. Особое значение он придавал формированию умственных и нравственных качеств будущей матери и воспитательницы детей. Среди них Г.Буби выделял такие, как зрелость ума, исключаяющая произвол, твердость нравственных убеждений, умение сочетать любовь к детям со строгостью и требовательностью, понимание психологических особенностей ребенка, стремление к самообразованию.

Целью умственного воспитания, говорил он, является познание мира. Оно начинается с обучения чтению и письму, но одного этого для умственного воспитания женщины далеко не достаточно. Она должна также изучить и основы естественных и социальных наук, чтобы понять законы развития мира. Изучение основ этих наук должно возбудить в женщинах стремление к постижению истины. При этом он подчеркивал, что источником умственного воспитания является школа.

Не менее важно, был убежден он, и нравственное воспитание женщины, так как именно женщина, как мать, формирует характер ребенка, воспитывает его ум и чувства, прививает ему первые нравственные понятия. «Эти деяния женщин являются самыми важными и самыми полезными из всех дел человека на земле, ибо в мире нет ничего полезнее, чем формирование личности ребенка, воспитание хорошего человека», — указывал Г.Буби. Он подчеркивал, что женщина — созидательница, чей труд требует особого искусства и специальных познаний.

«В воспитании человечества ни один учитель не может оказать такого влияния, как мать. Если мужчин можно назвать разумом нации, то женщины — ее сердце», — подчеркивал он. Нация не может быть сильной, крепкой сама по себе, отмечал философ. «Нация представляет из себя сообщество семей, состоящих из мужчин и женщин. Никто кроме женщины не может вести и воспитывать семью. Поэтому в прогрессе нации весьма велика доля женщины и ее влияние. Если, например, женщина прочитает книгу, это равносильно тому, что ее прочитали ее муж и дети».

Г.Буби видел две составляющие добродетельного человека: «Одна — врожденные способности, вторая — воспитание, способствующее развитию этих способностей. Строить здание добродетели без этих двух основ невозможно. Если первая основа естественна и не в наших силах в нее вмешиваться, вторая очень сильно зависит от нас. Через воспитание мы можем усилить хорошие качества ребенка, усовершенствовать их или, если случится, уменьшить отрицательные черты характера. Конечно, есть предел исправления через воспитание. Но все же его возможности широки. Нужно лишь знать пути и методы хорошего воспитания».

Нравственность и воспитанность, считал он, не могут сформироваться только через учение. Без воспитания в семье никакое учение, никакая школа не могут подготовить высоконравственного, всесторонне развитого человека: «Где бы они ни учились, какое бы высокое образование ни получили, они будут глухи к добру, слепы на хорошее, если в семье не занимались воспитанием в них человеческих качеств. От таких людей нации не будет никакой пользы». Итак, нравственное воспитание, по мнению Г.Буби, ребенок получает главным образом в семье. А так как «основой семьи является женщина», необходимо, чтобы она сама «получила высокую умственную и нравственную подготовку».

Мать должна воспитывать в ребенке честность, любовь к родине и религии, уважение к учености и познаниям, благонравие и благородные чувства. «И мать, сама обладающая этими качествами, оказывает на ребенка очень сильное влияние. Ребенок сначала слепо подражает ей, постепенно привыкает к этим качествам, и, наконец, они становятся для него естественными», — так рисовал Г.Буби этапы становления ребенка и роль матери в этом процессе. Если же мать не обладает этими качествами, естественно, и ребенок не может перенять от нее ничего положительного, завершал он свои мысли по этому поводу.

Большую роль, по мнению Г.Буби, играет и эстетическое воспитание человека — обучение музыке, рисованию, воспитание вкуса. Оно очень важно как для развития самой женщины, так и для воспитания детей. Кроме того, как будущая жена и мать, девушка должна обучаться кулинарии, домоводству, правилам гигиены и методике воспитания детей. Такой подход к обучению и воспитанию девушек, считал просветитель, в любом случае будет способствовать нахождению ими своего места в этом меняющемся мире.

Говоря о роли женщины в обществе, Габдулла Буби не ограничивался только высокой оценкой женщины как домоправительницы и воспитательницы детей в семье. Он считал, что интересы как самой женщины, так и нации требуют подготовки женщин не только для выполнения их естественных функций, но и для участия их в общественно-производительном труде на благо народа, так как «самым большим двигателем судеб народа в любом случае является его экономическое положение». Поэтому, отмечал Г.Буби, «если большинство какого-то общества будет только потреблять пищу, не работая, а работающие, наподобие глухого орудия или бессловесного животного, не будут знать, что они творят, такое общество будет лишено не только возможности сохранить свое место в ряду трудолюбивых и образованных обществ, но и возможности продолжения своей жизни».

Г.Буби был убежден, что не только интересы нации, но и интересы самих женщин требуют подготовки женщин к участию в общественно-трудовой жизни. Никто не может заранее предсказать, как сложится судьба женщины. А опыт показывает, писал он, что с каждым годом увеличивается количество женщин, вынужденных заниматься каким-либо трудом, чтобы прокормить себя и своих детей.

Г.Буби подчеркивал, что невозможно получить какую-либо специальность только тогда, когда приходится уже просто зарабатывать на жизнь.

Если же женщины в свое время не овладели никакой профессией, то, когда жизнь вынудит их искать заработок, им придется заниматься самым грязным, самым низкооплачиваемым трудом. Неподготовленностью женщин к труду Г.Буби объяснял и проституцию: «Женщина становится на путь проституции не в поисках наслаждений, как это пытаются представить некоторые люди, а из необходимости заработка, так как не умеет выполнять никакую работу».

Габдулла Буби неоднократно подчеркивал, что девушек надо готовить не только к будущему положению жены и матери. Он считал, что их необходимо готовить к самостоятельной жизни, дать им возможность овладеть какой-нибудь профессией. «Их нужно воспитывать и обучать так, чтобы они могли войти в человеческое общество полноценными личностями, — отмечал просветитель. — [...] Ведь никто из нас не согласен готовить мальчиков только к будущему положению мужа. Наоборот, мы в первую очередь хотим воспитать его человеком, хотим, чтобы он был готов с достоинством встретиться с будущими трудностями и мог найти возможное счастье».

Наиболее достойными и доступными для женщин и необходимыми обществу профессиями того времени Г.Буби считал воспитание и обучение детей и медицину. Он подчеркивал, что всю работу в начальной школе по обучению детей должна вести женщина, и отмечал: «Назначение всех учителей начальной школы из женщин и сосредоточение обучения и воспитания детей (и мальчиков, и девочек) в их руках практически давно уже возможно в Казани. Видимо, с настоящего времени это возможно и в Туркестане». Как человек дела, это свое убеждение он не стал откладывать на будущее, и с осени 1916 года ввел в Кульдже в первом и втором классах совместное обучение мальчиков и девочек учительницами.

Отдавая предпочтение просвещению и медицине как наиболее доступным для женщин профессиям, Г.Буби, однако, не был сторонником ограничения женщин в выборе ими профессии. Он считал, что женщины могут выполнять любые виды работ, которыми занимаются мужчины (конечно, исключая те из них, которые могут повредить ее здоровью), и ссылаясь на опыт женщин Запада, которые, по его мнению, доказали справедливость этого положения. Но при этом как человек, реально смотревший на вещи, он отмечал, что для татарок такой широкий выбор профессии еще дело будущего. Пока же им, указывал он, доступны, кроме названных, профессии, связанные с шитьем и вязанием, а также профессии кассира в магазине, переплетчицы, часовщицы и т.д.

Г.Буби считал, что такое воспитание женщины должно повести за собой серьезные изменения в ее положении в семье и обществе. Общество должно восстановить ее естественные права как свободной личности и сделать возможным осуществление прогресса нации. Тогда появится женщина — равноправный член общества, хорошая воспитательница своих детей, первый друг мужа, разделяющая его труды и заботы и поддерживающая его благородные стремления, вдохновляющая его на подвиги во имя родины, во имя нации.

Габдулла Буби находил, что многие нации уже сделали решительные шаги для достижения этой цели, и приводил в пример положение женщин в странах Европы и Америки. На основе этого он делал вывод: «Человек, увидевший исключительную силу и упорство, которые проявил этот слабый класс в этом движении, не будет сомневаться ни минуты, что в ближайшем будущем женщины достигнут

полного равноправия с мужчинами. А останутся они в этом равноправии или постараются обогнать мужчин — покажет будущее». Эти пророческие слова мыслителя вполне подтвердил XX век.

Начало пробуждения татарских женщин Г.Буби связывал с революцией 1905–1907 годов в России: «В последние годы в России произошла революция, и у татар пробудилась мысль, в результате чего несколько смягчилась и власть мужчин над женщинами. Увеличилось число женских школ. Открылся дарельмугаллима в Троицке (правда, единственный). [...] Теперь большая часть татарских женщин заняла достойное место в семье. Мужья уважают их и верят в их чистоту и стойкость». Г.Буби горячо верил, что придет время, когда татарские женщины, обогащенные знаниями и опытом, подготовятся к состязанию с мужчинами на поле общественно-практической деятельности. Однако, считал он, это может быть достигнуто только в свободной от деспотизма стране.

Он искренне надеялся, что дни деспотизма (так он называл российское самодержавие) сочтены. В письме к дочери в Троицк в мае 1915 года он подчеркивал: «События показывают, мое сердце свидетельствует, что в очень скором будущем наступит большая свобода, грядут счастливые и радостные для мусульман всего мира, в том числе и для нас, северных тюрков, дни... Вероятно, эти времена очень близки. Возможно, надежды многих, разбившиеся на Западе, являются жертвами, принесенными для встречи радостной вести о конце этого угнетения и тирании. [...] О чем только не говорят эти грозные ядра, эти страшные молнии, падающие на долю русских, эти мощные стрелы и пули грозного урагана!».

И в изгнании, занимаясь постановкой среднего женского образования в Кульдже, Г.Буби неотступно думал о его развитии среди татар Поволжья и Приуралья. Он продолжал помогать Мухлисе-абыстай, с осени 1912 года занимавшейся созданием женского медресе в Троицке.

Известно, что она неустанно агитировала троицких купцов Яушевых открыть женское медресе или женскую учительскую семинарию по типу Бубинского женского медресе и вскоре добилась своего. Не без ее влияния в 1914 году Хадича, Асма, Муллагали и Мухамметгали Яушевы открыли женское медресе, а в 1915 году другая ветвь Яушевых — Гайния и ее сын Латиф — добились официального разрешения открыть женскую учительскую семинарию — дарельмугаллима. А Г.Буби и из далекой Кульджи продолжал руководить созданием этих школ, давать сестре советы, оказывать конкретную помощь.

И конечно, самой большой его мечтой, заветным желанием было возрождение дарельмугаллимата в Иж-Буби. «Вот тогда я вернусь, дорогая Галиякай, — продолжал он в уже цитировавшемся письме дочери. — Открою женскую школу в Буби. Приложив все силы, превращу ее в дарельмугаллима. Организую изучение в совершенстве русского языка. Добьюсь разрешения правительства на выпуск дипломированных учительниц (русского языка — А.М.) и мугаллим. Окончив гимназию, а затем и педагогические курсы, ты возьмешь эту готовую школу в свои руки...

О Боже! Как только я подумаю о том времени, когда мы все вместе будем служить нашей нации и переживать прекрасные минуты, исчезает всякая печаль, забываю обо всех трудностях, которые мы переживали и продолжаем переживать, начинает радостно биться сердце, переполняется душа, и я даже не замечаю, что мое лицо в слезах. Но это не горестные слезы, это слезы радости».

Так, мечтая о счастливом будущем, когда семья Буби, собравшись вновь все вместе, рука об руку будет восстанавливать разгромленный очаг просвещения в

родной деревне, просветитель продолжал сеять знания и просвещение в Китайском Туркестане, готовил новое поколение просветителей, которое сможет заменить его на славном поприще после его отъезда на родину. Размышления же о положении женщины в семье и обществе, о путях обучения и воспитания женщин, изложенные им в трактате «Женщины», также должны были способствовать как формированию будущих учительниц, так и общему прогрессу горячо любимого им народа.

Учительница и поэтесса Магруй Музаффария

Чего б ни стоило — не повернем назад!

М.Музаффария

Вторая половина XIX века — время, когда в татарском обществе все большее распространение начали получать просветительские идеи, шло формирование национального самосознания. Как результат увеличилось стремление к знаниям, к просвещению, появилась новая литература, началось культурное обновление общества. Это стремление вывело на арену общественной жизни, литературы целую плеяду женщин, которые, не удовлетворяясь только поиском путей к знанию, к свету для себя, начали проявлять себя и на литературной стезе, в поэзии и прозе. В их стихотворениях и рассказах, полных жалоб на беспросветную жизнь женщин-мусульманок, проявлялись и дидактические мотивы, нотки призыва к борьбе за свободу личности. Среди этих «первых ласточек», чьи произведения дошли до наших дней, можно назвать и имя Магруй Музаффарии.

Магруй Музаффария родилась в 1873 году в деревне Большая Турма Тетюшского уезда Казанской губернии в семье муллы Габдулвали. Ее мать — дочь муллы деревни Малые Кайбицы Свияжского уезда Тухфатуллы-хазрата (это отец известного муллы и мударриса г.Уральска Мутыгуллы Тухфатуллина, учителя Габдуллы Тукая) — умерла, когда маленькой Магруй не исполнилось и двух лет. Способная и тянувшаяся к знаниям девочка очень рано с помощью старшей сестры научилась распознавать буквы и даже читать. Отец, видя такое усердие, сам занялся ее образованием, стал давать ей уроки арабского, персидского, тюркского языков и богословия. А девочка, росшая под присмотром строгой мачехи, каждую свободную минуту отдавала чтению.

Достигнув 15–16 лет, она и сама начала обучать девочек родной деревни, собрав их в своем доме. Но Магруй не пришлось долго наслаждаться ставшим любимым делом обучения девочек: ей едва исполнилось восемнадцать, когда 20 сентября 1891 года она стала женой муллы Сенной мечети города Казани Худжахмета Музаффарова (1838–1907). Историю этого брака мне пришлось услышать от их дочери Махмуды.

Начавшая обучать девочек Магруй познакомилась с односельчанином Зияэдином, шакирдом известного Приозерного медресе Казани, приехавшим на каникулы домой. Между ними завязалась дружба, насколько это было возможно по условиям того времени. Симпатизировавшие друг другу молодые люди изредка встречались, иногда обменивались письмами-записками. Чтобы никто не мог узнать, они даже придумали прятать их в щель в бревне стены дома. Однако этот «почтовый ящик» не смог долго служить им.

Очень скоро одно из писем оказалось в руках отца. Разразился скандал. Магруй позднее писала в своих воспоминаниях: «Меня связали и били ремнем, пока на спине не появилась кровь. Целую неделю я не могла встать с постели». После этого события Габдулвали-хазрат, чтобы избежать слухов и разлучить молодых, и решил выдать дочь за своего ровесника, имама Сенной мечети Казани Худжахмета-хазрата Музаффарова. Он был известен как ученик Ш.Марджани, являлся здравомыслящим, не склонным к схоластике и начетничеству священнослужителем, бесценно руководившим махаллей (приходом) Сенной мечети с 1871 года. Когда восемнадцатилетнюю Магруй выдавали замуж за хазрата, у него дома были больная старшая жена, двое детей и престарелая мать, нуждавшиеся в уходе.

Судьба молодой девушки, выданной замуж за старика, в то время была довольно типичной, о чем говорят многочисленные песни-байты типа «Байт девушки Файрузы» или «Байт грустной девушки Галимы». Вот несколько строчек первого из них в переводе Тамары Ян:

Лучше б я девушкой не родилась,
Лучше б я льдинкой по речке неслась...
Ливень бы, что ли, шумя, налетел,
Грозный бы вал на земле загудел, —
Батюшка мой за немилого выдал
Дочку свою, хоть бы Бог пожалел!
За нелюбимого выдана я,
Жаркие слезы иссушат меня...
Ой, привяжите коня-воронка
К старым воротам да за два шнура, —
Батюшка выдал меня не за ровню,
Выдал за хилого за старика.
Батюшка счастье мое загубил,
С милым джигитом меня разлучил...

Байт этот как будто списан с судьбы нашей героини. Возможно, и молодая Магруй-абыстай сочинила подобный байт. Во всяком случае, до наших дней дошли ее горестные стихотворные строчки (в моем подстрочном переводе):

Есть ли что грустнее криков улетающих гусей?
Есть ли кто несчастней девушки, потерявшей первую любовь?

Получившая довольно хорошее воспитание и знания молодая женщина, однако, постаралась не поддаваться унынию и, подчинившись судьбе, приступила к обязанностям хозяйки дома и жены муллы: вела хозяйство, ухаживала за больными женщинами и детьми. В биографии М.Музаффари, опубликованной в 1914 году в женском журнале «Сююмбика», мы читаем: «Так как первая жена Худжахмета-муллы была очень больной, а мать очень старой, на долю Магруй-ханум досталось и обучение детей, и другие дела махалли». Утешение она старалась находить в работе и в книгах, к чтению которых пристрастилась с детства. «Я сама не училась в национальной школе. Впрочем, в то время и школ не было. Сначала меня учил отец — Габдулвали-хазрат, позже — имам Худжахмет-хазрат, затем я брала уроки у одного мугаллима», — вспоминала она в 1915 году о том, как ей достались знания.

Не успела молодая абыстай привыкнуть к новым условиям, как на ее семью обрушились несчастья. Приговором Казанской судебной палаты от 19 мая 1893 года за прочтение никаха девушке, не достигшей совершеннолетия, Худжахмет-хазрат был осужден на один месяц тюрьмы и лишен права справлять обязанности имама.

В этом же году умерла мать хазрата, ее свекровь. Вскоре после тяжелой болезни скончалась и старшая жена муллы Нагима-абыстай, и воспитание ее детей Махмута и Джамили целиком легло на плечи молодой женщины. В конце XIX — начале XX века в семье Музаффаровых появилось еще трое детей: дочери Махмуда (1893–1969) и Габбаса (1898–1921) и сын Мансур (1902–1966), будущий татарский композитор.

Время, когда Магруй-ханум твердо встала на ноги, пришлось на эпоху национального пробуждения в татарском обществе. Это был период, когда появлялись новометодные школы, новая литература, когда умы стремящихся к знаниям и прогрессу представителей татарского общества все более и более привлекали Исмагил и Зухра Гаспринские со своей общетюркской газетой «Тарджиман» (Переводчик). В автобиографии, написанной ею 7 августа 1937 года, она подчеркивала: «Я старалась не отставать от жизни, одной из первых сбросила чапан и с 1901 года начала знакомиться с печатью». Надо сказать, что эти ее действия для рубежа XIX—XX веков были весьма смелым шагом. В частности, «сбросить чапан» — значило ходить по городу с открытым лицом, что было тогда немыслимо для жены муллы — абыстай; такое просто представить было невозможно!

Молодая абыстай была не только свобододолюбивой, смелой, но и мыслящей, образованной женщиной, жаждущей новых знаний. В автобиографии Магруй-ханум отметила, что вскоре после переезда в Казань она подписалась на газету И.Гаспринского «Тарджиман». Под влиянием этой газеты и просветительской по духу новой литературы Магруй-ханум приступила к обучению и воспитанию девочек по новому методу (усуле-джадид) в своем доме. Итак, если обучение девочек чтению и письму, используя новый метод, в 1891 году в Казани начала Магруй Барудия (жена Галимджана Баруди, руководителя медресе «Мухаммадия». — А.М.), то второй шаг на этом трудном пути сделала другая Магруй — Магруй Музаффария.

Ее биограф в журнале «Сююмбика» также отметил это: «В жизни Магруй-ханум началась совершенно новая полоса, ибо и воспитание детей, наполнивших дом, и дела махалли — все это полностью было на ней. К тому же в эти годы звучали и голоса новометодистов. Несомненно, и Магруй-ханум раньше всех показала пример в этом деле. Какие бы жертвы ни потребовались от нее в этом деле, она самоотверженно шла на них. И как плоды ее смелости, ей досталась честь стать второй в деле обучения девочек в Казани по новому методу».

Конечно, и воспитание своих пятерых детей соответственно духу эпохи требовало много времени и внимания. Сама испытывавшая сиротство, она старалась быть очень внимательной к пасынку и падчерице, не делать различия между ними и своими детьми. Магруй-ханум всегда приходила детям на помощь, старалась развивать их способности. Например, увидев, что ее дочь Махмуда тянется к музыке, она купила ей сначала мандолину, затем гармонию. Махмуда-апа подробно рассказывала автору этих строк, как она, прячась от отца и выбирая момент, когда вообще никого вблизи не было, училась играть на этих инструментах, а затем показывала свое умение сестрам и матери.

Но в один из дней Махмуду, samozабвенно игравшую на чердаке на гармошке, застал отец. Мать и дочери ожидали, что старый хазрат поднимет скандал (дескать, молодой девушке, дочери хазрата, не подобает играть на гармошке). Но Худжахмет-хазрат, наоборот, попросил дочь поиграть еще и показал, что ему понравилась игра дочери, словами: «Баракалла, дочка, баракалла, оказывается, ты очень кра-

сиво играешь, лишь бы никто не сглазил твои руки». После этого мулла при любом удобном случае любил слушать игру дочери на гармонии. Но Худжахмет-хазрату не пришлось долго наслаждаться игрой дочери: в 1907 году, когда Махмуда достигла четырнадцатилетнего возраста, он скончался.

С 1901 года Магруй-ханум начала работать в первой женской русско-татарской школе, открытой по ходатайству Хадичи Ахмеровой за счет государства для татарских девочек. Понимая, что без преподавания мусульманского вероучения родители не отдадут дочерей в школу, Х.Ш.Ахмерова предложила стать вероучительницей Магруй Музаффари, к тому времени уже известной как прогрессивная учительница, и попросила ее для начала привести в школу своих учениц. Магруй-ханум согласилась, оговорив, что после обеда будет давать ученицам школы и уроки татарского языка. И этот ее шаг требовал от нее большого мужества и ответственности, ибо она не только сама стала работать в русско-татарской школе, что в мусульманском обществе уже считалось почти преступлением — «харам» (запретным), но и привела туда своих учениц.

Естественно, что в русско-татарской школе, существовавшей за государственный счет, основное внимание должно было уделяться начальному образованию и воспитанию на русском языке. Однако, если бы в школе девочки не получали национально-религиозного обучения и воспитания, родители не отдавали бы своих дочерей в эту школу. И малочисленность учениц в первые годы существования школы можно объяснить именно сомнениями родителей относительно национально-религиозного воспитания в «русской» школе.

С самого начала религиозно-воспитательная часть работы в школе оказалась в руках Магруй-ханум, что способствовало постепенному преодолению предвзятого отношения мусульман. Она занималась обучением девочек религии и татарскому языку не только в часы, отведенные на уроки вероучения по программе школы, но и занималась с ними дополнительно в своем доме. И не только это. Первым ученицам русско-татарской школы требовалось немало мужества даже для того, чтобы просто пойти в школу. И то обстоятельство, что Магруй-ханум уговорила учиться в новой школе, прежде всего своих собственных учениц, показав пример и отдав своих дочерей в нее, немало способствовало становлению русско-татарской школы. Видимо, не зря школу чаще называли ее именем, чем официальным, — женское русско-татарское училище.

Несомненна роль Магруй-ханум в росте известности и авторитета первой русско-татарской женской школы. Она работала в ней с первого до последнего дня ее существования, можно сказать, была ее стержнем. Попечительница школы Хадича-ханум Ахмерова, полностью доверяя вероучительнице, почти не вмешивалась в учебно-воспитательный процесс. А молодые девушки с гимназическим образованием, учительницы светских предметов, довольно часто менялись (кто уезжал учиться, кто выходил замуж и т.д.). Например, Магипарваз Ахмерова проработала здесь только полтора года. С 1 января 1903 года ее сменила дочь известного татарского просветителя и ученого Хусайна Фаизханова Амина-ханум, окончившая в Петербурге елизаветинский институт.

Хотя официально школа называлась Первым русско-татарским женским училищем, в народе ее называли школой Хадичи Ахмеровой или, еще чаще, школой Магруй-ханум. А в годы первой русской революции к этим названиям добавилось еще одно: ее ученицы называли школу соответственно духу времени школой Магруй Музаффари «Аль-иджтихад», что означало старание. Получившие хоро-

шее мусульманское воспитание, научившиеся русскому языку, стремящиеся к знаниям девочки могли продолжать свое образование в русских гимназиях. В 1914 году редакция журнала «Сююмбика» отмечала, что более 30 учениц, окончивших школу за эти годы, поступили в женские гимназии Казани. Среди них была и младшая дочь Магруй-ханум Габбаса, учившаяся в женской гимназии Шумковой. Сама мугаллима с гордостью вспоминала в автобиографии, что ее школа дала путевку в жизнь многим учительницам. В ее школе учились и первые татарские актрисы — С.Гиззатуллина-Волжская, Г.Сулейманова и другие.

В начале XX века Магруй-ханум сформировалась как просветительница. Ее первая книга «Насихатнамэ» (Наставление), посвященная воспитанию женщин, увидела свет в 1901 году. После появления татарской периодической печати ее статьи, рассказы, стихи стали появляться на страницах таких изданий, как «Казан мохбире» (Казанский вестник), «Баянелхак» (Вестник правды), «Эль-ислах» (Реформа), «Мектеб» (Школа), «Сююмбика». Ее произведения, призывающие к знаниям и борьбе против обычаев и традиций, закабальвавших женщин, лишавших татарок личной свободы, были тепло встречены передовой общественностью, особенно молодежью.

В ее произведениях, увидевших свет в 1906–1917 годах на страницах татарских газет и журналов, поднимались проблемы просвещения женщин, применения правил гигиены в семье и женских школах, воспитания детей. В некоторых своих рассказах Магруй-ханум отобразила трагическую судьбу своих современниц. Например, в рассказе «Бедная Минниджамал», опубликованном в журнале «Сююмбика», она вывела образ девушки-сироты, которая, покинув родную деревню, поступила в прислуги в богатую городскую семью. Автор нарисовала образ бедной девушки-служанки, на долю которой пришлось всевозможные унижения и оскорбления и которая в конце концов оказалась выброшенной безжалостной хозяйкой на улицу. В коротком рассказе автор сумела ярко показать душераздирающие картины реальной жизни.

Но, пожалуй, самым известным произведением Магруй-ханум стало ее стихотворение «Знаменитые женщины», опубликованное в десятом номере газеты «Эль-ислах» за 1907 год. Приведу здесь полный перевод этого стихотворения, сделанный Р.Мораном, ибо оно получило широкое звучание в татарском обществе уже с момента опубликования, а чаяния и мысли поэтессы никто не передаст лучше, чем она сама или хороший переводчик:

Риза кази писал про женщин знаменитых,
Прославленных трудом и лаврами увитых;
Средь них философы, ученые, врачи,
Созвездие имен — история хранит их!
Чего же с нами бог считается так мало?
То поднял высоко, то свергнул с пьедестала.
Нет, бог здесь ни при чем — все дело в воле тут:
Свободу дали б нам — и все б иначе стало!
Когда-то женщины учились невозбранно,
И муллы в их дела не вмешивались рьяно.
Что «волос долог — ум короток» — этих слов
Никто не повторял, как мудрый текст Корана.
Пора уже и нам зажечь зарю свободы,
Чтоб воли-волюшки взойли живые всходы.
Чего б ни стоило — не повернем назад,
Не пожалеем жертв, перенесем невзгоды!

Мы не глупей мужчин о всяком деле судим,
Учите нас — равны мы их ученым будем;
Когда полнации составил женский пол —
В чем можем уступить мы самым дельным людям?
У них ученье — у нас они всегда есть.
Есть праведник Захид — у женщин Захида есть.
Пусть там поэты есть — есть поэтессы здесь.
Как муж добра Муршид, у женщин Муршида есть.
Как имя милое Эмин дают мужчине,
Так Эминэ у нас на женской половине.
Вот бог у мусульман один. Но у других
Не только боги есть — бывают и богини...

Для доказательства равенства прав женщин с мужчинами М.Музаффария использовала здесь осмысленное употребление татарских парных мужских и женских имен: Галим-Галима (ученый), Захид-Захида (праведник; набожный человек), Муршид-Муршида (наставник; проводник), Амин-Амина (верный, надежный).

В начале стихотворения автор указала, что оно написано под влиянием книги Р.Фахретдинова «Знаменитые женщины», вышедшей в Оренбурге в 1903 году. В первом очерке данной книги уже шла речь о работе известного историка-просветителя с биографиями прославленных в исламском мире женщин со времен пророка Мухаммеда до начала XX века. Книга, которая знакомила читателей с учительницами, писательницами, врачами и т.д., сыграла несомненную роль в пробуждении самосознания татарских женщин, заставила читательниц задуматься над своим положением, горделиво поднять поникшие головы, подать голос с требованием восстановить свои поправные права.

Конечно, гордая и смелая женщина, одной из первых отбросившая чапан и посмевавшая ходить по улицам Казани с открытым лицом, была покорена этим произведением и под сильным впечатлением от прочитанного написала свое стихотворение. При этом она выразила не только свои впечатления, но и призвала своих современниц к движению, к борьбе за свободу. Причем какими словами призвала! Ее пламенные слова, шедшие из самых глубин ее свободолюбивой души, пробуждали чувства гордости, восхищения делами далеких предшественниц, не только женщин начала века двадцатого. Даже мы, живущие век спустя после появления стихотворения, не можем без волнения читать эти строфы. Они затрагивают наши чувства, какие-то глубинные струны души! Следовательно, мысли и думы Магруй-ханум актуальны и сегодня.

Как рассказывала автору этих строк ее дочь Махмуда-ханум, стихотворение появилось в 1904–1905 годах, то есть сразу после знакомства матери с книгой Р.Фахретдинова. «Книга Ризы-кази была настольной книгой нашей мамы, — вспоминала она. — А ее одноименное стихотворение мы, ее ученицы, знали наизусть задолго до его появления в печати. Каждая из нас записала его в своих тетрадях, переписывала в тетради-альбомы подруг и родственников. При каждом удобном случае мы читали его нараспев, как мунаджаты (песни религиозного содержания. — А.М.)».

Эти слова, на мой взгляд, дают возможность понять, как стихотворение появилось в газете «Эль-ислах». По-видимому, девушки, неся свое письмо и стихи Махмуды в редакцию, о чем уже говорилось раньше, прихватили с собой и стихотворение Магруй-ханум. Возможно, с согласия самого автора. Гораздо труднее допустить, что уважаемая в городе мугаллима сама отнесла молодой редакции

газеты шакирдов свое произведение. Это, по тогдашним представлениям, не приличествовало воспитательнице девушек.

Ей было не до этого и по другой причине. Конец 1907 года — один из самых тяжелых периодов в ее жизни: умер муж, она осталась одна с пятью детьми почти без средств к существованию. Наконец то обстоятельство, что только одно ее стихотворение увидело свет в этой газете, также говорит в пользу этого предположения. Но как бы там ни обстояли дела, стихотворение увидело свет в молодежной газете, каждый номер которой прогрессивная общественность ожидала с большим нетерпением.

Роль стихотворения Магруй-ханум определяется не только его воздействием на юных девушек и пробуждением татарок. Оно оказало большое влияние вообще на татарское общество. Это подтверждается таким фактом. Получивший большую популярность среди молодежи поэт-романтик Сагит Рамеев (1880–1926), просматривая в редакции свежий номер газеты, наткнулся на это стихотворение. И под большим впечатлением от него в один присест написал эссе-очерк «Нет, я не умру! Еще поживу!». Эссе увидело свет уже в следующем номере газеты, вышедшем через неделю.

«Я грустно бродил по коридорам номеров «Булгар», как человек, только что проснувшийся после кошмарных сновидений, как пьяница, пришедший в себя после сильного запоя и с тревогой погружившийся в мрачные думы. По привычке заглянул в редакцию «Эль-ислах». Оказывается, сегодня день ее выхода: редакция кишела как муравейник, в который воткнули палку», — так начинает автор свою статью. Он взял свежий номер газеты и начал ее лениво просматривать в этой напоминающей большой муравейник или разгорающийся пожар комнате, полной шакирдов.

«Хотя сам сижу в редакции, а взор скользит по строчкам газеты, душа моя все еще полна безнадежности. В голове все еще теснятся тяжелые мысли: «Как же я освобожусь от этого тиранического, невежественного, безжалостного татарского мира, когда же я окажусь в темной, узкой, холодной, но кажущейся мне приятной могиле?». Всего несколько месяцев назад и я, как эти шакирды, работал в редакциях газет и радовался каждому новому номеру снова и снова, думая: «Вот, если Аллах пожелает, и татары станут людьми, и в сердца татар он вложит милосердие и сострадание, и их души станут просветленными. И наступит день, когда мы увидим в глазах татар сияние искр любви», — я радовался как малое дитя. Я не полагал, что венцом моих таких светлых, как чистое серебро, надежд, вместо ожидаемых равенства, дружбы, любви, станут вражда и безнадежность. Поэтому я сравнивал надежды шакирдов с моими ожиданиями, здешнее движение с движением синемаатографа и здешнюю суету с пожаром на экране синемаатографа», — продолжал поэт описывать свое состояние.

Состояние С.Рамиева, жившего заботами о настоящем и будущем татарской нации, его упаднические настроения, пессимизм в конце 1907 года, в первую очередь, вероятно, можно объяснить положением дел в татарском обществе и, даже шире, в стране в целом. В эпоху, когда революция потерпела поражение, и в России начинался период столыпинской реакции, многие газеты и журналы демократического направления, в том числе и те, с которыми активно сотрудничал поэт, закрывались; явно усиливались гонения на демократические силы. Чуткое сердце поэта-романтика очень быстро уловило это.

Несколько позже, в 1913 году, анализируя его творчество, будущий известный татарский историк, в то время студент Казанского университета, Газиз Губайдуллин отмечал: «Сагит пережил 1905 год, видел эпоху, когда верилось, что на земле может наступить рай, возможно, серьезно поверил в это. Но время показало,

насколько эфемерной была вера. Видимо, это очень сильно повлияло на такого тонко чувствующего человека, как Сагит. Вероятно, его мечты о счастливом будущем человечества разрушились, как превращаются в развалины большие здания во время сильных землетрясений. По-видимому, в результате этого пришло осознание различий между идеалами, мечтаниями и настоящей жизнью и возникло неприятие этого темного мира».

Однако вернемся к эссе поэта, появившегося под влиянием стихотворения Магруй-ханум, и вновь дадим ему слово. «Я отринул все интересное, махнул рукой на все свои надежды, отделился от всей Вселенной. Хотел лишь умереть, любыми путями покинуть этот бранный мир, — продолжал он. — Неожиданно мой взгляд упал на одно стихотворение. В заголовке я прочитал: «Знаменитые женщины», заканчивалось стихотворение словами «Мугаллима школы «Аль-иджитхад» Магруй Музаффария». Расстояние между этими фразами равнялось всего лишь десяти-пятнадцати строфам стихотворного текста и занимало оно всего лишь полстолбца «Эль-ислаха», но это место представилось мне огромной площадью».

Далее автор делился с читателями мыслями, возникшими у него после прочтения стихотворения. «Здесь татарки, унижаемые и притесняемые в течение стольких веков, открыли войну против мужчин, угнетавших, подавлявших и обижавших их на протяжении сотен лет. Здесь татарские женщины, над которыми до сего дня продолжали издеваться, называя их «полоумными», выдвинули из своей среды на арену женщин, в тысячу раз превосходивших мужчин с «полноценным умом»; здесь татарки, до сего дня приравняемые лишь к половине мужчины, теперь вышли один на один с каждым мужчиной».

Слова женщин, которые до сего дня никто даже и не слышал, сейчас превратились в самые острые сабли, способные разрубить на тысячи кусков не только обычные камни, но и жестокие чугунные души татар, ставшие крепче самого крепкого камня. Голоса женщин, считавшиеся до сего дня недостойными слуха мужчин, здесь вознеслись до небес и превратились в славословия, самые святыя слова, доносящиеся до нас сверху».

Так С.Рамиев перешел к описанию впечатления, которое произвело на него прочитанное. «Здесь женщины, твердившие до сего дня: «Мужчины — они уж такие, им нельзя ничего говорить против», сегодня, вздохнув широкой грудью, гордо и величественно заявляют:

Если у вас есть Самин (бесценный), у нас Самина есть,
Если у вас есть Амин (надежный), у нас Амина есть.
Хоть и отсутствует у мусульман, у других
Не только «бог», но и «богиня» есть!»

(Подстрочный перевод автора)

После этого цитирования поэт вновь возвращается к своим переживаниям. «Невольно ожил. Вновь захотелось жить. Вновь вернулись отброшенные надежды, я вновь окунулся в море грез и мечтаний», — записал он. Он принял стихотворение Магруй Музаффарии как залог будущих великих трудов женщин во имя нации. Поэтому и слова благодарности он обратил ко всем женщинам: «Спасибо вам, женщины, вы меня оживили!». И поделился надеждами, родившимися у него после знакомства со стихотворением: «Если пожелает Аллах, женщины проснутся, начнут понимать свои права и начнут стараться жить как настоящие люди, тогда, несомненно, и татары начнут жить как (цивилизованные) люди».

В конце статьи С.Рамеев обратился к женщинам со стихотворными строфами:

Постарайтесь, женщины, понять права,
Поймите сами и объясните татарам.
И вы, и мы, взявшись вместе за руки,
Зашагаем вперед стройными рядами!
Если вы заговорите, найдете слова, которые разрежут горы!
Если вы посмотрите, взгляды ваши, как стрелы!
Не говори: «Хотя и нет у мусульман, пусть не будет», —
У вас есть дочери, равные богиням среди богинь!

(Подстрочный перевод автора)

Спустя пять лет, в 1912 году, Габдулла Тукай вспомнил эту историю и интерпретировал ее по-своему в сатирическом фельетоне «О том, о сем», опубликованном в журнале «Ялт-юлт» (Зарница). Остро высмеивая различные татарские издания, он вставил: «Мне помнится, как однажды Сагит-эфенди Рамеев, прочитав приводимые ниже строки за подписью «Женщина», пришел в неописуемый восторг и удивление. Тут же, заподозрив в авторстве одного из сидевших рядом с ним поэтов, отбросил газету и воскликнул: «Ах, шайтан, ты же написал это!». Готовивший к публикации произведения поэта тукаевед Р.Гайнанов объяснил в примечаниях к изданию, что слова Рамеева были обращены к Тукаю и добавил, что стихотворение Магруй-ханум было отредактировано Тукаем же.

В принципе это правдоподобно: ведь поэт вроде бы пишет о событии, в котором он сам участвовал. К тому же стихотворение с глубоким содержанием и написано очень смело. Если оценивать с позиций мужчин, у татарки, приравниваемой к половине мужчины, для написания такого стихотворения не должно хватить ни знаний, ни способностей. Однако это так только на первый взгляд. Задумаемся глубже, и тогда слова великого поэта окажутся лишь мистификацией. Дело не только в рассказе дочери поэтессы Махмуды-ханум о времени появления стихотворения или более внимательном прочтении статьи С.Рамеева, написанной по горячим следам. Есть и другие доводы.

Во-первых, стихотворение опубликовано 10 декабря 1907 года. А это дни, когда молодой Тукай только что обосновался в Казани и начал общаться с татарской интеллигенцией города. Конечно, имя Тукая было уже знакомо казанским интеллектуалам через его публикации в печати в Уральске. Однако это еще не значит, что похожий на четырнадцати-пятнадцатилетнего подростка, выглядевший как «шакирд-ислахист эпохи» (определение Ф.Амирхана, означающее ученик новометодного медресе. — А.М.) и державшийся довольно настороженно молодой поэт очень быстро начал общаться с интеллигентной молодежью Казани, нашел с ними общий язык, подружился с ними, чтобы можно было бы так вольно с ним шутить.

Эта мысль фактически находит подтверждение во всех воспоминаниях, описывающих первые месяцы жизни Г.Тукая в Казани. Например, Ф.Амирхан писал: «Хотя мы очень часто встречались друг с другом, долгое время не вели длительные разговоры, да и темы разговоров крутились лишь вокруг газет, новых книг, стихов; как только тема оказывалась исчерпанной, он тут же торопился уйти, да и я его не останавливал». Вообще «Тукай с большим трудом сближался с людьми, оказаться с ним по-настоящему в дружеских отношениях — крайне нелегко», — подчеркивал литературовед И.Нуруллин, скрупулезно изучавший жизнь и творчество Габдуллы Тукая.

Видимо, нет оснований для того, чтобы утверждать, что только что прибывший

из маленького провинциального Уральска Тукай тут же стал бесспорным авторитетом для молодой интеллигенции Казани, не без некоторого снобизма, присущего неوفитам, старающейся подчеркнуть свое превосходство. По воспоминаниям, и в «Эль-ислах» он начал активно работать лишь с весны 1908 года. И заведомый авторитет поэта среди казанской молодежи также стал наблюдаться в 1908–1909 годах. Все это говорит о том, что слова Тукая в фельетоне следует принять как игру памяти или, скорее, как литературный прием, использованный в сатирическом произведении. Ведь именно к сатирикам легко применимо выражение «ради красного словца не пожалеет и родного отца».

Раздумья над этим периодом в жизни литературной общественности Казани в целом и над этим фактом в частности привели и меня к любопытным, на мой взгляд, мыслям. В тринадцатом номере того же «Эль-ислаха» от 1 января 1908 года опубликовано стихотворение Габдуллы Тукая «Форьяд» (Мольба). Есть и подзаголовок — «Из уст одной женщины». Не подтолкнула ли судьба Магруй-ханум и ее стихотворение к обращению молодого поэта к женской теме? Что до меня, начальные строки его стихотворения по содержанию довольно близки к впечатлениям, изложенным в статье С.Рамеева. Кто может утверждать, что произведение, подвигнувшее поэта-романтика сотворить пламенное эссе, никак не повлияло и на другого молодого поэта?

Что бы там ни было, стихотворение, заставившее С.Рамеева заново почувствовать вкус к жизни, подъем духа, вместе с «Эль-ислахом» нашло быстрое распространение среди стремившейся к знаниям, свету молодежи, превратилось в своего рода маяк для рвавшихся к свободе девушек, стало своеобразным гимном новометодных женских школ. Его переписывала каждая мало-мальски умеющая писать девушка, его пересказывали наизусть везде, где собирались женщины. Не только в школе Магруй-ханум, но и в других женских школах оно стало одним из самых сильных факторов воспитания.

Как уже отмечалось, 1907 год оказался весьма тяжелым для большой семьи Магруй-ханум. После смерти Худжахмет-хазрата выяснилось, что он оставил свое семейство не только без средств к существованию, но и фактически без дома (оказалось, что дом давно был заложен). Но все же Магруй-ханум не опустила рук, стараясь собственными силами вытянуть семейство из нужды. Старшие, неродные, дети были уже почти взрослыми, им нужно было лишь помочь найти самостоятельный путь в жизни. Вскоре и старшая дочь Махмуда, едва достигнув шестнадцатилетнего возраста, начала работать учительницей в открытой в 1909 году школе для девочек Ф.А.Аитовой.

Так постепенно жизнь стала налаживаться. Музыка, стихи в их доме были частыми гостями уже с начала XX века. По мере взросления детей интерес к культуре усиливался. Они наперегонки учились играть на различных инструментах: кубыз (татарский музыкальный инструмент), мандолина, гармонь, фортепьяно, скрипка... Уже с первых лет революции в доме Магруй-ханум нередко случались литературно-музыкальные встречи. Когда подросли младшие, Габбаса и Мансур, дети начали устраивать настоящие концерты: девочки играли на различных инструментах и соло, и дуэтом, иногда к ним присоединялся очень рано освоивший скрипку маленький Мансур (будущий композитор). А если к этому добавить, что и у обеих дочерей, как и у самой хозяйки, были налицо несомненные способности к стихосложению, а у Габбасы был прекрасный голос, не останется места сомнениям в качестве этих домашних концертов. В гостеприимном доме

постоянно толпилась молодежь: кроме друзей детей (гимназисток и молодых учительниц), здесь были и ученицы Магруй-ханум, которые также любили участвовать в этих празднествах.

В 1910 году семнадцатилетняя Махмуда вышла замуж за Ахмета Урманчеева (1880–1922), одного из создателей товарищества «Юл» (Дорога), занимавшегося изданием и торговлей татарскими книгами. В марте того же года он приступил к изданию журнала «Ялт-юлт» (Блеск молнии). С этого времени дом Музаффарии-Урманчеевых фактически превратился в центр, где часто собиралась молодежь — журналисты, поэты и писатели, учителя и учительницы, гимназисты... Магруй-ханум всегда приветливо принимала их, встречая как долгожданных гостей. Особенно радовалась она, когда к ним приходил любимый ею и всеми ее детьми Габдулла Тукай. Молодежь также относилась к Магруй-ханум с большим уважением, при необходимости принимая ее советы или приходя ей на помощь, защищая ее от обидчиков.

Здесь я хочу затронуть проблему взаимоотношений великого поэта с членами семьи Музаффаровых-Урманчеевых. Незадолго до смерти, 14 марта 1913 года, когда он находился в клинике Клячкина, Г.Тукай написал статью под названием «Мое первое дело после пробуждения». Она была опубликована в газете «Кояш» (Солнце) 18 марта 1913 года и явилась как бы завещанием поэта. Прочитую глубоко символические слова из этой статьи Г.Тукая: «Придет время, и каждого писателя, каждое его слово и каждую минуту его личной жизни будут изучать досконально». Поэт был уверен в этом.

Правда, вряд ли и сегодня мы можем утверждать, что такой день уже наступил. Мы еще не выполнили полностью завещание поэта. Конечно, можно найти и множество объективных причин. Например, вряд ли сегодня есть возможность написать подробную биографию самого поэта, не говоря уже о доскональном изучении жизни и творчества таких людей, как Магруй Музаффария.

Но все же можно найти возможности для более детального изучения жизни великого поэта. Для примера возьмем людей, с которыми общался поэт. Литературоведы, исследующие его жизнь и творчество, перечисляя друзей и единомышленников поэта, почему-то редко называют имя Ахмета Урманчеева. А ведь есть все основания говорить, что в 1910–1913 годах, то есть в последние четыре года жизни поэта, А.Урманчеев был в числе самых близких друзей поэта. Попытаюсь доказать это свое предположение на основании взаимоотношений поэта с семьей Музаффаровых-Урманчеевых.

Широкоизвестно, что Тукай в Казани полностью отдавался работе в трех периодических изданиях. Это «Эль-ислах» (17 октября 1907 — 22 июля 1909), «Яшен» (03 августа 1908 — 24 июня 1909) и «Ялт-юлт» (15 марта 1910 — 18 марта 1913). Ученые, оценивая роль поэта в становлении первых двух изданий, неизменно обращают внимание на его дружбу с Ф.Амирханом и Г.Камалом, подчеркивают совпадение их взглядов, их мироощущения и миропонимание. Отмечают и то, что Г.Тукай весьма требовательно относился к направлению, коего придерживалось издание, в котором он сотрудничал. Не менее важно было для него и совпадение взглядов его руководителей с его собственными взглядами.

Если для поэта так важна была направленность того или иного издания и общность взглядов, то, видимо, можно с уверенностью говорить, что и Ахмет Урманчеев, задумавший издавать «Ялт-юлт», должен был быть по меньшей мере единомышленником прославленного поэта, переживавшего расцвет своего творчества.

Но почему-то литературоведы обходят молчанием эту фигуру, в лучшем случае удовлетворяясь одной-двумя фразами, как это делал очень уважаемый мной И.З.Нуруллин. Можно, конечно, это объяснить тем, что Ф.Амирхан и Г.Камал — личности хорошо известные, тогда как имя А.Урманчеева почти не упоминается в литературоведении. Сам же А.Урманчеев, был, по-видимому, очень скромным человеком и при жизни не выпячивал свою дружбу с великим поэтом.

Попробую восполнить этот пробел описанием нескольких известных мне фактов, тем более что они связаны с кругом моей героини. «Как только я уверился в необходимости юмористического журнала для нации, одним из первых, с кем я посоветовался, был Тукай. Он очень внимательно отнесся к этому начинанию, укрепил меня в моих мыслях даже больше, чем я ожидал, и дал обещание сотрудничать с журналом до последних минут своей жизни», — так вспоминал А.Урманчеев о начале совместного проекта. Вероятно, уже из этих слов можно заключить, что они были и единомышленниками, и друзьями. Ясно, что приступая к какому-то большому делу, люди советуются прежде всего с теми, к кому они близки, чье мнение уважают и ценят. Да и обещание Тукай сотрудничать в журнале также говорит об этом.

Первый номер сатирико-юмористического иллюстрированного журнала «Ялт-юлт», определенного в подзаголовке как литературный, научно-политический журнал, увидел свет 15 марта 1910 года. Хотя редактором и издателем его считался лишь Ахмет Урманчеев, Габдулла Тукай с первых дней издания и до самой своей смерти был и духовным руководителем, и незаменимым редактором. Это обстоятельство постоянно подчеркивал и сам официальный редактор. «С первого номера журнал стал для него своим. С удивительной аккуратностью и вниманием он служил в журнале народу», — подчеркивал издатель. Указав, что невозможно перечислить все, чем поэт занимался в журнале, на примере только одного номера он показал неоценимый вклад поэта в издание журнала.

Конечно, совместная работа в журнале укрепила их дружбу. Это доказывают и письма поэта к А.Урманчееву, донесшие до нас теплоту и искренность в их взаимоотношениях. Об этом говорит и то, что Г.Тукай, не имевший постоянного дома или квартиры в Казани и живший в гостиницах, во время редких отъездов из Казани оставлял свои вещи в доме Музаффарии-Урманчеевых. Так случилось и в последний раз, когда поэт покинул гостиницу для лечения в клинике Клячкина.

Махмуда-ханум в своих воспоминаниях о Тукае писала: «Так как Габдулла Тукай был одним из авторов выпускаемого моим мужем юмористического журнала «Ялт-юлт», он часто бывал у нас дома по работе. Сначала он старался не обращаться к нам, женщинам, и стремился быстро пройти через нашу, женскую, комнату в рабочий кабинет Ахмета». Естественно, молодая женщина, не привыкшая к такому обращению, попросила разъяснений у мужа. «Когда я спросила: «Почему Тукаев проходит, как бы не обращая на нас внимания?», Ахмет сказал мне: «Вы его не беспокойте, такой уж у него характер. Он вообще сторонится женщин и стесняется, не любит разговаривать в их присутствии». После этого мы решили не беспокоить его, обращаясь с разговорами», — отметила она.

Все же Тукай постепенно начал осваиваться в семье друга и общаться и с женщинами. «Иногда нам удавалось угощать его, и он всегда хвалил приготовленное нами», — продолжала свои воспоминания Махмуда-ханум. Конечно, общение не ограничивалось только этим. Она вспоминала, как Урманчевы с ответным визитом посещали поэта в его гостиничном номере. А Магруй-ханум, любившая Тукае не только как великого поэта, но и относившаяся к нему как к младшему

брату, старалась по-женски заботиться о нем. Бывали случаи, когда она обращалась к Тукаю за помощью при работе с детьми.

Например, 24 августа 1911 года она готовилась провести со своими ученицами музыкально-литературный концерт, посвященный вечеру предопределения, который отмечается на двадцать шестой день месяца рамазан. Он считается одним из самых священных дней, так как по преданию именно в этот день Аллах ниспослал пророку Мухаммеду первые аяты Корана. «Мама попросила Г.Тукаева написать что-либо для прочтения детьми на празднике. В тот же день он принес стихотворение, написав его на листе, украшенном очень красивыми цветами. Оно начиналось словами: «Этот вечер предопределения — единственный вечер в году, самый священный из всех вечеров». Это красивое стихотворение, поместив в рамку, мы хранили как самую дорогую память о Тукае до 1928 года, когда вместе с несколькими другими его старыми рукописями сдали в архив Дома татарской культуры по их же просьбе», — отметила Махмуда-ханум в своих воспоминаниях.

Еще один факт из творчества поэта, связанный с Магруй-ханум. Конец 1912 — начало 1913 года. Вся Россия готовилась к празднованию трехсотлетнего юбилея царствования в стране династии Романовых. И татарская общественность Казани подняла проблему использования юбилея в интересах татар. Обсуждались различные предложения. Постепенно у молодежи сформировалась мысль, что самое главное в настоящий момент для татар — это воспитание «матерей нации». И в связи с этим достойными внимания были признаны два предложения — открыть татарскую женскую гимназию или сиротский приют для девочек-татарок.

Казанская общественность разделилась на два лагеря: старшее поколение, большинство которого составляли муллы, выступало за богоугодное дело — приют, а молодежь защищала идею гимназии. Проводились собрания, публиковались статьи, начались дискуссии... А там, где споры — там возможны зачастую и неуместные оскорбления, удары сыплются и на правых, и на виноватых. Одна из незаслуженных обид, например, досталась и на долю Магруй-ханум, занимавшейся лишь своим делом — обучением девочек — и не участвовавшей в дискуссиях.

Дело было так. Живший тогда в селе Альметьево Бугульминского уезда историк Хади Атласов в статье «Гимназия или приют?», опубликованной в журнале «Анг» (Сознание), сделал обзор споров, разгоревшихся среди казанцев. «Нам показались чрезвычайно чуждыми сообщения в газетах типа «Казанские мусульмане собираются основать в честь юбилея женскую гимназию»... Ибо было бы пустым делом ожидать от Казани что-либо великое, подобное гимназии, являющейся настоящим плодом прогресса», — начал он свою статью. И пояснил: «Общества, которые беспрестанно повторяли слова «религия» и «шариат», не давали положительных результатов. Поэтому кажется, что и от обществности Казани не будет проку, ибо противники гимназии — клерикалы, а современная гимназия никогда не будет способствовать их религии. Поэтому они противятся гимназии от имени религии».

Затем автор, желая обосновать свои слова или пояснить позиции противников гимназии, написал: «Если бы в гимназии изучались лишь «Мохтасар» (Краткие основы вероучения — А.М.) или «Гайнел-гыйлем» (книга с религиозно-нравственным содержанием — А.М.) и похожие на них книги, а учительницами в ней были вдовы мулл Казани, и ученицы ходили в зеленых чапанах, как абыстай на базаре «Ташаяк», то клерикалы Казани не противились бы. Но там же не изучаются «Мохтасары». Изучаются науки, которые и не снились им, которые не

помещаются в шариат древних. И учительницы — не жены Худжахмет-мулл». Так историк походя небрежно отозвался о Магруй-ханум.

Тукай, никогда не позволявший унижать не только себя, но и близких ему людей, в одном из своих последних сатирических фельетонов выступил с защитой Магруй-ханум. Обратив внимание на пренебрежительные слова Хади Атласова, в статье «Образцы изящного» в нашей печати» поэт решил резкими словами дать им отпор. «Сказать «жена Худжахмета-муллы» значит сказать — известная всей Казани Магруй Музаффария. Это, вероятно, знают и жители других городов, которые хотя бы изредка берут в руки газеты. Пусть хорошо знает и муж ошазбики Биби-фалаяна (некой Биби) Атласов, что Музаффарии, Лябибы (Л.Хусаинова — создательница другой известной женской школы — А.М.) в Казани никогда не закрывали и не запирают пути для лучших. С тех пор, как в пятом году поняли свои недостатки, они постоянно совершенствовались и умножали свои знания, прогрессировали, делились со своими ученицами тем, что узнавали сами. А теперь к тому же, купив «Брокгауза-Эфрона» (самая полная энциклопедия, вышедшая на русском языке в 86 томах в 1890–1907 годах. — А.М.), хотят щелкнуть тебя по носу», — подчеркнул Г.Тукай.

«Если и растолстел, если и одурел, если и хаживал по Таврическому дворцу, если и видел большой словарь, — такими резкими штрихами рисовал поэт самого историка и подчеркивал, — это еще не дает никакого права задевать личность невинной женщины. Гимназия — это дело будущего. Да, учителями в ней не будут жены Худжахмет-мулл. Надежда на будущее большая. Вот скоро у нас появятся (как пишет Тукай, вырастут — А.М.) высокообразованные люди. Тогда, иншалла, и депутатами у нас не будут какие-то альметьевские муллы и мужья неких Биби-абыстай. Когда откроется гимназия, и татарки не будут ходить в чапанах. И будущие депутаты не будут «слепыми трудовиками». О будущее! Когда же оно наступит?». Так в резко сатирическом ключе, отдав дань за пренебрежительные слова об уважаемой им женщине, Тукай закончил фельетон советом редакции журнала не показывать в дальнейшем таких «образцов изящного».

Вполне естественно, что Магруй-ханум посещала Тукая в больнице. О ее последнем посещении поэта незадолго до его кончины мне известно два воспоминания. Одно из них очень краткое, написано ею самой сразу после вести о смерти поэта и опубликовано тогда же, другое — рассказ матери, переданный в записях дочери и оставшийся неопубликованным.

Магруй-ханум рассказала, как они с Фатимой Девлеткильдеевой (одной из учительниц школы Хадичи Ахмеровой — Магруй-ханум) 1 апреля ходили проведать Тукая в клинику Клячкина. «Это было после трех часов. Около него были двое товарищей. Когда мы зашли, он указал на стулья, попросив нас сесть. Пройдя поближе, мы сели и сказали: «Наши ученицы желают Вам выздоровления. Ваши стихи их очень вдохновляют».

На столике около поэта были газеты, ручки, карандаши — все необходимое. Полусидя, он то брал карандаш в руки, то клал его на стол. Его лицо было покрыто каплями пота. Мы вышли от него с очень тяжелым чувством», — рассказала она.

Эти две учительницы, побывавшие у поэта за сутки до его кончины, вероятно, были немногими из большой армии почитательниц, успевших проститься с любимым поэтом. Даже краткость описания посещения показывает, насколько Магруй-ханум была убита горестной вестью. Хотя она из уст зятя и его друзей

лучше многих знала об ожидавшей их скорой утрате, все они продолжали верить в чудо. Но чуда не случилось, а дети находили некоторое утешение все в новых и новых расспросах у матери о деталях последнего ее свидания с великим поэтом. Поэтому и воспоминания ее дочери Махмуды, записанные позднее, более подробны.

Вот отрывок из ее записей: «1 апреля 1913 года моя мама была в клинике Клячкина, чтобы узнать, как чувствует себя Г.Тукай. Как только она вошла, он со словами: «Магруй-ханум, садитесь», приветливо показал на стул и сказал: «Магруй-ханум, не забывайте меня, для меня настали последние дни». Когда мама сказала: «Мои ученицы передают тебе приветы и пожелания здоровья. Они с большой любовью читают твои красивые стихи», он, полулежа, полусидя на кровати около стола, ответил: «Спасибо девушкам, которые станут настоящими матерями нации». Мама принесла катык. Когда она спросила: «Нет ли еще чего-то, Габдулла, что бы тебе хотелось?», он с большим трудом ответил: «Наступили мои последние часы, у меня не осталось никаких желаний в этом бренном мире». У мамы исчезли всякие надежды. «Как будто желая что-то написать, он то брал карандаш со стола, то клал его обратно. На лице крупные, как горошины, капли холодного пота. У меня сердце разрывалось, глядя на его лицо. Не выдержав, я взяла его полотенце и вытерла пот. Как бы ему тяжело ни было, он сознания не терял. Хотя и через силу, прерывисто дыша, он сказал мне последние слова: «Спасибо, Магруй-ханум, моя душа возрадовалась», — рассказывала мама, вернувшаяся из больницы совершенно опустошенной».

Известно, что в ночь на второе апреля — последнюю ночь Тукая в клинике — рядом с ним были его друзья Шигап Ахмеров и Ахмет Урманчеев. Именно они сообщили горестную весть остальным.

А.Урманчеев был и одним из организаторов похорон Г.Тукая. Это хорошо заметно и по фотографиям, сделанным в день похорон и дошедшим до нас.

Когда Г.Тукай ложился в больницу, А.Урманчеев, как всегда, забрал его вещи к себе домой. После смерти поэта корзина с его вещами осталась в семье Музаффаровых. Магруй-ханум всю свою жизнь бережно хранила ее.

Впервые историю этой корзины я услышала в 1965–1966 годах от Махмуды-ханум. Закия-ханум Расулева, знавшая эту историю от внука Магруй-ханум Тимура Урманчеева, подробно описала ее в своей книге «По следам Тукая» (Казань, 1985, на татар. яз.) в главке «Историческая корзина».

В 1945 году, как бы чувствуя, что ей недолго осталось жить на этом свете (она умерла в декабре того же года), Магруй-ханум через своего сына — известного композитора Мансура Музаффарова передала вещи поэта в КФАН СССР. Сегодня же эта памятная реликвия хранится в Музее Габдуллы Тукая. Так Магруй-ханум, несмотря на все перипетии, сохранила для потомков вещи, к которым прикасались руки поэта.

Вторая вещь, написанная Магруй-ханум после смерти поэта, называется «Влияние Габдуллы-эфенди Тукаева на мир женщин» и опубликована в № 4 журнала «Мектеб (Школа)» от 20 апреля 1913 года.

Уже с первых строк статьи видно, как высоко ставила поэта автор. «Габдулла-эфенди Тукаев был истинно народным поэтом. Какие бы слои, какие бы группы ни были в нации, он никого не оставил без внимания» — так начинается статья. Магруй-ханум, назвав поэта «первым, кто обратил внимание на женскую половину нации, считавшуюся слабой», привела отрывки из стихотворений поэта «Мольба» и «Свобода женщин». И хотя ее стихотворение «Знаменитые женщины» было

опубликовано в «Эль-ислахе» 10 декабря 1907 года, а первое стихотворение Тукая о женщинах увидело свет там же позже, 1 января 1908 года, Магруй-ханум так признавала главенство поэта.

«Его стихотворение о мире женщин в несколько поэтических строк, в которых мало слов, но так много содержания, повлияло на наши сердца, как огонь, разбудило нас, объяснило нам, что мы, как и другие люди, имеем права. Он заставил песнь равноправия начать литься из уст самих женщин», — подчеркнула Магруй-ханум. Надо сказать, что эти слова с полным правом можно было бы обратить и на самого автора статьи. Ведь и ее собственное стихотворение было произведением, немало потрясшим мир женщин.

А эта ее статья, в которой «мало слов, но имеется богатое содержание» (используем ее собственное определение, обращенное к строчкам Тукая), заканчивалась выражением надежды на будущее, веры в свой народ: «Под влиянием его стихотворений подняли головы, начали блистать наши души, наши чувства. Теперь уже они будут гореть, не погаснут, а с ними вместе будет жить и наш поэт; и он, хотя и умер физически, в духовном смысле будет вечно живым. Будем жить мы — будет жить нация, и вместе с нацией будет жить и он!».

С появлением женского журнала «Сююмбика» в 1913 году Магруй-ханум начала активно сотрудничать в нем. И в статьях, которые она написала для этого журнала, видна ее тоска по безвременно ушедшему поэту, ее безмерное уважение к нему. Для примера возьмем ее статью «Уважаемый Шигабутдин-хазрат». Это небольшое эссе было написано в связи со столетним юбилеем Ш.Марджани (по мусульманскому летоисчислению. — *Прим. ред.*), который татарская общественность широко отмечала в 1915 году, и помещено в шестом номере журнала, полностью посвященном великому ученому. «9 января исполнилось сто лет со дня рождения чудесного бриллианта, исчезнувшего двадцать пять лет тому назад из Казани, то есть известного всему миру нашего первого Учителя Шигабутдина ал-Марджани», — так она начала свое эссе.

Магруй-ханум поставила в один ряд с ученым и скончавшихся не так давно Исмагила Гаспринского и Габдуллу Тукая. «Я нахожу необходимым для каждого из нас хранить в самых тонких глубинах наших душ таких людей, как Марджани, Гаспринский, Тукай, и вспоминать их постоянно. Эти драгоценные бриллианты заставляют трепетать самые тонкие струны наших душ, наших сердец. Уход этих уважаемых выдающихся людей из мира и чтение оставленных ими благословенных произведений заставляют слезы литься из наших глаз. И конечно, произведения этих высоких благословенных личностей оставляют в душах такие чувства, которые невозможно описать», — заметила она.

В конце же статьи она подчеркнула необходимость ознакомления детей с биографиями и произведениями таких известных людей: «Тщательное объяснение молодым поколениям произведений этих великих людей и ознакомление наших детей с их биографиями, конечно, очень быстро воздействует на безгрешных детей. Их сердца очень чисты, души беспорочны. И это молодое невинное поколение детей сумеет оценить своих великих предков». Так, о ком или о чем бы она ни писала, мысли уважаемой мугаллимы возвращались к проблемам воспитания и обучения детей.

И в ответах на анкету «Мое святое пожелание на Новый год», предложенной нескольким авторитетным людям редакцией журнала «Сююмбика» в связи с приближением нового 1333 года по хиджре, Магруй-ханум писала все о том же. Вот ее самые святые пожелания: «Желаю, чтобы наши работающие для нации мугаллимы

дружески относились друг к другу, были едины, а невинные молодые девушки, только что начавшие ощущать вкус учения, не морочили себе головы, переходя от одной мугаллимы к другой.

Из самой глубины своей души желаю, чтобы наши молодые литераторы и интеллектуалы, а также наши герои-редакторы хотя бы раз в году вспоминали покойного поэта Габдуллу Тукаева. Желаю, чтобы мы, помня нашего первого Учителя Исмагил-бека Гаспринского, не забывали о дарелмугаллиме и дарелмугаллимате (мужской и женской учительских семинариях. — А.М.). Желая долгой жизни нашему журналу «Сююмбика», выпускаемому специально для женщин, хочу, чтобы наши женщины и девушки, хотя бы немного умеющие держать перо и писать, всегда присылали в наш единственный журнал свои советы и размышления».

Магруй Музаффария не ограничивалась лишь мечтами о создании учебных заведений, готовящих учителей для татарских школ. Услышав, что уфимские татары с лета 1913 года открыли ежегодные трехмесячные курсы для подготовки мугаллим, она тотчас начала хлопотать об открытии подобных курсов в Казани.

Весной 1914 года со страниц журнала «Сююмбика» она обратилась с открытым письмом к татарским учителям и учительницам, призывая их взять пример с уфимцев, собрать все силы в единый кулак и, поставив целью создание таких курсов в Казани, приложить все усилия к этому. Однако ее призыв остался безответным.

Считавшая своим долгом защиту интересов учительниц, не склонявшая перед трудностями голову мугаллима летом 1915 года сделала еще один смелый шаг на этом пути. Как только завершился учебный год, она отправилась в Уфу, в Духовное управление. Цель — доказать, что и учительницы имеют полное право на свидетельство, которые выдавались учителям после сдачи ими экзаменов при Духовном управлении мусульман. В путевых заметках «Путешествие в Уфу», частично опубликованных в двух номерах журнала «Сююмбика», Магруй-ханум подробно описала и путешествие, и встречи, и разговоры с членами Духовного собрания.

«Гиният-хазрат (Капкаев) спросил: «Давно ли обучаете в Казани?». — «Исполнилось двадцать четыре года. Я сама не обучалась в национальных школах. Тогда и школ-то не было. Я училась сначала у своего отца Габдулвали-хазрата, затем у имама Худжахмет-хазрата, потом у одного мугаллима», — ответила я и добавила: «Я не хочу свидетельства для себя, но хотелось бы, чтобы следующим поколениям мугаллим они давались», — так описала Магруй-ханум начало разговора. Гиният-казый объяснил ей: «Когда в последний раз был в Петрограде, я поднял было эту тему. Попробуйте Вы показать дорогу, может быть, получится». Таким образом, он предложил ей самой начать дело получения официального документа.

Не привыкшая останавливаться на полпути Магруй-ханум, вернувшись в гостиницу, написала заявление на имя Духовного управления. Последние строки путевых заметок Магруй-ханум: «Пятый день (в Уфе). Утром в десять часов я принесла написанное заявление в Духовное управление. Юсуф-эфенди (служащий управления), сказав, что все три казия на месте, пропустил меня в комнату, где принимались экзамены. Три казия сидели на трех концах стола. Я подала заявление. Нурмухамед-кази (Мамлиев) прочитал мое заявление вслух». На этом заметки обрываются. Хотя после этих слов следует примечание: «Окончание следует», по какой-то не известной нам причине в следующих номерах журнала продолжения не последовало. Поэтому остается неизвестным, как закончилось дело. Можно лишь предположить, что заявление Магруй-ханум было удовлетворено и она получила официальный документ.

Активнейшая мугаллима и общественная деятельница встретила крушение самодержавного строя в России в феврале 1917 года, как и многие татарские интеллектуалы, как открытие новых возможностей для прогресса татарского народа. Она не прекратила свою интенсивную деятельность на благо народа и в сложные годы революций и гражданской войны.

Вспоминая эти бурные годы, в своей автобиографии Магруй-ханум писала: «В Казани была создана «Организация мусульман Тетюшского уезда». Мы специально для этой организации выпускали газету. Для его первого номера я написала статью «Вниманию сестер-мусульманок Тетюшского уезда». Опубликовали».

Организацию эту создавали выходцы из Тетюшского уезда братья Шараф, которые в числе других земляков привлекли к этому делу и опытную публицистку М.Музаффарню. Газета под названием «Тетюшская организация» с символическим лозунгом «Земля и воля!» выходила в 1917 году с 15 апреля по 22 декабря. Успело выйти всего 18 номеров. Однако, будучи одним из активных организаторов этой газеты, Магруй-ханум в действительности не смогла так же активно участвовать в ее выпусках. Приняв предложение Мусульманского комитета, созданного в Казани 7 марта 1917 года, в конце апреля она отправилась в родной Тетюшский уезд разъяснять землякам возникшую в стране новую ситуацию и задачи, стоящие перед татарским народом в связи с этим.

За короткий срок она побывала в сорока с лишним деревнях уезда, где проводила собрания женщин, призывая их к учебе, знаниям, борьбе за свои права и свободу. Когда в Тетюшском уезде было решено открыть двухмесячные курсы для подготовки мугаллим, Магруй-ханум была назначена руководить ими. Так пожелание, высказанное ею в 1914 году, претворилось в жизнь летом 1917 года. И просветительница всецело отдалась делу организации этих курсов по подготовке учительниц для сельских школ. В дальнейшем, когда в крае установилась Советская власть, она работала в отделах народного образования Тетюшского и Свияжского уездов, учительствовала в школе № 5 города Казани.

В годы, когда шло становление молодой Татарской республики, широко развернулась работа по привлечению к активной общественной жизни женщин края. Для организации этого серьезного дела при Казанском губернском комитете был создан специальный отдел по работе среди женщин. Вовлечение женщин в общественную деятельность, в повседневные дела Советов проводилось через организации, получившие название «Делегатские собрания».

В Казани эта работа началась с лета 1919 года. Работницы избирали делегатов на рабочих местах, остальные — в местах проживания.

Магруй-ханум одной из первых была избрана делегаткой, а позднее опытную образованную учительницу назначили руководителем «Делегатского собрания» татарских слобод Казани.

«Делегатские собрания» преследовали многие цели. Прежде всего это, конечно, разъяснение женщинам постановлений и распоряжений новой власти, ибо их появление во множественном числе вызывало среди женщин, особенно среди татарок, много разных слухов и толков. Делегатки занимались и проблемами улучшения условий труда работниц, и организацией разнообразных курсов для женщин, и созданием детских садов и ясель, и открытием специальных домов для беспризорников. Не менее активно они боролись с голодом и тифом, с неграмотностью и суевериями и т.д. Короче говоря, делегатки занимались всем, что так или иначе касалось женщин. А касалось их все.

И Магруй-ханум, будучи одной из руководительниц делегатов района, была инициатором многих дел по организации женщин. Она организовывала субботники и воскресники, привлекала женщин к участию в различных «неделях борьбы...» или «неделях сбора...» и «декадах помощи...» При этом она продолжала учительствовать в разных школах города То, что она занимала лидирующее положение среди женщин города, видно и из того, что в двадцатых — тридцатых годах Магруй-ханум неоднократно избиралась депутатом Казанского городского Совета. Как депутат, она была прикреплена к отделам культуры и образования и принимала самое активное участие в контроле за деятельностью нижестоящих отделов, в проверке постановки учебно-воспитательного дела в татарских школах и других детских учреждениях.

Махмуда-ханум вспоминала, что самым любимым делом матери в этот период было оказание помощи детским учреждениям.

Умерла Магруй-ханум Музаффария в 72 года, 5 декабря 1945 года. Смерть наступила мгновенно (врачи признали паралич мозга). Похоронена рядом с мужем, на кладбище Новотатарской слободы. Могила находится напротив могилы Салиха Сайдашева.

Лучшей эпитафией ей и ее сподвижницам могли бы послужить слова так любимого и уважаемого ею Габдуллы Тукая (в переводе В.Тушиновой):

Лишь служение народу признаю за счастье я,
В этом лучшая отрада, сладость жизни для меня.

Лябиба Хусаинова и ее школа

Не пожалеем жертв, перенесем невзгоды!

М.Музаффария

Там, где школа не является государственной, где она содержится буквально на гроши, где создание системы образования происходит в борьбе с противодействием правительства и значительной части общества, отстаивающей традиционные порядки и идущей за консервативным духовенством, не может быть и речи о своекорыстии учительства. Здесь могли работать только люди сильной воли и большого духа, люди, которых не могли испугать преграды, часто встававшие на их пути. Фактически так оно и было.

Основатели джадидистских школ, школ нового типа, и работавшие в них учителя и учительницы, как правило, были энтузиастами своего дела, горели желанием просветить свой народ, вкладывали много сил и энергии в дело организации образования. От их преданности делу просвещения, от их целеустремленности и настойчивости часто зависела судьба школ. Исключительно стараниями учителей и руководителей школ некоторые из них превратились в настоящие светские средние учебные заведения, хотя и не имеющие официального права на преподавание общеобразовательных предметов и находившиеся поэтому под постоянной угрозой разоблачения и закрытия.

Одно из таких учебных заведений представляла собой школа Лябибы Хусаиновой в Казани, возникшая в 1904 году как новометодная женская начальная школа и

работавшая, постоянно совершенствуясь, до 1918 года. Однако формальное разрешение на открытие школы было получено лишь в 1911 году, когда после работы в январе 1910 года «Особого совещания о борьбе с мусульманским влиянием в Поволжском крае» с разгрома школ Буби началось наступление царского правительства на джадидистские школы и стало необходимым получить официальный статус.

История каждой отдельно взятой татарской школы, создававшейся в трудных условиях самодержавной России и превратившейся в очаг национального образования вопреки политике царизма, стремившегося не допустить самого этого процесса, представляет большой исследовательский интерес. Таких школ (как мужских, так и женских) у татар было немного. Но на примере любой из них можно, как в зеркале, увидеть те трудности, которые приходилось преодолевать создателям этих школ, увидеть картину становления системы национального образования.

К сожалению, документов и материалов по истории школы Лябибы, так же, как и многих других татарских школ, до наших дней дошло очень мало, что определялось многими причинами. Назову лишь некоторые из них. Во-первых, школы эти были частными и до определенного времени царское правительство на них почти не обращало внимания. Поэтому архивных данных о них почти нет. Во-вторых, новометодные татарские школы создавались вопреки национальной политике царского правительства, не заинтересованного в создании системы просвещения на родном языке нерусских народов. Следовательно, создатели таких школ, остерегаясь гонений, вынуждены были не афишировать свои действия. Именно поэтому сведения о них достаточно скудны и на страницах татарской периодической печати, появившейся в ходе революционных событий 1905 года.

Тем дороже для нас те данные, которые собрали энтузиасты, постаравшиеся сохранить для будущих поколений историю создания национальной системы образования у татар. Материалы по истории школы Лябибы Хусаиновой в Казани были собраны в 60-х годах XX века Ахметом Салиховичем Галеевым, племянником известного татарского богослова-реформатора и основателя медресе «Мухаммадия» Галимджана Баруди. Эти материалы содержат воспоминания учениц и учителей школы, классные журналы, фотографии, копии свидетельств и похвальных грамот и т.д. После смерти А.С.Галеева его брат, Махмут Салихович, передал эти материалы в отдел рукописей и редких книг Научной библиотеки имени Н. И. Лобачевского.

Кто же такая Лябиба Хусаинова и какова история возникновения и существования ее школы?

Лябиба Хадиевна Хусаинова родилась 7 декабря 1880 года в деревне Новая Амзя Чистопольского уезда Казанской губернии в семье муллы. Ее отец, Хадиулла Шамсетдинов, происходил из крестьян Заказанья и благодаря своим способностям и стремлению к знаниям после обучения в одном из казанских медресе был назначен имамом в деревне Амзя. Проработав там несколько лет и заслужив признание и уважение не только прихожан, но и прославившись среди духовенства своими глубокими познаниями, Хади-хазрат стал муллой и мударрисом деревни Чуваш Иле (Чувашли) Казанского уезда. Выходец из этой деревни известный казанский купец Мухаммеджан Галеев и его сыновья (знаменитый Галимджан Баруди с братьями) всегда с глубоким уважением относились к Хади-хазрату и не раз приходили на помощь его детям.

Лябиба росла смышленной, старательной девочкой. Как и многие девочки своего времени, образование она получила у отца и брата. Она рано приистрастилась к книгам. Конечно, вначале это были книги религиозно-правовенного содержания,

но, подрастая, она постепенно, под влиянием брата, все более увлекалась новой татарской и арабо-турецкой литературой.

Ее брат, Мунир (полное имя — Мухаммедмунир) Хади (1876–1913), учился в медресе «Мухаммадия», рано стал хальфой (помощником мударриса) и был надежным помощником Г.Баруди не только в обучении шакирдов, но и в преобразовании медресе в джадидистском духе.

После окончания уже ставшего джадидистским медресе он несколько лет был там учителем-мугаллимом. С 1904 года жил и работал в Челябинске, куда был назначен имам-хатибом и мударрисом.

Мунир Хади стал известен как историк и религиозный деятель в годы первой русской революции своими переводами на татарский язык трудов идеолога мусульманского реформаторства Джамаледдина ал-Афгани (1839–97), а затем и собственными историческими трудами. Его «История башкир» в 1909–1910 годах публиковалась в журнале «Шура», затем, в 1912 году, вышла в Казани отдельным изданием. В 1911–1912 годах в этом же журнале в рубрике «Знаменитые люди и великие личности» он опубликовал большую работу о Емельяне Пугачеве. Известно также, что он работал над «Историей киргизов», но ранняя смерть помешала окончить этот труд. Скончался Мунир Хади в Казани в 1913 году, куда приехал на лечение.

Юная Лябиба формировалась под несомненным воздействием этого незаурядного человека. Как писали в своих воспоминаниях дети Лябибы Габдулла и Нагима, именно Мунир Хади руководил ее образованием не только в юности, но и позднее, когда она переехала в Казань, где брат сначала учился сам, а затем и учительствовал. Он воспитывал в сестре любовь к книге, к образованию. Под его влиянием Лябиба росла с убеждением, что ее первейший долг — это просвещение обездоленных.

В 1895 году юная Лябиба, которой не исполнилось еще и шестнадцати лет, отправилась в село Гурьевка Симбирской губернии, чтобы выполнять свой священный долг. Здесь она приступила к обучению грамоте в школе, открытой Акчуриными для дочерей рабочих их фабрик. Она пыталась обучать грамоте и девушек, работавших на шерстемойной фабрике Акчуриных. Лябиба изнутри узнала незавидную долю таких же юных, как и она сама, девушек, вынужденных с утра до позднего вечера выполнять тяжелую, грязную работу: она не только обучала их, но и жила с ними в одном бараке, питалась вместе с ними из одного котла. Ее сын А.З.Хусаинов писал в воспоминаниях о матери: «Сколько времени она там учительствовала и кого обучала — этого точно не могу сказать. Лишь туманно помню рассказы матери о занятиях с работницами-татарками, работавшими на шерстемойке акчуринской фабрики».

Проработав в Гурьевске год, весной 1896 года Лябиба приехала к брату в Казань. Галимджан Баруди предложил ей остаться в городе. Предложение было очень заманчивым: она не только станет помощницей супруги Г.Баруди Магруй-абыстай в обучении девочек в ее школе, но и продолжит свое образование, в чем ей сможет помочь и брат. Да и сам знаменитый дамелла обещал давать уроки. И Лябиба решила остаться в первой в Казани новометодной женской школе.

Что же это была за школа? Конечно, школа Магруй-абыстай еще во многом сохраняла черты традиционного обучения, когда жена муллы собирала в своем доме девочек прихода и обучала их основам ислама. Как отмечал ее биограф Шахар Шараф, Магруй-абыстай еще в 1889 году весьма робко приступила к обучению нескольких соседских девочек. Дело оказалось для нее интересным, к тому же успешным, и уже на следующий год она под руководством мужа начала

применять новый метод при обучении девочек чтению. Росла увлеченность абыстай новым для нее делом, появлялись все новые ученицы. Она занималась с ученицами в одной из комнат на первом этаже своего дома.

В 1893 году Магруй-абыстай решила открыть в своем доме и школу (класс) для бедных девочек — дочерей рабочих и приказчиков, а также сирот, попрошайничавших на улицах. Она оборудовала для них еще одну учебную комнату и поручила работу с бедными девочками особой учительнице под своим контролем. Ш.Шараф писал: «Она давала этим бедным девочкам каждый день по 3–5 копеек, помогала им и с одеждой... В этой школе для бедных каждый год обучались 40–50 бедных и сирот. Так в двух комнатах ее дома работало две школы; в одном она занималась сама, в другом, под ее руководством, — учительницы. Обе школы работали очень успешно. Выросло число приходящих учениц. Приходили даже взрослые женщины и старушки. Сидя вместе с девочками, и они учились читать, исправляли свое чтение Корана. Даже женщины из богатых и уважаемых семей города Казани сочли для себя необходимым брать уроки правильного чтения Корана у Магруй-ханум».

В эту школу и была приглашена Лябиба. Она жила в доме Баруди, училась сама и работала не только помощницей мугаллимы, но и надзирательницей над ученицами, приехавшими учиться из других мест и жившими здесь же. Работа Лябибы в этой школе мало чем отличалась от ее работы в Гурьевке. Ведь новый метод делал еще только свои первые, довольно робкие шаги. Учительницам школы Магруй-абыстай, как и другим новометодистам, приходилось как бы ошупью пробираться в крошечной тьме схоластики и суеверий.

«Так как школа Магруй-абыстай была первой, действовавшей по новому методу, сюда на уроки постоянно приходили женщины, желавшие увидеть новые способы обучения, убедиться в полезности нововведений. Особенно много женщин собиралось во время экзаменов», — писал Ш.Шараф. Используя новый метод (ысуле джадид), изложенный в учебных пособиях, составленных Г.Баруди («Савадхан» и другие), учительницы в течение года обучали девочек довольно беглому чтению, тогда как при обучении старым способом (ысуле кадим) на это уходило несколько лет, а на экзаменах демонстрировали достигнутые успехи.

Журналистка Фатима-Фарида Вагапова-Наурузова, в 1901–1902 годах учившаяся в этой школе, позднее составила следующее описание экзамена в школе Магруй-абыстай: «Было много женщин. Перед ними мы немного почитали то, что нам было указано заранее. Ничего не знавшие абыстай сопровождали наше чтение словами «хорошо, хорошо». Кто из нас знал больше, кто знал плохо, осталось тайной, известной лишь Аллаху. Ибо наш экзамен проводился лишь для того, чтобы показать — «вот как обучают у Галимджан-хазрата». Конечно, здесь чувствуется максимализм юной девушки, увлеченной просветительскими идеями (дневник написан в 1907–1908 годах), но в чем-то она была права.

Так незаметно прошло семь лет. В 1903 году Лябибу выдали замуж за Джамали Хусаинова, овдовевшего приказчика торгового дома Галеевых. Судя по воспоминаниям, Лябиба решила на этот шаг, лишь получив согласие будущего мужа на то, что она продолжит свою учительскую работу. И, собрав нескольких девочек теперь уже в своем доме, расположенном на улице Большая Мещанская (ныне Нариманова), она стала обучать их.

В мае 1904 года умерла Магруй-абыстай Барудия. Школа ее распалась. После закрытия первой новометодной женской школы Казани часть ее бывших учениц

попросила Лябибу-ханум Хусайнову продолжить их обучение. Она согласилась. Так появилась новая женская школа, впоследствии получившая широкую известность как школа Лябибы. Первоначально и она имела чисто вероучительный характер и отличалась от других только новым методом обучения грамоте: здесь применялся звуковой метод вместо традиционного буквослагательного. Ученицы школы Лябибы обучались чтению в течение нескольких месяцев вместо двух-трех лет, надобных для обучения грамоте буквослагательным методом. Быстрое обучение грамоте способствовало росту авторитета Лябибы Хусайновой и распространению славы ее школы.

Одной из особенностей джадидистских школ, как уже указывалось, было устройство публичных экзаменов в конце учебного года. Экзамены эти преследовали двоякую цель. С одной стороны, это была пропаганда нового метода обучения и его успехов, с другой, — в ходе экзаменов собирались пожертвования для содержания школы и помощи учителям и учащимся этих школ. Надо признать, что порой эта помощь была очень существенной: ведь школы, в том числе и школа Лябибы, в основном содержались на приношения учащихся (садака) и благотворительности состоятельных прихожан.

Экзамены устраивались по окончании учебного года с большой торжественностью. На них приходили принаряженные, как на праздник, женщины со всей округи. В большую комнату, отведенную специально под экзамены, собирались и матери девочек, волнующиеся за своих детей, и жены именитых людей города, и абыстай, пришедшие узнать, что же такого нового в этих новых школах, и даже знаменитые свахи, высматривающие невест. Здесь же, как правило, чуть в стороне, за специальным столом, сидела несколько взволнованная Лябиба-ханум с «экзаменационной комиссией» из наиболее авторитетных женщин города.

Начинался экзамен так. Сначала сама Лябиба-ханум, а в следующие годы и кто-то из учительниц читали суры из Корана. Затем девочки по очереди выходили на середину комнаты, показывали свое умение читать. Естественно, при таком скоплении незнакомых женщин они сильно волновались, некоторые от волнения не могли прочитать даже знакомые им тексты. Это вызывало пересуды, а после экзамена в газетах могли появиться и обвинения. Были и смелые девочки, которые не только показывали свою грамотность, но и довольно бойко отвечали на вопросы разного характера.

Тут могли быть вопросы и по вероисповеданию, и по методике (например, о том, как обучать чтению или счету), и по рукоделию. При этом их могли задавать все желающие. Конечно, так было только в первые годы существования школы.

Но вот все девочки прошли испытания. Начинался сбор пожертвований. Принималось с благодарностью все — и деньги, и школьно-письменные принадлежности, и книги... Встречались иногда и щедрые благотворители, которые дарили и ткани (иногда рулонами) для одежды учениц, и обувь, и коробки с мылом, чаем или еще чем-то необходимым.

В школе постепенно увеличивалось число учениц. Если в первые годы, когда здесь обучалось всего 10–15 девочек, Лябиба-ханум вела занятия в своем небольшом доме, то с ростом количества учениц вплотную встала задача размещения их. Где поместить новых учениц? И Лябиба-ханум с помощью нескольких женщин прихода решила взяться за небывалое до сих пор в Казани дело — строительство отдельного здания для женской школы.

Женщины развернули бурную деятельность по сбору средств, и в 1907–

1908 годах во дворе дома Хусаиновых на средства благотворителей выросло специальное двухэтажное здание для школы Лябибы. Оно, как и положено настоящему учебному заведению, было разделено на несколько комнат, где должны были располагаться отдельные классы. Оборудовать школу партами, классными досками и всем необходимым для учебного процесса также помогли местные купцы, в частности Садык Галикеев.

Появление специального учебного здания способствовало еще большему росту известности школы Лябибы. Если в 1906 году в ней было более 40 учениц, то в 1913 году их стало 170 человек. Важно отметить, что здесь с самого начала существования школы, пришедшегося на годы первой революции в России, вместе с девочками школьного возраста обучались и взрослые тридцати-сорокалетние женщины, активно влиявшие на характер обучения. Стремление к светскому образованию, особенно проявившееся у татарских женщин под влиянием первой русской революции, привело к значительным изменениям в обучении и в школе Лябибы. Суфия Шакирзяновна Тагирова, работавшая в этой школе учительницей в 1906–1918 годах, вспоминала в беседе с автором этих строк, что ученицы школы уже в 1905 году решительно заявили Лябибе-ханум о своем желании учиться новым предметам — арифметике, географии, истории...

И Лябиба Хусаинова начала поиск учительниц, которые могли бы преподавать эти предметы, еще непривычные для татарских школ в целом, тем более для женских школ. Она знала, что у преподавателя Казанской татарской учительской школы Шакирджана Ахмеджановича Тагирова (1858–1918) есть дочери Суфия (1888–1970) и Зухра (1889–?), которые под руководством отца самостоятельно изучали курс наук, включенных в программу КТУШ. Переговорив с их отцом и получив его согласие, она пригласила девушек на работу в свою школу. Так с 1906 года в школе было введено преподавание арифметики и географии, а затем, постепенно, и других общеобразовательных предметов.

С.Ш.Тагирова вспоминала: «В один из дней пришла Джиган-абыстай (у нее в том же приходе была своя старометодная «школа». — А.М.) и начала объяснять мне вред преподавания географии. «Преподавать географию грех! И вообще это никому не нужно. Я сама путешествовала, совершила хадж, но даже в Мекке не видела, чтобы Земля была круглая. Слава Всевышнему, вернулась из хаджа живая и здоровая. Девушек не нужно обучать географии. Грех! И без географии извозчик отвезет, куда нужно. И обучать счету тоже совсем не нужно. Что, или ты думаешь, что татарки будут сидеть в магазинах кассирами?!» — такого типа словами она поучала меня как несмышленного ребенка».

Конечно, такого рода разговоров и попыток заставить Лябибу-ханум свернуть с избранного ею пути было немало. Но она, вместе с С.Ш.Тагировой и другими своими помощницами, смело шла к своей цели — сделать школу лучшим учебным заведением для девушек, готовить в ней учительниц для распространения женского образования повсюду. С 1906 по 1910 год в программу школы постепенно были введены (хотя и неофициально) татарский, русский, персидский и арабский языки, история татар, история России, всеобщая история, ботаника, зоология, анатомия, математика, гигиена, рисование, черчение геометрических фигур, пение, рукоделие, элементы методики преподавания и педагогики.

Кстати сказать, в эту эпоху положение женщины, и прежде всего женского образования, у татар менялось очень быстро. Появление новой системы женского образования у татар стали отмечать и представители учебного ведомства. Так,

инспектор народных училищ А.В.Горячкин, следивший за публикациями в татарской периодической печати по поручению попечителя Казанского учебного округа, подчеркивал в донесении от 12 октября 1909 года: «Удивительно быстро развивается новометодное направление и среди женского мусульманского населения! И в то время, когда мы еще и не задумывались над образованием мусульманской женщины, сами мусульмане успели создать такую прочную организацию в лице женских новометодных мектебов, с которой теперь в интересах русского дела чрезвычайно трудно будет бороться».

Однако количественный рост женских новометодных школ еще не означал больших качественных изменений в деле женского образования. Открываемые к этому периоду женские новометодные школы представляли собой различные ступени школ переходного типа от конфессионального обучения к светскому. Лишь несколько женских школ в этот период имели разработанные программы, куда были включены не только вероучение, но и светские, общеобразовательные дисциплины. Но о деятельности этих школ знали еще очень немногие, широкая известность пришла к ним позже. Это прежде всего были новометодные женские школы Буби и Лябибы Хусайновой.

Большинство же новометодных школ оставались чисто конфессиональными, и их единственным отличием было обучение грамоте новым звуковым методом. В других вводилась еще и классно-урочная система, правда, нередко очень своеобразно понятая: деление на классы и уроки проводилось по старому принципу — по названиям книг, по которым девочки учились (ученица, кончившая изучать одну книгу, считалась перешедшей в другой класс, и т.д., что, естественно, могло произойти и в середине учебного года). Однако быстрое обучение грамоте, осмысленное чтение текстов, написанных на понятном с детства родном языке, прививало девочкам любовь к чтению, будило мысль учениц, способствовало их развитию.

Следующим типом можно считать школы, в которых наряду с вероучением вводились уже и зачатки светских предметов — татарского (тюркского) письма и чтения, арифметики, географии, истории. Такие школы, как правило, возникали там, куда мугаллимами приглашались выпускницы школ Буби и Лябибы. Эти мугаллимы старались работать по образцу и подобию своих альма-матер, используя опыт своих учителей. Но и в этих школах состояние и объем преподавания зависели от многих обстоятельств. Не было единых программ для женских школ, типовых учебников для них. Обилие же учебников по различным предметам, в большом количестве появлявшихся в начале XX века и наводнивших книжные магазины, вносило только путаницу, так как неопытные учительницы терялись перед их массой. Конечно, помощь им оказывала не только татарская периодическая печать, широко освещавшая на своих страницах различные стороны положения женщины-татарки, дававшая рекомендации по организации женских школ, обзоры новых учебников и т.д., но и опытные руководители женских школ, такие, как Лябиба-ханум.

С 1912 года, после сдачи С.Ш.Тагировой экстерном экзаменов за курс татарской учительской школы, при школе Лябибы официально открылся русский класс, то есть преподавание русского языка и начал арифметики и географии стало разрешенным. Так, возникшая при Четвертой мечети города Казани как начальное конфессиональное учебное заведение для обучения девочек школа Лябибы за эти годы фактически превратилась в восьмилетнюю женскую учительскую семинарию, хотя официально она до 1911 года даже не была зарегистрирована.

В феврале 1911 года Л.Хусайнова получила удостоверение Оренбургского

духовного собрания, которое давало право на преподавание в татарской женской школе. Это было сделано в целях сохранения школы: с 1910 года царизм повел наступление на татарскую школу, закрывая все новометодные школы, не имевшие особого разрешения от учебного начальства. А такое разрешение давалось лишь лицам, получившим хотя бы удостоверение Духовного собрания на право преподавания основ вероучения. Интересно отметить, что такие удостоверения обычно выдавались только мужчинам, окончившим медресе и сдавшим экзамены при Духовном собрании на звание вероучителя.

Л.Хусаинова была тогда одной из немногих женщин, получивших такое удостоверение. Этот факт также показывает, насколько высок был ее авторитет.

Получение Л.Хусаиновой удостоверения Оренбургского духовного собрания дало возможность официально зарегистрировать школу. Но она смогла лишь подтвердить прежний статус школы как женской религиозной начальной школы из-за того, что царская администрация всемерно препятствовала утверждению светского образования среди татар. Как и раньше, все светские предметы вводились Л.Хусаиновой без разрешения и ведома учебного начальства. Поэтому в школе существовало двойное расписание: одно для проверяющих лиц (в нем были указаны только предметы, входившие в программу конфессиональных школ и официально разрешенные учебным ведомством), другое — для учениц, с указанием предметов, в действительности изучаемых в школе.

Ученицы старших классов, собиравшиеся стать учительницами (а таких было подавляющее большинство), проходили педагогическую практику в младших классах своей школы, приобретая таким образом опыт работы с учащимися. Наиболее же способные из них получали почетное звание «помощницы Лябибы». Некоторых из них Л.Хусаинова оставляла работать в своей школе. Так, летом 1912 года она обратилась к инспектору народных училищ города Казани «с просьбой о разрешении оставить в качестве помощниц по преподаванию магометанского вероучения следующих лиц, окончивших весной текущего года курс в том же мектебе: Б.Ахмерову, М.Габдулмазитову, Ф.Хусаинову, М.Кашаеву, М.Мангушеву».

Инспектор, поддержав просьбу Л.Хусаиновой, подчеркнул: «Ввиду многолюдства мектебе все перечисленные лица являются необходимыми госпоже Хусаиновой в качестве помощниц по преподаванию вероучения». Так как мектеб считался конфессиональным, речь в официальном прошении могла идти только о помощницах по вероучению. Но, по воспоминаниям бывших учениц школы, эти учительницы преподавали и общеобразовательные предметы.

С целью проверки школу часто посещали чиновники местной администрации. Это были инспектора и директор народных училищ, члены городского училищного совета и даже вице-губернатор, о посещении которого оставила запись в своих воспоминаниях С.Ш.Тагирова. Нередко Лябиба-ханум бывала предупреждена о таких посещениях. Дело в том, что жена директора народных училищ Казанской губернии М.Н.Пинегина Зулейха (дочь потомственного дворянина Шагиахмада Мухаммадовича и сестра Хадичи и Саидгирея Алкиных) была подругой Л.Хусаиновой. И М.Н.Пинегин случайно, а может быть, и специально, проговаривался жене о предстоящем посещении школы Лябибы официальными лицами. Зулейха-ханум тут же посылала свою служанку с запиской к подруге.

В таких случаях школа напоминала встревоженный пчелиный улей или муравейник: учителя и ученицы, готовясь к встрече гостей, прятали все «крамольное». Наглядные пособия уносились на чердак и в подвал, а учебники по общеобразо-

вательным предметам прятались под ковры, расстеленные на полу, или в печку. На партах оставались только книги религиозного содержания. Ученицы-старшеклассницы пересаживались в младшие классы, чтобы создать видимость начальной школы; были случаи, когда наиболее рослые из них прятались в подвале. При появлении инспекторов ученицы по сигналу дежурной начинали громко читать Коран, чтобы показать, что в школе все идет в дозволенном виде.

Эти посещения были большим событием для школы. Все, начиная с руководительницы и кончая ученицами, дрожали от страха при мысли, что спрятанные книги, учебно-наглядные пособия и старшие ученицы будут обнаружены проверяющими. Это повлекло бы за собой большие неприятности, вплоть до закрытия школы. Поэтому Л. Хусаинова, не знавшая русского языка, всегда стояла перед проверяющими бледная от страха и твердила: «Коран учим, только Коран учим». Переговоры с проверяющими, как правило, вела учительница русского языка, арифметики и географии Суфия Тагирова.

За все время существования школы местная администрация не смогла получить никаких «особенно неблагоприятных сведений относительно этого мектеба». Успешной ее работе, видимо, способствовало и то обстоятельство, что царские чиновники считали женские новометодные школы менее опасными, чем мужские, и потому обращали на них меньше внимания. Известную роль в этом сыграла и осторожность самой руководительницы школы.

Пока джадидисты, в их числе и Л.Хусаинова, сохраняли или восстанавливали систему новометодного образования, понесшего большой урон после разгрома очага национального светского образования в Иж-Буби, в Министерстве внутренних дел решили вернуться к мусульманскому вопросу, оставшемуся незавершенным в связи со смертью П.А.Столыпина. 22 сентября 1913 года министр внутренних дел Н.В.Маклаков направил губернаторам циркулярное письмо, на котором был поставлен гриф «совершенно доверительно».

Оно начиналось так: «В течение ряда последних десятилетий среди населяющих империю мусульман, главным образом в губерниях Поволжья, стало наблюдаться движение, направленное к преобразованию и реорганизации магометанских конфессиональных школ (мектебе и медресе). Движение это нашло себе внешнее выражение не только в применении в означенных школах улучшенных методов обучения, но и в расширении их программы путем введения преподавания общеобразовательных предметов, в целях обращения вероучительных школ в школы общего типа. Неопределенность и неполнота действующего законодательства в области регламентации инородческих конфессиональных школ и отсутствие надлежащего над ним правительственного контроля привели к тому, что во многих местностях отдельные мектебы и медресе постепенно утратили свой первоначальный конфессиональный характер и превратились в общеобразовательные школы, известные под наименованием новометодных, существующие без испрошения на то чьего-либо разрешения и стоящие вне правительственного надзора».

Оказывается, не зря Лябиба-ханум так боялась посещения ее детища представителями местной администрации. Ведь и она была очень виновата: она ведь тоже и улучшенные методы обучения применяла, и расширяла программу в целях обращения своей вероучительной школы в школу общего типа! Уже одно это могло принести неприятности для нее и ей подобных деятелей просвещения. Однако главное, по мнению министра, было не в этом.

«Ближайшее ознакомление с работою в этой сфере и повременной печати, и

отдельных лиц приводит к заключению, что было бы величайшей ошибкой полагать, что сторонниками новометодных школ руководит лишь стремление устранить из мектебов и медресе схоластические методы и программы преподавания и, в соответствии с изменившимися историческими условиями, создать учебные заведения, которые удовлетворяли бы современные потребности в просвещении в широком смысле этого слова, — предупреждал он губернаторов. — В действительности дело обстоит далеко не так. Исходя из того основного положения, что школьный вопрос в данный момент представляется самым важным не только для мусульман России, но и для всего мусульманского мира, сторонники школьной реформы открыто заявляют, что будущее татарства, тюркства и мусульманства формируется в мусульманских школах».

Вот, оказывается, как! Конечно, по мнению министра, лучше бы не было этого будущего. Министр недоволен, что в новометодных школах пробуждается национальное самосознание: «По их словам, школа должна насаждать в своих питомцах национальный и мусульманский дух столь прочно, чтобы они, несмотря ни на какие внешние воздействия, условия среды и окружающей обстановки, всюду и везде оставались верными своей национальности и религии; школа должна быть источником нормальной жизни и счастливого существования нации». Казалось бы, что в этом плохого? Разве министра внутренних дел не должно радовать, что народы стремятся к нормальной жизни? Тогда ведь и у него будет меньше забот и причин для беспокойства!

Но нет. Министра беспокоила придуманная им или его сотрудниками конечная цель новометодистов. «Конечная цель реформаторов мусульманской школы, их желание — сделать школу орудием объединения мусульман на почве религиозно-национальной, обособления их в ущерб интересам русской государственности», — считал он. Те события, которые происходят в наши дни в условиях возрождения национального самосознания татар, и неуклюжие зачастую действия центральной власти в связи с этим непроизвольно приводят к сравнениям явлений, которые отделены друг от друга почти целым столетием. Неужели мозги высшего чиновничества устроены так, что во всех действиях нерусских народов, даже направленных лишь на собственное культурное развитие, везде и во всем нужно искать ущерб интересам русской государственности? Или это синдром победителя по отношению к побежденным, даже если это произошло столетия тому назад?

Но вернемся к циркуляру. «Современные течения в мусульманской среде в деле постановки школьного обучения свидетельствуют о необходимости безотлагательного, по возможности, принятия правительством мер, направленных к своевременному предотвращению вредных последствий национализации мусульманской школы, угрожающих интересам русской государственности, — указывал министр. — В связи с выработкой таких мер министерство озабочено ныне собиранием необходимых материалов в отношении фактического положения дел в новометодных мектебе и медресе в различных местностях империи». И далее в циркуляре дан перечень вопросов, на которые должны ответить на местах как можно точнее и в скорейший срок.

И.д. казанского губернатора, вице-губернатор Г.Б.Петкевич развил бурную деятельность по сбору необходимых сведений, затребованных министром. Прежде всего он направил 4 октября 1913 года секретный циркуляр губернскому полицмейстеру и уездным исправникам. Он напомнил им, что еще губернатор Стрижевский, недавно скончавшийся, «обращал внимание начальников полиции Казанской губернии на необходимость установления самого зоркого наблюдения над жизнью мусульманского

населения, обнаруживающего в последние годы огромное культурное стремление, направленное к объединению всех народов, исповедующих ислам, в одно совершенно обособленное целое, в прямой ущерб интересам русской государственности».

Вице-губернатор указывал: «Несомненно, школа во всех религиозно-национальных вопросах является одним из самых могущественных и благодарных средств успешной работы, и поэтому весьма понятной становится мусульманская просветительская эволюция, предпринятая посредством школы в вопросе религиозно-национальном». И подчеркивал: «Я считаю себя нравственно обязанным обратить на означенный случай Ваше особое внимание и предлагаю Вашему Высокоблагородию проникнуться чрезвычайной серьезностью просветительской работы мусульман, направленной к национальной и религиозной их обособленности, и тою опасностью, которая создается этою работою для целостности русского государства».

Сразу же по получении циркуляра министра, 10 сентября 1913 года, Г.Б.Петкевич собрал у себя дома частное секретное совещание сведущих лиц «для обмена мыслей по вопросу о мусульманских школах». В первом таком совещании участвовали чиновники Казанского учебного округа А.В.Васильев, Я.Д.Коблов, И.М.Крестников, А.С.Рождествен, Н.А.Спаский.

В октябре были проведены еще два подобных совещания, в которых участвовали уже и профессора и преподаватели университета, миссионерских курсов и Духовной академии. Сведения о состоянии татарских школ и содержании периодической печати на татарском языке были им затребованы и от сотрудников комитета по делам печати, статистического комитета и т.д.

Результатом собранных сведений явилась обширная докладная записка на имя министра внутренних дел Н.А.Макарова от 30 октября 1913 года. Расписав деятельность казанской администрации по недопущению культурного развития татар, вице-губернатор постарался «успокоить» министра. «Из 994 конфессиональных школ (медресе и мектебе) только в 43 введен звуковой метод, и в 25 установлено преподавание общеобразовательных предметов! Да и какое это преподавание, за исключением нескольких школ. Самое кустарное и жалкое... Ведь эти результаты нужно признать ничтожными после тридцати лет усиленной пропаганды новометодных идей, всероссийских мусульманских съездов, съездов шакирдов, съездов заграничных и огромной газетной и издательской деятельности», — подчеркивал он.

Неужели вице-губернатор был прав?! Ведь еще всего лишь три года тому назад губернатор Стрижевский говорил на Особом совещании 1910 года, что до 90% татарских школ губернии являлись новометодными. Что же произошло? Почему в 1913 году таких школ оказалось лишь около пяти процентов? Дело в том, что, когда начались гонения, большинство руководителей сельских школ, не имевших официального разрешения, поспешило объявить, что они работают по старому, используя традиционные методы вероучительных школ. Это было сделать довольно легко, так как по внешнему виду джадидистские школы мало чем отличались от кадимистских. И лишь наиболее успешные из джадидистских школ, такие, как медресе «Мухаммадия» или школа Лябибы, к тому же имевшие или сумевшие в период гонений получить официальный статус, могли не скрывать своих основных отличительных черт.

В заключение вице-губернатор представил материалы с описанием «наиболее значительных в губернии школ — Апааневской и Галеевской медресе в Казани, так и обычных новометодных низших школ — семи мектебе Лаишевского уезда», составленный чиновниками местной администрации. Дан здесь и материал о школе

Лябибы. Г.Б.Петкевич отмечал: «Вместе с тем я счел нелишним присоединить сюда также и материал о женской Хусаиновской новометодной школе, существующей в городе Казани, как о школе наиболее характерной в разряде подобного рода школ».

Какой же виделаась школа Лябибы представителям местной администрации?

«Женское мектебе повышенного типа Лябибы Хусаиновой приурочено к четвертой соборной мечети и находится на Большой Мещанской улице в доме Хусаинова. Открыто оно с разрешения директора народных училищ Казанской губернии от 10 июля 1911 года за № 2976; содержится главным образом на счет ученических взносов — платы за обучение — начиная от двух до двадцати рублей в год, смотря по состоянию; сбора этого получается до двух тысяч рублей, которые все и расходуются. В мектебе Хусаиновой преподаются татарский и арабский языки, арифметика, сведения из географии, фигки, хадис, таарих ислама, Коран, русский язык и грамматика. Это учебное заведение относится к разряду новометодных. Преподавание ведется на татарском языке» — так начиналось описание школы.

Затем дано перечисление учебных книг, по которым велось обучение. Здесь учебники, написанные Галимджаном Баруди, Хади Максуди, Мухитдином Курбангалеевым, Шахаром Шарафом, Якубом Халили, Касимом Биккуловым и другими, изданные в 1903–1910 годах. Всего перечислено двадцать одно название. Даны и сведения о преподавателях: «Заведующая и вероучительница Лябиба Хусаинова, преподает арабский язык, грамматику, историю ислама и хадис, имеет удостоверение оренбургского муфтия от 12 февраля 1911 года за № 5; учительница русского языка и арифметики Суфия Шакирзяновна Тагирова, назначенная с разрешения директора народных училищ от 15 января 1912 года за № 208».

Далее даны сведения о помощниках этих двух учительниц: Б.Н.Ахмеровой, У.К.Махмудовой, М.Мангушевой, М.С.Губайдуллиной, Ф.С.Хусаиновой, окончивших курс в этом же мектебе и оставленных работать в школе. Есть и указания о заработной плате учительниц и их помощниц: сама Лябиба-ханум работала без вознаграждения, С.Ш.Тагирова получала 30 рублей, Б.Н.Ахмерова и М.С.Губайдулина — по 20 рублей, М.Мангушева — 15 рублей, У.К.Махмудова и Ф.С.Хусаинова — по 10 рублей в месяц. Приведено также и расписание уроков, из которого видно, что ученицы, поделенные на три отделения (надо полагать, по годам обучения), в первой половине дня (с 8 до 12 часов) занимались вероучением, а с 12 до 15 часов 30 минут русским языком и арифметикой.

«В мектебе по русскому языку принята программа за I–II отделения начальных училищ министерства народного просвещения, по остальным предметам программы точно не выработано. Обучается в мектебе 170 учениц» — указано в характеристике школы. Завершается она следующим заключением: «Особенно неблагоприятных сведений относительно этого мектеба не имеется. Оно, во всяком случае, считается наиболее старым, хотя формальное разрешение на его открытие (регистрацию) дано лишь в 1911 году. Так как этот мектеб повышенного типа, то окончившие здесь курс поступают затем нередко в учительницы других женских мектебов Казани и окрестностей».

Этот материал показывает, что Лябибе Хусаиновой и ее окружению удалось скрыть от учебного ведомства не только истинный характер школы, но даже современные учебные пособия, коими она была оснащена. Школа в этом описании предстает как заурядное учебное заведение, тогда как на самом деле она существенно отличалась от многих типичных для того времени школ, о чем свидетельствуют воспоминания бывших учениц школы.

Я уже рассказывала о том, что она помещалась в специальном здании. Школа к тому же была хорошо для своего времени оборудована: ученицы сидели за партами, в каждом классе имелись классные доски, применялись наглядные пособия (географические карты, глобусы, картины, счеты на подставках и т. д.), была неплохая библиотека (в 1913 году Л. Хусаинова купила для библиотеки школы даже энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона). В школе обучались и жительницы Казани, и приезжие ученицы. Плата за обучение взималась в зависимости от состоятельности родителей учениц. Бедные девочки обучались бесплатно. Школа даже помогала им из фонда, поступавшего от благотворителей: выдавались пособия на одежду, обувь, книги и тетради.

К 1913 году в школе было восемь классов — четыре начальных и четыре средних. Занятия проводились по учебным планам и программам известного в то время мужского новометодного медресе «Мухаммадия», с использованием опыта Буби. По всем возникавшим вопросам преподавания Лябиба-ханум советовалась с преподавателями и руководителем этого медресе Галимджаном Баруди. Для Лябибы Хусаиновой вообще было характерно стремление к использованию в своей школе передового педагогического опыта как мужских, так и женских школ. Так, во втором очерке уже упоминалось, что приблизительно в 1907—1908 годах она послала одну из своих учительниц, Амину Галееву, в деревню Иж-Буби Сарапульского уезда Вятской губернии для знакомства с опытом постановки учебного дела в известной женской школе Буби. Позднее оттуда для передачи опыта приезжала в школу Лябибы учительница русского языка Газиза Шамова.

Л.Хусаинова заботилась о повышении квалификации своих учительниц. «В то время с преподавательским составом из женщин по таким предметам, как математика, география и т. д., дело обстояло очень плохо, — вспоминал ее сын А.З.Хусаинов. — Для устранения этого явления матерью были организованы курсы повышения квалификации своих учительниц». Занятия на курсах проводились учителями медресе «Мухаммадия» вечерами в помещении школы Лябибы, при тщательно зашторенных окнах. Это делалось для того, чтобы ненароком не увидел кто-то из прихожан совместные занятия молодых учительниц под руководством таких же молодых преподавателей. Занятия по географии вел В.Зия, по математике — З.Уразаев, по татарскому языку — Х.Бадыгов и т.д. Работу курсов держали в большой тайне как от учебного начальства, так и от татарского населения, поскольку обнаружение курсов грозило бы всем большими неприятностями.

Школа Лябибы готовила учительниц для большинства новометодных женских школ Казани и губернии. С ростом авторитета школы известность ее достигла самых глухих уголков России, и во многих местах стремились получить в учительницы выпускниц школы Лябибы. Бывшие ее ученицы вспоминали, что на имя Лябибы Хусаиновой в течение года поступали заявки с мест на выпускники. Осенью Л.Хусаинова распределяла их по школам. Кроме того, часть учениц возвращалась в свои родные деревни и открывала там женские школы по образцу школы Лябибы.

После окончания школы ученицы получали официальную справку-свидетельство на русском языке об окончании конфессиональной школы. В свидетельстве (на гербовой бумаге) значились три предмета: вероучение, татарская грамота, арифметика. Начиная с 1913 года в свидетельство стал включаться и русский язык. Свидетельство выдавалось за подписью муллы 4-й каменной мечети И.Халитова, а Л.Хусаинова подписывалась как вероучительница. Кроме этого официального документа Лябиба-ханум ежегодно выдавала и неофициальное свидетельство на

татарском языке об окончании определенного класса с перечислением всех изучаемых предметов и оценками по ним со своей подписью и печатью на татарском языке «Учительница девушек Лябиба Хусаинова».

Целью своей жизни Л. Хусаинова, как и в юности, считала расширение кругозора татарок, подготовку их к самостоятельной жизни, так как была уверена, что «образованная женщина не согласится жить в неволе». Много сил и энергии она вкладывала в воспитание в девушках стремления передавать свои знания другим. Недаром многие выпускницы школы после окончания учебы отправлялись в деревни просвещать народ.

Школа Лябибы поставляла учительские кадры и для вновь открываемых школ Казани. Так, Ф.А.Аитова при создании своей школы использовала в качестве учительниц ее учениц. Халиса Шараф, в 1910—1912 гг. работавшая учительницей в школе Аитовой, вспоминала, что Л. Хусаинова, направляя своих учениц в школу Аитовой, взяла с них слово, что они продолжат учебу в свободное от работы время, и подчеркнула: «Я вам обещаю, что вы сумеете окончить свое образование. Я это беру на себя. Можете приходить и вечерами, даже домой, я вам всегда помогу». Девушки же, начав работать учительницами в школе Аитовой, продолжали брать уроки у Лябибы-ханум.

Ученицам прививалась любовь к знаниям, к образованию. Поэтому они и после окончания школы стремились пополнить свои знания. Немало учениц школы поступало в русские гимназии. «Встречая таких учениц, — вспоминала Туфах Гильмутдинова, — Лябиба подолгу беседовала с ними и расспрашивала их, и таким образом эти встречи служили новой нитью между школой Лябибы и русской культурой».

В школе применялось поощрение лучших учениц — им дарили отрезки на платья, платки, одежду, обувь, школьно-письменные принадлежности, выдавали похвальные грамоты, которые назывались «Афарин», «Тахсин», «Имтияз». По этим листам в книжных магазинах «Умид», «Сабах», «Гасыр», «Магариф» и других ученицам бесплатно выдавались книги (как учебные пособия, так и художественная литература).

Л.Хусаинова стремилась к тому, чтобы ученицы не бросали школу до ее окончания. Родителей, по тем или иным причинам решивших взять дочерей из школы до ее окончания, она отговаривала от этого шага, доказывая им пользу окончания полного курса. В некоторых случаях она даже брала на себя часть материальных забот, пытаясь таким образом дать девочкам возможность закончить свое образование. Это подчеркивается во многих воспоминаниях учениц.

«В 1916 году материальное положение нашей семьи изменилось, и отец велел мне вернуться в деревню и помогать по хозяйству дома... — пишет, например, Х.Дж.Мансурова (Валиуллина). — Лябиба апа, узнав о причине моего отъезда, написала отцу письмо, в котором просила его отпустить меня осенью в школу. Она писала отцу, что его дочь учится хорошо, и отрывать такую девочку от школы не следует. Пусть она окончит школу с тем, чтобы в дальнейшем поработать учительницей в деревне. Лябиба апа обещала отцу, что она будет учить меня бесплатно, предоставит бесплатное жилье в интернате, будет обеспечивать учебниками и учебными пособиями... Благодаря бескорыстию и добрым заботам Лябибы апа я получила возможность вернуться осенью в школу и успешно окончить ее в 1918 году».

Ученицы вспоминали, что Лябиба Хусаинова была талантливым, строгим, требовательным и справедливым педагогом. Небольшого роста, строго, но со вкусом одетая, она обладала большим обаянием, покоряла всех простотой, была всеми уважаема и пользовалась большим авторитетом как в школе, так и среди жителей

города. «Своим внимательным и чутким отношением, умелыми и доходчивыми словами она умела притягивать и привязывать к себе девушек, — пишет ее ученица Х. Шараф (Сагидова). — Лябиба ханум всегда находила время, чтобы поближе сойтись со своими ученицами, умела находить ключ к сердцу каждой девушки. Была со всеми приветлива, с большим усердием старалась воспитывать учениц и выпустить их из школы полезными народу людьми. В нужный момент она считала своим долгом помочь всем тем, кто в этом нуждался... Как мать, с сердцем, полным любви, она спешила с добрым советом к каждой из нас. Поэтому мы все очень любили ее».

Я уже писала в очерке о Магруй Музаффари, как высоко оценивал деятельность этих мугаллим выдающийся татарский поэт Габдулла Тукай. Здесь лишь повторю его оценку, данную этим учительницам: «Музаффари, Лябибы в Казани не преграждают дорогу лучшим. После того, как в 1905 году поняли свои недостатки, они постоянно совершенствовались и просвещались, прогрессировали и делились знаниями со своими ученицами».

В деле освобождения своего народа от невежества Л.Х.Хусаинова проявляла удивительную твердость и смелость. На все устрашения и козни завсегдатаев Сенного базара она отвечала: «Я иду правильной дорогой и никогда не сойду со взятого мной пути. На этот путь я встала для просвещения моего народа. Пока до сознания некоторых не доходит цель моих трудов. Но я уверена — придет время, и заслуга моей школы будет оценена».

Л.Х.Хусаинова хотела создать женскую учительскую семинарию, выпускающую учительниц, обладавших всеми правами для работы в школах. Об этой ее мечте мы узнаем из журнала «Анг» (Сознание), редакция которого в 1913 году поместила интервью с известными в Казани людьми об их планах и пожеланиях на новый 1332 год по хиджре. Вот ее ответ: «Хотя у нас и есть специальные более или менее упорядоченные женские школы, нам не хватает учительниц с хорошими знаниями, достойных нашего времени. Никто не станет отрицать, насколько важна и насущна проблема подготовки учителей. Еще более актуальна проблема подготовки образованных и способных учительниц. Лишь просвещенные нации смогут занять себе достойное место в этом мире, чтобы продолжать жить. Непросвещенные же исчезнут, так и не обретя своего места. Всем должно быть известно, что учеба и обучение необходимы всем людям как вода и воздух. Если наши мужчины будут этому препятствовать, у нас не появятся учительницы и матери нации. Говорят, что энергия и старание мужчин сдвигает горы. Если это так, то я во имя нации пожелаю, чтобы стараниями мужчин были основаны новые благоустроенные школы для подготовки настоящих учительниц, а также реформированы существующие учебные заведения».

Но в царской России Л.Хусаинова могла только мечтать об этом, хотя созданная ею школа вполне соответствовала женской учительской семинарии и, по существу, являлась таковой. Ее мечта осуществилась только после свержения царизма. В 1917/1918 учебном году школа Лябибы работала уже как женская учительская семинария. В школе, до революции считавшейся конфессиональной, в этом учебном году преподавали историю — Фатима Девлеткильдеева, окончившая Казанские высшие женские курсы, геометрию — Сара Шакулова, получившая образование на физико-математическом факультете в Сорбонне, арифметику, географию и рукоделие — Суфия Тагирова, экстерном сдавшая экзамены на звание учительницы при Казанской татарской учительской школе и проработавшая 12 лет в школе

Лябибы, естествознание — Мадина Сагитова, окончившая 8 классов 3-й Казанской женской гимназии, татарский язык — Амина Галеева, окончившая школу Л. Хусаиновой и затем учившаяся в Турции, вероучение и арабский язык — сама Лябиба Хусаинова. Работали здесь и русские учительницы: русский язык преподавала Вера Иевлева, выпускница Казанских высших женских курсов, рисование — Александр Павлова, окончившая Казанскую художественную школу.

В 1919 году учительская семинария Л.Хусаиновой слилась с мужской учительской школой. Однако Лябибе Хадиевне Хусаиновой, так много сделавшей для просвещения татарок и страстно мечтавшей о времени, когда станет возможным просвещение самых широких масс татарского народа, фактически не пришлось работать в этой новой школе: она умерла осенью 1920 года от сыпного тифа, в возрасте 40 лет, оставив сиротами не только своих пятерых детей, но и своих учениц. Похоронили ее на кладбище Новотатарской слободы. На ее могиле стоит памятник, поставленный совместными усилиями ее благодарных учениц.

Школа Лябибы Хусаиновой была второй, после женской школы Буби, крупной средней женской школой для татарок в дореволюционный период. Это было признано и советским правительством, приравнявшим ее к средним учебным заведениям. Лицам, окончившим эту школу, постановлением ЦИК и СНК СССР о введении персональных званий для учителей от 10 апреля 1936 г. было присвоено звание учителя начальной школы.

Необходимо отметить, что определенные успехи, еще до революции достигнутые в борьбе за светское образование у татар, в том числе и успехи школы Лябибы, способствовали сравнительно быстрому развертыванию народного образования в Советском Татарстане. Татарская школа первых лет Советской власти возникла не на пустом месте. Она использовала лучшие традиции новометодных школ, таких, как школы Буби, Лябибы и других. Сотни бывших учениц школы Лябибы, так же как и других новометодных школ, созданных до революции в острой борьбе с фанатиками и царским правительством, получив на краткосрочных курсах кое-какую дополнительную подготовку (в основном политическую и методическую), выступили на местах активными проводниками политики Советского правительства во всех областях жизни, а не только в реализации прав на образование. Нужно отметить также, что преподавателями на этих курсах, а часто и их организаторами являлось учительство новометодных школ.

Журналистка Фатима-Фарида

В чем можем уступить мы самым дельным людям?

М.Музаффария

В феврале-марте 1914 года почти все татарские газеты и журналы, где бы они не издавались, поместили на своих страницах некрологи, в которых сокрушались о безвременной потере талантливого товарища по перу, способной журналистки Фатимы-Фариды ханум, всю себя отдавшей делу освобождения женщины-татарки. Некрологи появились и в некоторых центральных русских газетах, например, в известной московской газете «Русское слово», считавшейся «одной из самых распространенных, если не самой распространенной газетой в России».

Фатима-Фарида Вагапова-Наурузова (1889–1914) — учительница, публицистка, журналистка, общественная деятельница — прожила на свете совсем немного, всего четверть века. Отклики в печати на ее смерть, однако, показывают, что ее хорошо знал не только весь тюрко-мусульманский мир России, но и русское общество. Какие же деяния прославили ее, женщину, по сути, только начинавшую свою жизнь?

Прежде чем приступить к ответу на этот вопрос, хочу отметить следующее. Начиная изучение жизни и деятельности людей, оставивших яркий след в истории, исследователи почти всегда сталкиваются с недостатком материалов о детстве и юности будущих писателей, поэтов, выдающихся общественных деятелей и других. С одной стороны это естественно. Казалось бы, что особенного может быть во взрослении человека? Все мы появляемся на свет, растем, учимся...

Но ведь никто не сможет отрицать, что именно этот период жизни чрезвычайно важен для становления человека, для формирования его взглядов. В этом плане Фатима-Фарида, пожалуй, единственная из героинь моей книги, о чем взрослении можно судить, опираясь не только на воспоминания ее друзей, но и на ее собственный дневник, опубликованный в газете «Тормыш» (Жизнь), после ее смерти. Уделив большее внимание ее становлению, мы сможем четче представить, какие трудности на этом пути приходилось преодолевать как героиням книги, так и всему их поколению.

Фатима-Фарида родилась 12 (25) февраля 1889 года в небольшом уездном купеческом городке Чистополь, что расположен на Каме. Ее отец, Муртаза Ахметханович Вагапов, принадлежавший к родовитому мещанскому сословию Чистополя, довольно успешно занимался торговлей галантерейным товаром. Он был человеком достаточно широких взглядов, пользовался в Чистополе большим авторитетом, о чем свидетельствует то, что М.А.Вагапов в течение восемнадцати лет был членом мещанской управы и гласным городской думы. На этом посту он много способствовал развитию школьного дела не только среди мусульман, но и других народов, населявших город и уезд.

Ее мать, Фатиха-ханум, была дочерью состоятельного казанского купца, происходившего из духовного звания. Как отмечала сама Фатима-Фарида в дневнике (она писала его уже взрослой девушкой, зимой 1907–08 годов), ее дед, отец матери, умер рано, и Фатиха росла только с матерью. «Так как в то время в народе не была распространена мысль об обучении девочек, моя мама училась у своих отца и матери очень мало, по-старому, лишь азам вероучения. Письму ее совсем не обучали, но благодаря своим природным способностям она научилась читать рукописи и писать сама. В доме было довольно много книг и рукописей, оставшихся от ее отца. Так как у нее пробудился большой интерес к книгам, она много читала и выросла смысленной, любознательной девушкой. Естественно, в наше время сказали бы, что она ничего не знает», — отметила Фатима-Фарида.

Когда Фатихе исполнилось шестнадцать лет, ее выдали замуж за тридцатипятилетнего Муртазу. Детей у них долго не было. Фатима-Фарида родилась только на четвертом году супружества. Появление долгожданного ребенка очень обрадовало родителей. Будучи достаточно богаты, они, решив, что семья постепенно разрастется, построили себе большой каменный дом. «Но других детей у них не было, поэтому я росла очень вольготно, родители баловали меня, исполняя все мои желания», — вспоминала Фатима-Фарида. Едва ей исполнилось три года, бабушка принялась учить внучку основам вероучения, попутно показывая буквы.

Среда, в которой росла Фатима-Фарида, была средой буржуазной, которая, как известно, была более восприимчива к изменениям, происходившим в обществе.

Однако и здесь встречалось немало препятствий на пути нового, неизведанного. Первой преградой, с которой столкнулась девочка, были феодально-патриархальные традиции, закреплявшие неравноправное положение женщин. Даже Фатима-Фарида, росшая в условиях, на редкость в татарской среде благоприятных, уже с детства на себе почувствовала это.

Ее отец, души не чаявший в единственной дочери, хотел дать ей лучшее по тем временам воспитание и образование. Но татарских школ, дававших образование девочкам, не было. В 1892–94 годах семья дважды побывала в Турции. Видимо, у М.Вагапова возникала мысль о переезде в Турцию. Первый раз они пробыли там 4 месяца, во второй раз всю зиму 1893–94 годов. Во время второго пребывания даже отдали девочку, которой не исполнилось еще и пяти лет, в турецкую начальную школу. Однако пребывание там было ей в тягость: она не знала ни людей, ни языка. Вернувшись в Чистополь, родители отдали девочку в обучение Гандалиб-абыстай, где она занималась заучиванием традиционных средневековых произведений «Бадавам», «Кисекбаш», «Ярымалма».

Фатима-Фарида отмечала: «Так как отец был мыслящим человеком, он понимал, что сколько бы я так ни училась, пользы не будет. Поэтому зимой 1895 года он отвез меня с бабушкой учиться в Казань. Здесь меня отдали учиться к Кариме-абыстай. Прежние книги заменили на «Мухаммадию» и бог весть еще какие книги, забивавшие мою голову. Считая меня первой ученицей, стали обучать и правилам чтения Корана. В то время мне уже было семь лет, я читала лучше всех подруг, но писать умела очень плохо (ах, как много драгоценного времени упущено! Если бы тогда уже хорошо обучали, как я была бы счастлива сегодня!). Через три-четыре месяца домашние начали скучать без меня и, где-то в начале марта, отец увез нас в Чистополь».

С наступлением осени перед М.Вагаповым опять встала задача поиска места обучения для дочери. Конечно, в городе была женская гимназия, однако отдать девочку в русскую гимназию ему мешали не только незнание ею русского языка, но и верность обычаям, подчиненность привычному мировосприятию и патриархальным традициям, господствовавшим в жизни мусульман небольшого уездного городка.

«Мой отец стремился учить меня, но не было подходящего места. Однажды, не видя выхода из создавшегося положения, мой отец при разговоре в медресе (отец тогда был попечителем медресе) с дамеллой пожаловался на отсутствие места, где бы он мог обучать меня. Там был и Ибрагим-эфенди Камалов. Он сказал отцу, что сам занимается обучением своих сестер, и если захочет отец, я могу присоединиться к ним. Отец, обрадованный этой возможностью, поспешил поделиться радостной вестью с нами. На другой день утром, собрав все необходимое, меня отправили на урок», — так вспоминала Фатима-Фарида новый этап своей жизни.

Нужно пояснить, что дамелла — это имам первой мечети и мударрис известного медресе Чистополя Мухаммеднаджиб-хазрат (1859–1921), сын историка и религиозного деятеля Казани Хусаина Амирханова (1814–1893). Ибрагим Камалов (1876–?) — его шурин, сын известного чистопольского ишана и мударриса Мухаммедзакира Габдулвагаповича Камалова (1818–1893). И.Камалов получил образование сначала в медресе своего отца, затем, после его смерти, несколько лет учился в Стамбуле и Каире. Вернувшись, он занялся образованием своих шестерых младших сестер (всего их у него было десять).

Обратимся вновь к дневнику Фатимы-Фариды. «Я была очень робкой, боялась что-либо говорить, стеснялась. Видимо, я пришла очень рано, они еще не завтра-

кали... После чая все спустились в классную комнату. Я села за парту подруги, Уммугульсум. Их шестеро, я стала седьмой ученицей. Я со страхом и радостью ожидала начала уроков. Вошел Ибрагим-абзый, начался урок. Сначала он дал задания старшим. Затем спросил меня: «Умеешь читать?». Я ответила, что читать умею, а писать нет. Попросил почитать, сказал: «Хорошо». Спросил, что я читала. Ответила. Он улыбнулся. Затем назвал книги, которые мне нужно принести на другой день», — описала Фатима-Фарида первый день обучения у И.Камалова.

Об этом периоде своей жизни девушка вспоминала: «Так прошел этот год. Хотя была несколько ленивой, под воздействием наставлений Ибрагима-абзый я довольно увлеклась учением. Были годичные испытания. Сдали их хорошо, получили украшенные цветами свидетельства... Так мы несколько лет очень успешно учились. Ибрагим-абзый был прогрессивно мыслящий человек. Так как народ тогда был еще темным, его не любили. Каким бы мыслящим не был отец, и он не лишен был предрассудков, боялся: «Если буду обучать у него дочь, она испортится». А я, узнав вкус настоящей учебы, уже не хотела останавливаться. Так я и училась, каждый год борясь с сопротивлением отца».

Прошло пять лет. В 1901 году И.Камалов в очередной раз уехал учиться, на этот раз в Мекку и Медину. Фатима-Фарида вновь оказалась без наставника. М.Вагапов, чувствуя, по ее словам, неловкость перед дочерью за невозможность ее обучения, во время поездки в Казань договорился с Галимджаном Баруди и решил отвезти девочку в новометодную женскую школу Магруй-абыстай. «В феврале 1901 года отец привез нас с бабушкой в Казань. На другой день бабушка отвела меня в школу. Познакомились с мугаллимой Лябибой-ханум и Магруй-абыстай. В тот же день начала уроки со чтения Корана. Училась там до мая. Вот чему я училась: Коран с таджвидом (правила орфоэпического чтения Корана), Мадхал (Начала), Бухарзаде (Мадхал и Бухарзаде — средневековые книги по основам вероучения — А.М.) и еще много того, что не запомнила. На экзамены приезжала мама. Было много женщин. Перед ними мы немного почитали то, что нам было указано заранее. Ничего не знавшие абыстай сопровождали наше чтение словами «Хорошо, хорошо». Кто из нас знал больше, кто знал плохо, осталось тайной, известной лишь Аллаху. Ибо наш экзамен проводился лишь для того, чтобы показать — «Вот как обучают у Галимджан-хазрата».

Осенью Фатима-Фарида вновь продолжила обучение в этой школе. Училась все также по средневековым богословским книгам вероучению, логике, этике, арабскому языку. «Весной после таких же экзаменов уехали домой. Больше я не возвращалась в школу. Мне в это время было почти четырнадцать лет. Сколько прошло времени, сколько потратили денег. Или я была неспособной, или сказался вред беспорядочной учебы, ничего полезного не получила», — заключила Фатима-Фарида описание этого этапа своей жизни.

Понятна неудовлетворенность девочки и ее родителей результатами обучения у Магруй-абыстай. Она только создавала свою школу, отличавшуюся от других школ для девочек лишь новым звуковым методом обучения грамоте вместо буквослагательного; смышленная девочка, в течение пяти лет обучавшаяся у И.Камалова (правда, тоже без какой-либо программы), а значит уже не только умеющая хорошо читать и писать, мало чему могла здесь научиться.

С наступлением осени перед отцом и дочерью вновь встала проблема обучения. «Я пошла к подругам (сестрам Камаловым — А.М.). Они, оказывается, начали учиться у дамеллы. Мне тоже очень захотелось учиться. Отец однажды

пригласил дамеллу в гости. Поговорив, они решили присоединить меня к моим подругам. Так я с начала 1903 года стала учиться у дамеллы. Я вновь очень счастлива. Изучаемые науки: синтаксис арабского языка, история, география, литература. Эту зиму я училась с удовольствием... Если бы вся жизнь была такой счастливой! Я даже не заметила, как прошла зима», — записала девушка.

В начале марта из Медины вернулся Ибрагим Камалов, который решил продолжить обучение сестер сам. «Я начала упрашивать отца: «Разреши и мне учиться у него». Упрашивала неделю. Вот и записка пришла от подруги, что назавтра они начинают учебу. Показала записку отцу, он разрешил учиться. Ах! Как дороги эти мгновения: я радовалась так, как будто отец подарил мне весь мир. От радости не спала всю ночь. Как только рассвело, начала просматривать пройденное ранее. В 9 часов пошла на уроки. Летела по воздуху или шла по земле — не заметила», — вспоминала Фатима-Фарида.

Ибрагим Камалов решил обучать девушек по-новому, в соответствии с лучшими устремлениями татарской интеллигенции начала XX века. Он учил девочек светским наукам — географии, арифметике, истории, биологии. Серьезно занимались языками — турецким, арабским, персидским. «Начались уроки. Ибрагим-абзый решил обучать нас и русскому языку. С этого же дня начал искать учительницу русского языка. С 15 марта 1903 года начали учиться русскому языку у дочери священника Аристовского Алевтины Михайловны. Учеба успешно продвигалась, каждый день узнавали что-то новое, — указала Фатима-Фарида. — Дома в часы досуга начали читать турецкие романы. Так как до сих пор не знала турецкого языка, я не получала удовольствия от романов. Однако Ибрагим-абзый, говоря: «Так нельзя, романы развивают разум, будят мысль», всегда давал нам романы, заставлял пересказывать содержание после прочтения, объяснял непонятные турецкие слова. Так учились до конца мая».

Отдохнув месяц, сестры Камаловы решили возобновить занятия русским языком. Однако Фатима-Фарида уже не смогла заниматься у учительницы: дальнейшие занятия с русской учительницей показались неприемлемыми для отца девочки — правоверного мусульманина и истинного члена общества, убежденного, что общение с неверными не просто грех, но и начало отхода от веры отцов. Какой же отец может сам толкнуть свое любимое дитя в руки неверных? И, несмотря на мольбы дочери, М.Вагапов не разрешил ей посещать уроки русского языка.

«Завтра должны были начаться занятия. Отец мне не разрешил. Подруги начали учиться. Я очень горевала, что не могу учиться с ними... Осенью опять начала упрашивать отца, чтобы он разрешил мне продолжить обучение по-мусульмански. После множественных просьб с большим трудом получила разрешение и начала учиться с подругами. Хоть и очень радовалась учебе, почему-то на душе было неспокойно», — заметила Фатима-Фарида. Но на занятия русским языком отец наложил табу. Тем не менее желание девушки продолжать изучение русского языка было настолько сильным, что она нашла выход: ей на помощь пришли подруги. Они, как могли, передавали ей то, чему научились сами на уроках русского языка.

И.Камалов успешно воспитывал в своих ученицах привычку к самообразованию, приучая их читать не только художественную литературу на всех изучаемых языках, но и серьезную литературу по различным волнующим татарское общество вопросам. В эти годы Фатима-Фарида очень много читала, создавала свою библиотеку, используя любую возможность для ее пополнения: выписывала книги и журналы из Казани, Стамбула, Бахчисарая, заказывая их отцу, когда тот уезжал по своим

торговым делам. По утверждению ее учениц, с которыми она начала заниматься у себя дома в 1903–1904 годах, уже тогда у нее была большая библиотека, состоявшая из тюрко-татарских, арабских, персидских и русских книг. Трудно сказать, что читала Фатима-Фарида из арабской, персидской, турецкой, русской литературы, но можно предположить, что скорей всего это была классика.

А вот что она читала из татарской литературы, определить нетрудно. Ключ к этому мы находим в юмористической биографии Фатиха Амирхана (1886–1926). Писатель, который принадлежал к тому же кругу молодежи и был старше моей героини всего на три года, писал о периоде своего становления: «Тогда же я начал увлекаться арабской и турецкой литературой, стал читать все выходящие из печати татарские книги». Кстати сказать, Фатих Амирхан был свойственником Камаловых: дамелла Наджиб Амирхан, женатый на одной из сестер Камаловых (напомню, у него сестры и Фатима-Фарида какое-то время брали уроки), был его дядей, братом отца. В эти годы Ф.Амирхан ежегодно приезжал в Чистополь, где подружился не только с И.Камаловым, хотя тот был несколько старше его, но и с его сестрами. Была знакома с ним и Фатима-Фарида.

Но вернемся к кругу чтения молодой девушки. Конечно, и она жадно проглатывала все произведения татарских писателей просветительского направления, большей частью носившие нравоучительный характер. Сначала это были сочинения Каюма Насыри, такие, как «Рассказы-жемчужины» или «Плоды литературных собеседований», и произведение Таиба Яхина, учителя начального училища при Казанской татарской учительской школе «Избавление от лени мальчиков и девочек». Затем последовали и другие произведения.

Естественно, Фатиму-Фариду должны были увлечь произведения нового, молодого поколения татарских писателей, вышедших на литературную арену на рубеже XIX–XX веков: Ризаэддин Фахретдинов со своими нравственно-этическими произведениями и, конечно, его «Знаменитые женщины», а также романы «Салима» и «Асма»; Фатих Карими с его рассказами «Махдум Джигангир», «Салих бабай», «Шакирд и студент»; Галиаскар Камал и его пьесы «Несчастный юноша» и «Трое злостастных»; Маджит Гафури с его рассказом «Жизнь в бедности» и поэмой «Сибирская железная дорога»... Все они продолжали традиции писателей-просветителей старшего поколения, смотревших на литературу с педагогических позиций, как на средство воспитания человека, на орудие исправления нравов.

Особое место в этом ряду занимал будущий лидер татарской литературы начала XX века, прозаик, драматург и публицист Гаяз Исхаки (1878–1954). До 1905 года он уже успел написать и опубликовать около десятка повестей и рассказов, две пьесы, которым, как отмечал литературовед И.З.Нуруллин, «явно «тесны» рамки просветительского реализма». А его фантастико-публицистическая повесть «Исчезновение через двести лет» (1902) сыграла исключительную роль в становлении молодого поколения татар, да и в целом в развитии татарской общественной мысли. Вот как писал об этом произведении Ф.Амирхан: «В это самое время появилось новое произведение татарского писателя Исхакова — «Инкираз». В этом произведении пламенный автор беспощадно критикует всю татарскую жизнь. Оно произвело на меня очень сильное впечатление».

Можно утверждать, что не менее сильное влияние произведения писателя-земляка оказали и на юную Фатиму-Фариду. Особенно ее должны были взволновать призывы автора к пробуждению нации, мысли о том, что если не начнутся

научные, культурные изменения в жизни татар, произойдет трагедия — татары исчезнут с лица земли!

К сожалению, как видно из примечания редакции газеты «Тормыш», девушка не доверила дневнику описание событий бурных предреволюционных и революционных лет. Примечание следующее: «Видимо, Фарида-ханум собиралась дописать потом (о событиях конца 1903 — первой половины 1907 годов — А.М.). Оставив на этом месте в дневнике несколько чистых страниц, она начала описание событий, происшедших спустя четыре года». Нет сомнения, что эти четыре года — время превращения четырнадцатилетней девочки-подростка в восемнадцатилетнюю девушку — весьма важный период в формировании ее мировоззрения.

Некоторые сведения об этом периоде ее жизни и круге чтения можно встретить в воспоминаниях, опубликованных в газете «Тормыш» после кончины Фатимы-Фарида. Так, журналист Закир Кадыри (1878-1954) писал: «Она очень рано начала регулярно читать газету «Терджиман». Выписывала из Стамбула различные сборники, художественную и научную литературу. С юности полюбила турецкую литературу, постоянно заставляла отца выписывать книги из Стамбула. Она не обращала внимания на красивую одежду, золото и драгоценности. Ее комната постоянно была полна газет, журналов, художественных и научных книг. В то время, как ее ровесницы попусту проводили время, обсуждая лишь одежду и сплетни прислуги, ее привлекали только добродетель, хорошие поступки и знания. Она изучала не только книги, изданные на татарском и турецком языках. По мере возможности выучив русский язык, она начала читать русскую литературу, научные книги на русском языке. Пополнила свою библиотеку произведениями русской литературы».

Формирование мировоззрения Фатимы-Фарида, ее становление пришлось на эпоху, когда в татарском обществе все большую силу приобретали просветительские идеи, появилась новая литература, начиналась реформа школьного образования. Это был период, когда назревала и развертывалась первая российская революция, пробудившая к активной общественно-политической жизни самые широкие слои населения многонациональной России. Общероссийская действительность и изменения, происходившие в этот период в татарском обществе, определяющим образом сказались и на становлении Фатимы-Фарида.

Как полученное с таким трудом образование, так и новая литература загли в душе девушки пламя протеста против косности, мракобесия и невежества. В условиях бурлящей России начала века развитие самостоятельности мысли должно было привести девушку к осмыслению ею условий жизни ее народа. К тому же как ни далек был Чистополь от российских центров общественного движения, волны революции докатились и сюда. Оживилась общественная жизнь города, в частности, татарской общины, в которой участвовали не только знакомые Фатимы-Фарида, но и ее родной отец.

Так, уже в марте 1905 года чистопольская мусульманская община, в которой активную роль играл Ибрагим Камалов, обратилась с запиской к председателю комитета министров России. В ней была изложена широкая программа общественно-политических требований прогрессивно-буржуазного характера, среди которых были и положения об уравнивании в правах мусульман с христианами в вопросах о занятии государственных должностей, выборе места жительства, приобретении недвижимой собственности. Большое место занимали вопросы религиозно-духовного и культурного характера, в том числе и вопрос о создании светских татарских

школ. Среди тридцати шести чистопольчан, подписавших записку, была и подпись отца Фатимы-Фарида Муртазы Ахметхановича Вагапова.

В мае того же 1905 года произошло событие, вошедшее в историю как «чистопольская свадьба», — свадьба богослова, публициста и общественного деятеля Мусы Бигиева (1873–1949) и дочери Мухамметзакир-ишана Камалова Асмаи-Галии. На этой «грандиозной свадьбе-митинге», как определили ее представители царской администрации, присутствовали известные во всем мусульманском мире России «отцы нации» во главе с Рашидом-кази Ибрагимовым, знаменитые купцы Казани, Уфы, Чистополя и других мест, уважаемые имамы и мударрисы. Все они приехали не только для участия в свадебных торжествах. На самом деле здесь сочетали «приятное с полезным» — использовали свадьбу для обсуждения судеб нации, определения ближайших задач. Именно здесь витавшая в воздухе идея о созыве российского мусульманского съезда и создании мусульманской партии для защиты интересов мусульман России получила реальные очертания.

Знала ли об этих событиях шестнадцатилетняя Фатима-Фарида? Безусловно. Ведь невеста — одна из сестер Камаловых, а одним из инициаторов использования свадьбы для решения насущных задач мусульман России был хозяин дома Ибрагим Камалов, наставник девушек. Конечно, по мусульманским обычаям девушки не принимали непосредственного участия в этих событиях, но уверенно можно утверждать, что они знали, о чем шел разговор, думали над вопросами, которые обсуждали мужчины. Мало того. В доме Вагаповых ночью прошло тайное собрание молодых интеллектуалов, приехавших на свадьбу, где шел разговор о создании группы Гаяза Исхаки, прообраза татарской эсеровской партии. Вполне можно предположить, что в устройстве этого собрания именно в их доме Фатима-Фарида явилась инициатором.

Зайтуна Юльметова, жившая в эти годы в семье Фатимы-Фарида и бывшая одной из ее первых учениц, вспоминала в беседе с автором этих строк, что Фатима-Фарида была близка к революционно настроенной молодежи Чистополя. Она приносила домой отпечатанные на гектографе листовки, начинавшиеся призывом «В борьбе обрешь ты право свое» (как известно, это лозунг эсеров), собирала средства для помощи политзаключенным и т.д. Видимо, не зря девушка не доверила дневнику свои мысли и чувства о событиях тех лет! Но и в эти годы прежде всего ее беспокоили проблемы создания системы светского образования у татар, в том числе и для девушек.

По мере становления мировоззрения девушки одной из важнейших составных ее убеждений становилась мысль о праве мусульманок на образование, об обеспечении как можно более широкому кругу татарских девочек действительных возможностей образования. Постепенно это становилось главным, определяющим в ее жизни. Сама еще будучи ученицей, она, по воспоминаниям ее учениц, с 1903–04 годов начала обучать 5–7 близких ей девочек, создав в своем доме нечто вроде начальной новометодной школы (среди ее первых учениц была и будущая поэтесса Сания Гиффат). Взрослея, Фатима-Фарида все увереннее утверждалась в мысли, что главным делом ее жизни должно стать просвещение женщин. И в дальнейшем, где бы она ни находилась, она обучала девочек, открывая женские школы там, где их не было.

Потерпела поражение революция 1905–07 годов. В центре и на местах начались гонения на активных участников общественного движения. В Чистополе в их число попали не только хорошие знакомые и друзья семьи, но и отец Фатимы-Фарида. Его личностью заинтересовались судебные органы, так как в многочис-

ленных доносах фигурировала и его фамилия. И М.Вагапов решил сменить беспокойный город на более спокойное место и переехать в деревню. Это объяснялось и тем, что сказывался возраст — Муртазе-эфенди исполнилось 67 лет, вести торговые дела становилось все более сложно. Он свернул свое дело в Чистополе, купил участок земли в деревне Каракашлы Бугульминского уезда Самарской губернии (позднее он построил там и небольшую мельницу) и переехал туда с семьей.

Вторая часть дневника Фатимы-Фарида начинается с описания этой поездки. Указав, что в четверг 21 июня 1907 года они выехали из Чистополя, и перечислив деревни, через которые лежал их путь, она дала следующую характеристику Бугульмы. «Бугульма — очень маленький уездный городок Самарской губернии. Дорога к нему очень красивая, лесная. Через город течет красивая речка. По ее берегам растут большие ветлы, под ними выгодно чувствуют себя разные растения. На деревьях старые вороны гнезда. Каждый вечер отсюда далеко разносится карканье старых ворон. Городской сад, театр, ремесленная школа, мечеть, школа находятся за рекой; на этой стороне реки построены здания почты, телеграфа, железнодорожной станции... Хотя у русских здесь есть большие церкви, училища, гимназии и тому подобные заведения, у наших татар и здесь, оказывается, все так же, как везде. Единственное, что может обратить на себя внимание из татарского — это прекрасная мечеть, построенная стараниями Хакимовых. Хотя есть здание школы, нет учителя. О девочках и не говорю; кажется, их вообще не считают за людей. Кто на них обратит внимание? Нет таких. Здесь для них нет ни школы, ни мугаллимы».

Отдохнув и осмотревшись в Бугульме, 23 июня они приехали в Каракашлы. Первые впечатления Фатимы-Фарида от деревни: «Наша квартира — красивый дом из четырех комнат с 15 окнами и двумя дверьми. После городских каменных палат в довольно большом городе было очень любопытно оказаться в простом деревенском доме. Вольный воздух деревни, высокие горы, извилистые реки — все это создавало невиданные прекрасные картины, на которые невозможно насмотреться. Каракашлы — башкирская деревня, расположенная в низине, со всех сторон окруженной горами. Посередине протекает речка Каракашлы, на окраине — речка Ютазинка. Народ поделен на множество групп, называемых «башкиры», «тептяри», «казанцы» и т.д.».

Уже из этих отрывков видно, что молодую девушку ничуть не огорчил переезд из города в деревню. Она была полна впечатлений от увиденного, горела желанием быстрее приступить к просвещению женской половины деревни. «22 августа. Сегодня пришла абыстай — жена Харраса-хазрата. Просит меня обучать здешних девочек. Я и сама думала заняться этим. Бедные девочки — ничего не знают. Мое первое желание — обучая моих единокровок-девушек, принести хоть немного пользы. Правда, у меня мало знаний. Но этим девочкам и не нужна большая информация. Для меня было бы большим счастьем, если бы я их научила читать и писать, сумела пробудить их мысль, объяснить, что и женщины отнюдь не животные, — записала Фатима-Фарида в своем дневнике. — Чему их обучать? Вся трудность в этом. Как с ними обращаться? У меня мало опыта. Что будет, то и будет, попробую учить. Авось, Аллах поможет. Сегодня, 22 августа, отправила задаток для книг, необходимых школе. Выписала книги, издаваемые в «библиотеке Юлдуз».

Единственная дочь состоятельного торговца, Фатима-Фарида, конечно, не нуждалась в жалком и нестабильном заработке татарской учительницы. Она, как и многие убежденные просветители, не только не получала никакого жалованья, но и

школу оборудовала на свои средства. В этом ее шаге выразилось стремление помочь татаркам вырваться из пут того бесправного положения, в котором они находились. Она стремилась приобщить к знаниям как можно больше татарок, ибо считала, что эти женщины именно из-за невежества не понимают всей беспросветности своего положения, принимают свое рабство как должное. Образование же, по ее мнению, должно помочь им осознать унижительность их неравноправия и невежества.

«13 сентября. Из Бугульмы доставлено письмо, в котором сообщают, что пришли школьные учебники, заказанные у Камалетдиновых (книгоиздательский торговый дом «Магариф» в Казани, основанный Галиасгаром Камалом — А.М.). Сегодня четверг. Отец едет на ярмарку. И в понедельник, шестнадцатого, начну занятия. Будет хоть одно утешение в деревне. Конечно, дни проходят, но ведь есть разница в том, как они проходят. Мое время проходит бесцельно, так как у меня нет никакого дела — не учусь, да и не учу. Самое первое, что терзает мою совесть, это бесполезная трата драгоценного, дороже золота и бриллиантов, времени», — отмечает Фатима-Фарида.

Интересны и рассуждения восемнадцатилетней девушки о будущем родного народа, о возможных результатах своего труда. Фатима-Фарида в саду возле дома ожидает возвращения отца с книгами из Бугульмы. «Я погружаюсь в мечтания и в них становлюсь счастливым человеком. Вот привезли книги, я учу девочек... Обучаю их читать и писать, пробуждаю мысль, читаю им газеты, заставляю читать их. Если они таким образом превратятся в образованных девушек, которые в будущем вырастут в прекрасных матерей нации, способных хорошо воспитать детей, я хоть немного послужу нации; возрадуется моя душа; я подготовлю из них муталлим. Создам здесь школу. И сама постараюсь хоть немного учиться...».

Вдруг девушка осознает, что раз мечталась: «Я беспокоюсь: будут ли девочки учиться? Хорошо, если получится. В мечтах все получается легко. А начнешь делать — очень трудно. Что мне сейчас делать? Жизнь, конечно, не стоит на месте. Я же ничего не умею. За что ухватиться? Все вокруг темно. Что я сделала? Что делаю? Что буду делать? И в прошлом я не сделала ничего полезного, и ни сейчас, ни в будущем не видно никакой пользы. Неужели я умру также, как наши бабушки, ничего не сделав для пользы народа? Ни для нации, ни для себя не делаю ничего полезного...».

Так, терзаясь в сомнениях, она приступила к работе. В специально нанятом доме ее стараниями была открыта новометодная начальная женская школа. «Пришло пять-шесть девочек... Одна немножко знает буквы. Остальные, хотя вроде бы и учились до меня, не умеют читать. Той, которая знает буквы, дала урок по вероучению и задание по книге Хади Максуди «Гакаид», остальным — по его же учебнику «Муталлим аввал» (Первый учитель). Желание у них есть. По-своему стараются», — описала она первый день занятий. Школа Фатимы-Фариды постепенно завоевала признание: если в первый день занятий в школу пришло всего 5–6 девочек, к февралю их стало 15, а к концу года учениц было уже около 70.

Кроме ежедневных 7–8-часовых занятий в школе с девочками Фатима-Фарида вечерами собирала женщин деревни, читала им книги, проводила беседы с ними, давала советы по воспитанию детей. За этот же год она подготовила нескольких своих более способных учениц для поступления в известную тогда школу Буби, готовившую учительниц, и уговорила родителей этих девочек отправить их на учебу в деревню Иж-Буби Сарапульского уезда Вятской губернии. Это были дочь местного имама Харрас-хазрата Зайтуна, крестьянские девушки Мархаба и

Райхана, а также Рабига из Бугульмы. Все они затем стали мугаллимами, и по примеру своей первой учительницы стали просвещать татарских женщин.

Фатима-Фарида к тому же частным порядком научила пользоваться новым звуковым методом обучения грамоте более десяти жен мулл из соседних деревень, которые также открыли в своих деревнях новометодные школы. Так в течение года вокруг Каракашлы стала появляться сеть новометодных женских школ. Из Каракашлы она также начала посылать корреспонденции в татарские газеты и журналы. Все это свидетельствует, что уже тогда ее, как истинную просветительницу, интересовали судьбы народа, его широких слоев, и она всеми доступными ей средствами старалась просвещать его.

31 августа 1908 года в Чистополе состоялась свадьба Фатимы-Фариды и Мухаметагаиза Наурузова. Вагиз Наурузов, получивший образование в Каире, работал мугаллимом в Томске, был вольнослушателем юридического факультета Томского университета, то есть являлся представителем передовой татарской молодежи, к тому же писал стихи. Как отмечал Закир Кадыри в некрологе, хотя к Фатиме-Фариде сваталось немало молодых богачей, «боясь, что они станут помехой ее служению нации, она отказала им и выбрала бедного поэта».

Молодые переехали в город Томск. И здесь Фатима-Фарида начала учительствовать в местной татарской женской школе, одновременно продолжая изучение русского языка и свое дальнейшее самообразование. Самостоятельно подготовившись, она сдала экзамены за пятый класс женской гимназии, готовилась к сдаче курса за шестой-седьмой классы. Она также намеревалась сдать экзамены за курс мужской гимназии, чтобы затем получить высшее университетское образование. Она вообще не жалела времени на обучение: училась всему, посещала всевозможные курсы, вплоть до картонажных, на которых учили делать изделия из бумаги и картона.

Если в Каракашлы ее работа по просвещению женщин почти не встречала препятствий, в Томске она очень скоро почувствовала сопротивление своим начинаниям. Прежде всего фанатично настроенные мусульмане — абыстаи, учившие девочек по-старому, попечители школы и родители учениц, с опаской принимавшие все новое, — выступили против ее стараний ввести в школе новые порядки, новые методы обучения. Тогда Фатима-Фарида на следующий год сдала экзамены на звание учительницы и добилась официального разрешения городских властей на открытие татарской начальной школы под своим руководством. Эта школа явилась первой в Томске официально открытой татарской школой, к тому же получавшей из городских сумм кое-какие средства для существования. Так же, как и в Каракашлы, она отдельно обучала взрослых женщин и молодых девушек азам преподавательского труда, готовя из них мугаллим.

Постепенно Фатима-Фарида вошла в круг местной интеллигенции (не только татарской) и стала активно участвовать в общественной жизни города. Энергия у нее была через край. Она хваталась за все, старалась успеть повсюду, она была членом почти всех научных и благотворительных обществ Томска: общества изучения Сибири, педагогического общества, общества семейного воспитания, общества татарских учителей и учительниц. Наравне с русскими женщинами, имевшими среднее или высшее образование, она посещала все публичные лекции и научные собрания с участием профессоров университета, а также благотворительные вечера. Нередко Фатима-Фарида участвовала в обсуждении различных вопросов, причем ее высказывания отличались четкостью и точностью. Она была не только первой

женщиной — членом открывшегося в Сибири Общества прогресса ислама, но и первым представителем мусульман в банке взаимного кредита.

Фатима-Фарида, молодая, умная, на редкость для татарских женщин той поры образованная, обладала обаянием, привлекала искренностью, честностью, широтой взглядов. Ее дом быстро начал обрывать друзьями и знакомыми. С февраля 1912 года ее муж приступил к изданию газеты на татарском языке под названием «Сибирия». С этого момента при всей широте интересов Фатимы-Фариды главным в ее жизни стал женский вопрос. Она начала совмещать учительскую работу с не менее трудоемкой работой в газете. Уже с самого начала издания газеты она, как и ее предшественница Зухра Акчурина-Гаспринская, плечом к плечу с мужем стала работать в ней. Она не только писала статьи, но и вела различные хозяйственные дела, кассу, бухгалтерию газеты.

Все ее начинания были новшеством, почти не знали прецедентов, поэтому требовали не только ума и знаний, но и организаторского таланта, мужества, цельности и твердости характера. Фатима-Фарида обладала всеми этими качествами и еще необыкновенным тактом, умением выслушивать, быстро схватывать мысль собеседника, что было чрезвычайно важно при неопытности женщин и высоком накале страстей вокруг женского вопроса. Она особенно привлекала к себе людей самоотверженностью и преданностью избранному ею пути.

«Покойная Фатима-Фарида-ханум была очень мягкой, ласковой по своей природе. Она никогда ни на кого не гневалась. Такое терпение, как у нее, можно редко найти даже среди мужчин. Каждое дело она делала обдуманно, с терпением. Даже ее враги в Томске называли ее умной женщиной, не могли найти в ней недостатков и считали за таковой лишь ее стремление добиться для женщин прав. Главной ее опорой были принципы этики. Она не любила наглость и безнравственность, ненавидела их, — подчеркивал сотрудник «Сибирии» Г.Хабиров. — Всегда одевалась просто, но со вкусом. Украшениями не интересовалась, на людей, увлекавшихся ими, смотрела как на рабов одежды, говорила: «Человек проявляется не в одежде, а в знаниях и труде». Будучи настоящей националисткой, всегда ходила в национальной одежде».

Фатима-Фарида — необычно энергичная и инициативная, была прирожденным общественным деятелем. Она с первого номера ввела в газете раздел «Мир женщин», который давался из номера в номер, причем ему чаще всего отводилась часть первой и второй страниц газеты. Душой раздела была сама Фатима-Фарида. Вначале она была главным, а иногда и единственным, автором материалов, помещавшихся там. Но вскоре материалы раздела вызвали значительный общественный резонанс и корреспонденции для него стали поступать из разных концов России. Вокруг газеты и ее лидера спланивались соратницы, такие же молодые, как она сама, своим трудом жаждавшие приносить пользу народу. Статьи по женскому вопросу помещались на страницах «Сибирии» и за рамками раздела «Мир женщин».

По всей видимости, это объяснялось тем, что очень скоро Фатима-Фарида стала не только душой и вдохновительницей газеты, но и фактическим ее редактором. Это доказывается тем, что подавляющее большинство номеров газеты (123 из вышедших 145 номеров) вышло за подписью исполнявшей обязанности редактора Фатимы-Фариды. Работники редакции писали, что она редактировала газету в течение 13 месяцев. Отмечу, что «Сибирия» выходила с 18 февраля 1912 года по 31 августа 1913 года, то есть 18 месяцев.

Фатима-Фарида — яркая представительница нового поколения женщин в татарском обществе. Женщина-журналист, публицист среди татар в те годы — редкость, можно сказать, диковинка; а ведь она фактически была редактором газеты, что тогда трудно было представить даже в самых смелых мечтах. А если к этому прибавить ее несомненный талант, молодость, красоту, остроту ума, огромную трудоспособность, можно понять причину популярности Фатимы-Фариды не только среди татар, но и в русском обществе Томска. Ее позиция в женском вопросе — отказ от пассивного ожидания перемен, активная борьба за эти перемены — соответствовала ее кипучему темпераменту и мировоззрению просветительницы.

И самое характерное качество новой женщины — неустанный труд во благо общества — было присуще ей в полной мере. Она самозабвенно отдавалась работе. «То, что она переделала за эти тринадцать месяцев, не выполнит даже мужчина. Она самостоятельно управляла домом, обучала в женской школе, справлялась с делами газеты, руководила сотрудниками, вела сношения с издательством, почтой, банком, писала статьи, просматривала газеты, знакомилась с пришедшими в редакцию письмами и статьями — короче, выполняла всю ту необъятную работу, которой в любой газете предостаточно. Те, кто работает в редакциях, хорошо знают тяжесть этого труда», — вспоминали ее сотрудники.

Большой интерес «Сибири» к женскому вопросу, конечно, в значительной степени объяснялся не только заинтересованностью в этой проблеме самой Фатимы-Фариды, но и тем откликом, который вызвал раздел «Мир женщин» в татарском обществе. Свои материалы в газету присылали из разных уголков огромной России. Публиковались здесь и только вступавшие в жизнь молодые девушки, и уже известные в татарском мире женщины. Например, известная казанская учительница и общественная деятельница Магруй Музаффария опубликовала здесь несколько своих статей, посвященных положению женщины в исламском мире и воспитанию детей.

Печатались здесь Фахрелбанат Сулеймания из Нижнего Новгорода и Багбостанханум из Оренбурга... Поступление большого количества материалов о положении татарской женщины в семье и обществе, о женских школах для девочек-татарок, о положении учительниц и т.д., соответствующих взглядам самой Фатимы-Фариды, естественно, делало «Сибирию» газетой, защищавшей интересы татарских женщин постоянно, а не время от времени, как это происходило с другими изданиями.

Как уже отмечалось, свою деятельность Фатима-Фарида начинала с обучения нескольких близких ей девочек. Затем она занялась и просвещением взрослых женщин. Но чем активнее она работала, тем более убеждалась, что вопрос о просвещении женщин неразрывно связан с проблемой положения их в обществе. Понимание связи проблем женского образования и воспитания с более широкими вопросами национального движения татар было обусловлено обстановкой в стране и татарском обществе. Именно революция 1905–1907 гг. определила превращение Фатимы-Фариды в просветительницу, как и все просветители выражавшую лучшие традиции лучшей части своего общества.

Борьба за просвещение татарок была для нее борьбой с косностью, мешавшей развитию нации. Она всей душой ненавидела отжившую систему обучения, которую стремилось сохранить реакционное старометодное духовенство при прямой поддержке царизма. «Будет вполне правильным предоставить мусульманское учебное дело самому себе вне всякого стороннего воздействия в смысле улучшения и реформы этих учебных заведений... Предоставленные сами себе мусульманские школы будут

по-прежнему пользоваться рутиной, которая обрекла на застой мусульманскую науку и которая мешает правоверному вооружиться знаниями», — подчеркивал министр народного просвещения еще в 1901 году, когда Фатима-Фарида с отцом метались в поисках места учения. Однако подобные установки администрация на местах получала и позже, что мы видели в предыдущих очерках.

Но новометодное направление продолжало развиваться вопреки желаниям царской администрации, и Фатима-Фарида вносила свой посильный вклад в дело создания этой системы образования. Она была страстным борцом против бесправия и закабаления женщин, известна как горячая защитница просвещения женщин-татарок, свободы, приобщения их к культурной жизни общества. Многие ее талантливые статьи были посвящены вопросам женского образования, положения учительниц. Стремление дать женщинам-татаркам знания, просветить их привело Фатиму-Фариду к борьбе за равноправие женщины на страницах руководимой ею газеты. Здесь она продолжала линию татарских просветителей, настойчиво выдвигавших в число наиболее актуальных проблем вопрос об образовании и равных правах женщины.

Фатима-Фарида весьма смело для своего времени выступала за то, чтобы татарские женщины заимствовали то лучшее, что они видели в борьбе и жизни русских женщин, чтобы татарка, наконец, вышла из круга узкого домашнего мирка, которым мусульманское обычное право ограничивало всю жизнь женщины, ее интересы, ее мысли. Она стремилась к тому, чтобы и татарки вошли в ряды прогрессивно настроенной интеллигенции, работавшей для развития своего народа, его полного освобождения и процветания.

Просветительница много писала о том, что для процветания нации необходимо изменить положение женщины-матери, которая играет решающую роль в воспитании подрастающего поколения, необходимо, чтобы женщина не была рабыней, чтобы она получала хорошее воспитание и образование. Только «у нации, которая может правильно воспитывать женщин, дети вырастут знающими, воспитанными, правдивыми, способными подчинить свои интересы общему благу, и вместе с тем они будут патриотами, будут любить науку, сумеют довести любое дело до конца», — подчеркивала Фатима-Фарида.

Сотрудники газеты вспоминали: «Она была убеждена, что татары когда-нибудь встанут в один ряд с передовыми нациями. Она терпеть не могла разговоров о безнадежности, о беспросветном будущем; считала, что пессимисты грабят нацию. Она постоянно доказывала, что только матери могут достойно воспитать сынов нации; подчеркивала, что, с какой стороны ни возьми, мужчины являются пленниками женщин; указывала, что именно женщины могут как возвысить, так и уничтожить мужчину. В шестом номере «Сибири» она отмечала: «Мужчин самих рожают матери; дитя уже в чреве матери, а затем у ее груди питается и воспитывается ее кровью и молоком; в руках матерей находится как духовное, так и физическое воспитание растущего ребенка». Ребенок, превращаясь в мужчину, не перестает нуждаться в женщине-воспитательнице, подчеркивала Фатима-Фарида ханум.

В своих статьях она не раз обращалась к истории ранних арабских государств. Ссылаясь на работы Ризы Фахретдинова «Знаменитые женщины» и ряда арабских авторов, приводила примеры, показывающие видную роль образованных и умных женщин в государственной и общественной жизни арабского Востока времен пророка Мухаммеда. Фатима-Фарида отмечала, что в последние годы и у мусульман России стали появляться деятельные женщины, начали издаваться газеты и журналы, которые стремятся «разбудить женщин, уничтожить дурные обычаи и

восстановить былое положение мусульманок». Естественно, успехи этого дела просветительница связывала с успехами просвещения: «Невозможность существования цивилизованного общества без просвещенных, образованных женщин является истиной, против которой никто не сможет возражать».

На страницы «Сибири» журналистка выносила многие проблемы, так или иначе касающиеся положения женщины-татарки: это и вопросы повышения качества обучения в женских школах, подготовки учениц к жизни, и о значении изучения русского языка, и о необходимости обучения татарок в русских учебных заведениях, и о вовлечении женщин в общественную жизнь и т.д. Много писала Фатима-Фарида и о тяжелом материальном положении татарских учительниц, о шаткости их правового положения. Она настойчиво билась за то, чтобы создать учительницам возможность овладеть своей специальностью. Говоря о низком образовательном уровне большинства учительниц, она тут же показывала, что он и не мог быть другим, ибо учительницам негде учиться. Фатима-Фарида страстно ратовала за открытие специальных школ для подготовки учительниц, за разработку методики преподавания.

Так, она подчеркивала: «Проблема подготовки учительниц является самым больным нашим местом. Сколько бы ни говорили, ни писали об этом, всегда будет уместно. Мы часто критикуем школы, мугаллим, но забываем при этом, что не имеем ни одного общества, ни одного учреждения, по-настоящему заботящегося о школах, о подготовке учительниц... Ежедневно закрываются наши школы, изгоняются мугаллимы. А мы не в состоянии дать им свидетельства о праве на преподавание. Законы о нас меняются изо дня в день. Когда наступит конец этому?» (По решению «Особого совещания по борьбе с татарско-мусульманским влиянием в Поволжском крае» 1910 года административные органы на местах начали закрывать новометодные школы, изгонять учителей и учительниц, как правило, не имевших официального документа, удостоверяющего их право на преподавание. В почте редакции участились письма, сообщающие о таких фактах).

Фатима-Фарида старалась использовать любую возможность, любой факт, чтобы показать жалкое, недопустимое состояние женского образования у татар. Например, сообщая о допуске двух женщин на должность профессора в Киевском университете, она тут же иронически отмечала: «У нас нет учительниц для начальных школ. Такие же, как мы, ищут пути для получения профессорской должности в университете. Разница... небольшая!».

З.Кадыри подчеркивал: «Она беспокоилась не только о женщинах: она придавала большое значение и другим общим делам и открыто высказывала о них свое, как правило, верное мнение. Она признавала только правдивость суждений и считала своей обязанностью донести правду до читателей. Она и сама писала правду, какой бы горькой она ни была, и, ничего не боясь, беспрекословно давала место в газете прямым и правдивым материалам». Вероятно, Фатиме-Фариде были свойственны черты характера, довольно типичные для передовой женщины тех лет — максимализм и бескомпромиссность, представлявшие известные неудобства не только для окружающих, но и для самой носительницы этих качеств.

Просветительница не оставляла без внимания и положительные явления, наблюдаемые в татарском обществе: она радовалась этим явлениям и старалась показать в своих статьях, как под влиянием все возрастающего желания татарок учиться и воздействия демократических сил многие татары начали понимать пользу светского образования и разрешать своим дочерям учиться. Несмотря на то, что правительство

ничего не делает для развития женского образования, отмечала она, благодаря стараниям прогрессивных сил татарского общества и самих женщин оно все же развивается.

Для татарской просветительницы, выступившей сразу же после революции 1905–07 годов, в которой с такой силой проявились прогрессивные силы русского народа, очень характерен отказ от национальной изолированности, большой интерес к русской культуре. «Наших девушек надо обучать не в татарских школах под руководством полуграмотных абыстай, а в домах знаний и науки, готовящих к жизни, — писала Фатима-Фарида. — На сегодня татарская нация не может построить такие дома знаний. Мы не можем ждать, пока они у нас будут. Мы должны обучать наших девушек в русских школах».

Она с удовлетворением отмечала, что татарки, поняв пользу обучения в русских школах, стали стремиться поступать в них. Она не раз писала, что среди татарок появилось много гимназисток, что татарки учатся и на высших женских курсах Казани, Москвы, Петербурга. При этом она всегда подчеркивала, что она радуется не за дворянок, получавших образование в этих учебных заведениях ради своего удовольствия, а вдохновлена, что среди гимназисток и курсисток все больше татарок, стремящихся способствовать просвещению народа, прогрессу нации.

Сама Фатима-Фарида тоже принадлежала к их числу, к тем татаркам, которые понимали значение русской (европейской) культуры, образования как для развития нации, так и для того, чтобы в какой-то мере утолить свою жажду знаний. О большом интересе просветительницы к русской культуре говорилось и в посмертных статьях, посвященных ее памяти. К этому же со страниц «Сибири» она призывала и других женщин. Она выступала за то, чтобы татары в борьбе со столь сильными у них пережитками средневековья в отношении к женщине перенимали все лучшее у европейских народов. Одна из ее статей была специально посвящена этому вопросу.

Немало внимания уделяла Фатима-Фарида проблемам подготовки татарок к жизни, вопросам обучения их различным ремеслам. «Господство поверхностного отношения ко всему является очень большой нашей бедой, — отмечала она в одной из своих статей. — Особенно плохие последствия имеет отсутствие внимания к проблемам воспитания девочек. Мы не готовим девушек к самостоятельной жизни. Незнание русского языка, необученность ремеслу являются причиной того, что татарки, попадая в тяжелые материальные условия, в лучшем случае могут добыть себе пропитание мытьем полов, стиркой белья и т.д.».

Она не раз отмечала, что женщина, не имеющая специальности, целиком и полностью зависит от произвола мужа, что говорить о самостоятельности такой женщины не приходится. Указывая пути преодоления такого положения, журналистка предлагала обучать крестьянок садоводству и огородничеству, привлекать их в земские сельскохозяйственные школы. В то же время она подчеркивала: «Сколько бы мы сейчас ни старались, мы не в состоянии создать свои ремесленные школы. Чем ждать открытия своих школ, нам должно поступать в такие школы, открытые нашими русскими соотечественниками, и приступить к приобретению знаний и улучшению нашего экономического положения».

Желая точнее выявить общественное мнение по вопросу о положении татарки в семье и обществе и усилить связи со своими читателями, сплотить их, Фатима-Фарида в 45-м номере «Сибири» поместила анкету из восьми вопросов. Очень показательно, что редакция получила много ответов на анкету. Конечно, это, прежде всего, свидетельство того, что женский вопрос у татар имел большую остроту. Но вместе с тем это говорит и о том, что газета и ее раздел «Мир женщин» пользовались

вниманием многих читателей. В значительной мере именно газета обеспечила Фатиме-Фариде ту широкую популярность, какой она пользовалась среди татар Поволжья и Сибири.

15 февраля 1913 года Фатима-Фарида опубликовала обобщенный анализ присланных в газету более чем тридцати ответов. На первый вопрос — «довольны ли читательницы сегодняшним положением татарской женщины» — все корреспондентки дали отрицательный ответ и объяснили его отсутствием нормальных женских школ и притеснениями мужей.

Обсуждая второй вопрос — «какие школы нужны татаркам сегодня» — читательницы отметили главные недостатки, присущие существующим школам. По их мнению, национальные школы не дают в достаточном объеме общее образование и не учат русскому языку, а в государственных (русских) школах нет вероучения. Следовательно, делали они вывод, нужны изменения и в школах национальных (т.е. нужно ввести в них преподавание светских дисциплин и русского языка), и в государственных (нужно ввести обязательное изучение исламского вероучения).

Причины отставания татар от других наций (это был третий вопрос) все видели во всеобщем невежестве, царящем в татарском обществе. Интересны для нас ответы на четвертый вопрос, который просил назвать любимых писателей. В круг любимых авторов читательницы включили Гаяза Исхаки, Фатиха Амирхана, Фатиха Карими, Габдуллу Тукая, Ризаэддина Фахретдинова, Галимджана Ибрагимова, Закира Кадыри.

На вопрос о том, знание каких ремесел необходимо женщинам, читательницы назвали кройку и шитье, ткачество, а для сельских жительниц и огородничество. Все корреспондентки категорически осудили многоженство и обвинили в распространении проституции старух-сводниц и испорченных мужчин. И на восьмой вопрос — «нужен ли специальный женский журнал» все также единодушно подчеркнули его необходимость.

Видимо, к мысли о создании специального журнала для женщин на татарском языке привел просветительницу успех раздела «Мир женщин», поэтому она и включила вопрос о журнале в анкету. Через газету она обратилась к мусульманкам России с призывом принять все меры для того, чтобы быстрее осуществить такое издание. Фатима-Фарида собиралась сама взяться за создание женского специализированного журнала. Она подготовила его программу, в чем ей значительно помогли ответы на анкету и опыт работы в «Сибири», написала прошение о разрешении издавать женский журнал, но уже не успела развернуть работу по созданию нового регулярного издания.

Причин было несколько. Непосильная работа подорвала здоровье Фатимы-Фариды. Уже говорилось, что, по сути будучи редактором газеты, она сама же вела сношения с почтой, банком, типографией, переписывалась с читателями (на дополнительных сотрудников не было средств). Одновременно продолжала учительствовать в своей школе, активно участвовала в работе почти всех научных и благотворительных обществ Томска. Она находила время и на самообразование: готовилась к экзаменам на аттестат зрелости, так как мечтала получить высшее образование на высших женских курсах или даже в университете.

Самым удивительным, пожалуй, было то, что всю эту колоссальную работу, едва ли посильную здоровому мужчине, выполняла женщина-мать с двумя маленькими детьми. Какую твердость духа, какое страстное стремление к достижению поставленных перед собой высоких целей в деле служения своему народу видим мы в этой незаурядной женщине!

«В последние годы она училась сама, учительствовала, писала статьи, руководила газетой. Некоторые близкие к ней люди, подчеркивая, что она очень похудела, советовали ей немного отдохнуть, оставить на какое-то время такие трудоемкие дела. Но она оставляла подобные советы без внимания. «Я создана на свет для борьбы за права татарских женщин. И всю свою жизнь посвящу этому», — отвечала она и с еще большей энергией продолжала работать», — отмечал в своей статье Г.Хабилов.

1913 год в прямом смысле слова оказался для Фатимы-Фарида очень тяжелым: газету преследовали материальные трудности, и, просуществовав полтора года, «Сибиря» закрылась; в августе она простудилась, и ослабленный непосильным трудом организм, не выдержав нагрузки, поддался туберкулезу; умерла девятимесячная дочь...; к этим несчастьям прибавилось разочарование в муже... (В 1917 году выяснилось, что Вагиз Наурузов был агентом охраны; видимо, в 1912–13 годах это стало известно и Фатиме-Фарида — А.М.). Все это, вместе взятое, привело к обострению туберкулеза. И осенью 1913 года безнадежно больная Фатима-Фарида вернулась к родителям в Каракашлы, с надеждой пересилить неумолимую болезнь и пережить все невзгоды. Она еще надеялась вернуться к осуществлению своих целей, не ведая, что ей осталось жить на свете всего несколько месяцев...

Ее муж переехал в Уфу, где приступил к изданию новой газеты с многозначительным для Фатимы-Фарида названием «Тормыш» (Жизнь). Возможно, он надеялся, что волшебное слово поможет склеить разладившуюся семейную жизнь. Было объявлено, что новая газета — это продолжение «Сибири». В Уфу переехали и многочисленные ее сотрудники. Даже будучи тяжело больной, лежа на смертном одре, журналистка не отказалась от своих обязательств перед миром женщин, взятых ею добровольно. Она продолжала посылать статьи в «Тормыш», рассказывала своим помощникам о своих планах на будущее, возлагая на уфимское общество большие надежды. «Она строила планы, как в дальнейшем служить миру женщин: намеревалась вдохнуть жизнь в уфимское общество мусульманок, активизировать ее деятельность, думала о путях привлечения к этому делу учительниц и учащихся уфимских женских школ. Если бы, выздоровев, она приехала в Уфу, мы бы увидели результаты ее культурнических трудов», — отмечал З.Кадыри.

Но Фатима-Фарида не смогла справиться с тяжелым недугом. 16 февраля 1914 года она скончалась в деревне Каракашлы Бугульминского уезда Самарской губернии. «Ее смерть разрушила многие наши надежды; вместе с ней оказались погребенными в землю многие ожидания наших женщин, — подчеркнул З.Кадыри. — Фатима-ханум росла для нации и ушла из этого мира в ореоле великих национальных надежд. Она сделала для татарских женщин все, что могла, не забывая их, работала для них, говорила, писала для них. И они ее не забудут, они вечно будут помнить ее... Фатима-ханум родилась счастливой и умерла счастливой. Как же счастливы такие личности!».

19 февраля 1914 года газета вышла в траурной рамке, с сообщением о смерти Фатимы-Фарида и с большой статьей под названием «Погасла яркая звезда среди татарок». Статья начиналась так: «О несчастные татарки! Вы остались без вождя, без руководительницы, которая первой подняла флаг, чтобы показать вам дорогу, взяла знамя борьбы за ваши права. Так же, как темная сила, оставшаяся от дедов, старается заставить вас вечно гнить в темных, тесных комнатах со спертым воздухом, так и судьба постоянно идет наперерез. Судьба вместе со своей помощницей, огнедышащей смертью, выходит навстречу борцам с вашим вечным врагом — темной силой, своим безжалостным взглядом валит их с ног; заражает ваших

героев неизлечимыми болезнями и все свои силы направляет на то, чтобы стереть их с лица земли. Вот только что она сжила со свету самую передовую из немногих борцов, уважаемую Фатиму-Фариду ханум... Фатима-Фарида ханум умерла, но она умерла, ясно показав свой героизм татарки, вдохнув душу в своих единомышленниц, оставив незабываемое имя».

Смерть Фатимы-Фарида явилась большой потерей для татарского общества, возлагавшего большие надежды на одну из немногих хорошо образованных женщин, страстно стремившихся к прогрессу нации, прилагавших все силы и умения для освобождения и просвещения женщин. Именно так смерть просветительницы была воспринята тогдашней татарской общественностью. Об этом свидетельствуют многочисленные телеграммы и письма соболезнования, пришедшие со всех концов России в газету «Тормыш». Так, известный татарский поэт Маджит Гафури писал в своей телеграмме: «От всей души горюю о безвременной кончине Фатимы-Фарида ханум, самой яркой звезды российских мусульманок, понявшей значение свободы для женщин, неустанно трудившейся на этом пути, от которой в будущем ожидалось многое».

Соболезнования поступили из Казани и Москвы, Петербурга и Томска, Оренбурга и Хабаровска, Уфы и Ходжента и т.д. Их оказалось так много, что редакция газеты, поместив в нескольких номерах около ста телеграмм, вынуждена была извиниться и сообщить, что около 200 телеграмм и писем соболезнования не в состоянии опубликовать. Почти все татарские газеты и журналы, где бы они ни издавались, поместили на своих страницах некрологи. Журнал «Сююмбика», появившийся на свет осенью 1913 года в Казани и воплотивший в жизнь мечту Фатимы-Фарида ханум о специальном женском периодическом органе, в 1914 году опубликовал о ней статью-некролог, а в 1915 и 1916 годах в связи с годовщиной ее смерти помещал материалы, посвященные памяти просветительницы.

В похоронах Фатимы-Фарида участвовало более полутора тысяч человек из окрестных сел. Были прекращены занятия в школах соседних деревень. Произносились речи. На траурном митинге было принято решение о постройке школ для девочек в деревнях Каракашлы и Абсалимово в память о Фатиме-Фарида, начался сбор средств для этого.

Заканчивая очерк, посвященный славной дочери татарского народа, сгоревшей, как комета, на пути служения прогрессу нации, хочется подчеркнуть, что Фатима-Фарида была одной из первых представительниц молодой татарской интеллигенции, бросивших вызов косной патриархальной жизни и обычаям, татарскому менталитету, твердившим о неполноценности женщины, о ее неприспособленности к жизни, труду и т.д. Ей нужно было иметь большое мужество и сильную волю, чтобы вынести все оскорбления и унижения, не испугаться угроз, которых было немало со стороны темных и невежественных консервативных мулл и их приспешников-фанатиков, сначала — чтобы уговорить родителей дать ей возможность учиться, чему она хочет; затем — чтобы ходить с открытым лицом, общаться на равных с мужчинами, работать, наконец, так и там, как и где она могла и хотела.

Какую бы сторону деятельности Фатимы-Фарида мы ни взяли — организацию женских школ и работу ее учительницей, публицистические выступления, деятельность в газете, а затем и подготовку к созданию женского журнала — всюду в ее лице мы видим страстного и талантливого борца против пережитков средневековья, самоотверженного сторонника женского равноправия и просвещения, неутомимого деятеля на ниве прогресса нации.

Вопрос о среднем женском образовании и Фатиха Аитова

Чтоб воли-волюшки взошли живые всходы...

М.Музаффария

Яркий, солнечный, не по-осеннему теплый день 29 октября 1916 года. Казань. Старотатарская слобода. Возле двухэтажного каменного здания на пересечении улиц Екатерининской и Четырех Евангелистов (ныне Тукая — Татарстана) с утра царит большое оживление. Кажется, сюда собрались все жители слободы: тут и взрослые, и дети. Мало того, обращала на себя внимание не характерная для Старотатарской слободы картина: здесь особенно много женщин разного возраста — от маленьких девочек до почтенных бабушек. И одеты они в разнообразие одеяния (и мусульманские, и европейские). Особо выделяются стоящие группами девочки-девушки, явно ученицы: они в строгих длинных коричневых платьях с белыми воротничками, в белых фартуках, на головах — нарядные расшитые калфаки.

Вот подъехали важные гости: губернатор Боярский, попечитель Казанского учебного округа Ломиковский, директор народных училищ губернии Васильев, городской голова Боронин, председатель училищной комиссии городской думы Граверт. Здесь же члены городской думы, чиновники, журналисты русских и татарских газет, курсистки, гимназистки, студенты, реалисты... Что же заставило руководство города и губернии и многих других, оставив неотложные дела, посетить Старотатарскую слободу? Все они собрались на исключительно важное событие — торжественное открытие первой в Казани татарской женской гимназии. Наступления этого дня общественность Казани ждала давно. Но обо всем по порядку.

С дальнейшим проникновением идей джадидизма в татарском обществе все настойчивее развертывалась борьба за среднее образование как мужской, так и женской половины населения. В связи с ростом числа женских новометодных школ особенно нужны были учительницы. Остро ощущалась необходимость женщин-врачей и т. п. Этих специалистов нельзя было подготовить без общего среднего образования. С другой стороны, в новых общественных условиях и у татар (правда, гораздо более робко, чем у русских), как мы уже видели в предыдущих очерках, начинала зарождаться прослойка девушек и молодых женщин, которые пытались жить за собственный счет, добивались самостоятельного заработка, но, как писала в свое время А. Коллонтай о борьбе женщин России за право на образование в 60-х годах XIX века, «без образования, без выучки двери интеллигентного заработка оставались закрытыми перед женщинами».

Правда, в стране было немало русских женских гимназий, где и татарки могли получить среднее образование. Но в русских гимназиях училось очень мало татарок. Так, на 1 января 1906 года во всех женских гимназиях Казанского учебного округа училось только 20 мусульманок, а к 1 января 1910 года — 37 мусульманок. Многовековая политика царского правительства, направленная на обрусение и христианизацию нерусских народов, привела к тому, что татары в каждом русском учебном заведении даже в начале XX века продолжали видеть очаг русификации. Препградой была и строгая приверженность татар к обычаям и традициям, выработавшим замкнутую жизнь женской половины. Большим препятствием являлось и то, что многие татары плохо знали русский язык.

Под влиянием несомненной после революции 1905—1907 годов активизации татарской общественной жизни настойчиво ставился и вопрос о развертывании

системы национального женского образования. Причем теперь становилось все более ясно, что успешно разворачивать эту систему без подготовленных предварительно учительских кадров невозможно. Так как царское правительство не отпускало никаких средств на национальные, да еще женские, учебные заведения, то и у татар, как несколькими десятилетиями ранее у русских, общеобразовательные женские учебные заведения начали возникать по инициативе и на средства частных лиц.

Однако попытка создания средних женских школ светского характера, которые могли бы готовить и учительниц для национальных школ, этим путем не могли быть вполне успешными: такие школы постоянно находились под угрозой закрытия, так как не имели официального разрешения на существование. Пока официальные органы не обращали на них особого внимания, можно было думать, что они будут успешно развиваться. Но с развитием новометодной системы образования царское правительство заинтересовалось и женскими школами. Вопросы об улучшении татарских школ и снабжении их хорошими дипломированными учителями особенно оживленно стали обсуждаться на страницах татарской периодической печати с 1908 года в связи с секретным распоряжением департамента народного просвещения от 15 марта 1908 года учебным ведомствам собрать сведения о мусульманских школах и их преподавателях.

Трагические события 1911–1912 годов — разгром очагов просвещения татар, обыски и аресты среди татарской интеллигенции во всех уголках России и, как наиболее показательный из них, процесс над братьями Буби — как бы завершили кратковременную, но полную невиданных свершений эпоху в жизни татарского общества. В то же время процесс над Буби отчетливо показал, что даже объединенные силы царского правительства, тяготевшего к унификации и сверхцентрализации, и консервативных элементов татарского общества были не в силах остановить прогресс.

За эти десять–пятнадцать лет в татарском обществе произошла настоящая революция в умах, появилось новое миропонимание. Стремление к прогрессу стало нормальным состоянием большей части татар, особенно молодого поколения, воспитанного в новометодных школах. Второе десятилетие двадцатого века призвано было закрепить достижения новаторов с тем, чтобы поставить татарское общество в один ряд с другими народами мира и обеспечить успех во всех областях жизни.

В отношении же к национально-культурному движению татар ничего не изменилось и после убийства П.Столыпина и последовавшей за ним смены правительства. В условиях назревания общенационального кризиса оно продолжало ту же линию гонений, установившуюся после поражения первой русской революции. В 1913 году министр внутренних дел Н.Маклаков так же, как в свое время П.Столыпин, указывал губернаторам в секретном циркуляре на необходимость борьбы «с нежелательной с государственной точки зрения национализацией мусульманской школы». Но это уже было время, когда татарское общество, оправившись от шока, вновь начало предпринимать шаги по восстановлению пострадавших от атаки царского правительства направлений культурно-просветительской деятельности, в частности, по укреплению и развитию новометодной школы.

Именно с этого времени — с 1912–1913 годов — начинается новый этап в становлении светской национальной школы у татар. Опираясь на значительные результаты, достигнутые на первом этапе создания новометодной школы, татарское общество определило новые приоритеты, поставило новые задачи, безотлагательного решения которых требовало время. В начале борьбы за обновленную школу основным было стремление к открытию как можно большего количества новометодных

школ, т.е. стремление к распространению начатков новых знаний, нового мировосприятия среди как можно более широких слоев населения.

На втором этапе на первый план выдвинулась уже не столько проблема открытия новых школ, сколько забота об улучшении качества образования и юридическом оформлении статуса этих школ. Это ясно проявилось и в создании улучшенных учебников, и в разработке программ и методик преподавания различных предметов с использованием достижений мировой, в том числе и русской, педагогики. Этим объяснялось и то большое внимание, которое уделяла татарская периодическая печать вопросам национальной школы.

Эта же обеспокоенность лежала и в широкой постановке проблемы подготовки новых учительских кадров и повышения квалификации уже работающих учителей. Вопрос о создании учебных заведений для подготовки учительских кадров, открытых по разрешению правительства и имеющих право выдачи официальных документов своим выпускникам, впервые после поражения революции 1905–1907 годов широко обсуждался в мае 1911 года в Уфе на торжествах по случаю 25-летнего юбилея муфтия М.Султанова. Несмотря на развернувшуюся кампанию обысков и арестов среди татарской интеллигенции, оставшиеся на свободе лидеры национального движения решили использовать удобный случай.

«Съехалось в Уфу до 1500 представителей мусульман от 36 губерний и областей Европейской и Азиатской России, — докладывал начальник Уфимского губернского жандармского управления в секретном донесении от 26 мая 1911 года в Департамент полиции. — Празднованию этому, как установлено негласным путем, мусульмане хотели придать характер празднества всего мусульманского народа, что однако им не удалось, и прошедшее празднование юбилея носило с официальной стороны чисто частный характер, т.е. празднество одного лица, а не нации». Тем не менее в течение недели приехавшие встречались и обсуждали насущные вопросы мусульман в узком кругу и на больших собраниях.

Собравшиеся 19 мая в номере гостиницы «Метрополь» у Ахмеджана Сайдашева Ахмет-Хади и Садри Максуди, Кашшаф Тарджиманов, Садык Иманкулов и Фатих Карими выдвинули идею использования юбилея муфтия для создания двух учительских семинарий (мужской и женской). Они предложили ее общему собранию, состоявшемуся 21 мая с участием тысячи человек, среди которых свыше шестисот были приезжими. Здесь была организована комиссия для ходатайства об открытии мужской и женской учительских семинарий «Султаня» в честь юбилея муфтия, собраны подписи о пожертвованиях на значительную сумму для этих школ.

Комиссия долго решала вопрос, какой характер — духовный или светский — должны носить эти школы. Учитывая препятствия, которые должны были встретиться при прохождении проекта школ через министерство народного просвещения, комиссия в 1913 году пришла к заключению, что разрешения можно будет легче добиться, если вести дело через министерство внутренних дел. Были разработаны уставы и учебные планы мужской и женской учительских семинарий, но разрешения не было получено. Таким образом, вопрос об открытии педагогических учебных заведений светского характера фактически опять был отложен на неопределенный срок.

Однако с тех пор он, можно сказать, не сходил с повестки дня, возникая в татарском обществе при каждом удобном случае. Этот вопрос широко ставился и обсуждался в литературе, на страницах периодической печати, на различных собраниях татар. Например, 29 ноября 1912 года в газете «Вақыт» была опубликована статья «Орен-

бург, 29 ноября. Свидетельство на учительствование», в которой вновь поднимался вопрос о женской учительской семинарии — дарелмугаллимате.

Заметив, что чиновники на местах начали требовать от мугаллим свидетельства на право преподавания, автор подчеркивал: «Если бы у нас был дарелмугаллимат с программами, утвержденными правительством, в нем могли бы получать учительские дипломы, сдав экзамены по этим программам, и образованные девушки со стороны. Ведь мусульмане 35 губерний уже заявили о необходимости такого дарелмугаллимата». Напомнив тем самым о решении, принятом 21 мая 1911 года в Уфе, автор поставил целый ряд риторических вопросов. «Но когда появится этот дарелмугаллимат? Почему люди, взявшиеся ходатайствовать о его открытии, бездействуют? Если члены этого комитета не будут действовать, дарелмугаллимат не появится? Не является ли обязанностью обществ мусульманок постановка вопросов о дарелмугаллимате, забота о нем?» и т.п.

Разговор этот продолжила казанская газета «Кояш» (Солнце), делавшая свои первые шаги. Первый номер газеты, назвавшей себя «ежедневной прогрессивной татарской газетой, не следующей программе ни одной партии», вышел 10 декабря 1912 года. Ее редактором-издателем был Закария Садретдинов, идейным руководителем фактически стал Фатих Амирхан. Он и опубликовал в третьем номере газеты статью «Дарелмугаллимин (мужская учительская семинария) и дарелмугаллимат (женская учительская семинария)», продолжившую тему.

«Хотя нельзя ожидать какого-то результата от сорок первого повторения разговора по проблеме, уже сорок раз обговоренной и столько же раз изложенной на бумаге, значимость проблемы заставляет татарскую прессу крутиться вокруг нее. И на самом деле, когда появится этот дарелмугаллимат, признанный необходимым сообществом мусульман 35 губерний? Почему же люди, взявшиеся ходатайствовать о нем, ничего не делают, не издают ни звука?» — повторил он вопросы, поставленные в газете «Вақыт».

«Ответ на эти вопросы необходимо искать глубже, — считал писатель. — Все полученное нами воспитание, вся наша прошлая и сегодняшняя жизнь лишили нас духа и мужества, необходимого для достижения настоящего результата в общих делах. Мы слишком углублены в свои собственные проблемы, среди нас очень мало людей, находящихся вкус в служении общему делу, наслаждающихся пользой, приносимой ему. Поэтому столько дел, которые мы собирались свершить сообща, остались безрезультатными. Сколько мы шумели об этих делах, сколько говорили красивых слов, но не смогли сделать!».

Ф.Амирхан отметил также, что если татары будут также ожидать решения вопроса об учительских семинариях лишь от подобных комиссий или, как предлагал «Вақыт», от обществ мусульманок, только-только пытающихся встать на ноги, пока еще очень слабых, не умеющих работать, дело будет стоять. О них много будут говорить, но проблема не сдвинется с места, подчеркнул он. Эти вопросы, требующие незамедлительного решения, могут быть решены только в том случае, если за дело возьмется смелый, настойчивый татарин-интеллектуал.

«На самом деле, у русских есть не только множество государственных учебных заведений. Существует масса частных школ. Лица, открывшие подобные школы, с одной стороны, служат делу распространения просвещения; с другой стороны, они таким путем находят необходимые для расходов суммы. Убежден, если и у нас подобным образом решать проблему школ, этот путь найдет распространение», — указал он один из возможных путей решения вопроса.

И продолжал: «В частности, дарелмугаллима. Есть очень много татарских семей, которые хотели бы дать своим дочерям знания и образование. Но большинство из них по разным причинам воздерживаются от отдачи своих дочерей напрямик в русские школы. Если бы мусульманка с высшим образованием взялась за создание частного дарелмугаллимата, предполагаю, найдется много девушек, желающих учиться, и немало родителей, желающих обучать в нем дочерей».

Свою статью писатель завершил мыслями о том, что в случае появления инициативных и смелых начинателей будет нетрудно получить какую-то помощь от городских управ и земств, что позволит окупить затраты на школу. Интересно его последнее замечание: «Думаю, что открываемая на подобной основе школа не встретит препятствий и со стороны правительства. В крайнем случае, некоторым предметам придется обучать на русском языке. Ну и пусть!». Насколько писатель был прав в своих предположениях, и где он ошибался, попробуем разобраться в дальнейшем.

Итак, мы видим, что особенно активно обсуждалась проблема создания учебного заведения для подготовки учительниц. Это, видимо, объяснялось тем, что учителей-мужчин готовили новометодные медресе. Они могли получить официальное право на преподавание от Оренбургского духовного управления, тогда как после закрытия школ Буби не осталось ни одного учебного заведения, выдававшего признаваемый официальными властями документ на право преподавания учительницам-мугаллимам. Кроме того, настойчивая постановка требования женского среднего образования на новом этапе борьбы за создание национальной системы образования можно было бы объяснить и пробудившимся чувством национального самосознания. Требовалось выведение женщин из вековой темноты и невежества, что понималось как одно из важных условий для достижения прогресса нации.

Итак, с одной стороны — попытки правительства всеми путями препятствовать движению татар по пути прогресса, первой ступенью которого татарское общество считало создание национальной общеобразовательной школы, с другой — стремление достаточно пострадавшего в событиях 1911–1912 годов татарского общества продолжить это движение. Так коротко можно охарактеризовать второе десятилетие XX века в жизни татар, прерванное революциями 1917 года.

В конце 1912 года татарская общественность Казани вновь обратилась к проблеме женского среднего образования. В передовых статьях газеты «Кояш» за 24 и 25 декабря писалось о необходимости создания женского среднего учебного заведения по типу русских женских гимназий. Молодая татарская интеллигенция во главе с Фатихом Амирханом, группировавшаяся вокруг редакции этой газеты, призывала воспользоваться для этого приближающимся трехсотлетним юбилеем царствующего дома Романовых.

Собравшиеся 6 января 1913 года в доме купца Бадретдина Апанаева представители татарской общественности (купцы, интеллигенция, муллы), обсуждая вопрос, как казанские татары могут отметить приближающийся юбилей, решили ходатайствовать об открытии в честь этой даты татарской женской школы светского характера. Здесь же была избрана комиссия, куда вошли присяжный поверенный С.Алкин, известный просветитель и педагог И.Терегулов, редакторы-издатели газеты «Баянгульхак» М.Сайдашев и газеты «Юлдуз» Х.Максудов. Было также решено привлечь к участию в составлении программы школы и кого-либо из мулл.

Глашатаем и организатором движения за открытие татарской средней школы для девушек явилась газета «Кояш». Здесь только за январь-март 1913 года было напечатано более 40 статей, корреспонденций, заметок, сообщений, освещавших

ход борьбы за создание женской гимназии. Во многих номерах газеты было помещено по несколько статей (например, в №№ 19, 30, 32, 36 — по две, в № 37 — три, в № 39 — четыре). Газета посвятила этой теме ряд передовиц, написанных Ф.Амирханом и доказывавших необходимость открытия национальной женской гимназии. Также активно включился в борьбу за создание женской татарской гимназии и литературно-научный, общественно-политический журнал «Анг (Сознание)», который начал издавать Ахметгарай Хасани (первый номер журнала увидел свет 15 декабря 1912 года).

Оба молодых издания (газета «Кояш» и журнал «Анг»), вокруг которых начала группироваться молодая татарская интеллигенция во главе с Фатихом Амирханом, с первых своих номеров стали освещать животрепещущие социальные, духовные и культурные проблемы, волновавшие татарское общество. В вопросе о гимназии для татарок эти издания выражали взгляды и чаяния татарских просветителей, горячо веривших во всецелое просвещение, способного повести нацию по пути прогресса.

Именно с этих позиций выступал Фатих Амирхан. В статье «В связи с национальной женской гимназией», опубликованной в третьем номере журнала, он отмечал: «Давно ли сомневались в необходимости обучения девушек письму; давно ли даже обучение по новому методу требовало длительных споров и разъяснений. Прошел год, десять лет... Не стояло на месте и умственное развитие народа. С большой радостью и великими надеждами мы видим этот переворот: сейчас уже мы стали осмеливаться думать и говорить о среднем образовании, перейдя через задачи начального обучения. Газетные вести (о решении ходатайствовать об открытии женской гимназии — А.М.) заставляют нас задуматься об этом перевороте в сознании».

Оценив по достоинству вклад зачинателей джадидизма в дело создания национальной школьной системы, писатель подчеркивал: «Благодаря их энергии и заботам, а также стараниям и способностям всего народа проблема начального обучения, выйдя из затянувшего его на века болота, медленно, но уверенно покатилась вперед. Северные тюрки начали реформу нации не сверху, как тюрки южные, а снизу». Главную заслугу джадидистов писатель видел именно в просвещении всего народа, в их стремлении проникнуть во все, самые темные деревни, расположенные в глухих уголках огромной России.

«Прошли годы. Происходило утомительное, невидимое глазу действо... Уже вот двадцать лет сколько сотен учителей, сколько сотен мулл, сколько сотен сторонников прогресса и тысячи сородичей трудится над этим незаметным, медленно продвигающимся делом, со стороны, возможно, кажущимся мелким. В результате видим появление пока мало видимого глазу, но уже вполне ощутимого фундамента: подрастающее поколение знает грамоту, читает книги... Благодаря этому распространяется литература. Благодаря литературе развивается национальное сознание, начинается понимание национальных интересов и в целом шаги цивилизации», — подвел он итоги двадцатилетней деятельности джадидов.

Перейдя затем к современному состоянию татарского общества, Ф.Амирхан заметил: «А теперь? Теперь уже собираются имамы и другие уважаемые лица и начинают не только думать, но и обсуждать вопрос о средней школе (гимназии): «в Казани необходимо открыть женскую гимназию!». Это не только обсуждают, но и верят, что смогут, проявляют инициативу, чтобы сделать это». На самом деле движение за создание национальной женской гимназии, начатое молодежью, затронуло и татарское духовенство, которое продолжало считать себя руководителем татарского общества.

Ф.Амирхан разъяснял, почему встал вопрос о женской, а не о мужской гимназии: «Ибо татары оказались склонными сначала воздвигнуть фундамент, а затем начать работу».

Ясно, что народ, способный подготовить информированных, воспитанных в национальном духе матерей, станет нацией, стоящей на самом крепком фундаменте.

Поверьте, наши способные, любящие семью дочери северных тюрок, просветившись знаниями и национальным духом, сами будут знать, как нужно воспитывать всю нашу нацию. Они станут самой надежной опорой для нашего национального прогресса».

Так молодая интеллигенция оценила начавшееся движение за открытие в Казани женской гимназии. Однако очень скоро выявились и противоречия. Муллы решили проконсультироваться с одним из представителей местной администрации, директором народных училищ губернии М.Н.Пинегиным, который резко отрицательно отнесся к мысли о создании национальной женской гимназии и подал им идею основания приюта для девочек-сирот. Узнав, что местная администрация выступит против идеи гимназии, на собраниях муллы заговорили в защиту идеи основания приюта.

Таким образом, уже с момента возникновения вопроса о создании женской гимназии татарская общественность разделилась на два лагеря — сторонников и противников гимназии. За гимназию ратовали молодая национальная интеллигенция, крупная татарская буржуазия, а также учащаяся молодежь (студенты, гимназисты, шакирды), считавшие просвещение двигателем общественного развития.

Против гимназии выступало почти все казанское духовенство (только немногие из этого круга — например, военный ахун Ф.Мухутдинов и мулла из Адмиралтейской слободы Г.Амирханов — оказались в лагере сторонников гимназии), поддерживаемое местной администрацией в лице вице-губернатора Г.Б.Петкевича и представителей учебного ведомства, среднее и мелкое купечество — завсегдатаи Сенного базара (в то время это название служило олицетворением косности, невежества и религиозного фанатизма — *А.М.*) и так называемый «кара халык» (основно переводится «темный народ»; этим термином называли простой люд — наиболее забытую и невежественную часть населения — *А.М.*).

В январе-марте 1913 года вся татарская печать стала ареной борьбы этих двух групп. Сообщения о ходе этой борьбы появлялись и в казанских русских газетах. Борьба сторонников и противников гимназии отчетливо обнаружилась при обсуждении программы проведения юбилея династии на собрании мусульман Казани, состоявшемся 27 января 1913 года. На нем присутствовало около 400 человек. Среди участников были представители всех слоев татарского населения Казани. Председателем собрания по предложению муллы был избран известный казанский мулла и руководитель новометодного медресе «Мухаммадия» Галимджан Баруди.

На собрании с речами в защиту идеи национальной женской гимназии выступили: старый педагог Шакирджан Тагиров, работавший в Казанской татарской учительской школе, присяжный поверенный С.Алкин, муллы Ф.Мухутдинов и Г.Амирханов, представители молодой татарской интеллигенции, преподаватели «Мухаммадии» Г.Гисмати и А.Мустафин, редактор газеты «Кояш» З.Садретдинов и другие.

За открытие приюта, т.е. против национальной женской гимназии, выступили муллы, сотрудник газеты «Баянুলъхак» Ш.Ахмадеев и присяжный поверенный Ш.Иманаев. Интересно отметить, что Г.Баруди — один из основоположников

новометодного направления у татар, представлявший правое крыло новометодистов, после первой российской революции даже сосланный на три года в Вологду, на посту председателя собрания фактически выступил против дальнейшего углубления этого направления.

Разгоревшиеся на собрании страсти не утихали до часу ночи. И только тогда, когда редактор-издатель газеты «Баянұльхак» М.Сайдашев внес предложение создать гимназию и при ней открыть пансион для девочек-сирот, собрание немного успокоилось. Было решено организовать две комиссии (одну — для подготовки проектов и программ гимназии, сбора пожертвований для нее и ходатайства о ее создании, вторую — для приюта) и открыть то учреждение, которое соберет больше пожертвований.

Какие же доводы использовали сторонники и противники женской национальной гимназии в своих выступлениях как на собрании, так и в печати?

Доводы сторонников гимназии:

1. В связи с юбилеем нужно создать такое учреждение, которое невозможно открыть в обычное время и которое пошло бы на пользу развивающейся татарской нации.

2. В настоящее время мало уметь читать. Для существования и дальнейшего развития нации нужны образованные, просвещенные люди. Особая роль в прогрессе нации принадлежит женщинам, ибо женщины являются основными воспитателями подрастающего поколения — будущего нации.

3. Таким учреждением, необходимым для татар в первую очередь, является национальное женское среднее учебное заведение, как бы оно ни называлось — гимназия, прогимназия, колледж, средняя школа (уточнение это было вызвано тем, что противники гимназии ухватились за название, пытаясь доказать, что гимназия будет служить целям русификации).

4. Выпускницы гимназии будут иметь и право на преподавание; значит, у татар появятся хорошие учительницы, знакомые с новейшими методами преподавания, и, следовательно, хорошие женские школы, в которых сможет получить образование вся женская половина татар.

5. В гимназии смогут учиться не только жительницы Казани, но и приезжие. Это будет способствовать укреплению авторитета Казани как центра культурного, центра учебного среди всех мусульманских народов России.

Таким образом, при рассмотрении доводов сторонников гимназии видно, что они в основном выступали с позиций просветительства, стремясь использовать удобный предлог для создания учебного заведения, выпускающего учительниц.

Доводы сторонников приюта:

1. Священные книги мусульман запрещают правоверным обучать женщин писать. Признание же сирот по исламу всегда считалось богоугодным делом. Поэтому правоверные должны стараться делать то, что одобряется Кораном.

2. Пока татары находятся на такой стадии развития, что вполне могут обойтись имеющимися женскими начальными школами.

3. Татарское общество не сможет обеспечить все расходы по гимназии, ибо она потребует много денег. Поэтому нужно браться за то, на что хватит сил. А приют можно основать и со сравнительно небольшими средствами, так как в нем вначале можно содержать столько девочек-сирот, на сколько хватит средств, постепенно увеличивая число воспитанниц по мере возрастания возможностей.

4. Кроме того, татары не получают разрешения официальных органов на отк-

рытие гимназии. Муллы советовались с представителями администрации, и они рекомендовали открыть приют.

Итак, сторонники приюта выступили против создания гимназии потому, что считали открытие ее богопротивным делом. Но новые веяния коснулись и некоторых мулл — они уже признавали наличие женских школ, хотя и ссылались на запрещение обучения женщин письму. Мало того, они даже указывали на возможность открытия при приюте начальной двухклассной школы с шестилетним сроком обучения. Здесь мы видим смыкание позиций духовенства и правительства. Муллы — против национальной женской гимназии, но за правительственную (значит, русско-татарскую) школу.

Эти изменения во взглядах мулл очень метко подметил Ф. Амирхан. В статье «Пять мулл», опубликованной в газете «Кояш» 11 февраля, он отмечал: «Меняются времена — меняются люди... Старые муллы не писали в газеты... Старые муллы вообще не употребляли такие слова, как «юбилей», «гимназия». А теперь муллы не только не боятся произносить и писать эти слова... Изменился и тон их выступлений: в прошлые времена муллы просто обрывали своих противников словами: «Вздор!»... Теперь совсем другое дело, теперь муллы совсем «оевропеизировались», даже к противной стороне обращаются: «эфенди». Нельзя не приветствовать эти изменения: для них — это прогресс, очень большой прогресс». С присущим ему горьким сарказмом писатель подчеркивал, что эти изменения лишь внешние, что эти хазраты сохранили свое нутро — противодействовать всему прогрессивному, особенно если оно должно способствовать прогрессу нации.

Кроме открытых противников гимназии, были лица, считавшие, что татары в культурном отношении еще не доросли для создания национальных женских гимназий. Так, например, в газете «Вақыт» было напечатано письмо из Казани под названием «Подготовка к юбилею», подписанное Ахметзаки Валиди. Он доказывал, что казанские татары не смогут открыть национальную гимназию, ибо для этого у них нет ни людей, способных возглавить это дело, ни составителей программ, ни учительниц, ни даже учениц; в то же время он выражал лицемерную надежду, что эта гимназия, возможно, и появится когда-либо на свет. Сторонники гимназии очень резко осудили это письмо, справедливо считая, что такое выступление хуже нападок открытых противников, ибо оно порождает неверие в собственные силы.

Члены комиссии в конце января 1913 года обратились к казанскому губернатору сначала с устной, а затем и с письменной просьбой о разрешении им открыть сбор добровольных пожертвований на устройство в Казани особой мусульманской женской гимназии. Отметив, что «азбучная истина о необходимости просвещения проникает в последнее время с значительной интенсивностью и в среду местных мусульман», они подчеркивали, что сначала речь шла только о необходимости просвещения для мужчин.

«Вековые понятия о замкнутости женщин, об изоляции их от внешнего мира решали в этом же духе и вопрос о том, нуждается ли у нас женщина в каком бы то ни было минимальном общем образовании, — указывали члены комиссии. — Но властный голос жизни и здесь произнес свой крутой приговор. Постепенно появляются отдельные лица, которые положительным образом решают эту жизненную задачу вразрез с установившейся тенденцией отрицания женского образования».

Указав далее, что основная масса девочек остается вне просвещения, и подчеркнув роль матери в деле воспитания детей, они делали вывод, что «потребность в собственной женской гимназии, обслуживающей наши массы в соответствии с

нашими бытовыми особенностями, становится очередной задачей нашего общества». При этом, отмечали они, должны быть соблюдены следующие условия: «Как директриса, так и преподавательский персонал должны быть исключительно из мусульманской среды; в учащиеся принимать только мусульманских девочек; наше вероучение должно быть поставлено в том же характере и размере, как Закон Божий для православных в казенных гимназиях; новые языки считать необязательными, зато арабский и татарский языки должны входить в программу в качестве обязательных предметов».

Вполне понятно, что разрешение сбора пожертвований означало бы, что вслед за этим последует и разрешение на открытие гимназии. Поэтому вице-губернатор Петкевич обратился за разъяснениями к попечителю Казанского учебного округа. В секретном отношении от 31 января 1913 года он спрашивал представителя учебного ведомства, «насколько учреждение предполагаемой гимназии является желательным с точки зрения государственных интересов». Далее Г.Б.Петкевич высказывал опасение, что создание подобного учреждения может пойти вразрез с линией правительства на сохранение и утверждение «единства и неделимости России».

26 ноября 1913 года он докладывал министру внутренних дел: «Я отклонил это ходатайство и уговорил посетивших меня лиц ограничиться открытием приюта для девочек бедных мусульман; при этом не скрыл, что с моей точки зрения открытие среднего учебного заведения для отдельных наций недопустимо с государственной точки зрения».

В полном соответствии с действиями вице-губернатора и попечителя по вопросу о татарской женской гимназии немедленно выступила черносотенная газета «Казанский телеграф». 5 февраля 1913 года (меньше чем через неделю после визита татарских купцов к губернатору) в газете появилась статья «Пока не поздно». Газета предлагала остановить, пока не поздно, действия татарского общества по созданию национальной женской гимназии, не допускать «дальнейшего развития сепаратистских стремлений инородчества в деле хотя бы школьного обучения».

В газете «Кояш» появилась ответная передовица «Глупые друзья». Отметив стремление «Казанского телеграфа» не допустить открытия гимназии, редакция подчеркивала: «Как бы там ни было, есть одна очень интересная для нас сторона этого вопроса. Это совпадение взглядов наших упрямых стариков и черносотенцев, пропитанных враждой к татарам до предела».

В период подготовки и проведения юбилея Романовых попытка создания национальной женской гимназии не увенчалась успехом, что во многом объяснялось противодействием царской администрации. И все же этот общественный порыв не прошел бесследно для дела женского образования у татар. Под несомненным влиянием выступлений общественности взялась за это дело предприимчивая и энергичная представительница татарской буржуазии Фатиха Абдулвалеевна Аитова (1866–1942). Она начала ходатайствовать о преобразовании начальной школы, созданной ею на свои средства еще в 1909 году, в школу с восьмилетним курсом учения, какой был принят в русских гимназиях. Одновременно в Троицке об открытии учебного заведения для подготовки учительниц начали хлопотать купцы Яушевы. Так мысль Ф.Амирхана, высказанная им 4 декабря 1912 года в газете «Кояш», нашла своих последовательниц.

Фатиха Абдулвалеевна Аитова родилась в ноябре 1866 года в семье миллионера Абдулвалея Яушева, представителя знаменитой купеческой династии Яушевых (г.Троицк Оренбургской губернии). В 1887 году она была выдана замуж в Казань

за Сулеймана Мухаммеджановича Аитова (1862–1922) из не менее знаменитой казанской купеческой фамилии. Представители обеих фамилий, не ограничиваясь лишь заботой о пополнении семейного состояния, беспокоились и о прогрессе нации. В конце XIX — начала XX века они вкладывали значительные капиталы в строительство и содержание мечетей и школ, поддерживая начинания джадидистов.

Сулейман-эфенди, формировавшийся под непосредственным влиянием друга своего отца, известного ученого, историка и богослова Шигабутдина Марджани (Ш.Марджани даже ездил в Троицк главным сватом), не был купцом в привычном для татарского общества смысле слова. Он занимался посредничеством между крупными торговыми фирмами Востока и Запада, имел конторы в Казани, Оренбурге, Коканде и других местах. Активно участвовал в общественной жизни, был гласным Казанской городской думы, членом правления Купеческого банка, Казанского губернского попечительства детских приютов. Выделяло его среди других и то, что с 1896 года он состоял действительным членом общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете.

Его молодая супруга оказалась под стать своему мужу. «Узкая домашняя жизнь с заботами о хозяйстве, о воспитании детей, жизнь, посвященная исключительно интересам замкнутой семьи, меня не удовлетворяла. Я всегда чувствовала в себе силы, энергию и любовь к деятельности, направленной на общественное благо. О широкой работе на этом поприще я в первое время, конечно, и не могла мечтать, ибо у меня не хватало ни образования, ни средств», — вспоминала Фатиха-ханум позднее в своей автобиографии.

Успев лишь чуть-чуть оглядеться в новых условиях, в том же 1887 году она уговорила мужа дать ей денег, на которые открыла в Казани школу шитья для бедных девочек-татарок Суконной слободы. «Все обучающиеся в моих классах девочки были детьми беднейшего населения Казани, — отмечала она. — ...Необходимые при обучении материалы покупались на средства моего мужа. Эти классы существовали в течение трех лет, и в них обучалось около 20–30 человек». Сама Фатиха-ханум обучала девочек азам грамоты.

К сожалению, у меня нет сведений, рассказывающих о каких-либо ее дальнейших шагах по созданию женских школ на рубеже XIX — XX веков. Возможно, в это время она полностью отдалась своей семье: у Аитовых в эти годы появилось пятеро сыновей, требовавших материнского внимания. Вероятно, отсутствие опыта и учительниц, способных на создание отвечающей требованиям времени школы, заставили ее сделать передышку. Ведь мало иметь деньги, требовались еще и специалисты, которых в то время просто не было.

Однако необычайно энергичная, привыкшая доводить начатое дело до конца, чего бы это ей ни стоило, женщина не могла смириться с этим. «Вероятно, не случайно ее муж Сулейман называл жену Батыем. Она любила быструю езду, сама правила лошадьми при выездах. Надо полагать, и в деле обучения девочек она решила взять вожжи в свои руки», — отмечал литературовед И.Нуруллин в монографии, посвященной Фатихе Амирхану, другу сыновей Фатихи-ханум. Да, Ф.А.Аитова крепко взялась за «вожжи» в деле просвещения.

Известный мне второй шаг Ф.Аитовой в этом направлении приходится на 1909 год. 16 августа 1909 года она обратилась в дирекцию народных училищ Казанской губернии за разрешением открыть «женский мектеб для обучения татарских девочек мусульманской религии с обучением их русскому языку и русской грамоте по программе начальных школ». Ответ был положительный, так как

директор М.Н.Пинегин «придавал такому заявлению очень большое значение как первому за время его двухлетнего управления дирекцией».

Создавая свою школу, Фатиха-ханум советовалась и со своими старшими сыновьями и их друзьями, в частности, с Фатихом Амирханом. Это было время, когда уже появились женские школы Буби и Лябибы Хусаиновой, которые могли служить образцом для новых школ. Ф.А.Аитова не преминула воспользоваться опытом этих первопроходцев. Особенно большую помощь при определении типа школы, ее программы она получила от Лябибы Хусаиновой, чья школа располагалась недалеко от дома Аитовых, и Мухиддина Курбангалеева, тогда учителя школы при Юнусовском приюте, позднее ученого-языковеда. Учительницами в школу Аитовой были приглашены лучшие ученицы школ Буби и Лябибы Хусаиновой.

Для школы было построено упомянутое в начале очерка специальное двухэтажное каменное здание, оборудованное в соответствии с требованиями санитарии и гигиены. Вход в здание был со двора, который открывался мощными каменными воротами. На первом этаже располагались классные комнаты для младших классов. На втором этаже, куда вела красивая ажурная лестница, были учительская и помещения для старших классов. Школа была хорошо оснащена всеми необходимыми учебными пособиями. Для учениц вводилась форменная одежда — коричневое платье, дополненное в будни черным фартуком и белым с розовой каймой платком, а в праздничные дни — белым фартуком и нарядным калфаком.

Официальное открытие школы состоялось 27 августа 1909 года. Школа в основном содержалась на средства Ф.А.Аитовой (после смерти отца в 1893 году Фатиха-ханум получила большое наследство). Небольшая часть денег поступала от родителей учащихся как плата за обучение. Начиная с 1910 года, и школьная комиссия Казанской городской думы стала выделять ежегодно 600 рублей на нужды этой школы. В первый год в школе обучалось 85 учениц, жительниц Казани, в последующие годы появились и приезжие ученицы. В 1911 году здесь обучалось до 120 учениц. Эти цифры показывают, что население татарских слобод Казани уже начинало осознавать необходимость обучения дочерей. Стараниями Лябибы Хусаиновой, Магруй Музаффарии и других подвижниц путь женскому образованию был открыт, и татары уже не боялись учить своих дочерей.

Летом 1911 года при школе были организованы курсы кройки и шитья, а затем и кулинарии для женщин-татарок. Для иногородних был организован интернат при школе. Курсы оказались очень успешными. Выпускницы их, сдав экзамены перед специальной комиссией от ремесленной управы города, получили звание мастера рукоделия и стали дипломированными специалистами, имевшими право на открытие швейной мастерской или курсов кройки и шитья.

В 1913–14 учебном году в школе имелось пять классов, причем четвертый и пятый классы имели параллели. В этом году в школе обучалось 230 учениц. Распределялись они так: в первом-третьем классах — по 40 человек, в двух четвертых — по 32, в пятом основном — 30 и параллельном — 16 человек. Обучали их девять учительниц (семь — по числу классов и учительницы русского языка В.Ивлиева и рукоделия В.С.Моисеева). И.д. казанского губернатора писал министру внутренних дел 26 ноября 1913 года: «Эта школа является единственной в своем роде как по участию в ней русских преподавательниц наравне с преподавательницами-мусульманками, так и по крайней неопределенности программы преподавания».

В это время в школе преподавались: вероучение, татарский и русский языки и литература, арифметика, география, история, природоведение, чистописание, рисо-

вание и рукоделие. Как и в первых женских школах, здесь царил культ знаний, и ученицы, и учительницы, часто по возрасту ненамного старше своих учениц, стремились к познанию, тянулись ко всему новому, в чем находили полную поддержку у Фатихи-ханум. По воспоминаниям учительниц школы, Ф.А.Аитова не раз говорила им: «Мне не пришлось учиться, в мое время не было таких возможностей, как сейчас. Старайтесь и сами больше учиться, и своих учениц учите использовать все возможности для получения знаний. Не стесняйтесь просить помощи, если встретите затруднения. Я всегда приду на помощь».

Руководительница школы уделяла много внимания и духовному воспитанию, расширению кругозора и учениц, и учительниц. В школе проводились литературно-музыкальные праздники, ученицы под руководством своих учительниц активно участвовали в организации детских праздников в различных клубах. Для них организовывались посещения кино и театральных постановок в Восточном клубе. Сообщения о подобных праздниках появлялись и в печати. С наступлением лета Фатиха-ханум организовывала выезды всем коллективом школы на свою загородную дачу, для чего привлекала всех состоятельных людей округа с их экипажами. Так, газета «Юлдуз» в №833 за 1912 год поместила заметку, в которой рассказывалось о выезде 14 мая 1913 учениц школы на дачу Аитовых. В одном из воспоминаний говорится, что во время этих поездок иногда организовывались встречи с писателями, в частности, с Фатихом Амирханом.

Сохранилась фотография, запечатлевшая очень интересный момент, рисующий Фатиху-ханум как заботливую руководительницу. В один из дней она объявила учительницам, что поведет их в русский театр. Наступил долгожданный день. Шесть молодых учительниц в скромных темных платьях с нарядными белыми воротниками и изящными калфаками на голове во главе с самой Фатихой-ханум в нескольких экипажах заранее отправились в театр, чтобы не спеша, внимательно рассмотреть не только театр, но и все здания и сооружения, расположенные по пути к театру. Ведь такое путешествие — настоящее событие для молодых татарок, равное посещению другого мира. Вот они в театре. Для них все очень интересно, удивительно. А все происходившее на сцене полностью очаровало их. В антракте спектакля — фотография на память как свидетельство этих незабываемых мгновений.

Школа Аитовой являлась предметом пристального внимания как местной администрации, так и татарской общественности. Отзывы представителей администрации были не очень лестными. «Определенного курса обучения в мектебе Аитовой в настоящее время нет, — отмечал, например, и.д.губернатора в уже цитированном документе. — Каждая преподавательница вероучения учит тому, чему может научить по своей подготовке, но в пределах принятых учебников». Познакомиться с ее работой приезжали представители общественности из Оренбурга, Уфы, Троицка, Чистополя и других мест. Газеты и журналы постоянно помещали на своих страницах сообщения и отзывы о ее работе. Это внимание к одной из наиболее обеспеченных в материальном отношении женских школ можно объяснить и личностью основательницы школы, и интересом к проблемам женского образования в татарском обществе.

Когда общественный порыв по созданию татарской женской гимназии окончился неудачей, за дело взялась Ф.А.Аитова. Эта чрезвычайно энергичная и предприимчивая женщина, вероятно, не без влияния своих сыновей и их друзей, взялась за дело, которое не смогли осуществить мужчины. Она решила преобразовать свою школу, к этому времени уже переросшую рамки начальной школы как по объему

изучаемых предметов, так и по числу классов, в школу с восьмилетним курсом обучения. По совету М.Курбангалиева за образец Ф.А.Аитова решила взять как закрытую властями в 1912 году женскую школу Буби, так и русские гимназии.

«Несомненно, что Аитовой хотелось бы создать тип учебного заведения, подобного учительской школе: ей хотелось бы выпускать учительниц-мугаллиматок в мелкие новометодные мектебе, — отмечал вице-губернатор. — Но пока этого она еще не достигла, хотя и располагает богатыми материальными средствами и сочувствием местной татарской интеллигенции».

Ф.А.Аитовой пришлось преодолеть немалые препоны, прежде чем она добилась преобразования своей школы в гимназию. Пожалуй, одним из главных препятствий было отсутствие программ для школ подобного типа. В татарскую женскую среднюю школу нельзя было механически перенести программу татарских мужских медресе или русских женских гимназий. При отсутствии хороших специалистов этого дела работа по составлению программ требовала много времени. Вторая и самая главная трудность — противодействие царских чиновников. Только в 1913—1914 годах директор народных училищ Казанской губернии под разными предлогами отклонил пять прошений Аитовой о преобразовании школы.

Директора народных училищ Казанской губернии тревожило не состояние обучения в предполагаемой к открытию школе, не отсутствие или несовершенство программ, как можно было бы заключить по ответам на ходатайства Ф.Аитовой. Его беспокоила боязнь подготовки образованных учительниц и, следовательно, улучшения дела женского образования у татар и прогресса татарского общества на этой основе. Добиваясь открытия восьмилетней школы, Ф.А.Аитова обращалась и к попечителю Казанского учебного округа. Но и попечитель в тот период такого разрешения не дал.

Действия местных чиновников министерства народного просвещения отражали правительственную политику в отношении образования мусульман России. Весной 1914 года в Петербурге работало Особое совещание представителей четырех министерств по мусульманским делам. Здесь основное внимание было уделено вопросам образования. Совещание констатировало: «Хотя число новометодных школ в Казанской губернии в данное время еще сравнительно невелико, но можно с уверенностью сказать, что таковые в ближайшем будущем вытеснят школы старометодного типа... Успех новометодного направления отчасти объясняется неравенством сил в борьбе между сторонниками такового и приверженцами школ старого схоластического типа». Учитывая это, совещание высказалось за утверждение и упорядочение конфессиональных школ и исключение из их программы общеобразовательных предметов в целях наилучшего обеспечения интересов русской государственности.

Уже этим решением предreshался вопрос о светских школах у татар: они, с точки зрения правительства, были в высшей степени нежелательны. На совещании подчеркивалось, что «параллельно с изучением русского языка среди них (татар — А.М.) начинает развиваться известный радикализм и рушится их прежнее строго консервативное политическое направление... Именно передовые мусульманские деятели и прогрессивная мусульманская печать не только не являются противниками русской образованности, но, наоборот, стараются всячески убедить своих единоверцев в необходимости для них изучения русского языка и даже отдавать детей в русские школы».

Поэтому участники совещания особенно решительно выступали против изучения русского языка татарами, против перестройки образования у татар по образцу

русских школ. Они решили рекомендовать правительству закрыть русские классы при мектебах и медресе, исключить из учебных программ и прекратить преподавание русского языка в мусульманских школах. Таким образом, новое совещание по мусульманским делам пошло дальше совещания 1910 года, дойдя до абсурда: ни мало, ни много, оно решило запретить даже изучение русского языка в татарских школах! Отказы, которые Ф.А.Аитова получала от попечителя и директора народных училищ, видимо, исходили из установок этого совещания.

Надо отдать должное энергии и настойчивости Фатихи-ханум. Потерпев неудачу в Казани, она перенесла свои хлопоты в Петроград. Здесь она обратилась за содействием к депутату Государственной думы от города Казани октябристу И.Годневу и добилась приема у товарища министра народного просвещения, начальника департамента народного просвещения. Фатиха-ханум действовала решительно, передав ему свою жалобу на притеснительные действия местных органов просвещения.

«Познакомившись с содержанием бумаги, — вспоминал ее сын Ибрагим, ездивший вместе с матерью в Петроград, — высокий сановник ничего особо утешительного нам не сказал и не обещал, но дал совет воспользоваться только что утвержденным положением о новых народных школах (Имеется в виду «Закон о частных учебных заведениях, классах и курсах министерства народного просвещения, не пользующихся правами правительственных учебных заведений», утвержденный 1 июля 1914 года — А.М.), положением, дающим большую автономию и большую независимость от текущего контроля властей, и преобразовать, переоформить статут нашей школы по этому образцу».

Вернувшись в Казань, Ф.А.Аитова продолжила свои хлопоты, теперь уже опираясь на закон от 1 июля 1914 года, который предоставлял значительную самостоятельность частным лицам, берущим на себя обязательство создавать учебные заведения. Учредителем (содержателем) частных учебных заведений могли быть земства, города, сословия, приходы, частные общества, товарищества и всякого рода другие частные учреждения, а также отдельные мужчины и женщины, не моложе 25 лет, русские подданные. Учебные заведения по воле учредителя (содержателя) могли быть низшими, средними, высшими; общеобразовательными или профессиональными, или могли сочетать эти начала. Частные учебные заведения, учреждаемые для подготовки учителей и учительниц для школ с курсом низших учебных заведений, причислялись к среднему разряду.

Учредителю (содержателю) предоставлялось право выбора предметов преподавания и составления учебных программ при обязательном соблюдении следующих условий: «а) в число предметов, преподаваемых в средних и низших общеобразовательных учебных заведениях, должен входить закон божий православного исповедания для учащихся сего исповедания, а также закон божий инославного исповедания и иноверные вероучения — при наличии установленных законом условий, при которых преподавание сих предметов обязательно в соответствии с правительственными учебными заведениями; б) в средних и низших общеобразовательных учебных заведениях, а также в тех специальных и профессиональных, в коих введено преподавание общеобразовательных предметов, преподавать русский язык при достаточном числе уроков; в) в общеобразовательных учебных заведениях: средних и тех из низших, в коих объем преподавания не меньше четвертого года обучения начального училища, преподавать отечественную историю и географию, а также русскую словесность, если преподавание словесности входит вообще в программу учебных заведений».

Особенно большой интерес для Ф.Аитовой, естественно, представляла статья, дававшая учредителям право выбора языка преподавания.

В своем прошении на имя попечителя Казанского учебного округа от 25 июня 1915 года Ф.А.Аитова указывала: «Желая открыть в г. Казани среднее частное женское учебное заведение по прилагаемому (в 2 экземплярах) учебному плану, имею честь покорнейше просить Ваше Превосходительство о выдаче мне разрешения на открытие упомянутого учебного заведения. При сем имею честь представить обязательство отвести учебному заведению помещение, безвредное для здоровья учащихся и обеспечить их главнейшими учебными пособиями».

После неоднократных дополнительных обращений к попечителю и представления недостающих документов она 4 марта 1916 года, наконец, получила разрешение попечителя «открыть в г.Казани частное среднее учебное заведение для девочек-магометанок... при обязательном соблюдении нижеследующих условий: 1) чтобы в учебном заведении употреблялись только те учебные руководства, которые допущены министерством народного просвещения и духовным начальством по принадлежности (параграф 9 вышеуказанных правил), 2) чтобы преподаватели избирались из лиц правоспособных (параграф 17 тех же правил), 3) чтобы в число предметов, преподаваемых в проектируемом учебном заведении, было введено изучение русской словесности (п. 1 параграфа 8 указанных правил)».

Таким был долгий и трудный путь Ф.А.Аитовой к событию, с описания которого начался настоящий очерк. Можно представить, с каким удовлетворением встречала она 29 октября 1916 года прибывших на торжественную церемонию открытия первой татарской женской гимназии гостей. Местная администрация, чинившая всяческие преграды открытию гимназии в течение трех лет, не замедлила в полном составе явиться на церемонию открытия, дабы подчеркнуть «милость» царского правительства, дарованную татарскому народу.

При открытии с речами выступили мулла К.Тарджиманов, попечитель Ломиковский, заведующая школой М.Ш.Акимбетьева, городской голова Воронин и С.М.Аитов, поблагодаривший присутствующих. Все выступавшие отмечали, что открытие первой в Казани татарской женской гимназии является крупным событием в жизни татар, и выражали надежду, что ее выпускницы принесут большую пользу своему народу.

Заведующая школой М.Ш.Акимбетьева подчеркнула в своей речи, что эта новая школа очень нуждается в моральной поддержке со стороны татарского общества и, особенно, со стороны учебного начальства. Она отмечала, что уже сейчас гимназия встретила большие трудности: «Во-первых, оказалось трудно найти учительниц-татарок, могущих преподавать на татарском языке и имеющих право на преподавание. Это обстоятельство заставило Фатыху ханум Аитову за свой счет направить на учебу в гимназию Шумковой шесть девушек, хорошо подготовленных по-татарски. Сразу же дало себя знать и отсутствие надлежащих учебников на татарском языке. Все эти обстоятельства послужили причиной запоздания открытия школы».

Вся казанская печать поместила сообщения и отчеты об этом событии. Фатих Амирхан, горячо интересовавшийся вопросами просвещения татарского народа, внимательно следивший за действиями Ф.А.Аитовой и помогавшей ей своими советами, откликнулся на открытие гимназии большой статьей, озаглавленной «Второй шаг». Статья эта была опубликована в газете «Кояш» на другой день после церемонии открытия гимназии, 30 октября. Писатель отмечал: «Всего несколько лет тому назад национальная средняя школа для татарок казалась лишь

красивой, но далекой мечтой. Всего три года тому назад на шумных собраниях, состоявшихся в связи с проведением юбилея династии Романовых, не только простой народ, но и некоторые представители знати не стеснялись бороться против идеи открытия национальной средней школы для татарок. Однако время и сознание нации оставили позади эти темные годы».

Указав, что причиной постановки вопроса о национальном среднем образовании явилось проникновение начальных школ и грамотности в самые гущи народных масс (основные слои нации), Ф.Амирхан подчеркнул следующую закономерность: «Эта мысль сразу родилась как необходимость национальной средней школы для наших девушек, тогда как мысль о начальной светской школе возникла сначала как требование начальных школ для мужчин. И только после получения ею признания оно повлекла за собой и создание женских начальных школ».

Объясняет эту закономерность Ф.Амирхан возросшим чувством национального самосознания: «Последние два-три десятилетия направили наши искания основ воспитания в национальном духе в эту область. Нация уже почувствовала, что матери являются первыми и самыми главными воспитателями семейной морали, и что они же дают национальную и антинациональную окраску жизни семьи... Татарские семьи среднего достатка, легко отдававшие своих сыновей в русские средние школы, чувствуя насущную необходимость среднего образования и для своих дочерей, тем не менее серьезно задумывались, прежде чем отдать свою дочь в русскую среднюю школу».

Он подчеркивал, что родители, хотя и чувствовали необходимость среднего образования и для дочерей, не могли отвести их в русские гимназии. Они рассуждали: «Вот наша дочь, невозможно не дать ей среднее образование. Однако эта девочка, с семи лет отданная в русскую школу, вряд ли будет хорошо знать свой язык, свою религию, свою историю и литературу... Если так, что мы можем ожидать от нее в будущем — какая из нее получится мать семейства?». Писатель считал, что «решение этой трудной задачи, вставшей перед родителями, можно было ожидать лишь от национальной средней школы... Национальная женская средняя школа... стала самой насущной и самой острой национальной задачей, не терпящей отлагательства».

Назвав открытие национальной женской гимназии вторым крупным шагом нации по пути прогресса (первый — распространение новометодного начального образования), Ф.Амирхан отметил большие заслуги Ф.А.Аитовой в этом деле и призвал татарскую интеллигенцию всемерно помогать ей в распространении настоящих светских знаний. Он указывал, что если первоначальная инициатива в национальных делах и принадлежит отдельным лицам, то осуществление и развитие их требует участия всей нации, и в первую очередь, татарской интеллигенции.

Программа по предметам для гимназии Аитовой была составлена в объеме государственных женских гимназий. Здесь преподавались вероучение, татарский и арабский языки, русский язык, история всеобщая и отечественная, география общая и России, математика (арифметика, алгебра и геометрия), физика, естествознание, анатомия и физиология человека, гигиена, педагогика, чистописание русское и татарское, рисование и рукоделие. Кроме уроков русского языка, на русском языке велись уроки истории и географии Российской империи. Все остальные предметы преподавались на татарском языке.

В 1916/17 учебном году в школе преподавание вели 22 преподавательницы, в том числе: русский язык и чистописание — М.Ш.Акимбетьева, окончившая Ка-

занские высшие женские курсы, вероучение — Н.Ш.Гайнуллина, татарский язык, чистописание и естествоведение — М.М.Муштариева, окончившая 8 классов гимназии Шумковой, математику — М.Г.Сагитова, окончившая третью казанскую женскую гимназию, географию — Марьям Губайдуллина, окончившая КВЖК, татарскую историю — К.Мухитдинов, рукоделие — имеющая звание домашней учительницы В. С. Моисеева. По воспоминаниям Ф.А.Аитовой, в это время в школе было до 450 учениц, и занимались они в трех зданиях.

Школа Ф.А.Аитовой существовала до 1918 года, когда была преобразована система народного образования. В 1918 году на ее базе была создана татарская школа второй ступени. Борьба за создание татарской женской гимназии явилась одним из выражений борьбы за национальную культуру. Эта борьба, отражавшая, в основном, демократическое направление в татарском общественном движении, имела особое звучание, так как была отражением новых явлений в культурной жизни татар. Ф.А.Аитова не имела педагогического, да и просто общего образования в современном понимании. Но она была блестящим организатором, убежденным и стойким борцом за претворение мечты тысяч татарских женщин об образовании и не жалела ни сил, ни средств для достижения этого.

Феномен Мухлисы Буби

Мы не глупей мужчин о всяком деле судим...

М.Музаффария

До наших дней сохранилась групповая фотография, сделанная в 1926 году в Уфе. Она интересна прежде всего тем, что на ней — большая группа мужчин и одна женщина. Скромная, миловидная женщина сидит вместе с ними, но в то же время как бы немного отстраненно. От нее как будто исходит свет доброты, справедливости, понимания, который освещает строгих мужчин, какими и должны быть духовные лица. Да, на этой фотографии члены Духовного собрания мусульман во главе с муфтием Ризаэдином Фахретдиновым и группа участников III съезда мусульманских религиозных деятелей Европейской России и Сибири. При взгляде на фотографию сразу возникают вопросы.

Кто же такая эта единственная среди духовных лиц женщина в белом платке? Как могло случиться, что на фотографии вместе с мусульманскими духовными лицами оказалась женщина? Ответ — это Мухлиса Габдулгаллямовна Нигматуллина-Буби (1869–1937), представительница династии просветителей из деревни Иж-Буби, что расположена в Агрызском районе Республики Татарстан (ранее это был Сарапульский уезд Вятской губернии). И попала она в группу духовных лиц совсем не случайно: Мухлиса-ханум в течение двадцати лет (1917–1937) состояла членом Духовного управления мусульман России, была первой (и единственной в мусульманском мире) женщиной — шариатским судьей, т.е. казией.

Следующие вопросы: каким образом уроженка небольшой татарской деревушки из глухого уголка Вятского края достигла такого положения? Где она училась, какие окончила университеты, академии, в крайнем случае, медресе? Ведь даже человек, впервые услышавший это имя в сочетании с ее должностью, просто подумает: она должна была быть образованной, глубоко осведомленной в исламе,

уважаемой женщиной. Это, безусловно, так. В одном из предыдущих очерков я уже рассказывала и о семье Нигматуллиных-Буби, и о созданном ими в своей деревне комплексе учебных заведений, куда входили мужское медресе с восьмилетним курсом обучения с четырехлетней начальной школой при нем и восьмилетнее женское медресе, которым руководила Мухлиса-абыстай. Этот комплекс был первым у татар и единственным в своем роде, где в начале XX века давали среднее светское образование на родном языке и готовили учителей и учительниц для новометодных татарских школ.

Этот же очерк полностью будет посвящен феномену Мухлисы Буби, ее прекрасной и трагической судьбе.

У муллы деревни Иж-Буби Сарапульского уезда Вятской губернии Габдулгалляма Нигматуллина (1834—1903) и его жены Бадрелбанат (1838—1922), дочери имама и мударриса деревни Чебенле Мензелинского уезда Уфимской губернии Иманкула сына Махмуда, родилось шестеро детей. Однако первые трое детей умерли в младенческом возрасте, и родители вырастили лишь троих — Губайдуллу (1866—1938), Мухлису (1869—1937) и Габдуллу (1871—1922). И сыновья, и единственная дочь были детьми желанными. Родителей очень беспокоило их здоровье, они боялись, как бы безжалостная смерть не унесла и их. Тем не менее детей Габдулгаллям-хазрат и Бадрелбанат-абыстай воспитывали в строгости, в мусульманских традициях, как и подобало в семьях духовных лиц, с детства приучая их к труду и учению. Они росли в атмосфере любви и ласки родителей и внимания со стороны населения деревни.

Мухлиса, как единственная дочь, была, конечно, ближе к матери. Хорошо образованная по тем временам Бадрелбанат-абыстай в своем доме обучала сельских девочек как основам вероучения, так и чтению. Естественно, маленькая Мухлиса, бывшая всегда при матери, очень рано (с трех-четырёх лет) стала узнавать буквы, научилась не только читать, но и писать. Затем абыстай стала учить свою дочь и нескольких более способных учениц азам арабского и персидского языков.

Получившая первоначальные знания от матери девочка рано пристрастилась к чтению, благо книг в доме было много. Конечно, она с упоением читала и «Кыйссаи Йосыф» (Сказание о Юсуфе), и «Кисекбаш» (Отрезанная голова), и «Мухаммадию», и «Бадавам», и байт «Сак-Сок» и многие другие произведения тюркской классики. Познакомившись с арабским и персидскими языками, она перешла к восточной классике на этих языках. При этом она уже с юности увлекалась не только традиционным женским чтением. Ее интересовало и то, что читали ее отец и братья, хотя многое в их книгах было ей непонятно. Со временем отец и братья (особенно старший, Губайдулла) стали ее учителями, сначала отвечая на бесконечные вопросы любознательной девочки, а затем решив дать ей соответствующее эпохе достойное образование.

В 1887 году девушку выдали замуж за муллу Джаляледдина сына Ахмеджана из Мензелинского уезда. Родители надеялись, что дочь будет счастлива. Но, как выяснилось позднее, муж ее оказался самодуром, отличавшимся жестоким и извращенным нравом. Мечты девушки, что она, выйдя замуж, как и ее родители, рука об руку с мужем будет просвещать своих прихожан, быстро испарились. Муж, не любивший сам заниматься обучением детей, не только запретил молодой жене учить девочек, но и не разрешал ей читать книги. Жизнь ее была бы совсем беспросветной, если бы она, несмотря на возражения мужа, не взялась воспитывать дочь прислуги, умершей при родах, — маленькую Наджию (1894—1967). А затем родилась и собственная дочь Мунджия (1895—1919).

По воспоминаниям, имеющимся в музее медресе Иж-Буби, муж Мухлисы был значительно старше ее по возрасту, к тому же, как уже говорилось, очень притеснял ее. По всей вероятности, Мухлису-абыстай постигла бы несчастная судьба многих жен сельских мулл, если бы не решительное вмешательство ее братьев. Приехавшие проводить сестру братья, узнав, в каком невыносимом положении она находится, решили увести ее.

По рассказам, произошла почти детективная история: так как муж на развод не соглашался, братья решились на крайний шаг — посадили в сани Мухлису с двумя маленькими дочками, родной и приемной, якобы те проводят их до околицы, и уехали. А зятю провожавшие объяснили, что лошади понесли, и братья не смогли их остановить. Они действовали так решительно, что старый муж, видимо, зная свои прегрешения, не решился преследовать жену, но и развода не давал. Развод был оформлен официально лишь в 1917 году с помощью специальной фетвы (разрешения), составленной казием Ризаэддином Фахретдиновым.

С тех пор Мухлиса абыстай вместе с женами братьев полностью посвятила себя обучению и воспитанию девочек в родной деревне Иж-Буби. Как уже указывалось, сделавшая делом своей жизни создание образовательно-просветительского комплекса на базе старого медресе Буби для воспитания и обучения юношества — будущего нации — семья Нигматуллиных-Буби в середине девяностых годов XIX века дружно принялась за работу. Воспитание и обучение женщин, предоставление им широких возможностей для повышения уровня образования и культуры, по мнению братьев Буби — одно из необходимых условий преодоления отсталости и обеспечения прогресса нации. Но чтобы создать женские школы, необходимо было найти учительниц для них. И братья нашли выход — они решили подготовить свою сестру и молодых жен к работе в женской школе и преуспели в этом. Женщины семьи всеми помыслами отдались идее создания школы и обучения девушек.

«Наша родная сестра Мухлиса Буби, супруга брата Насима и моя жена Хусни-фатима отдавали работе в этой школе всю душу, все свои способности, жертвовали всем ради благополучия и процветания этой школы. Они втроем по вечерам брали у нас уроки, целыми днями обучали в школе и преодолевали немислымы, никем до сих пор невиданные препятствия. Во имя направления женщин России по пути знания и просвещения они, выслушивая самые грубые обвинения, брали на себя многие беды и тяготы и, не получая ни копейки жалованья, лишь ради нации вкладывали огромные труды и старания, присущие только великим людям. Эта женская школа была самой реформированной и первой начала выпускать мугаллим (учительниц — А.М.)», — писал Габдулла Буби в рукописи «Краткая история медресе Буби».

Так, неустанно трудясь на пути создания женского медресе и обучения, Мухлисаханум продолжала и сама учиться. Она не только брала по вечерам уроки, как писал Габдулла Буби, но и под их руководством занялась глубоким изучением богословских наук по программе мужского медресе Буби. Можно безошибочно сказать, что к 1905 году она была уже хорошо образованной женщиной, прекрасно знавшей исламское вероучение. Братья полностью поручили ей руководство дарелмугаллиматом (женской учительской семинарией). Ее начали называть «мулла-абыстай». Это, несомненно, было признанием ее авторитета не только как руководителя медресе, но и как ученого-богослова, знатока мусульманского права, теолога.

Как известно, слово «мулла» на Востоке служит приставкой к имени при обращении к уважаемому, как правило, хорошо образованному мужчине. У татар это

слово применялось и как синоним слов «имам», «хазрат», при обращении к духовному лицу. А слово «абыстай», также означавшее ученость, употреблялось чаще всего применительно к женам мулл, но также и к другим женщинам при желании выказать особое уважение. Применение же сразу двух терминов по отношению к Мухлисе-ханум, видимо, было выражением признания ее учености и авторитета.

Когда в 1907 году братья Буби получили от Сарапульского уездного земства право на прием экзаменов на звание учителя-мугаллима и учительницы-мугаллимы татарского училища и выдачу свидетельств лицам, выдержавшим эти экзамены, первыми такие свидетельства получили учительницы женского медресе Буби во главе со своей руководительницей Мухлисой-ханум. Нужно подчеркнуть, что эти свидетельства являлись официальным документом, признававшимся всеми административными органами России. Эти документы особенно нужны были в тех условиях, так как установившийся в стране после поражения революции 1905–1907 годов столыпинский режим повел наступление и на татарское культурно-национальное движение.

В январе 1910 года в Петербурге состоялось «Особое совещание по борьбе с мусульманским влиянием в Поволжском крае», определившее, что «повсеместно у татар возрос интерес к просвещению, стремление к сознательной жизни, к национальному самоопределению», что начавшееся в последние полтора-два десятилетия культурное оживление ни мало — ни много, «угрожает основам русской государственности». Поэтому категорически осуждалось само дело создания национальной светской школы у татар, чем и занималось семейство Буби. Совещание признало необходимым придать татарским мектебам и медресе их прежний вероучительный характер: «Духовная сторона должна остаться в школе за магометанским духовенством, а все светское — национализованное ими самими, противное русской государственности, должно быть изъято... Программа и перечень предметов для медресе и мектебе должны быть строго регламентированы и не иметь вовсе общеобразовательного характера».

В начале 1911 года почти над всеми очагами просвещения и культуры татар разразилась гроза: начались обыски, аресты... Главный удар пришелся на комплекс учебных заведений Иж Буби: в ночь на 30 января 1911 года сюда прибыл жандармский ротмистр с сотней конных стражников. Погром продолжался три дня. Мужское медресе было закрыто, все его учителя и руководители арестованы и отправлены в Сарапульскую тюрьму. Семья Буби переживала скорбные дни, вся тяжесть легла на плечи женщин. И прежде всего, их усилиями продолжала действовать женская школа.

Хотя власти всевозможными способами пытались запугать женщин семьи и заставить их закрыть женскую школу, Мухлиса-ханум и ее помощницы не только продолжали обучать своих учениц, но и летом 1911 года собрали на трехмесячные курсы около шестидесяти учительниц, продолжая дело, начатое братьями в 1908 году. «Наконец, приказом Вятского директора народных училищ от 18 января 1912 года была закрыта, погасла и женская школа. Мужская и женская школы Буби в свое время успешно работали, творили великие дела. И закрылись они не по нашей вине, а по приказу деспотического правительства», — отмечал Г.Буби.

После разгрома Ижбубинского очага просвещения осенью 1912 года Мухлиса Буби с дочерью Мунджией по приглашению известного общественного деятеля и друга семьи Буби Габдрахмана Ахмерова переехала в Троицк. Они приступили к обучению девушек в открытой им в 1910 году женской начальной школе. В то же

время она агитировала известных троицких купцов и меценатов Яушевых открыть женское медресе или женскую учительскую семинарию по типу Ижбубинской и добилась своего. В 1914 году одна ветвь Яушевых открыла женское медресе, а год спустя другая ветвь добилась официального разрешения на открытие женской учительской семинарии. Мухлиса Буби стала заведующей этой семинарией.

Она и в разлуке с братьями продолжала советоваться с ними, получать от них помощь в работе. Так, среди рукописей Г.Буби сохранились копии двух ее выступлений при открытии школ Яушевых, позволяющие нам сделать такой вывод. Примечательно, что в конце одного из текстов имеется приписка: «Я написал его в Кульдже для сестры, заведующей этим учебным заведением». Таким образом, Габдулла Буби и из эмиграции продолжал руководить созданием системы женского образования у татар, помогая сестре довести до общественности мысль о необходимости образования и воспитания женщин для прогресса нации.

Ее речи, дошедшие до нас в записи брата, дают и некоторый фактический материал о ее жизни и деятельности, об условиях, в которых ей приходилось трудиться. В них изложены и позиции Мухлисы-абыстай в женском вопросе. Так, проработав 1912/13 учебный год в школе Г.Ахмерова, 20 апреля она устроила традиционные для джадидистских школ публичные экзамены с приглашением на них уважаемых женщин города. На них присутствовал и Габдулла Буби, приехавший навестить сестру после выхода из тюрьмы. Мухлиса-ханум выступила с речью, которую брат внес в свои записи. О чем же она говорила?

Отметив, что, начиная работу в Троицке, она очень беспокоилась, удастся ли им наладить хорошую работу в школе, Мухлиса-абыстай поблагодарила членов попечительского совета школы, в частности, Асму-ханум Яушеву за то участие и поддержку, которые они проявили. Затем она перешла к обоснованию важности для нации воспитания и обучения девочек. «Воспитание детей нации находится не в руках отцов, они воспитываются, растут, становятся людьми в руках матерей. На словах легко сказать — воспитание детей, легко обсуждать эту тему; но когда доходит до дела, оказывается, что это далеко не игрушки. Воспитание детей не ограничивается только кормлением ребенка; самое главное, самое важное в воспитании детей — это забота о его здоровье, чистоте, нравственности и поведении», — подчеркнула она.

«Если так, то на женщин, которые должны заниматься воспитанием детей, ложится большая ответственность; они должны иметь столько знаний во всех этих областях — гигиене и нравственности, духовности и воспитании, религии и вере. Кроме того, домоводство, приготовление пищи, забота об одежде домочадцев и много-много другого тоже ложится на плечи женщины. И для всего этого также нужно немало знаний... Вот видите, какие на нас, женщины, лежат трудные и еще более — великие — дела! А если так, тогда для нас весьма важно стараться учить наших дочерей, давать им гораздо большие знания, чем даже получают мужчины!» — делала она вывод.

Обосновав таким образом необходимость обучения девочек, Мухлиса-ханум перешла непосредственно к делам школы: «В этом году мы занимались в тесной школе. Все группы, можно сказать, занимались в одной комнате, поэтому было много трудностей, мы не могли дать детям то воспитание, которое желали дать и могли бы. Если на будущий год будет подготовлена хорошая школа с особыми комнатами для отдельных классов, тогда появятся условия для полноценного обучения девочек, — отмечала она. — Но есть еще одна проблема: когда одна мугаллима работает с двумя-тремя классами, также невозможно дать девочкам подходящие знания и воспитание. Необходимо, чтобы в каждом классе была своя учительница».

Мухлиса-ханум объяснила присутствующим, что она в текущем году специально занималась с двумя девушками, готовя их в учительницы, за что те бесплатно помогали ей вести уроки. «Мне было очень тяжело после ежедневных пяти уроков днем в школе, еще вечерами по два-три часа обучать их; я бы и это вытерпела, но на будущий год эти девушки не придут к нам», — отметила она и попросила членов попечительского совета помочь с поисками учительниц для каждого класса. При любом удобном случае, так же как и в выступлениях, произнесенных на торжествах при открытии женских школ Яушевых в 1914 и 1915 годах, она не уставала вести разъяснительную работу среди жителей Троицка о необходимости обучения дочерей.

Жизнь Мухлисы Буби резко изменилась в 1917 году. Это, конечно же, было связано с изменениями в стране в целом. Февральская революция, разрушив самодержавный режим, в одночасье раскрыла перед россиянами новые горизонты для осуществления их самых потаенных чаяний, широких надежд. Повсюду проводились митинги, демонстрации, всевозможные съезды — профессиональные, женские, религиозные и т.д. На них, как и везде в России, обсуждались важнейшие политические вопросы того времени: о войне и мире, о демократической республике и Учредительном собрании, о национальном равноправии и самоопределении... Остановлюсь лишь на решении I Всероссийского мусульманского съезда, изменившего жизнь Мухлисы Буби.

С 5 мая 1917 года на съезде началось широкое обсуждение проблем управления духовными делами мусульман России. Впервые самими мусульманами на альтернативной основе были избраны муфтий и шесть членов Центрального духовного управления мусульман (ЦДУМ) России.

На должность шести казиев на заседании 10 мая было выдвинуто 38 кандидатур. Четырнадцать из них были допущены к выборам. Среди избранных на заседании 11 мая оказались Салихджан Урманов (Уфа), Габдулла Сулейманов (Нижний Новгород), Кашшаф Тарджиманов (Казань), Худжателхаким Махмудов (Сибирь), Гумар Караша (Букеевская Орда). Все избранные представляли новаторское направление, что являлось доказательством того, что джадидисты не только сумели выжить в условиях преследования со стороны царского правительства, но и одержать победу над кадимистами.

Мало того! Исходя из принципа равноправия женщин, решался и вопрос об участии мусульманок в управлении духовными делами мусульман России. Среди кандидатов на должность казия были выдвинуты три женщины — Фахрелбанат Акчурина, Мухлиса Буби и Марьям Паташова. Избранной оказалась Мухлиса Буби, хотя она и не присутствовала на съезде. За ее избрание было подано 307 голосов, против проголосовало 280 делегатов. Насколько известно, это был первый и до сих пор единственный случай в исламском мире, когда женщина-мусульманка была избрана казией — судьей по шариатским делам.

Я.Халили писал по этому поводу в журнале «Сююмбика»: «Мы не знаем такого явления в исламском мире. Даже в являющейся исламским государством Турции, как нам известно, нет такого — женщины-казии. Это событие — избрание женщины казией — стало возможным лишь под влиянием женского съезда, под воздействием голоса женщин. Это факт, доказывающий конец затворничества женщин, равенство мужчин и женщин в делах и правах».

Так судьба Мухлисы Буби вновь круто изменилась — на этот раз решением Всероссийского съезда мусульман. Завершался троцкий период в ее жизни,

впереди — последний, уфимский период, полный надежд и разочарований, потерь и расставаний... Она приехала в Уфу к 15 июня, как и остальные члены избранного на московском съезде Духовного управления. Первым их делом было совещание, работавшее в Уфе с 15 по 21 июня 1917 года с участием 90 мударрисов и специалистов. Рассматривались следующие вопросы:

1) Определение типов и видов медресе, готовивших священослужителей для махалля (приходов).

2) Систематизация программ уроков для этих медресе.

3) Подбор учебников для них.

4) Формы контроля над медресе со стороны Духовного управления.

5) Пути материального обеспечения медресе.

6) Составление программы по богословию для государственных и общих школ.

7) Подготовка скорейшего издания «Журнала Духовного управления».

Было принято решение о создании трехступенчатой системы национального образования, включающего начальное, среднее и высшее образование. Совещание постановило преобразовать все существующие мусульманские начальные школы в шестилетние и включить их в общую школьную сеть России. Оно утвердило программы по богословию для шестилетней национальной начальной школы, а также для детей мусульман, обучающихся в государственных школах (восьмилетних гимназиях).

Медресе с семилетним курсом должны были составить вторую ступень обучения; для них был установлен круг изучаемых предметов, предполагающий, кроме глубокого изучения богословских дисциплин, обучение светским наукам в объеме, какой давался «в средних школах цивилизованных народов»; были определены и права выпускников медресе. Среди решений был и пункт о создании исламского университета, для чего мусульманам, которые должны были собраться на открытие новой мечети в Петрограде 15 августа, предполагалось предложить образовать специальную комиссию.

В последний день совещания члены его сообща вынесли решение (фетва) о возможности и необходимости непосредственной передачи обязательных для мусульман закята и садака в пользу мектебов и медресе, а также на благотворительные нужды. Его подписали два муфтия — Галимджан Баруди и Челеби Джихан (Крым), все шесть казиев Центрального духовного управления (среди которых и Мухлиса Буби) и около пятидесяти имамов, мударрисов и ахундов из разных регионов России (в том числе и «бывший имам и мударрис» Губайдулла Буби).

Итак, решения Уфимского совещания 15–21 июня 1917 года предлагали продолжать прежнюю линию культурно-национального движения, делавшего основной упор на религиозные и школьные проблемы. Однако развитие событий в стране очень скоро отодвинуло эти проблемы на второй план, выдвинув вперед задачи государственно-политического строительства. Самым серьезным и жгучим вопросом, обсуждение которого занимало столько времени и внимания на всех мусульманских съездах 1917 года, как отмечал Г.Исхаки, «был вопрос о будущей форме государственного устройства России», от решения которого зависело «и разрешение самого актуального в России национального вопроса».

1917–1918 годы, как известно, были очень сложными как для судеб страны в целом, отдельных народов, так и для судьбы каждой семьи, каждого человека. На него пришелся один из самых важных поворотных моментов в истории России, в истории татар. Если в истории России — это прежде всего Февральская и Ок-

тябрьская революции и приход к власти большевиков во главе с В.И. Лениным, то в истории татар — это созыв Национального собрания тюрко-татар внутренней России и Сибири — «Милләт меджлисе» — попытка национального самоопределения, воссоздания своей государственности.

Для подготовки его созыва на московском мусульманском съезде было избрано «Вакытлы милли идарэ (Временное национальное управление)» во главе с Садри Максуди. Местом пребывания Временного национального управления и всех его органов был избран город Уфа, возможно, потому, что там располагалось Духовное управление мусульман, вошедшее в качестве департамента религии (диния назараты) в состав Милли идарэ. Комиссия по просвещению при Духовном управлении была преобразована в самостоятельное управление просвещения при Милли идарэ.

Какова бы ни была причина, Уфа, переняв эстафету от Казани, осенью 1917 года стала центром национального движения, а Мухлиса и Губайдулла Буби волею судьбы оказались в самом его сердце. Мухлиса-абыстай, как казия, автоматически стала членом департамента религии. Губайдулла-эфенди, как член комиссии по просвещению, также автоматически стал членом назарата просвещения. Так двое из семьи Буби с самого возникновения Милли идарэ оказались в составе двух его назаратов и начали активную деятельность по установлению связей с религиозными и просветительскими учреждениями на местах (каждый по своему ведомству).

Мухлиса Буби приступила к работе в Духовном управлении 19 июня 1917 года. Один из первых самостоятельных шагов женщины-казии на своем посту вполне естественен — это обращение к мусульманкам России. Содержание же этого обращения непосредственно связано с решениями мусульманских съездов.

Среди резолюций Первого общемусульманского съезда была и резолюция о равноправии женщин. Это решение было принято неоднозначно еще на самом съезде. 10 мая за подписью 191 делегата был даже внесен протест против него, который съездом не был принят во внимание. Вернувшись на места, недовольные этим решением делегаты развернули агитационную кампанию, результатом чего стал шквал протестов с мест как на имя только что образованного Духовного управления, так и избранного съездом Центрального национального совета. Особое недовольство мужчин вызвал пункт, запрещающий многоженство. Как язвительно писал Я.Халили, даже солдаты с фронтов в массовом порядке отправляли свои протесты по этому поводу.

В результате Второй общемусульманский съезд вновь рассматривал женский вопрос и принял новую резолюцию, изменив решения Первого съезда. Резолюция Второго съезда по женскому вопросу гласила: «Выслушав доклад Оренбургского магометанского духовного собрания (доклад этот сделал кази Г.Сулеймани — А.М.) и принимая во внимание затруднения, испытываемые духовным собранием в женском вопросе, фракция женщин 2-го Всероссийского мусульманского съезда нашла необходимым изменить свое решение от 27 июля о том, что она не будет участвовать в обсуждении женского вопроса. Одновременно с этим, принимая во внимание возможность того, что невыясненность женского вопроса может повредить в эту историческую минуту нашему национальному и культурному движению, и боясь того, что темная часть населения во время выборов как в Учредительное собрание, так и в национальный парламент может действовать во вред нации, а также находя, что женский вопрос не является вопросом, затрагивающим интересы одних лишь женщин, а вопросом всей нации и ввиду чрезвычайной ответственности положения, женская фракция предлагает 2-му Всероссийскому мусульманскому съезду следующую резолюцию:

2-й Всероссийский мусульманский съезд находит необходимым немедленное проведение в жизнь постановлений 1-го Всероссийского мусульманского съезда по женскому вопросу, помимо вопросов о наследственном праве и праве свидетельского показания, и поручает Оренбургскому магометанскому духовному собранию действовать в женском вопросе согласно этому постановлению».

Так женщины доказали свою способность общенациональные интересы ставить выше женских и большее, по сравнению с многими мужчинами, умение находить решение сложных вопросов. Резолюция эта была принята, но потока протестов не остановила. Как бы в ответ на это казия М.Буби обратилась к девушкам и женщинам с призывом не соглашаться быть второй женой. Затем Духовное управление распространило особое постановление о многоженстве с перечислением всех условий, при строгом выполнении которых оно было возможно. Автором этого постановления также была М.Буби, но подписали его и муфтий Г.Баруди, и все шесть казиев.

Наряду с работой в назарате Мухлиса Буби принимала участие в создании в Уфе татарской национальной гимназии с правами и по программе русских государственных гимназий. В объявлении, помещенном в газете «Тормыш» (Жизнь) от 23 сентября 1917 года, от имени попечительского совета сообщалось о готовящемся открытии гимназии. Здесь были даны оценки татарским новометодным медресе, «выполнившим возложенные на них задачи». Указывалось, что «среди них были такие, как медресе Буби, подвергшиеся атакам врагов просвещения и старого самовластного правительства и вынужденные безвременно погаснуть, закрыться». Совет подчеркивал, что «благодаря этим медресе тюрко-татарский мир России сумел сохраниться сам, сохранить национальный дух, язык». Отмечалось также, что медресе, сумевшие сохраниться в условиях царизма, вносили изменения в свою деятельность соответственно требованиям времени, продолжают они и в условиях революции изменять свои программы.

«Однако сейчас из-за необходимости участия в таких органах, как земства и городские управы, в тюрко-татарском мире настолько увеличилась потребность в образованной молодежи, что только эти медресе, тем более по своей направленности уделяющие больше внимания религиозным потребностям, не могут удовлетворить нужды общества. Ибо ни в одном из наших медресе не поставлено и не может быть поставлено в необходимом объеме (обучение) государственному русскому языку, русской литературе, так необходимое и важнейшее в настоящее время», — обосновывалась в объявлении необходимость открытия гимназии.

Из сообщений той же газеты от 27 октября и 7 ноября видно, что гимназия начала работать 15 октября при 107 учащихся. Заведующим гимназией стал В.А.Кондаков, окончивший Казанский университет и до этого заведовавший педагогическими курсами, открытыми для мусульман Уфимским земством. Обучение велось на русском и татарском языках квалифицированными преподавателями; соответственно, среди них были как русские, так и татары. В частности, Мухлиса Буби без отрыва от своей основной работы казии стала преподавателем вероучения. Это также было первостепенной новостью: впервые женщина преподавала юношам вероучение!

Официальное открытие гимназии состоялось 3 ноября. Прибыло до 150 человек гостей, среди которых было много представителей татарской и русской интеллигенции, в полном составе муфтиат, попечитель учебного округа Гордлевский, городской голова и другие представители местной власти. На торжествах было много выступлений, поздравлений с началом великого дела и пожеланий успехов как руководству

гимназии и учащимся, так и нации в целом. Но работа этой гимназии оказалась недолгой: Октябрьская революция, гражданская война...

Объявление в газете «Юлдуз» от 26 июля 1917 года сообщало еще об одном начинании Мухлисы-ханум, на этот раз в области женского светского образования. В нем говорилось, что женская школа Усмановых в Уфе в 1917–1918 учебном году будет преобразована в дарелмуталлима (женскую учительскую семинарию) под управлением Габдуллы Буби. В связи с этим Мухлиса Буби просила редакцию газеты поместить следующее объявление: «Вступительные экзамены в дарелмуталлима будут проходить с 15 августа до конца месяца. На первый курс без экзаменов будут приняты девушки, окончившие шесть классов. Однако из-за того, что пока подобных школ нет, при дарелмуталлима открываются подготовительные курсы; в них будут приниматься девушки, окончившие четвертый класс джадидских школ. Желательно, при возможности, представить свидетельства об окончании начальной джадидской школы. Кроме того, необходимо умение читать и писать по-русски, пересказывать короткие легкие рассказы».

Сообщалось также о наличии при дарелмуталлима для приезжих со стороны девушек пансиона под руководством опытных воспитательниц; плата за год обучения устанавливалась в 35 рублей; указывалось, что поступающие в подготовительный класс должны быть не моложе 12 лет. Видимо, это было попыткой воссоздать знаменитую женскую школу Буби на новом месте. Если бы эта идея осуществилась, вся семья Буби снова собралась бы вместе, чтобы в новых условиях продолжить работу по созданию системы женского педагогического образования. Однако по неизвестным нам причинам открытие дарелмуталлимата, видимо, не состоялось.

Безусловно, одним из самых важных событий в общественно-политической жизни татар 1917–1918 годов была деятельность Национального собрания (Миллэт меджлисе), первого в новейшей истории татар органа парламентского типа, работавшего в Уфе с 22 ноября 1917 года по 11 января 1918 года. Выборы в него проходили в октябре-начале ноября 1917 года. По свидетельству анонимного автора брошюры «Зеркало депутатов», давшего характеристики депутатам по горячим следам работы Национального собрания, получили мандаты депутатов 94 человека; кроме того, на его заседаниях присутствовали и не избранные депутатами члены Милли идарэ, для которых были выделены специальные места, и другие лица.

Депутаты избрали Милли идарэ в составе трех назаратов (департаментов) Мухлиса Буби была вновь избрана членом департамента религии, а Губайдулла Буби — членом департамента финансов. Чтобы у читателя не сложилось впечатление, что выборы, вероятно, были формальными, так как они и до выборов уже работали в своих назаратах, скажу, что выборы проводились демократично, закрытым голосованием, и в члены назаратов проходили набравшие большинство голосов сначала при внесении в списки кандидатов, а затем и в министерство. Так, Мухлиса Буби шла третьей в списке вслед за Р.Фахрутдиновым, получившим 65 голосов при внесении в список и 76 голосов в ходе выборов при 10 голосах против, и С.Урмановым (64/64 — 12). Она набрала 51/60 голосов при 16 голосах против. Известный мударрис и богослов Зия Камали, например, получил всего лишь 35 голосов при внесении в списки, а при выборах — и того меньше.

Милли идарэ возникло в период, когда старая система управления страной была полностью разрушена, а новая — Республика Советов — еще только складывалась. «Хотя Национальное собрание тюрко-татар Внутренней России и Сибири и собралось, когда к власти в России пришли большевики, оно не нашло необхо-

димым определять свои позиции по отношению к режиму Советов, считая управление большевиков временным фактом. В то же время было ясно, что рано или поздно новая власть займется и Уфимским Милли идарэ и в один из дней посчитается с ним, — отмечал позже историк Г.Баттал, один из активных депутатов Национального собрания. — Так и случилось. Хотя вначале советские чиновники и не трогали Милли идарэ, после того как было подписано мирное соглашение в Брест-Литовске и сократились свободы для «расширения-углубления» революции внутри страны, началась беспощадная атака на национальные тюркские организации Казани и Уфы».

Национальное управление (Милли идарэ) и все подчиненные ему учреждения были ликвидированы постановлением Наркомнаца и Центрального татаро-башкирского комиссариата от 21 апреля 1918 года. Все их имущество, финансы и документы подлежали передаче в распоряжение Центрального татаро-башкирского комиссариата. Из трех его департаментов — назаратов с условием невмешательства в политику было оставлено лишь Духовное управление. Однако оказалось, что до окончательного установления новых порядков нужно было еще пережить гражданскую войну.

Летом 1918 года начались восстания против Советской власти, в результате которых значительная часть территории Поволжья и Приуралья, в частности Уфа, оказалась на несколько месяцев во власти Комуча (Комитета членов Учредительного собрания), приказом от 8 июня 1918 года объявившего Советскую власть низложенной и предлагавшего восстановить органы местного самоуправления. В этих условиях часть членов ликвидированного Советами Милли идарэ возобновила его деятельность.

Трудно сказать, какую позицию занимала Мухлиса Буби в годы гражданской войны, когда Уфа переходила из рук в руки. Известно лишь, что в 1918–1919 годах она находилась в Уфе и, видимо, продолжала трудиться на том поприще, куда направляла ее судьба. Вероятно, перед ней и ее братом, в чьей семье она жила, не раз вставал и вопрос о том, с кем быть, что делать. Особенно обострился этот вопрос в конце 1918 — начале 1919 года: при отступлении армии Колчака вместе с нею решило оставить Уфу и Национальное управление. Каждый его назарат, очевидно, решал самостоятельно, как поступить. Муфтия Г.Баруди в это время в Уфе не было, и членам Духовного управления самим нужно было решить, как им быть. Два члена высказались за уход из Уфы. Трое — Р.Фахрутдинов, К.Тарджиманов и М.Буби, считавшие, что муфтиат как религиозный орган не должен вмешиваться в политику, — остались, чтобы сохранить Духовное управление, судьба которого и так висела на волоске. Хочу подчеркнуть: то обстоятельство, что часть членов Духовного управления не покинула Уфу вместе с войсками Колчака, вероятно, не дало повода ретивым атеистам, новоявленным комиссарам разгромить его под этим предлогом.

После окончательного установления Советской власти в крае членам Духовного управления, в том числе и Мухлисе Буби, необходимо было наладить его работу, приспособившись к новым условиям. Они все же надеялись, что удастся наладить руководство религиозной жизнью народа и при новой власти, и решили собрать для этого съезд религиозных деятелей. «Уже давно была цель собрать мухтасибов, дать им соответствующие инструкции, познакомиться с настроениями людей. До сих пор не удавалось осуществить этот замысел. На этот раз было решено весной организовать всеобщий съезд. Тем более что и местные коммунисты относились к этому положительно», — описывал дальнейшее развитие событий Г.Баруди в своей «Памятной книжке».

Съезд весной собрать не смогли. Он работал осенью, с 16 по 25 сентября 1920 года.

Среди обсуждаемых вопросов были: отчет Духовного управления о проделанной работе, обсуждение функций Духовного управления, мухтасибов, планов их работы, о подготовке религиозных служителей для приходов, ознакомление с декретами Советского правительства, выборы нового состава Духовного управления.

«Кроме вышеозначенных пунктов, необходимость съезда доказывали следующие обстоятельства:

1) Духовному управлению нужно ближе познакомиться с народом и правильнее понять его мысли.

2) В такое время, когда упал дух, угасла радость, мусульманское общество должно хоть немного воспрянуть духом. Познакомятся, пообщаются друг с другом, обменяются мнениями, извлекут пользу для религии и нравственности.

3) Была надежда, что если народ бодро, активно соберется, выявит свою стойкость и правильный взгляд в веру, это в свою очередь будет бесполезно в политическом отношении», — объяснял муфтий подспудные причины созыва съезда.

В работе съезда участвовало от 150 до 350 ученых-богословов и духовных лиц. «Сохранение Духовного управления в условиях политических столкновений, противодействия революционного правительства, соблюдение нейтралитета, сохранение здания Управления, несмотря на многочисленные перипетии, можно считать огромной заслугой в глазах честных людей. Большинство участников съезда прекрасно это представляло и признало. Вдобавок оперативно решались официальные дела. Каких-то закулисных интриг не было», — подвел итоги обсуждения отчета Управления муфтий.

Не останавливаясь подробно на содержании дальнейшей работы съезда, коснусь лишь проблемы выбора нового состава Духовного управления. Г.Баруди сообщал в своей «Памятной тетради», что сам он хотел отказаться от должности муфтия: «У меня есть и личная заинтересованность в этом съезде: я намерен попросить у народа своего освобождения от службы... Оправдание мое в том, что мне нужен отдых, научно-проповеднические труды для меня сподручнее. Вопрос о путях школьных реформ заглох. Главное, к чему я стремился, заключалось именно в этом. Сейчас мне трудно доводить до конца ожидаемые от меня труды». Но это ему не удалось.

24–25 сентября состоялись выборы. Уже при выдвижении кандидатур на пост муфтия Г.Баруди получил 257 голосов, М.Бигиев — 29, Р.Ибрагимов — 11, З.Камали — 10. «Как только стали известны результаты, эти трое объявили съезду, что снимают свои кандидатуры» — записал Г.Баруди. При избрании казиев Р.Фахрутдинов получил 295 голосов «за» и 14 — «против», К.Тарджиманов — 281–29, М.Буби — 207–98, Гиният Капкаев — 168–145, Хаджи Гали — 65–193 голоса соответственно. «Примечательное явление — избрание Мухлисы-ханум. Судя по тому, что говорили многие, и по ходу съезда, ее повторное избрание казалось невозможным. И сама она, понимая это, подала заявление об уходе из общей комиссии, — подчеркнул муфтий. — Но женщины активизировались и высказали президиуму пожелание избрать ее или кого-нибудь из других женщин, подали такое заявление... В конце концов большинство, чтобы не допустить взрыва возмущения, выразило согласие на ее избрание». Так Мухлиса Буби вновь была избрана казией.

Мухлиса-абыстай, оставшаяся в Уфе одна после отъезда семьи брата в Казань в 1923 году, переехала в квартиру при муфтияте и полностью отдалась работе. Она быстро заработала авторитет и известность. О ее справедливости, честности в народе слагались легенды. Именно к ней, в Уфу, за сотни верст, в поисках защиты и справед-

ливости стекались тысячи обездоленных, угнетенных женщин и находили у нее помощь и понимание. Не зря она и на последующих мусульманских съездах неизменно переизбиралась и в течение 20 лет, до трагического конца, активно работала на своем нелегком посту, была правой рукой муфтия Р.Фахрутдинова.

Известно, что Мухлиса Буби в первые годы руководила отделом по семейным делам, а позднее была секретарем Духовного управления. Вот как охарактеризовала она свою работу во время допроса 21 сентября 1930 года: «Работала в отделе «семейный», т.е. вела линию, регулировала семейно-бытовые вопросы, вела борьбу с многоженством, [...] вела разъяснительную работу среди женщин о ее равных правах с мужчинами. В дни Октябрьской революции и последующие периоды постоянно находилась при Духовном собрании».

Как видно из материалов III съезда мусульманского духовенства и верующих Внутренней России и Сибири, состоявшегося в Уфе в конце 1926 года (эти материалы были опубликованы в журнале «Гасырлар авазы — Эхо веков»), «работа этого отдела сводилась:

1. К ведению метрических книг.
2. Регулированию семейных дел.
3. Работе по обращению в ислам.
4. Работе по определению фетвы (приговора по шариату — А.М.).
5. К ведению книги протоколов.
6. К регистрации и разноске бумаг.
7. К рассмотрению и направлению бумаг по отделам.
8. К упорядочению дел библиотеки».

Перечисление показывает, что деятельность отдела была весьма обширной и разноплановой, требовала знаний и умения работать с людьми. О большой работе, проводившейся непосредственно Мухлисой Буби, говорят еще 2 момента из этих материалов:

1. При обсуждении отчетов кем-то из делегатов был задан вопрос: «Почему Мухлиса Буби не посылалась на места для проведения работ по вверенному отделу?» Ответ: «Из-за перегруженности ее работой здесь и преклонности лет».

2. Известный богослов, философ и общественный деятель Муса Бигиев говорил в своем выступлении: «Абдулла Сулейманов восхвалял Мухлису Буби, говоря, что она сделала весьма многое; выходит: она сделала больше, чем все остальные казии — пожалуй, это и в действительности так». И саркастически заметил: «Оказывается, революция превратила единственную у нас женщину в сильного работника, а мужчин — наоборот».

По всей видимости, и остальные делегаты этого съезда нашли работу М.Буби вполне удовлетворительной: во время выборов членов ЦДУМ она собрала больше всего голосов — 434, тогда как остальные члены (мужчины) собрали от 272 до 358 голосов каждый.

Мухлиса Буби выступала с публикациями в журнале «Ислам мәжәлләсе (Исламский журнал)», выходившем в 1924–1927 годах при ЦДУМ, составляла фетвы, выступала арбитром по семейным проблемам. Некоторые из ее статей не потеряли актуальности и сегодня, спустя десятки лет. Например, в статье «Женщины в мире ислама», проследив роль женщины в семье и обществе с эпохи первоначального ислама, она останавливалась и на задачах, стоявших перед современной ей женщиной.

По ее мнению, наиважнейший долг женщины — сохранение традиций и род-

ного языка: «На сегодня мы имеем язык, при помощи которого можем не только выполнять повседневные нужды. Это также и язык религии и науки. Даже если в нем много слов, вошедших из других языков, они уже наше достояние... Следовательно, мы имеем очень хороший зрелый язык... Но в последнее время, даже в деревнях наблюдается слишком частое и неумелое использование русских слов... Пусть наш народ знает по-русски, если сможет, пусть знакомится и с другими языками, знание очень нужно, но нельзя, разговаривая на родном языке, использовать к месту — не к месту, нужно — не нужно, слова из других языков». Эти слова и сегодня звучат не менее актуально, чем тогда, когда они были написаны.

Репрессии, обрушившиеся на татарскую интеллигенцию в двадцатые-тридцатые годы XX века, не обошли стороной и Мухлису-абыстай, несмотря на свои преклонные года продолжавшую трудиться в Духовном управлении. В первый раз с представителями органов НКВД ей пришлось встретиться 21 сентября 1930 года, когда ее допрашивали в связи с обвинением в незаконном хранении золотых монет и ценных вещей по статье 59 Уголовного кодекса. Все, что она хранила, намереваясь совершить хадж в Мекку, было конфисковано. На этот раз обошлось без ареста.

Во второй раз не обошлось... «В начале ноября 1937 года в одном из отделов УГБ НКВД была составлена секретная справка по Башкирии, в которой было указано, что «Бобинская является участницей контрреволюционной буржуазно-националистической повстанческой организации, вскрытой в Башкирии. Она активно проводит контрреволюционную националистическую работу, осуществляя связь с контрреволюционной организацией, с иностранными разведками... Бобинская поджигает аресту и привлечению к ответственности по статье 58 пункты 2, 6, 10, 11 Уголовного кодекса РСФСР». Дверь тюремной камеры была уже перед ней раскрыта, судьба — предreshена. 20 ноября ее увезли в следственную тюрьму прямо из здания ЦДУМ», — пишет С.Рахимов, опубликовавший материалы следственного дела Мухлисы Буби в качестве приложения к статье под названием «Виновой себя не признала» в журнале «Гасырлар авазы — Эхо веков», №1/2 за 2000 год.

Исследователь подчеркивает: «Протоколы допроса М.Бобинской очень скудные в своей информационной части. Все чудовищные обвинения, которые ей приписывали, она напрочь отрицала. На следствии Мухлиса держалась мужественно и гордо, ни одно имя не прозвучало из ее уст. Однако на ее честное имя наводили напраслину в многочисленных протоколах других подследственных, арестованных в Казани, Уфе, Москве, Ташкенте, Баку и других городах. Слишком заметной и авторитетной была фигура М.Бобинской среди мусульман СССР, поэтому следователи для придания большей убедительности своему очередному кровавому «детективу» включили секретаря ЦДУМ М.Бобинскую в число организаторов якобы существовавшей «повстанческой контрреволюционной организации».

В подтверждение приведу отрывки из материалов допросов.

1) от 21 ноября 1937 года: «Вопрос: *Перечислите всех ваших знакомых, проживающих в г.Уфе.*

Ответ: *Я в городе Уфе знакомых совершенно не имею. Никто мою квартиру не посещает, так же я и сама ни к кому не хожу, за исключением тех мулл, кто приезжает с деньгами приходов в ЦДУМ, которых я вижу только в управлении, которые мне как секретарю сдают деньги. Эти муллы никогда в моей квартире не бывают. Более я никакой связи ни с кем в Уфе не имею».*

2) от 28 ноября 1937 года: «Вопрос: *Вы являетесь участником буржуазно-националистической повстанческой организации. Следствию известна вся ваша*

контрреволюционная деятельность. Предлагаем по этому вопросу дать показания.

Ответ: *Я ни в какой контрреволюционной организации не состояла и не состою. Протокол записан с моих слов верно и мною прочитан, в чем я и расписываюсь».*

Блестящий педагог, более 20 лет отдавшая делу распространения женского образования среди мусульманок России, авторитетнейшая казия Центрального духовного управления мусульман, прослужившая верой и правдой на этом посту еще 20 лет, Мухлиса Буби на заседании «тройки» НКВД Башкирской АССР 30 ноября 1937 года была обвинена в участии в «контрреволюционной повстанческой националистической организации Башкирии» и приговорена к расстрелу. 68-летняя Мухлиса-абыстай была расстреляна 23 декабря 1937 года. Вместе с ней были казнены еще шесть духовных лиц. Все они постановлением Президиума Верховного суда Башкирской АССР от 23 мая 1960 года были реабилитированы «за отсутствием состава преступления».

Такова судьба замечательной женщины беззаветно, как и ее братья, подвижнически служившей делу просвещения народа. Не сломавшись после разгрома их детища — медресе Буби, — они вновь и вновь возобновляли свою просветительскую деятельность, уверенные, что только неустанный труд на ниве просвещения принесет благо народу, поможет ему освободиться от мракобесия и косности. Несмотря на то, что действительность неоднократно уничтожала их надежды, они до последнего дыхания оставались верны своим идеалам, тому пути, который выбрали в молодости.

Итак, что мы видим — исключение, только подтверждающее правило, уникальное явление, объясняемое неординарной личностью самой Мухлисы Буби? Или этот феномен есть проявление татарского джадидизма, в условиях революции и создания нового общества, нового государства пытавшегося осуществить свои идеалы и перестроить все стороны жизни татарского общества, в том числе и отношение к роли женщины в этой жизни? Справедливо и то, и другое. И очерк этот является попыткой отдать дань этой феноменальной личности, склонить голову перед ее светлой памятью.

Возникновение татарского театра и первые актрисы

Созвездие имен — история хранит их...

М.Музаффария

22 декабря 2006 года исполняется сто лет татарскому национальному театру. В течение короткого времени поднявшийся до высот профессиональных театров, послуживший примером родственным тюркским народам в создании их национального театрального искусства, татарский театр вот уже на протяжении века верно и самоотверженно трудится во благо своего народа. И наш священный долг — достойно встретить его столетний юбилей, вспомнить его историю, людей, стоявших у его истоков.

К тому же и тема обязывает: трудно представить книгу, посвященную замечательным подвижницам — женщинам начала XX века, без очерка о первых татарских актрисах, без самоотверженного труда которых невозможно представить историю не только татарского театра, но и театров большинства тюркских народов.

Театр — искусство, прежде всего, городское. Татары имели крупные общины в ряде городов Поволжья и Приуралья. И хотя эти общины, пытаясь сохранить мусульманские традиции и привычный уклад, жили довольно замкнуто от окружающего их русского бытия, так или иначе они соприкасались с русским миром, вступали с ним в различные сношения. Учебные заведения, публичные театральные представления и т.п. явления, присущие русской городской жизни, вызывали интерес, притягивая к себе наиболее любознательных из татар. Еще в первой половине XIX века Карл Фукс отмечал: «Татары охотно принимают участие и в наших публичных увеселениях, в театрах и маскарадах».

Зарождение интереса к профессиональному театру, естественно, прежде всего связано с той частью татарского общества, которая вместе с русским (европейским) воспитанием и образованием получила и возможность знакомства с театральным искусством. Представители таких «благородных» татарских фамилий, как, например, Алкины, уже в середине XIX века считали престижным для себя иметь абонементы в театре, а во второй половине века стали вывозить в театр и женщин. Конечно, те татары, которые бывали в театре, могли лишь мечтать о времени, когда и у них появится свой театр. Нужно сказать, что мысль о татарском театре уже тогда витала в воздухе.

Во второй половине века под влиянием просветительских идей необходимость театра для татар становилась очевидной. Появились первые пьесы — «Несчастливая девушка» Г.Ильяси, «Комедия в Чистополе» (она была опубликована без указания имени автора) и другие. Есть сведения, что пьесу Габдрахмана Ильяси уже в 1887–88 годах ставили на домашней сцене в его доме. Конец XIX века — это время, когда русский театр начали посещать не только члены дворянских и чиновнических семей из татар, но и средние слои — купеческая молодежь, учащиеся Казанской татарской учительской школы (в дальнейшем — КТУШ) и даже шакирды медресе.

Писатель Гаяз Исхаки (1878–1954), в 1893–97 годах шакирд Приозерного медресе в Казани, в своей автобиографии так описывал свое первое посещение театра: «Когда я еще совсем не знал по-русски, первый раз пошел в русский театр Казани. Смотрел пьесу «Блуждающие огни». Хотя я не понимал языка, следил за формой и содержанием и понял важность и необходимость литературы театрального типа. Уверенный, что и у нас должны быть театральные произведения, воодушевленно написал пьесу «Жизнь с тремя женами». Его и другие написанные до него произведения сочинял под влиянием турецкой литературы».

Итак, от посещения русского театра до создания (точнее было бы — желания создать) своих пьес, как видим, — расстояние небольшое. Но на деле оно, конечно, было несколько больше. Вероятно, Гаяз Исхаки первое знакомство с театром (а оно состоялось, видимо, не позднее 1897 года), даже при незнании им русского языка, просто ошеломило. И он наверняка неоднократно побывал в русском театре, где, как он отмечал, «следил за формой и содержанием», прежде чем в 1900 году появилась его первая пьеса.

Другой результат посещений русского театра шакирдами — рост интереса к изучению русского языка. Вот как об этом вспоминал другой драматург, Галиасгар Камал (1879–1933): «Театр интересен, но я плохо знаю русский язык; не могу понять содержание. Однажды было поставлено «Садко». Мой товарищ за полтинник приобрел где-то эту книгу, и мы, вдвоем с ним, раскрыв перед собой словарь Насыри, начали читать. В то время я изучал русский язык у Миргаяза

Иманаева и нередко просил его разъяснить нам слова, которых не было в словаре или смысл которых мне был непонятен. Так, хотя и с трудом, я стал понимать «Садко». В медресе мы с товарищами неоднократно перечитывали «Садко» и с каждым разом все больше понимали его».

У тех же из татар, которые русский язык знали хорошо, появилось свое стремление — самим попробовать ставить пьесы. В конце века не только в русских, но и в татарских частных домах во время праздников стали организовываться литературно-музыкальные вечера, играть небольшие сценки. Это были известные в Казани «благородные» дома Алкиных, Ахмеровых, Терегуловых, Габитовых, Аитовых, Саиновых, где росли дети, обучавшиеся в гимназиях, реальных училищах, университете и т.д. Главы этих семей были представителями той немногочисленной татарской интеллигенции, которая получила среднее или высшее профессиональное образование в государственных учебных заведениях, были чиновниками на государственной службе и тесно общались с представителями русского общества как по службе, так и вне службы.

Например, Ибрагим Валиуллович Терегулов (1852–1921). Он родился в семье мелкого чиновника уездного суда в городе Белебей Уфимской губернии. Окончив в Уфе гимназию, в 1874 году поступил в Казанский ветеринарный институт. Уже в гимназические годы подрабатывавший репетиторством Ибрагим, став студентом, одновременно работал учителем русского языка в русских классах при казанских медресе, а с момента открытия КТУШ стал там внештатным преподавателем русского языка. В течение сорока лет (1876–1915) преподавал в КТУШ естествознание. После окончания института в 1878–1887 годах вольнослушателем прослушал курс лекций по естественным наукам при физико-математическом факультете Казанского университета.

В 1884 году он женился на Бибигайше (1868–1940), дочери известного каллиграфа, мастера книжной миниатюры, педагога-просветителя Мухаммад-Гали Махмудова (1824–1891). М.-Г.Махмудов, в течение многих лет преподававший восточную каллиграфию в университете и первой мужской гимназии, принимал самое активное участие в создании КТУШ, в 1876–1881 годах был его инспектором (директором). Бибигайша-ханум, получившая хорошее по тем временам домашнее образование и с детства знакомая с русским языком, продолжала совершенствовать его под руководством мужа.

С 1897 года И.Терегулов приступил к переводу, составлению и изданию художественных и научно-популярных книг на татарском языке, одним из первых начав издавать переводы на татарский язык не только произведений известных русских писателей Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Крылова, но и популярных брошюр по сельскому хозяйству, ветеринарии, медицине, естествознанию. Ибрагим-эфенди привлек к переводческому труду и свою жену. Бибигайша-ханум оказалась достаточно подготовленной к этому трудному делу. Уже к началу XX века она стала известна как переводчица произведений русских писателей и писательница.

В 1897 году отдельной брошюрой было опубликовано первое ее произведение — «Рассказ солдата» (знаток татарской книги А.Г.Каримуллин считал, что это перевод одного из рассказов Л.Толстого, но литературоведы пока не смогли определить, какого именно). Вторая ее книга рассказов с подзаголовком «Подарок детям» увидела свет в 1904 году. Она и в дальнейшем занималась переводами. Например, известно, что в 1915 году переведенная ею пьеса А.Н.Островского «Без вины виноватые» была поставлена в Казани труппой «Сайяр», а ее дочь Мадина исполняла в ней одну из ролей.

И.Терегулов был членом общества естествоиспытателей при Казанском университете, одним из создателей и активных членов правления «Общества пособия бедным мусульманам г. Казани», возникшего в 1898 году. С 1902 года при обществе под его руководством работала бесплатная мусульманская амбулатория. В годы первой революции в России, когда стали открываться народные университеты, устраиваться публичные лекции и чтения, при деятельном участии Ибрагима Терегулова стали организовываться публичные лекции и для татар. Сам он читал лекции по медицине и естествознанию.

Бибигайша и Ибрагим Терегуловы жили дружно, вырастили пятерых дочерей, из которых Амина (1887–1975) и Мадина (1892–1984) принимали активное участие в становлении татарского театра. В их доме находили радушный прием и моральную (иногда и материальную) поддержку студенты-мусульмане. Ни одно культурно-просветительское начинание в общественной жизни Казани начала XX века не проходило без их участия. Все концерты, спектакли, вечера, организуемые татарской интеллигенцией, невозможно было представить без семьи Терегуловых: как правило, Ибрагим Валиуллович был ответственным распорядителем этих вечеров, а члены его семьи самыми активными участниками и организаторами их.

Пожалуй, неменьшую роль в становлении общественной жизни и, в частности, зарождении татарского театра сыграли дома Ахмеровых, Габитовых, Саиновых. Именно с домом Габитовых связана организация известных нам первых спектаклей на татарском языке в Казани. Его глава, Шарафетдин Габитов, из ташкентских купцов, многие годы служил драгоманом (переводчиком) при российском консульстве в Кульдже (Восточный Туркестан, Китай). После его смерти в начале XX века его жена Гафифа и дети Гариф, Исмагил, Зайнаб, Рабига переехали в Казань. Их дом на Первой горе (ныне улица Ульяновых, дом 31), наряду с домами Ахмеровых, Терегуловых, Саиновых, очень скоро превратился в своеобразный клуб прогрессивной татарской молодежи, учившейся в высших и средних русских учебных заведениях Казани и стремившейся не только приобщиться к русской и западноевропейской культуре, но и познать свои корни.

В 1903 году эта группа татарской молодежи объединилась с целью обсуждения животрепещущих вопросов татарской жизни и новинок татарской литературы. Первое занятие кружка состоялось осенью 1903 года в субботу в доме Ахмеровых. Участвовали в нем Суфия, Сара и Ильяс Ахмеровы, Зайнаб, Рабига, Гариф и Исмагил Габитовы, Амина и Мадина Терегуловы, Фатима-Зухра, Зайнаб и Султан Саиновы и их друзья. Было решено, что заседания будут проводиться в одном из этих четырех домов поочередно каждую субботу. И кружок поэтому получил название «Шимба (Суббота)».

В статье «В связи с десятилетием нашей сцены», опубликованной в 1916 году в журнале «Анг» (Сознание), известный писатель Фатих Амирхан вспоминал: «Была осень 1903 года. Татарская молодежь, обучавшаяся в то время в русских учебных заведениях Казани, составила кружок и собиралась еженедельно вечером в субботу на квартирах нескольких интеллигентных семей. На этих вечерах читались произведения на русском языке, имевшие отношение к исламу и кое-что из русской литературы. Иногда зачитывались и обсуждались доклады, написанные членами общества на разные темы».

Рабига Габитова в своих воспоминаниях, написанных в 1952 году и хранящихся в фондах Государственного музея РТ, также отмечала: «В конце 1903 — начале 1904 года по инициативе ученика Казанской художественной школы Измаила и

брата его Гарифа Габитовых организовался кружок учащихся молодых мусульман». Указав, что «они были более знакомы с русской и западноевропейской литературой и мало или почти не уделяли внимания родной литературе, были как-то оторваны от нее», она подчеркнула, что постепенно выработалась основная цель кружковцев — «изучение художественной литературы мусульманского Востока, главным образом, татарской литературы».

Характеризуя членов кружка, Ф.Амирхан пояснял: «В то время татарские юноши и девушки, учащиеся в русских школах, за редким исключением, не умели читать и писать по-татарски. Поэтому некоторые члены кружка, стремящиеся придать ему национальный вид, пригласили одного-двух шакирдов медресе, чтобы они знакомили членов кружка с вещами, написанными по-татарски. С этого времени на заседаниях кружка начали знакомиться с национальной художественной литературой». Этими шакирдами были сам Фатих Амирхан и Гарифджан Мустафин, а также хальфа (учитель) медресе «Мухаммадия» Гимад Нугайбеков.

Ф.Амирхан еще на рубеже веков стал одним из лидеров шакирдов медресе «Мухаммадия». В 1901 году они образовали общество под названием «Иттихад (Единение)», основной целью которого было объединение шакирдов для борьбы за реформу медресе. Члены общества издавали рукописную газету «Ал-магариф (Просвещение)», создали литературно-музыкальный кружок. Г.Мустафин и Г.Нугайбеков также были активными членами этого кружка. В декабре 1902 года они организовали первый литературный вечер с обширной программой.

Но вернемся к кружку «Шимба» и его членам, которых обычно называли «шимбачеляр» (субботяне). Поначалу на его заседаниях высказывались, читали рефераты лишь мужчины-гимназисты или студенты, начинающие писатели или служащие, а девушки только слушали. Постепенно ситуация менялась: девушки смелели, набирались опыта, а затем и сами стали готовить рефераты и участвовать в дискуссиях. Споры шли вокруг тех же проблем, какими была занята литература того времени: роль образования и просвещения в прогрессе или регрессе нации, раскрепощение личности (и женской тоже), воспитание нового человека, и в частности, воспитание детей в семье и т.д. Иногда обсуждение было таким, что даже простое упоминание слов «нация», «прогресс», «свобода» вызывало бурю споров, восторженных обсуждений.

«Каждое собрание начиналось чтением и разбором избранной на этот день литературы, потом — чаепитие и разные развлечения, как на всяких вечеринках. В 12 часов расходились по домам», — вспоминала Р.Габитова. «На заседаниях этого кружка, объединявшего татарскую молодежь, обучавшуюся в русских школах, и стремившегося втянуть ее в татарскую жизнь, не только читали и обсуждали разные произведения. Нашлось время и для вполне приличных и безмятежных игр. Было весело, оживленно и очень душевно. Если не ошибаюсь, в этом кружке в разное время было от двадцати до тридцати членов», — рассказывал и Ф.Амирхан.

В кружок, кроме уже названных лиц, в разное время входили также Мулла-нур и Набиулла Вахитовы, Суфия, Гафур и Каюм Кулахметовы, Гайша Богданова, Марьям и Газиз Губайдуллины, Хадича и Хусаин Ямашевы, Шариф Сунчелей, Шакир Мухамедьяров, А.Мамлеев, Х.Галимов и другие. По сведениям Р.Габитовой, к концу 1904 года в кружке «Шимба» было уже 39 человек — 10 студентов, 2 ученика художественной школы, 3 гимназиста, 7 гимназисток, 6 реалистов (учащихся реального училища), 4 шакирда и др.

«После того, как разок поставили домашний спектакль на русском языке, этот

кружок учащихся зимой 1903 года счел необходимым поставить домашний спектакль и на татарском языке. Тогда на татарском книжном рынке театральных книг почти не было; а то небольшое, которое имелось, было переводом с турецкого или подражанием ему. Написанные же для театра произведения господина Г.Камала были неудобны для игры в бумажных декорациях частных домов, — указывал Ф.Амирхан. — Первая татарская постановка этого кружка состоялась в квартире Гафифы-ханум Габитовой на Первой горе. Если не путаю, поставили «Жалкое дитя». Более половины игравших нуждались в помощи со стороны даже для того, чтобы правильно прочитать роли, а некоторые даже при оказанной помощи не могли правильно произносить слова».

«Жалкое дитя» — это произведение турецкого писателя-просветителя Намыка Кемаля (1840–1888), переведенное Г.Камалом и изданное в 1900 году. И это был первый известный нам спектакль на татарском языке, пусть на домашней сцене, в котором вместе играли юноши и девушки (в мусульманском обществе тогда трудно было представить их совместное участие в спектакле; впрочем, в средние века и на Западе женские роли в театральных постановках исполнялись мужчинами). По воспоминаниям Р.Габитовой, на нем присутствовало около 50 человек родственников и друзей кружковцев. «Все же первый татарский спектакль был сыгран с большим подъемом и любовью. И несмотря на небольшой размер помещения и тесноту, уважаемые лица, приглашенные в большом количестве в гости, приняли игру с любовью и удовольствием», — отмечал и Ф.Амирхан, принимавший самое активное участие в этой постановке.

Вскоре окрыленные первым успехом кружковцы поставили еще один спектакль, на этот раз по пьесе турецкого автора Г.Хамита (1852–1937) в переводе Г.Карама «Горе от любви». В письме к другу Ризвану Алуши от 9 февраля 1904 года Ф.Амирхан заметил: «В начале зимы вместе со студентами и гимназистками мы сыграли два спектакля на татарском языке. Один — «Жалкое дитя», другой — «Горе от любви». Я играл Халиля в пьесе «Жалкое дитя» и Габдулсамата-эфенди в «Горе от любви». Народ оказал должное внимание и одобрение». После этого кружковцы в квартирах Габитовых и Ахмеровых не раз повторяли эти спектакли.

«Таким образом театральные постановки на татарском языке превратились в одно из любимых занятий кружковцев. Естественно, основными игроками были те из кружковцев, кто лучше владел татарским языком и лучше знал татарскую жизнь. Те же, кто находился несколько в стороне от этой жизни, сами по себе обрабатывались здесь, незаметно втягиваясь в эту среду, — указывал Ф.Амирхан. — Когда речь идет об этом периоде татарской сцены, невозможно не вспомнить как первых участников и успешных исполнителей семью Габитовых, вообще семью Ибрагима-абзый Терегулова и детей покойного Ш.Ахмерова».

Шахбазгирей Ахмеров и учителя русского языка и словесности КТУШ сыграли большую роль в сближении с театром и другой части татарской молодежи — учащихся КТУШ. Надо отдать им должное — преподавание словесности было поставлено хорошо. Учителя сумели привить учащимся любовь к русской литературе. Они не только рекомендовали учащимся литературные произведения для чтения, давали заучивать наизусть стихи и прозу. Практиковалось чтение драматических произведений по ролям.

А на рубеже XIX—XX веков дело дошло и до организации спектаклей. Вафа Бахтияров, в то время шакирд медресе «Мухаммадия», писал в воспоминаниях, посвященных Фатиху Амирхану: «Каждую зиму в Татарской учительской школе

к пасхе и рождеству ставились спектакли на русском языке. Каждый год показывали знаменитого «Ревизора»... Шакирды «Мухаммадии» приходили в качестве зрителей». Объяснялось это тем, что среди учащихся КТУШ к концу XIX века было уже немало бывших шакирдов, которые продолжали общаться с друзьями, оставшимися в медресе.

Татарское общество того времени — это фактически два мира, представлявшие Восток и Запад, две цивилизации. И если члены кружка «Шимба» представляли западный, а шакирды «Мухаммадии» — восточный миры, то учащиеся КТУШ в большинстве своем находились как бы посередине. Получается, что представители мусульманской и европейской цивилизации в татарском обществе, жившие обособленно друг от друга, нашли общую точку соприкосновения, общий интерес — театр. И он способствовал дальнейшему культурному сближению, а Ф.Амирхан и другие стали как бы связующим звеном между шакирдами и европейски образованной молодежью.

Видимо, по примеру членов кружка «Шимба» и учеников КТУШ и шакирды задумали поставить спектакль. Они уже имели опыт проведения литературно-музыкальных вечеров и смотрели на пьесу как на средство воспитания человека, орудие исправления нравов. Для постановки выбрали первое произведение Г.Камала «Несчастный юноша». Приспособив пьесу к своим возможностям, шакирды начали репетиции в одном из номеров гостиницы «Сарай».

Долгожданное событие случилось в один из четвергов в декабре 1903 года. Вечером, когда дамеда Г.Баруди и хальфы отправились в гости, в коридоре третьего этажа медресе соорудили нечто вроде сцены, и перед зрителями (было 15–20 шакирдов) развернулось действие. Из воспоминаний известны нам и имена его участников: Ибрагим Амирханов, Вафа Бахтияров, Султан Рахманкулов, Халил Абулханов. Естественно, и женские роли играли юноши — ими были Габдрахман Мустафин и Касим Габдуллин. Фатих Амирхан организовывал постановку, т.е. делал все то, что сейчас делают сценарист, режиссер-постановщик, суфлер, гример и т.д.

В апреле 1904 года «труппа», воспользовавшись болезнью даemelлы, сыграла в медресе еще один спектакль. Но так как стены медресе не подходили для «театральной» деятельности, шакирды перенесли спектакли в дом Вахита-муэдзина из Новотатарской слободы, чей сын, Махмуд Алиев (1889–1920), также был шакирдом «Мухаммадии» и активным членом группы «Иттихад». Успех окрылил «артистов», и они расширили свой репертуар, поставив еще две пьесы — «Несчастная девушка» Г.Ильяс и «Опровержение несчастной девушки» Ф.Халиди. Так, с зимы 1903–04 годов в Казани началось увлечение «домашними» спектаклями. Хотя вместимость помещений была небольшой (максимум на 20–50 человек), эти представления способствовали появлению любителей театрального искусства и создавали почву для зарождения публичных постановок. Не только учащаяся молодежь, но и причисляющие себя к сторонникам прогресса взрослые были не прочь посетить эти представления.

При этом на спектакли в домах Ахмеровых и Габитовых, как правило, приглашалась «благородная» публика, а в дом Вахит-муэдзина, хотя и с опаской, приходили шакирды, приказчики и другие жители татарских слобод. Разговоров же об этих постановках было еще больше, чем зрителей. Вероятно, нелишне будет напомнить, что участие в представлениях не только в качестве «артистов», но и в качестве зрителей требовало от молодых людей и смелости, и мужества, ибо это было вызовом старому миру. Можно сказать, что уже эти первые, «домашние» театраль-

ные постановки способствовали пробуждению татарского общества, производя не меньшую «революцию в умах», чем новая литература и джадидистские школы.

Освободительные ветры первой русской революции позволили татарскому обществу не только широко поставить многие вопросы национального возрождения, но и приступить к их практическому решению. «С 1905 г. в среде татар Поволжья стало усиленно развиваться национальное оживление, получившее религиозную окраску и выразившееся в устройстве мечетей даже в небольших деревнях, и в открытии школ, и в издании литературных произведений, — подчеркивал председатель Совета министров России Петр Столыпин в доверительном письме обер-прокурору Синода Сергею Лукьянову от 19 сентября 1909 года. — ...Повсеместно у татар возрос интерес к просвещению, стремление к сознательной жизни, к национальному самоопределению».

Продвинулась дальше и «театральная» деятельность как в Казани, так и в других центрах культурной жизни татар. «Кажется, весной 1905 года, для расширения этих «домашних постановок» и в некотором роде использования их для общения, для объединения, была проявлена некая инициатива: в здании русско-татарской женской школы, разместившейся в доме Алкиных на Екатерининской улице, была поставлена пьеса под названием «Несчастливая девушка». Для просмотра было приглашено около сорока зрителей. Это уже можно считать частичным выходом татарского театрального действия на публику», — отметил Ф.Амирхан в уже цитировавшейся статье.

Пьеса эта принадлежала перу Г.Ильясина и была первой по времени опубликованная (1887) татарской пьесой. Хотя Ф.Амирхан не указал, кто играл в ней, можно почти уверенно предположить, что это были члены кружка «Шимба». Ведь во главе этой школы — Хадича Ахмерова, мать активных участников этого кружка. По всей вероятности, именно по просьбе своих детей и их друзей она согласилась с предложением кружковцев выступить в ее школе. Возможно, что среди приглашенных на спектакль был произведен и сбор средств в пользу этой школы или ее учениц (подобное тогда было почти обязательным при проведении разных мероприятий). К тому же знающему традиции, поведенческие стереотипы и менталитет того времени трудно представить, что в женской школе выступали шакирды (юноши). Конечно, остается еще одна, почти иллюзорная возможность — пьеса могла быть поставлена ученицами женской школы, но если бы это было так, то во время наших бесед о ней вспомнил бы кто-то из учениц школы обязательно.

1905–07 годы — это время, когда менявшаяся в стране политическая обстановка и пробуждение татарского национального самосознания стали приносить свои первые ощутимые результаты. Появилась татарская периодическая печать, возникли всевозможные культурные организации — клубы, библиотеки, книжные магазины, благотворительные и просветительские общества, проводились собрания и съезды и т.д., способствовавшие дальнейшему пробуждению и активизации татарского общества.

«Домашние» театральные постановки гораздо смелее стали выходить на публику весной 1906 года. Почти одновременно в апреле-мае 1906 года были сыграны первые, по-настоящему публичные спектакли на татарском языке в двух городах — в Уфе и Казани. 21 апреля свой спектакль по пьесе Г.Исхаки «Жизнь с тремя женами» в пользу бедных и нуждающихся шакирдов поставили уфимцы. В сообщении из Уфы об этом событии, помещенном в газете «Казан мохбире» (Казанский вестник) от 30 апреля 1906 года, названы и основные исполнители.

Это Зухра, Уммугульсум и Хабибулла Ахтямовы, Хадича-ханум, Фахрелхаят и Касим Девлеткильдиевы, Гумер Терегулов, Гусман Фаизханов, Шайхаттар Абыз-гильдин и другие.

В Казани публичный спектакль на татарском языке был поставлен 5 мая в зале Союза приказчиков. Разрешение на проведение театрального вечера было получено от казанского полицмейстера Ибрагимом Терегуловым. Играли «Жалкое дитя» и «Горе от любви». В спектаклях участвовало более двадцати «субботян» — Амина Терегулова, Суфия Кулахметова, Фатима Санинова, Зайнаб и Рабига Габитовы, Фатих Амирхан, Каюм Кулахметов, Ибрагим Кулиев, Рахимбек Меликов, Габдрахман Мустафин, Габдрауф Ниязбаев, Султан Рахманкулов, Рахим Тенишев и другие. «Когда в апреле 1906 года в здании союза работников торговли ставился первый официальный спектакль на татарском языке, и участниками, и теми, кто старался для того, чтобы он состоялся, в большинстве своем были оставшиеся в Казани «субботяне» и люди, участвовавшие в «домашних постановках» прежних лет», — вспоминал спустя десять лет Ф.Амирхан.

Вмещающий около ста человек зрителей зал был полон. Это событие было воспринято общественностью как настоящий праздник нации. Представление шло до двух часов ночи и вызвало восторженные отзывы зрителей. Отзывы появились и в русских газетах Казани. «Спектакль прошел как новинка для Казани весьма блестяще», — отмечала газета «Волжский курьер» и подчеркивала, что «ввиду успеха спектакля и несомненной пользы для мусульман в смысле развития весьма желательно, чтобы он не был последним и был повторен в непродолжительном времени».

Но почему-то не от этого события, как и не от даты публичного спектакля в Уфе, ведется отсчет времени в истории татарского театра. Эти спектакли татарскими театроведами считаются как бы генеральной репетицией перед выходом на большую сцену. Официальным днем зарождения татарского национального театра стало 22 декабря 1906 года. В этот день в Новом клубе Казани был поставлен публичный спектакль (игрались те же две пьесы), предварительно разрекламированный специально отпечатанными в типографии афишами.

Важно подчеркнуть еще и то, что какой бы день ни считался официальной датой рождения татарского театра — 21 апреля, 5 мая или 22 декабря — это были настоящие публичные постановки, и участвовали в них не только мужчины, но и девушки-татарки! При нравах и обычаях, господствовавших в тогдашнем татарском обществе, это было трудно представить. Но это случилось. И мы должны гордиться этим шагом смелых и решительных девушек, без преувеличения можно сказать — героинь! Замечу также, что ни одна из этих девушек, осмелившихся первыми выйти в Казани на публичную сцену, не стали профессиональными актрисами, хотя в 1907–1912 годах они еще не раз радовали зрителей своей талантливой игрой.

«Конечно, многого недоставало в игре артистов, немало было технических недостатков в исполнении, — самокритично отмечала Р.Габитова. — ...Главный успех спектакля заключался не в игре одной. Важно было значение его как первого толчка, разбудившего татар от их вековой спячки, как первого шага, пробившего дорогу в области театрального искусства». Она перечислила и имена некоторых исполнителей: Амина Терегулова, выступавшая под фамилией Гиреева, Зейнаб Габитова (Султанова), Рабига Габитова (Тарханова), Шакир Мухамедьяров, Г.Сейфульмулюков (Газизов), Ш.Сунчалаяев (Субаев) и другие. На фотографии, сделанной после представления, можно насчитать 19 человек взрослых и 5 детей.

Другой активный участник этих событий, Мулланур Вахитов, в статье «Теат-

ральные искры. Первые лучи нового солнца» указывал в 1912 году: «В светлые, счастливые часы истории, когда жизнерадостный сонм новых идей, подобно океанскому кораблю, разбудил берега русской действительности, когда с громким криком освобождения вскрылись источники буйных эмоций, в атмосфере подъема возник татарский театр. Все, что было у татар юношески-вдохновенного, мужественно-величавого, собралось у жертвенника нового храма... Как во все времена и у всех народов, новое начинание было встречено враждебно... Ханжи и невежды разных толков сошлись в своем приговоре по адресу лиц, принявших на себя инициативу возвышенного дела».

На самом деле консерваторы всех толков выступили резко против нового начинания. Они даже пытались остановить первопроходцев татарского театра через губернатора. Однако губернатор не только не запретил представление, но и наказал органам правопорядка не допускать беспорядков. «В день спектакля здание Нового клуба буквально оцепляется конной полицией, которая, как охрана, провожала участников спектакля по домам», — вспоминала Р.Габитова.

Итак, любители театра Уфы и Казани сказали свое веское слово в пользу татарского театра. Образование профессионального же театра тесно связано с именем Ильяс Кудашева-Ашказарского (1884–1942). Еще в 1905 году он, переделав пьесу А.Н.Островского «В чужом пиру похмелье» и назвав ее «Невежды и ученые», пытался поставить спектакль в Оренбурге, но его остановили противники театральных постановок. В 1907 году он и несколько его друзей (Ахмет Кулалаев, Валиулла Муртазин, Нуретдин Хайрутдинов, Нурулла Гайнуллин) решили создать татарскую труппу и, по возможности, привлечь в нее молодых любителей театра из других городов — Казани, Уфы...

В оренбургской газете «Вақыт» (Время) от 15 марта 1907 года появилось следующее сообщение: «Несколько молодых мусульман Оренбурга, Казани, Уфы, объединившись между собой, решили создать театральную труппу и, показав спектакли в разных мусульманских городах, поехать на Макарьевскую ярмарку и дать 15–20 представлений». Подготовив несколько пьес, переделанных с русского на татарский лад («Невежды и ученые», «Шариат и эпоха», «Хирургия»), они отправились из Оренбурга по городам и весям, где жили татары. В июле 1907 года труппа добралась до Казани. 13 июля состоялось первое представление.

По этому случаю газета «Казанский вечер», выходившая на русском языке, 14 июля поместила сообщение, что приехавшая в Казань первая передвижная «Труппа мусульманских драматических артистов» под руководством Ильяс-бека Кудашева-Ашказарского в саду «Аркадия» сыграла спектакль под общим названием «Восточный вечер». В рецензии в газете «Юлдуз» от 15 июля Г.Камал отметил наличие талантливых исполнителей, но пожелал, чтобы труппа в дальнейшем более разборчиво подошла к выбору произведений. А газета «Баянүлхак» подвергла представление резкой критике.

«Казань вновь поставила перед артистами труппы главную проблему. В труппе не было ни одной артистки. Во всех спектаклях, поставленных в других городах до приезда в Казань (и в Оренбурге), женские роли играли мужчины. Но в Оренбурге, Самаре, Симбирске и среди пришедших в театр зрителей женщин почти не было», — указывали В.Муртазин, с первых шагов участвовавший в этих «гастролях», и Т.Ченекэй, авторы первой работы по истории татарского театра (их небольшая книга «Из истории татарского театра» была опубликована в 1926 году в Москве на татарском языке и переиздана фондом «Джиен» в 1996 году

в Казани). Здесь нужно добавить, что не только отсутствие женщин среди зрителей, но и то, что для татар указанных городов театральные постановки были внове, почти диковиной, сыграло свою роль.

Для казанцев же было естественным, что женские роли играют женщины: их к этому приучили не только русский театр, уже более века существовавший в городе, но и «субботяне». В. Муртазин и Т. Ченекэй вспоминали: «Смотреть спектакль в саду «Аркадия» в Казани пришло довольно много женщин. Все одеты почти по-европейски, с открытыми лицами. Увидевшие это артисты вновь убедились, что труппа без женщин не полна, и задумали найти в Казани хоть кого-то, подходящего в артистки; возможно, среди этих по-европейски одетых женщин, пришедших на спектакль». Уговорить никого они не уговорили, но заметили довольно хорошо одетую, кокетливую молодую девушку и даже поговорили с ней после спектакля. «Татарское воспитание, жизнь того времени не дали нам быстро осуществить наше желание, но все же мы узнали, кто она такая», — отметили авторы.

Это была будущая первая татарская профессиональная актриса Сахибджамал Гизатуллина-Волжская (1892–1974). Сама она в воспоминаниях «Мой сценический путь» отобразила это событие так: «В 1907 году в Казань приехал Ильяс Кудашев с труппой. Я побывала на их спектаклях. Но писать об этом много не буду. Мне показалось, что игра была достаточно унылой и неестественной, ибо женские роли исполнялись мужчинами. Улучив момент, я спросила у Ильяса Кудашева:

— Почему женские роли исполняют мужчины?

— Никак не можем найти девушку, мы в безвыходном положении, — начал жаловаться он.

Этот разговор заставил меня задуматься. Размышляя, я пришла к решению — кто-то же должен начать! И я вошла в труппу Кудашева. В это время мне пошел пятнадцатый год».

Сахибджамал родилась в 1892 году в Казани в семье рабочего Гизатуллы, выходца из деревни Тугаево (Аря) Свияжского уезда Казанской губернии, и его жены. Отец работал стрелочником в трамвайном парке, а затем кондуктором, мать — швеей на меховой фабрике Соколова. Девочке исполнилось всего шесть лет, когда умерла мать. Ее сестра, устроившаяся работать санитаркой в клинику, конечно, старалась заменить маленькой Сахибджамал мать, но, тем не менее, ей пришлось полной чашей отведать сиротскую долю.

Отец и сестра, работавшие вместе с русскими, хорошо понимали необходимость знания русского языка для будущего девочки и девятилетнюю девочку отдали в первую женскую русско-татарскую школу Ахмерово-Музаффарии. Видимо, маленькая Сахибджамал была одной из первых девочек, поступивших в только что открывшуюся школу. Само посещение этой школы требовало от девочек немалого мужества и смелости. Здесь они учились не только грамоте и основам светских наук. Они учились новой жизни, учились противостоять вековым обычаям и традициям, ограничивавшим жизнь женщины четырьмя стенами ее дома, делавшим ее рабыней или бессловесной игрушкой мужчины. В школе этой Сахибджамал училась три года и окончила ее в 1904 году.

Ей было двенадцать, когда умерла сестра, и она осталась на руках у соседей. Их соседка Шаймарданова Магира, у которой недавно умерла младшая дочь, взяла ее на воспитание, считая, что это богоугодное дело поможет сохранить другую ее дочь, Фатиму, да и подруга-ровесница у дочери появится. Удивительные изменения в жизни Сахибджамал, начавшиеся еще в стенах русско-татарской школы, продол-

жились. Во-первых, она познакомилась с Ф.Амирханом, который по-соседски заходил в дом Шаймардановых. Смелый, энергичный, острый на язык, всегда готовый к борьбе юноша как бы приносил с собой ветер перемен, дуновения которого уже начали ощущаться в татарском обществе.

Он-то и начал вовлекать девочку-подростка в свой круг общения. Она же скорее и как можно больше хотела отвесть взрослой жизни и свободы — ходить в театр (впервые в театр она попала будучи ученицей школы Ахмеровой-Музаффарии и была очарована им), участвовать и в других безобидных увеселениях в русской части города... В этом «кружке друзей» было человек шесть, и они, вскладчину, вместе ходили в русский театр, на вечера танцев, под присмотром Фатиха веселились, знакомились с русской и европейской культурой. «Каким-то образом заинтересовавшись, вместе со знакомыми русскими девочками я тогда начала ходить в школу танцев. В течение восьми месяцев выучила все танцы — и балльные, и характерные. Начала ходить в русский театр», — отметила сама Сахибджамал в воспоминаниях.

Школа танцев принадлежала жене русского офицера Зенцовой. В ней обучали балльным и европейским танцам. В целях рекламы своей школы мадам Зенцова каждую пятницу устраивала танцевальные вечера с показательными выступлениями своих учеников. По-видимому, Сахибджамал и ее друзья посещали эту школу в 1906–1907 годах. Молодая девушка оказалась одной из лучших учениц и не раз участвовала в показательных выступлениях. Как отмечал в работе «Первая актриса» со слов очевидцев Гази Кашшаф, «когда Сахибджамал и молодой человек по имени Идрис танцевали краковяк, польку, мазурку или лезгинку, все посетители клуба собирались в зале любоваться их исполнением и благодарили танцоров взрывом аплодисментов».

После окончания школы танцев Сахибджамал, собрав нескольких учеников, сама начала обучать их танцам. Именно в это время и приехала в Казань труппа Кудашева-Ашказарского. «Кружок» Фатиха Амирхана, конечно же, оказался среди тех, кто пошел на спектакль. Ведь еще при посещении русского театра они неоднократно все вместе обсуждали вопрос, почему у татар нет своего театра, радовались успехам «субботяня», о которых рассказывал Фатих-эфенди, сожалели, что они так редко ставят публичные спектакли на татарском языке.

Теперь, всей группой посетив представление приезжих, они вновь вернулись к проблеме татарского театра. Сидевшие вместе, они отметили и слабую игру, и отсутствие женщин. В ответ на слова девушки: «Почему у нас не так, как в русских театрах?», отмечал Гази Кашшаф, «Фатих Амирхан, по привычке высеивавший все, в том числе и слабую игру на сцене, посмотрел на Сахибджамал, восхищавшую всех своими танцами в школе Зенцовой, и вдруг сказал: «Вот ты и должна играть там!». И эти слова не были случайными».

Под впечатлением этого разговора девушка, встретившись с И.Кудашевым, видимо, и задала ему свой вопрос. Надо полагать, что именно разговоры с Фатихом Амирханом о возможности создания театра у татар и помогли ей, хотя и не сразу, принять нелегкое решение вступить в труппу. Возможно, и выступления на танцевальных вечерах, во время которых она познала сладкую радость от выступления на публике, способствовали ее решению.

Она присоединилась к труппе в том же 1907 году, в Нижнем Новгороде, на Макарьевской ярмарке. «Вскоре было получено разрешение на постановку спектакля в саду «Фоли Бержер» и начались репетиции пьесы «Невежды и ученые». Гиззатуллиной попробовали дать роль 48-летней женщины. Но ей эта роль совсем

не понравилась, да и не подходила. (Конечно, какво играть не просто взрослую, а, для того времени, пожилую женщину 48 лет — и это первая предложенная ей роль! — совсем неопытной в театральных делах пятнадцатилетней девчужке! — А.М.). Все же репетицию провели», — вспоминал первые шаги Сахибджамал на сцене В.Муртазин. На второй репетиции ей поручили играть роль молодой героини, тем более что «старуха», как он определил, а скорее — женщина лет тридцати пяти — сорока, пришедшая с ней на репетицию и помогавшая ей, согласилась сыграть 48-летнюю героиню.

12 августа труппа показала свой первый спектакль с участием женщин. «После этого настроение артистов улучшилось. Закрыли самую большую проблему труппы. Увеличился и репертуар труппы: «Беда от указа», «Денщик Гали», «Жалкое дитя», «Стыд, или слезы», «Жизнь с тремя женами»... Если раньше труппа старалась в них выбирать лишь отрывки, где не было женских ролей, то теперь могли играть уже все», — отметили В.Муртазин и Т.Ченекэй.

Сама Сахибджамал указала, что первой ролью, в которой она вышла на сцену, была роль Шафики в пьесе «Жалкое дитя». Она отмечала: «Я очень быстро поняла суть сценической игры. Сейчас для меня в мире не было ничего, кроме сцены, вся моя радость — это сцена». И это, наверное, так и было. Но девушке нужно было не только овладевать азами мастерства. Вступившей первой из татарок (и первой из женщин тюркских народов!) на сценическую площадку девочке-подростку, конечно, пришлось преодолеть многочисленные препятствия. И прежде всего ей нужно было научиться стойко встречать доходившее до фанатизма неприятие театра традиционным татарским обществом, преодолевать поведенческие стереотипы.

Иногда говорят: дело трудно начать, потом оно идет само собой. Но в данном случае было не так. Вступление в труппу, не имевшую ни средств, ни постоянного места дислокации, ни известности, уже само по себе предполагало и полугодное существование, и гонения, и преследования противников проникновения театрального искусства в татарскую жизнь.

Муки рождения и становления профессионального театра сопровождались ожесточенной борьбой. У истоков татарского сценического искусства стояли две противоборствующие силы. Одна из них, представленная сторонниками обновления и прогресса татарского общества, стремилась внедрить это высокое искусство в массы и использовать мощную нравственно-воспитательную роль театра в общественной жизни. Другая, представленная защитниками старых традиций, консерваторами, фанатически, с бешеным упорством пыталась задушить это искусство в зародыше. Как отмечал Мулламур Вахитов, «безумны и дики были силы мрака: много шипов лежало на пути, но молодежь, чистая, пылко воспринявшая заветы лучших представителей русской интеллигенции, сумела преодолеть препятствия и в чистоте пронесла свое знамя к нашим дням».

Газета «Дневник Казани» еще в мае 1906 года, после первого публичного спектакля «субботян», отмечала: «Нужно радоваться тому, что наша молодая интеллигенция, несмотря на протесты, а подчас и неприличные выходки со стороны кучки лжедрузей народа, по-видимому, осознала, что театр, помимо эстетического наслаждения, доставляемого им, служит одним из самых верных орудий для борьбы с темнотой и невежеством». Артистам же непосредственно на себе приходилось испытывать проявления этого невежества и темноты. И юной Сахибджамал пришлось пройти через большие трудности и лишения, издевательства, нападки и даже прямые нападения-покушения.

Какой бы самостоятельной в поступках она ни была (а сиротская жизнь заставила ее рано повзрослеть и научила отвечать за поступки), этот ее шаг требовал не только таланта и желания играть на профессиональной сцене, но и большого мужества, смелости. Отсутствие других артисток в труппе ставило перед ней многие задачи. Одно то, что пятнадцатилетняя девушка-подросток оказалась одна среди молодых мужчин, уже создавало немало проблем.

«Я никогда не играла порученные мне роли с суфлером. Старалась запомнить все слова и играть от всей души. В те годы мне часто приходилось играть одновременно несколько ролей. В спектакле несколько женских ролей; их все нельзя играть одинаково, нужно найти различия в каждой из них. Но мои роли, кажется, получались, что, наверно, можно объяснить моей любовью к сцене, к моей работе. Значительную помощь мне оказало знакомство с русским театром, игра русских артистов», — вспоминала артистка о своих первых шагах в составе труппы.

В спектакле «Несчастный юноша», поставленном по пьесе Г. Камала, в те годы ей, например, приходилось играть сразу три роли: в одном действии она — служанка, в другом — гимназистка, в третьем — любовница сына богатого купца Гайни. По рассказам зрителей, С. Гизатуллина все три роли исполняла очень умело, ни одна роль не была похожа на другие. Гази Кашшаф, опираясь на эти воспоминания, указывал: «Сахибджамал показала удивительную способность вхождения в роль. Вот на сцену выбегает русоволосая девушка-подросток четырнадцати-пятнадцати лет в кофте и короткой юбке, вспрыгивает на стул и начинает покачивать ногами. В ней еще чувствуется детская наивность, но она горячо спорит с братом на серьезную тему. Эта резвая девочка-девушка нравится зрителям. Но кто ее играет? Может, в труппу вошла какая-то новая девушка?». Вероятно, эта роль далась ей легче остальных — она играла свою сверстницу, можно сказать, себя.

А вот другая роль в описании Г. Кашшафа: «Начинается четвертое действие. На сцене черноволосая кокетка Гайни в длинном платье и в туфлях на высоких каблуках. Она старается держать себя высокомерно, умеет и прихвастнуть, в то же время проявляется и ее грубость, и невежество, и искусственность. Она коварна и двулична, это уличная девка, живущая одним днем, сбивающая с истинного пути сынков богачей, шикующая на украденные ими деньги. И как бы она ни хотела казаться гордой, человеческой, ее духовная испорченность, духовная нищета и профессия, убивающая человеческую совесть, ставят ее в жалкое положение. И молодая артистка очень умело сумела это показать». Понять все это и убедительно сыграть роль Гайни было уже гораздо труднее. Но, может быть, именно поэтому эта роль и стала для Сахибджамал навсегда одной из самых любимых ею.

Ее ученица, народная артистка Татарстана Марзия Миннибаева, называвшая актрису своей духовной матерью, вспоминала: «Видевшие в спектаклях игру Сахибджамал-апа на всю жизнь остались влюбленными в образы, рожденные ею... Например, образ Гайни... она сумела решить с величайшей психолого-философской глубиной. Я знаю артистов и зрителей, имевших счастье видеть эту роль и постоянно утверждавших: «Гайни в исполнении Сахибджамал — это бесподобно!». В памяти также равные легенде рассказы о созданных актрисой образах Катерины («Гроза»), Дездемоны и других». Чем больше она исполняла роль Гайни, вспоминали бывшие ее зрители, тем глубже она придавала ей обличительный характер: актриса умела этой ролью показать трагическую судьбу поруганной девушки, своей игрой помогая раскрывать пороки тогдашнего общества.

А эта сторона деятельности новоявленных артистов была очень важна: основа-

тели татарского театра с самого начала подчеркивали воспитательную роль театра. Как отмечал Габдулла Тукай:

Театр — и зрелище, и школа для народа.
Будить сердца людей — вот в чем его природа!
На путь неправедный он не дает свернуть,
Он к свету нас ведет, открыв нам правый путь.
...
Он чист и величав, влечет он к светлым высям,
Свободен и широк, он свят и независим.
Он — благонравья храм, он — знания дворец,
Наставник для умов, целитель для сердец.

(Пер. Р.Морана)

Передвижной труппе не только приходилось перебираться из города в город при почти полном отсутствии денег. Время становления труппы пришлось на эпоху, известную в истории России как период столыпинской реакции и гонений на национальные культурные движения. Было очень трудно добиться разрешения на постановку спектаклей от местных властей. Иногда разрешения приходилось ждать месяцами. А ведь еще нужно было и как-то питаться, одеваться, где-то жить, найти хотя бы самый минимальный реквизит, одежду и даже пьесы для постановки, при получении разрешения платить за наем помещения для представлений и т.д. Иногда артистов охватывало чувство безнадежности, уныние, ощущался упадок душевных сил, начинались разговоры о том, что невозможно создать татарский театр, что никто их не понимает, не поддерживает...

Как книга В.Муртазина и Т.Ченекэя, так и воспоминания Сахибджамал Гизатуллиной-Волжской и других артистов полны ярких описаний трудной, полной лишений жизни первых профессиональных артистов. Мы и представить не можем даже малой толики тех трудностей, которые выпадали на долю начинающих артистов. Приведу лишь цитату из письма Сахибджамал, написанного в 1939 году Гази Кашшафу. Посылая ему тетрадь со своими воспоминаниями, она подчеркивала: «Из этой тетради Вы ясно увидите, с каким терпением старые артисты, живя в нужде и голоде, осуществляли начатое дело. Все это будет очень полезно для молодого поколения, необходимо для молодых артистов. Как говорили раньше, теперешние артисты живут в раю, а старые артисты кипели в аду. Для нас тот период был временем, когда работали посреди огня».

Когда завершив работу на Макарьевской ярмарке, труппа решила отправиться по другим городам, вновь встала проблема исполнительниц женских ролей. Женщина, присоединившаяся к ним в Нижнем Новгороде, не соглашалась ехать с труппой, а Сахибджамал одна не могла играть все роли. Поэтому она съездила в Казань и правдами и неправдами уговорила свою подругу, Фатиму Шаймарданову, поехать с ней. Так в труппе появилась вторая постоянная артистка, но ненадолго. Фатима, проработав сезон 1907/08 годов, не смогла выдержать полуголодную и опасную в прямом смысле слова жизнь и покинула труппу.

За этот сезон труппа сменила и руководителя — ими стали Г.Кариев, почти одновременно с Сахибджамал вступивший в труппу и быстро занявший в нем лидирующее положение, и В.Муртазин. Сменилось и название — она стала называться «Сайяр» (Передвижной). Она исколесила пол-России — Касимов, Рязань, Москва, Уральск, города Крыма и Кавказа, Астрахань... Несколько эпизодов этого турне.

В Уральске фанатики избили артиста А.Кулалаева. А в один из вечеров напали

и на Сахибджамал. Вот как об этом рассказала она сама: «В один из вечеров, когда я шла в театр, два татарина с возгласами: «Вот она, татарская марджа (искаженное имя — Мария, так татары обобщенно называли русских женщин — А.М.), убей свинью!» — бросились на меня. Что делать? Бегу. Спряталась в одном парадном. Они побранились некоторое время у дверей и вроде ушли. Когда все стихло, я тихонько вышла на улицу. Оказывается, они меня ждали за поворотом. Вдруг меня схватили за платье. Я рванулась со всей силы, платье порвалось. Я вырвалась и опять бросилась бежать. Не сумев догнать, они выстрелили в меня. Пуля просвистела мимо уха...». После этого случая и решила Фатима оставить труппу после окончания сезона.

В Тифлисе татарские артисты встретили довольно известных на Кавказе азербайджанских артистов Г.Араблинского и А.Валиева. В.Муртазин и Т.Ченекэй отметили: «Хотя театр на кавказском татарском (азербайджанском — А.М.) языке возник на несколько лет раньше этой передвижной труппы, своих артисток у них не было. Женские роли играли армянки. Увидев артисток труппы «Сайяр», кавказцы изумились. Говорят: хотя вы к этому делу приступили намного позже нас, вы приближаетесь к желаемому, у вас есть даже свои артистки. А наши артистки еще даже не родились. Сделав этот шаг, вы стали примером для всех народов Востока». Именно под впечатлением этой встречи кавказцы решили объединиться с труппой «Сайяр» и создали временную труппу «Общество артистов Кавказа и Казани».

В Астрахани произошла встреча с артистами знаменитого театра Таирова из Баку. Этот театр, в отличие от татарской труппы, страдавшей от недостатка хороших пьес, имел богатый репертуар: тут и исторические драмы и трагедии из жизни ханов и шахов, написанные кавказскими авторами, тут и произведения европейских классиков в переводе на азербайджанский язык. Хотя и мало, но были пьесы и из народной жизни.

«Сайяровцы» по-хорошему завидовали им, сожалели о скудости татарского репертуара. Но в ответ слышали: «До сих пор мы на самом деле высоко себя ставили. Но увидев ваши дела, мы засомневались. Играя великие трагедии, мы прилагаем большие усилия, стараемся удивить зрителей. Но народу от них ничего не остается: мы далеки от народа. А вы, исполняя произведения, взятые из жизни народа, показываете текущую перед народом жизнь. Поэтому вы приближаетесь к народу. Ваш театр гораздо основательней нашего, у него есть будущее. Вы нам показали другой путь, другой взгляд на театр. Нам надо перенять этот путь у вас».

Итак, две труппы — два взгляда на роль и место театра в жизни народа. Одна — уже получившая известность труппа — смотрела на театр как на зрелище, которое должно удивлять и восхищать народ; другая — только нащупывавшая свой путь — считала, что театр, прежде всего, должен воспитывать. Успешные спектакли в Астрахани убедили артистов труппы «Сайяр» в верности избранного направления. Окрыленные этими успехами и беседами с азербайджанскими артистами, труппа направилась в Казань. Артисты с волнением ждали встречи с казанским зрителем, с казанской интеллигенцией. Они знали, что казанская пресса внимательно наблюдала за ними: где бы молодая труппа ни находилась, на страницах газет появлялись сообщения о ее свершениях. Артисты справедливо воспринимали это внимание к себе и как одобрение их начинаний, и как пропаганду их постановок, и как защиту от всевозможных нападок.

Молодая казанская интеллигенция встретила труппу по-дружески. Г.Камал предложил артистам свою новую пьесу «Первый театр», и с этого времени началось

их постоянное сотрудничество. Написанная по горячим следам событий, когда татарский театр делал лишь свои первые шаги, эта одноактная комедия позволяла живо и образно представить, в каких трудных условиях театр обретал право на жизнь. Труппа высоко оценила искрометную комедию, где так тонко чувствовалось глубокое понимание животрепещущих общественных проблем, мастерство в отображении их средствами сценического искусства. Она надолго стала одним из самых любимых произведений в репертуаре труппы.

Однако в Казани получить разрешение на выступления труппы не удалось, и артисты отправились в Нижний Новгород, благо приближалось время Макарьевской ярмарки. Объединенная труппа показывала здесь спектакли и на татарском, и на азербайджанском языках. Зрители принимали хорошо. В Нижнем к ним присоединилась еще одна девушка. Это была Самитова Фахерниса (1890–1939), ставшая одной из ведущих профессиональных артисток татарского театра. После успешных выступлений на Макарьевской ярмарке «Общество артистов Кавказа и Казани» завершило совместные выступления.

В начале сентября 1908 года труппа «Сайяр» вернулась в Казань и пробыла здесь четыре месяца, дав двенадцать представлений в разных клубах и залах. Труппа, как правило, за вечер показывала несколько пьес — две, три, четыре...; или в первом отделении давался спектакль, во втором — концерт, далее обязательно были танцы для молодежи, перемежавшиеся играми и чаепитием вскладчину... Как правило, вечер заканчивался далеко полночь.

Это было первое столь длительное пребывание в одном городе, что имело огромное значение для становления труппы. Оно позволило молодой труппе испытать свои силы и возможности, занять своего постоянного требовательного и верного зрителя. И в дальнейшем, конечно, «Сайяр» оставался передвижной труппой, гастролировавшей по городам и весям. Но именно с зимы 1908–1909 годов он начал действовать как профессиональный театр, а Казань явилась для него основной базой, куда труппа возвращалась, как домой. Зимы, чаще всего, труппа проводила в Казани, здесь же готовила новые спектакли. И лишь показав их казанскому зрителю, отправлялась на гастроли.

В свои гастрольные маршруты труппа, как правило, включала города, расположенные по большим рекам и железнодорожным магистралям. Это были города Поволжья, Приуралья, Сибири, Казахстана, Средней Азии... Пожалуй, в России не было другой такой труппы, которая могла бы сравниться с «сайяровцами» по количеству городов, в которых они отработали спектакли, и длине пройденного ими пути. А июль и август — время работы Макарьевской ярмарки — труппа каждый год проводила в Нижнем Новгороде.

Уже к семнадцатому году Сахибджамал считался опытной, признанной актрисой. Будущий известный артист, а тогда шакирд Лукман Аитов, в 1909 году приехавший на ярмарку в поисках заработка, например, вспоминал, как прочитал такую афишу на татарском языке: «Дается спектакль с участием знаменитой артистки Гиззатуллиной-Волжской. Ставится «Хозяин и приказчик». А знаменитой актрисе было-то всего семнадцать лет! Л. Аитов оставил описание своих впечатлений от увиденного спектакля. Перечислив роли и их исполнителей, описав свое удивление их игрой, он особо выделил игру Сахибджамал.

«Однако самый глубокий след в моей душе оставила игра Сахибджамал Волжской в роли Бибиджамал. Такая нежность в угнетенной татарской девушке, в то же время героическое сопровождение решению родителей выдать ее силой за старого

богача и достижение желаемого — замужество с любимым — все это было немыслимо даже представить в то время, — подчеркивал он. — Когда Волжская изображала все это по-настоящему, очень правдиво, с большими переживаниями, было совершенно невозможно спокойно смотреть это в зале. Зрители радовались смелости девушки, вместе с ней горевали. Когда закрылся занавес, возгласами: «Волжская! Волжская!» заставили три-четыре раза открыть его. И я был чрезвычайно взволнован, ошеломлен увиденным, ибо требование со сцены, перед сотнями мужчин, прав для татарок девушкой-татаркой, до сих пор не смевшей даже слово произнести перед мужчинами, конечно, было чрезвычайно смелым шагом».

В 1910 году в труппу включились еще две новые артистки — Камская Фахрия и Мустафина Уммугульсум (Болгарская Гульсум, 1891–1968). Все артисты труппы помогали им осваивать азы мастерства. Труппа была совсем молода, только-только вставала на ноги (фактически не только никто из ее членов не был обучен театральному делу, но и сценического опыта кот наплакал!). Само собой получалось так, что, будучи одной из самых юных (ей всего 15–18 лет!), Сахибджамал стала одним из основных советчиков других артистов, пришедших в труппу позже: она организовывала их репетиции, помогала им в понимании роли, иначе говоря, выполняла в какой-то степени функции режиссера.

Шакир Шамильский, познакомившийся с ней в 1910 году во время гастролей «сайяровцев» в Перми, вспоминал: «На репетициях было видно, что Сахибджамал Гиззатуллина была не просто артисткой труппы, а личностью, игравшей в ней особо большую роль. Она сама проводила репетиции, учила артистов и своей игрой показывала молодым, как нужно играть. Артисты труппы очень серьезно воспринимали ее советы, оказывали ей большое уважение. Даже после окончания гастролей труппы общественность Перми еще долго вспоминала ее игру, оставившую в сердцах местных зрителей незабываемые впечатления».

Чем же она завоевывала сердца зрителей? На самом ли деле она была прекрасной актрисой, обладавшей удивительным талантом перевоплощения? Можно ли ответить на эти вопросы спустя почти сто лет? Да, можно. Не только воспоминания о ней, но и материалы периодической печати дают нам такую возможность. Оказывается, не только татарская, но и русская периодика, пусть не длинными рецензиями и аналитическими статьями, а лишь сообщениями в несколько слов, можно сказать, скрупулезно отмечала почти каждый ее шаг на сцене. При этом мне фактически не удалось найти ни одного сообщения с отрицательным отзывом об ее игре даже в начале творческого пути актрисы. Вот некоторые из отзывов.

Фатих Амирхан («Эль-ислах», 1908, 24 ноября): «Гиззатуллина, участвовавшая в этих трех пьесах, несмотря на искусственность пьес, свои роли исполнила прекрасно, почти безукоризненно».

«Татарин-театрал» («Камско-Волжская речь», 1908, 26 ноября): поставив С.Гиззатуллину-Волжскую в один ряд с «лучшими артистами труппы» Г.Кариевым и В.Муртазинным-Иманским, автор отметил, что ее игра «и на этот раз была сверх похвал».

Габдулла Тукай («Юлдуз», 1909, 24 июня): «Что касается госпожи Гиззатуллиной, даже нет необходимости рассказывать о ее способностях и мастерстве в исполняемой ею роли. Нужно лишь подчеркнуть, что ее настоящая сила, ее настоящий талант особенно ярко проявляются в ролях Шафики в пьесе «Жалкое дитя», Гайни в «Несчастном юноше», Магрифы в «Стыде».

Рах. Мел. (Меликов) («Камско-Волжская речь», 1909, 19 декабря): «С.Иззатуллина ... как нельзя лучше воплотила в себе всю душевную драму героини».

Габдрахман Карам («Юлдуз», 1911, 22 декабря): «Госпожа Гиззатуллина (Бибиджамал), Самитова (Сафия), Иманский (Галим), Болгарский (Фахрениса) играли на подъеме. Все их движения, разговоры очень естественны, безукоризненны. В частности, нежность и манера игры госпожи Гиззатуллиной и, кроме этого, подходящая для роли прекрасная одежда придают всему спектаклю вкус и душевность, скрывают все его недостатки. Но очень жаль, что до сего дня еще не написаны пьесы, достойные игры великой актрисы, способные раскрыть ее талант; существующие же наши пьесы очень узки, не позволяют показать ее способности».

Это о ней, о ее игре писал Габдулла Тукай:

Брызнет солнца луч на землю —
Мир искрящийся играет!
Плещут залы, лишь на сцену
Гиззатуллина ступает.
Ей, как солнцу, блеск лучистый
Равно дан судьбы вельем.
Блещет светоч в небе чистом,
Блещет луч ее на сцене.

(Пер. Н.Ахмерова).

В нескольких строчках великий поэт сумел выразить не только свое отношение и отношение публики к игре первой татарской актрисы, но и, сравнив с солнцем, дал ей высочайшую оценку, показал силу ее мастерства, способного осветить души людей. Поэт написал это четверостишие 26 мая 1909 года после просмотра спектакля под впечатлением игры Сахибджамал Гиззатуллиной-Волжской и назвал его «Два солнца». При жизни поэта стихотворение не было опубликовано. Оно было обнаружено лишь в двадцатых годах XX века среди рукописей Г.Тукая и опубликовано впервые в 1929 году.

Есть и другое стихотворение поэта, обращенное к актрисе:

Ты люби этот свет
И люби свой народ.
Полюби его жизнь и стремленья.
Если ж смерть подойдет
И к себе позовет,
Так иди, не ропща сожаленья!
Все стерпи и снеси
На высоком пути,
Презирая людей оскорбленья!
Будут светлые дни!
Лишь грядущим живи!
Лишь душою не знай униженья!

(Пер. Н.Ахмерова).

Это стихотворение также не было опубликовано при жизни поэта. Читатели о его существовании узнали лишь из воспоминаний о Тукае самой Сахибджамал Гиззатуллиной-Волжской. Они названы «Друг сцены» и опубликованы в 1946 году в журнале «Совет эдэбияты» (теперь это журнал «Казан утлары»), а затем и в книге воспоминаний о самой актрисе. В этих воспоминаниях есть много интересных фактов и деталей, характеризующих и великого поэта, и великую актрису. Остановлюсь лишь на нескольких моментах. «Г.Тукай был близок к артистам и любил сцену. Своими стихотворениями он давал духовную пищу артистам, веру и силу...

Некоторые рассказывают, что он не любил женщин, но это неправда. Тукай по-настоящему уважал женщин, ставил их очень высоко, но в то же время стеснялся их», — отмечала С.Гиззатуллина-Волжская.

Актриса излагает историю появления этого стихотворения, приводит и само стихотворение. История такова. Однажды, возвращаясь из театра, она встретила группу лиц, по ее словам, по виду похожих на отрицательных типов из произведения Тукая «Новый Кисекбаш» (Отрезанная голова). Они стали угрожать ей, поносить ее разными грязными словами и хотели схватить ее. Она еле убежала от них. Испуг был такой, что она всю ночь не могла уснуть.

«Утром ко мне зашли артист Кулалаев и Тукай. Кулалаев спросил: «Волжская, почему у Вас глаза красные, что-то случилось?». Я им рассказала вчерашнюю историю. Тукай немного помолчал, потом взял лист бумаги, что-то написал и положил листок передо мной. Я прочитала и, тотчас повеселев, сказала: «Спасибо, Габдулла-эфенди!»... Это его стихотворение показалось мне таким нежным, таким прекрасным, я как будто заново родилась. Рассеялись мои горести, он мне дал новые силы. Тукай очень часто таким образом разделял наши беды и горести», — рассказывала С.Гиззатуллина.

Еще одна деталь. Сахибджамал однажды пригласила поэта вместе с артистами отметить день ее рождения. «Хотя он не любил ходить в гости, специально одеваться для этого, повязывать галстук, но принял мое приглашение, пришел. Он был в обычном своем одеянии — в черной тужурке. В этот день в моей комнате было много цветов. Немного посидев, Тукай подошел к цветам, постоял, понюхал их и, вытащив из кармана цветок ландыша, протянул мне.

— Я вот очень люблю цветок ландыша. У него и запах приятный, и сам он очень нежен, красив. Возьмите, Волжская, поставьте с другими своими цветами, — сказал он. Сам в эти минуты покраснел, как будто сделал что-то не так. Я заметив это, ничего не сказала, чтобы не стеснять его. Этот цветок ландыша я вложила в одну толстую книгу. Хранила его, как цветок Тукая, до 1918 года. Уходя на фронт в 1918 году, все вещи пришлось оставить на квартире. К возвращению ничего не осталось», — вспоминала спустя много лет актриса.

Этот бесхитростный рассказ показывает, насколько чисты, искренни были отношения между поэтом и актрисой, как бережно, уважительно относились они друг к другу. Впрочем, не менее уважительно относились к Сахибджамал и другие татарские интеллигенты — писатели, поэты, журналисты, артисты. Фатих Амирхан, выведший ее в свет, давший ей первые уроки на общественном поприще, напутствовавший, фактически благословивший ее дебют на сцене, с неизменным вниманием следил за ее ростом, признавал ее артистический талант.

Очень уважал, любил Гиззатуллину-Волжскую как великую артистку и замечательного человека Галиаскар Камал. Впрочем, и сам Г.Камал — один из самых любимых драматургов актрисы. Это в его пьесе «Несчастный юноша» начинающая артистка сыграла сразу три роли и продолжала играть две из них на протяжении многих лет. Гимназистка Гайша и падшая женщина Гайни — не только два разных характера. Это два взгляда на жизнь, два типа устремлений... И их играет одна артистка, Сахибджамал Волжская, в одном и том же спектакле, в один и тот же день!

И где бы ни шел этот спектакль — в Казани или Нижнем, в Уфе или Астрахани, и когда бы это ни происходило — в 1908 или в 1912 году, зрители встречали обе роли бурными аплодисментами, не желая верить, что исполняла их одна и та же Сахибджамал. А это говорит о том, что артистка умело находила присущие

только этому образу краски, не повторялась. У нее был свой неповторимый почерк, стиль игры. Образ Гайни на многие годы стал одной из самых любимых ролей актрисы. Она выступила именно в этой роли и на юбилейном представлении, посвященном десятилетию литературно-общественной деятельности Г.Камала в 1910 году. В газетах отмечалось, что писатель, зайдя в конце вечера за кулисы, поблагодарил актеров, а подойдя к Сахибджамал, пожал ей руку со словами: «Не умирай, живи вечно!».

В 1911 году у труппы появилась постоянная сцена в «Восточном клубе». Этот клуб открылся в Казани еще 1 декабря 1907 года как культурный центр татарской интеллигенции. Возглавлял его совет старшин во главе с И.В.Терегуловым. Вначале он располагался в одном из номеров гостиницы «Булгар», затем арендовал помещения в различных местах, так как по мере расширения деятельности клуба ему становилось тесно на прежнем месте. С 1911 года он находился в доме М.М.Апанаевой (ныне ул. Татарстан, дом 8). Перебравшись сюда, клуб смог развернуть свою деятельность в разных направлениях, но главное для нас в данном случае – в нем был довольно большой зал, имевший 150–160 сидячих мест, а после расширения вмещавший (если считать и стоячие места) до 300 и более зрителей. С осени 1911 года клуб стал творческой лабораторией для труппы «Сайяр».

Труппа и в последующие годы пополнялась молодыми актерами и актрисами, у нее появился достаточно богатый репертуар, авторитет, признательные зрители... Казалось бы, все складывалось хорошо. Сахибджамал – ведущая актриса труппы, ее любят и уважают товарищи, зрители отмечают ее искренность, талантливую игру, разнообразие приемов. Она не только прекрасная актриса, но и хороший организатор. И вдруг...

«В 1912 году мы втроем с Богдановой Зулейхой и Фахернисой Самитовой вышли из состава труппы «Сайяр». Вскоре нам удалось организовать новую труппу под названием «Нур» (Луч). С этой труппой мы в течение нескольких лет объехали города Средней Азии и Сибири», – рассказала актриса в воспоминаниях. Что стоит за этими скупыми строчками? Что случилось? Почему три артистки, составившие основную костяк труппы «Сайяр», ушли из нее?

Об этом шаге Сахибджамал говорили разное – и положительное, и отрицательное. Сама она спустя много лет причины ухода из труппы «Сайяр» объяснила Г.Кашшафу так: «Основная причина та, что я считала, что для татар одной труппы мало... Верила в свои силы, надеялась, что сумею создать новую труппу». Уход из труппы «Сайяр» сразу трех артисток, и прежде всего Сахибджамал, актрисы вполне сложившейся и успешной, конечно, не был безболезненным. Однако великой актрисе, видимо, стало недостаточно лишь артистической карьеры, захотелось по-настоящему, свободно заниматься не только игрой на сцене, но и режиссурой и организацией театра. Вероятно, повсеместный интерес к театру, который она видела во время гастролей по стране, подвигнул ее на этот трудный и необходимый для развития татарского театра шаг.

Естественно, казанские театралы весьма сожалели об этом шаге Сахибджамал-туташ. Даже спустя три года, подводя итоги театрального сезона 1914–15 годов в журнале «Анг», театральный обозреватель Г.Карам писал: «Конечно, Сахибджамал-туташ – первый цветок нашей национальной сцены, ее историческое лицо. Можно утверждать, что до сего дня Сахибджамал-туташ – самая талантливая артистка во всем мусульманском мире. Ее способности и мастерство являются врожденными, а не результатом обучения. Она талантливая актриса как физически, так и духовно.

Казанцам так недостает ее прекрасной и душевной игры, на ее отсутствие в нашем городе они смотрят как на какую-то нелепую жизненную ошибку».

Оставить «Сайяр» в самом расцвете сил, когда она была признанной звездой сцены, когда каждый ей поклонялся, и взяться за создание новой труппы с азов — этот шаг требовал от актрисы и большой решимости, и таланта организатора. Прежде всего, нужно было найти талантливых людей, воспитать и закалить их так, чтобы они выстояли перед любыми трудностями. Именно с поиска артистов С.Гиззатуллина-Волжская приступила к созданию своей труппы. Она написала письма-приглашения самодеятельным артистам, певцам, музыкантам, с которыми сталкивала ее жизнь во время многочисленных гастролей. Так возникла вторая профессиональная татарская труппа «Нур». В нее, кроме трех актрис, вошли Заки Баязидский, игравший в «Сайяре» с 1908 года, певец Фаттах Латыпов, Шакир Шамильский и другие, всего восемь человек.

Нужно было найти пьесы, которые не только могли бы увлечь зрителя занятным сюжетом, но и воспитывать его, и составить репертуар, отвечавший требованиям времени. Для существования труппы необходимо было найти и материальные ресурсы... С новой труппой ей пришлось заново пройти тот путь, который она уже проходила с труппой «Сайяр» в течение пяти лет — и голод, и холод, и безденежье, и нападки фанатиков, и запреты властей... Но теперь уже она взяла всю ответственность на себя — и за всех артистов, и за ее репертуар, и за все остальное, связанное с жизнью новой труппы.

«До 1918 года Сахибджамал-ханум была художественным руководителем и режиссером этой труппы. Она была ее сердцем и душой. Ее терпеливый и твердый характер помогал ей не поддаваться никаким трудностям, что удивляло даже нас, мужчин. Если сейчас подумать, диву даешься. Такое терпение, такая преданность своему делу, безграничная любовь к нему — все это не может не удивлять. В каком бы трудном положении ни оказывалась труппа, Сахибджамал-ханум сохраняла ее от развала, хотя бы ценой продажи или сдачи в ломбард последней своей одежды», — вспоминал Ш.Шамильский.

Новая труппа открыла свой первый сезон в Уфе осенью 1912 года. Затем коллектив отправился по городам Средней Азии. Две зимы труппа выступала в Оренбурге, летом отправляясь в турне по городам Поволжья и Сибири, пока в 1916 году окончательно не обосновалась в Уфе. Сахибджамал Гиззатуллина-Волжская показала себя не только талантливым организатором, но и способным руководителем. Своим примером она воспитывала в артистах настоящую преданность театру. Преодоление трудностей на пути к настоящему искусству закаляло их, приучало не гнушаться никакой, даже самой черной работы. Они сами шили костюмы, готовили декорации, писали афиши, переписывали от руки роли... С.Волжская требовала дружеских взаимоотношений в труппе, уважения друг к другу, что справедливо считала необходимым для ее развития. И ей удалось сделать «Нур» коллективом единомышленников, горевших одним желанием — создать высокопрофессиональный ансамбль и тем самым служить своему народу.

Г.Карам в упомянутой статье подчеркивал: «Ее отсутствие в труппе «Сайяр», безусловно, является очень большой потерей для Казани. Однако, беря во внимание то, что эта мужественная татарка создала в Оренбурге свою самостоятельную труппу, где старается воспитать таких успешных артистов, как Альмяшев и другие, можно несколько примириться с этим фактом. От души верится, что в будущем можно будет увидеть плоды этой ее смелости и усердия. Нет сомнения, что молодежь,

прошедшая школу такой умелой актрисы, как Гизатуллина, в будущем пополнит когорту талантливых артистов».

С.Волжская, изучая индивидуальные особенности начинающих артистов, старалась развивать их. Она объясняла артистам, что только развивая свои личные качества, необходимые артисту, можно воплотить на сцене духовный мир героя, увлечь зрителей своей игрой. Никто не только не должен повторять игру другого, но и не должен повторять свои приемы, не применять штампов — это ее кредо. Как режиссер, она была неистощима и неутомима. При подготовке новых спектаклей она часами обучала артистов, стараясь довести до совершенства ту или иную картину, тот или иной эпизод. В то же время она сама постоянно работала над своими все новыми и новыми ролями. И верховенство в ее творчестве всегда принадлежало ролям, освещавшим или ставившим темы борьбы за свободу женщины.

«Я любила играть сильные роли», — вспоминала актриса. И на самом деле, именно в героико-романтических и трагических ролях раскрывался ее неповторимый талант. Вот Сагадат из пьесы азербайджанского писателя Н.Вазирова «Мусибате Фахретдин» (Несчастье Фахретдина). Татарская и русская периодика тех лет с неизменным постоянством восхваляла игру Сахибджамал в этом спектакле за «чрезвычайно мастерски исполненный» образ. Любили эту ее героиню и зрители.

Вот Катерина из «Грозы» А.Н.Островского. Артистку привлекал этот образ своей страстностью. Она создавала его, опираясь на традиции русской театральной школы. Реалистическим исполнением образа этой героини с сильным характером, ее тяжелой духовной драмы артистка буквально потрясала зрителей.

Вот Луиза, нежное, прекрасное дитя природы из «Коварства и любви» Ф.Шиллера. Зрители неизменно бывали очарованы страстной, искренней — нет не игрой, а жизнью на сцене — Сахибджамал Гизатуллиной-Волжской в этой роли и Г.Казанского (1891–1938) в роли Фердинанда, их борьбой за свою любовь, за достижение счастья.

Или взять спектакль по пьесе С.Рамеева «Живи, Зубейда, буду жить и я». С.Волжская старалась пробудить в зрителях горячее сочувствие к бескомпромиссной борьбе героини за свое счастье, за свою любовь и добивалась этого. Как отмечал театровед Х.Кумысников, Сахибджамал Гизатуллина-Волжская своей игрой умела показать то общее, что объединяло Луизу и Зубейду, живших в разное время и в разных странах, в разных условиях.

Вот Сарби из пьесы Г.Камала «Уйнаш (Распутство)». Сахибджамал так умело изображала муки совести измученной Сарби, что все зрители в зале плакали от жалости к униженной татарской женщине. Трагедия татарки пронизывала каждое слово артистки, чувствовалась в каждом ее движении. Даже артисты, стоявшие за кулисами, бывали потрясены игрой С.Волжской, особенно сценой, в которой актриса показывала, как Сарби теряет разум. Театральный критик Самат Шарифутдинов писал в газете «Тормыш» от 20 декабря 1916 года: «Труппа сыграла «Уйнаш» на самом деле неожиданно хорошо. Очень хорошо исполнила роль молодой, красивой татарки, ставшей жертвой коварной старухи, обеспечивающей свое существование путем уничтожения других, С.Волжская. Особенно хороша была ее игра в последнем действии. Воздействие ее игры на души было таково, что она заставила даже самые твердокаменные сердца пожалеть свою героиню, прослезиться над судьбой бедняжки».

Впрочем, невозможно перечислить и охарактеризовать все роли, которые исполнила артистка. Да здесь это и не нужно. Оставим это историкам театра, театроведам. В

данном случае я попыталась лишь кратко воссоздать историю возникновения татарского театра, нарисовать образ первой татарской актрисы несколькими штрихами.

Гази Кашшаф обратил внимание еще на одну сторону деятельности С.Гиззатуллиной — она была одной из тех, кто сделал первые шаги для зарождения балетного искусства в татарском театре. В 1917 году она подготовила и показала в Уфе представление под названием «Кабаре», составленное из танцевальных номеров. Газета «Тормыш» сообщала: «В «Кабаре» показаны различные кавказские танцы с участием знаменитой артистки С.Гиззатуллиной-Волжской. Все остались довольны ею... От нее исходила какая-то легкость, ловкость, живость».

Видимо, артистка вспомнила свою юность, танцевальную школу Зенцовой... Впрочем, с тех пор и прошло-то всего десять лет! Партнером Сахибджамал в танцах на этот раз был известный уфимский танцовщик Нургали Аминов (1894–1966). Конечно, «Кабаре» нельзя в полном смысле слова назвать балетной постановкой, но это уже была весть о том, что в будущем весьма возможно появление у татар и балета. И, во всяком случае, это показатель того, что С.Гиззатуллина-Волжская находилась в постоянном поиске, что ее колоссальные силы и возможности далеко не исчерпаны. Это вполне понятно. Несмотря на титаническое служение театру в течение десяти труднейших, но незабываемых лет, актрисе все еще только двадцать пять! Впереди еще вся жизнь!

...Очень коротко о ее судьбе после 1917 года. Отыграв сезон 1917/18 годов в Уфе, руководительница труппы «Нур» в связи с обострившейся болезнью отправилась в Казань, показаться врачам. Оттуда по совету профессора А.Н.Казембека она отправилась на кумысную дачу близ деревни Иж-Буби (ныне в Агрызском районе РТ), где ее застала гражданская война. Пока актриса лечилась и ожидала артиста Б.Болгарского, который должен был приехать за ней, она с помощью уфимских учителей, оказавшихся там же, успела подготовить и поставить в Иж-Буби два любительских спектакля.

Тем временем регион стал ареной ожесточенной борьбы между «красными» и «белыми»: менее чем за год власть в крае менялась пять раз! После прихода туда в сентябре 1918 года Красной Армии Сахибджамал-ханум с помощью члена Центральной мусульманской военной коллегии Шакирджана Хамиди занялась организацией татарского театра в Ижевске. В 1919 году прославленная актриса С.Гиззатуллина-Волжская — артистка труппы, созданной при политотделе Второй Красной Армии на Восточном фронте. После освобождения Ижевска от колчаковцев она в составе труппы вернулась в город.

В 1920 году по приглашению руководства только что образованной молодой Татарской республики Сахибджамал-ханум приехала в Казань. Но здесь театральный коллектив еще только восстанавливался, было немало интриг, спектакли шли нерегулярно... «За три месяца работы в Казани мне дали только две роли, — вспоминала она. — Я чувствую свою ненужность и пустую трату времени. К тому же я простудилась и подхватила бронхит. Так как у меня не было ни сил, ни возможностей для лечения, я думаю о возвращении в Ижевск. И соратники-артисты поддерживают это мое решение. «Да, здесь фактически нет работы, лучше будет уехать», — говорят они. Я уезжаю».

Так Казань вторично потеряла великую актрису. Конечно, неутомимой актрисе, жившей одним лишь театром, привыкшей ежедневно полностью отдаваться работе, такая малая занятость сродни была безделью. В Ижевске же ее встретили с радостью. Выздоровев при помощи друзей, она обосновалась в этом городе, руко-

водила русским и татарским театральными коллективами, играла сама, воспитывала новых артистов. Но колоссальный труд и полная лишений жизнь привели к тяжелой болезни.

«Когда мое состояние улучшилось, я начала играть в Коммунистическом клубе на русском языке, в Клубе рабочих-татар — по-татарски. Так до 1923 года работала в двух клубах. Но это далось мне очень нелегко. У меня боли в груди. Очень беспокоит горло. Даже бывали случаи, когда во время игры на сцене у меня начинался такой кашель, что я просила опустить занавес. Я показываюсь доктору. Он мне сообщает, что у меня туберкулез, а в горле еще и катар. Требуется, чтобы я на полгода оставила работу для лечения. Но оставить полностью работу невозможно, возможно лишь на некоторое время прерывать ее для лечения. Так как совмещать работу в двух клубах стало очень трудно, я ушла из русского клуба и стала работать лишь в татарском клубе», — рассказывала С.Гизатуллина-Волжская в 1926 году.

В том же году она была приглашена на празднование двадцатилетия татарского театра в Казань, избрана в Президиум торжественного собрания, выступала с воспоминаниями в печати. На заседании были объявлены имена девяти артистов, получивших звание «Герой труда» и шести артистов, ставших заслуженными артистами. Сахибджамал-ханум наряду с Касимом Шамильским, Мухтаром Мутиным, Каримом Тинчуриным, Бари Тархановым и Зайнелгабидином Султановым получила звание «Заслуженный артист» (официально это звание стало присуждаться лишь в 1940 году).

Однако долго радовать зрителей Ижевска своей игрой актрисе не пришлось. Болезнь обострилась, ей сделали две серьезные операции, что вынудило расстаться с делом всей жизни — сценой. И яркая, талантливая актриса, одна из основоположниц татарского театра, в конце двадцатых годов фактически ушла в небытие. Правда, ей удалось вылечиться, но вернуться на сцену в качестве актрисы было уже не суждено. Она продолжала руководить любительскими коллективами Ижевска, мечтала вернуться в Казань. Но...

Официальные органы Татарстана вспомнили о ней лишь в начале 60-х годов, и то на короткое время. Конечно, артисты камаловского театра и благодарные зрители прошлого не забывали ее, по мере возможности встречались с ней, но это были лишь эпизодические встречи. Как же мы богаты на таланты и как же мы не умеем ценить их при жизни! Судьба актрисы, основоположницы татарского театра, игрой которой восхищались тысячи зрителей, в том числе и корифеи нашей культуры, еще раз доказывает это. Впрочем, как говорится, «нет худа без добра» — можно смело предположить, что могло случиться, если бы о ней вспомнили в годы сталинского террора!

Официальные органы Татарстана вспомнили об актрисе, на мой взгляд, лишь благодаря спектаклю «Гульджемал», поставленному в 1963 году режиссером Празом Исанбетом в Татарском академическом театре по пьесе Наки Исанбета. Прототип главной героини — актрисы Гульджемал, которую удивительно искренне и правдиво сыграла Асия Галиева, — первая татарская артистка Сахибджамал-ханум. Разумеется, Гульджемал — обобщенный образ, а не слепок с одной только Сахибджамал. Незабываемый образ актрисы начала XX века, созданный актрисой середины века с удивительной теплотой, проникновением в ее внутренний мир, никого не оставлял равнодушным. Этот спектакль притягивал к себе как магнит, казалось, что повторный просмотр откроет еще какие-то новые черты, незамеченные при первом знакомстве. Я уже почти забыла содержание пьесы, но до сих пор

отчетливо помню эти впечатления от образа актрисы, который только выигрывал от повторных просмотров.

Асия-ханум, создавшая образ Гульджамал, рассказывала мне, что премьера спектакля состоялась 3 июля 1963 года в Уфе, после чего началось триумфальное шествие спектакля по республикам Средней Азии, Урала, Поволжья. И всюду после спектакля актрису засыпали цветами, за кулисы приходили десятки зрителей, помнивших игру Сахибджамал-ханум и благодаривших Асию-ханум за воплощение ее образа на сцене, присылали записки и письма... Вот одно из них. «Вы создали образ татарской девушки того времени, образ актрисы, которая шла против воли «общества», против родителей, против всех реакционных сил. Я увидела в Вас и себя, и почувствовала эпоху. Вы заставили волноваться и радоваться. Я очень люблю Сахибджамал и ей обязательно напишу», — писала Асии-ханум 5 июля 1963 года народная артистка Башкортостана Бадар Юсупова.

В Казани премьерный показ спектакля состоялся осенью 1963 года А.Галиева в своих опубликованных воспоминаниях отметила, что познакомилась с прототипом своей героини, специально приехавшей из Ижевска на спектакль в Казань, лишь после премьеры. Они долго разговаривали, вместе сфотографировались. Как писал журналист М.Хуснимарданов в очерке «Туташ», посвященном столетию Сахибджамал-ханум, у А.Галиевой хранится магнитная запись слов, сказанных С.Волжской после спектакля. Вот они: «Я следила за Гульджамал увлеченно, забывшись. Асия Галиева исполнила эту роль проникновенно и очень старательно. Многие люди прослезились. И я была в таком же состоянии. Захотелось поцеловать Гульджамал. Пусть живет наша Гульджамал-Галиева!». Это ли не высокая оценка творчества актрисы нового поколения!

«После этой встречи между нами установилась крепкая дружба. Мы с ней переписывались (она жила в Ижевске), встречались каждый раз, когда она приезжала в Казань», — продолжила А.Галиева воспоминания. Актриса показала мне письма, фотографии и открытки, полученные от Сахибджамал-ханум. От них веет бесконечным одиночеством, в котором оказалась старшая коллега. В надписях на фотографиях, относящихся к периоду творчества актрисы, читаю: «Дарю на память свою фотографию моей самой любимой артистке А.Галиевой-ханум. Прошу, не теряйте, не забывайте меня. Волжская»; «Милая Ася! Дарю Вам фото, чтобы Вы меня не забыли. До свиданья, мой единственный друг. 13 апреля 1964 года. Волжская» и другие.

Но вернемся к воспоминаниям А.Галиевой. «Сахибджамал Гизатуллина-Волжская была худенькой, стройной женщиной. Она всегда, и дома тоже, была одета очень аккуратно, красиво. В ее походке, взгляде, во всем ее виде чувствовалась гордость и независимость. В то же время она держалась очень естественно. Хотя она была невелика ростом, казалась крупной. Ее походка, осанка, голос показывали ее крупнее и отражали ее богатый духовный мир. На собеседника она смотрела прямо, строго, слушала с вниманием. Говорила медленно, очень четко выражала свои мысли. Несмотря на солидный возраст, она казалась удивительно молодой, и разговаривала красивым грудным голосом. Ее речь на чисто литературном татарском языке была богата редко применяемыми глубокосмыслительными тюркизмами. Меня удивлял ее острый ум и четкое и плавное течение ее мысли», — так рисует великую актрису в последнее десятилетие ее жизни Асия-ханум в своих воспоминаниях.

По-видимому, не без впечатления от этого спектакля правительственные органы Татарстана решили устроить переезд С.Гизатуллиной-Волжской в Казань. Это случилось в 1966 году. Хотя театральная общественность не забывала приглашать

ее на разные мероприятия и встречи, вряд ли можно сказать, что правительство сделало все, чтобы ее старость была покойной и счастливой. При ее жизни официально не отмечался ни один ее юбилей, она не имела никаких званий и наград. Почти нет и записей телевизионных и радиопередач с ее воспоминаниями, видеофильмов. А умерла она в 1974 году восьмидесяти двух лет, в Чистополе, в психиатрической больнице, куда была переведена из дома престарелых в Казани. Умерла так же забытая всеми, как она была забыта в течение почти полустолетия, и даже похоронена была там же. Лишь спустя некоторое время, когда до вернувшихся из гастролей артистов камаловского театра дошла весть об этом, и они стали беспокоить министерство культуры своими звонками, ее останки ночью были перевезены в Казань, перезахоронены на татарском кладбище, был поставлен и памятник.

Хочу завершить очерк справедливыми и горькими словами журналиста М. Хуснимарданова: «Если бы такая великая личность была у другой нации, скажем, у русских братьев, они давно бы создали ее музей... Только мы ставим памятники (намогильные) нашим талантам, нашим первопроходцам, ставшим гордостью народа, лишь спустя десятки лет»...

Татарки в средних и высших учебных заведениях.

Среди них философы, ученые, врачи...

М. Музаффария.

Чтобы появились профессиональные философы, ученые, врачи и т.п. специалисты, необходимо соответствующее образование — индивидуальное или коллективное, в специальных учебных заведениях своей или иных стран. Хотя мусульмане Поволжья и Приуралья имели в течение веков свою специфическую систему начального и среднего мусульманского образования, у них не было собственных средних и высших учебных заведений, готовивших специалистов разных профессий, нужду в которых татарское общество ощущало все больше по мере своего развития.

Конечно, татары, как составная часть населения Российской империи, могли бы получать специальное светское образование в русских средних и высших учебных заведениях — государственных, общественных или частных. Однако перед татарами на пути к профессиональному образованию стояло много преград. Прежде всего, конечно, нужно говорить о замкнутости татарского общества, на протяжении веков обеспечивавшей сохранение языка, религии, культуры народа.

В предыдущих очерках уже говорилось о причинах, приводивших к обособленности татар, в частности, основанных на разности религий — православия, имевшего государственный статус, и ислама, который исповедовали татары. Многовековая политика царского правительства, направленная на обрусение и христианизацию нерусских народов, привела к тому, что татары в каждом русском учебном заведении видели очаг русификации. А это явилось причиной того, что они остерегались отдавать своих детей (речь идет лишь о мальчиках, об обучении девочек вообще речи не было) в любое русское учебное заведение. И такое отношение татар к русской школе сохранялось вплоть до начала XX века. На рубеже XIX—XX веков положение стало меняться.

Сначала сделаем небольшой экскурс в историю женского образования в России.

Во всем мире, в том числе и в России, женское профессиональное образование возникло гораздо позже мужского. Первое женское закрытое привилегированное воспитательно-образовательное учреждение в России — Смольный институт благородных девиц — было создано в 1764 году Екатериной II в Петербурге. Подобный институт в Казани (с шестилетним сроком обучения), названный Родионовским в честь благотворительницы, помещицы А.Н.Родионовой (1751–1827), завещавшей средства на его создание и содержание, был открыт в 1841 году.

Второй шаг на пути женского образования в России был сделан «Ведомством учреждений императрицы Марии Федоровны», созданным в 1797 году. Оно занималось различными благотворительными заведениями, детскими приютами, воспитательными домами. Курируя институты благородных девиц, оно постепенно расширяло сеть женских школ. Конечно, школы эти создавались при подведомственных ведомству учреждениях и давали лишь первоначальное образование. К основным типам женских школ относились также епархиальные духовные училища и частные пансионы. Но к середине XIX века все эти учебные заведения перестали удовлетворять потребности российского общества, так как они не давали серьезных знаний и были закрытыми сословными учреждениями. К тому же их было очень мало.

В 50-х годах XIX столетия, когда в стране чрезвычайно обострилась, вплотную встала проблема преобразования существующих порядков, возник и вопрос об организации всесословных женских общеобразовательных учебных заведений. В 1858 году министерством народного просвещения было утверждено «Положение о женских училищах МНП», открывавшихся «для девиц всех свободных сословий». Училища были разделены на два разряда. Училища первого разряда имели шестилетний, а второго разряда — трехлетний курс обучения. Одним из первых в 1859 году женское училище 1 разряда было открыто в Казани.

В 1860 году «Положение о женских училищах ведомства министерства народного просвещения» с небольшими изменениями и добавлениями было утверждено Александром II. Женские училища имели значительно суженные, по сравнению с мужскими, программы обучения и предназначались для подготовки девушек лишь к обязанностям жены и матери. По всей России к 1870 году было открыто 37 училищ первого разряда и 94 училища второго разряда.

В 1870 году было утверждено «Положение о женских гимназиях и прогимназиях», которое действовало вплоть до 1917 года. Оно подтвердило уже сложившееся положение; при этом училища 1-го разряда были переименованы в женские гимназии. В зависимости от того, какое ведомство открывало и содержало гимназии, они назывались министерскими (МНП) или мариинскими. Их учебные планы и программы лишь немного отличались друг от друга. Училища второго разряда этим положением были преобразованы в прогимназии с четырехлетним курсом обучения, соответствовавшим первым четырем классам женских гимназий. Сами гимназии были семилетними и могли иметь восьмой дополнительный (педагогический) класс, одно- или двухгодичный.

В эпоху «великих реформ» в России уже начала зарождаться прослойка женщин, пытавшихся жить самостоятельно, за собственный счет. Это было вызвано как осознанием молодыми, начитанными девушками недостаточности домашнего образования, так и изменениями в социально-экономическом статусе дворянства. «Оскудение дворянства» заставляло его представителей искать средства к существованию. Как отмечала в работе «Положение женщины в эволюции хозяйства» А.И.Коллонтай, «без образования, без выучки двери интеллигентского заработка

оставались закрытыми перед женщинами». По свидетельству МНП, значительная часть учениц женских гимназий уже в конце XIX века принадлежала к группам с недостаточным состоянием, и открытием восьмого педагогического класса оно способствовало решению, по меньшей мере, двух задач — обеспечения создававшейся в стране сети земских начальных школ учительскими кадрами и выпускниц гимназий — заработком после школы. Права поступления в университет выпускницы гимназий, так же, как и выпускницы институтов благородных девиц, не имели. Высшее образование оставалось привилегией мужской половины населения.

В России о высшем женском образовании впервые заговорили на рубеже 50–60-х годов XIX века в ходе подготовки буржуазных реформ. До 1859 года в России никто и представить не мог, что в университетских аудиториях может появиться женщина. И когда в один из осенних дней 1859 года вслед за профессором истории К.Д.Кавелиным, как вспоминал тогдашний студент Петербургского университета Л.Ф.Пантелеев, «появилась фигура ректора П.А.Плетнева, ведшего под руку молодую миловидную барышню», удивлению студентов не было предела. Это была Наталья Иеронимовна Корсини. Вслед за ней в университет пришли ее сестра Екатерина, Мария Александровна Обручева (Бокова), Мария Арсеньевна Богданова (Быкова), Надежда Прокофьевна Суслова и другие.

Так как действовавший тогда университетский устав 1835 года вообще не предполагал присутствия женщин в университете, не было ни разрешения, ни запрета на посещение лекций женщинами. И руководство университета, пользуясь этим, не препятствовало смелому шагу женщин. В результате примерно через полгода после появления Н.И.Корсини в Петербургском университете, на некоторых лекциях «дам бывало чуть ли не столько же, сколько студентов» (Л.Пантелеев).

«Вторжение женщины в мужскую цитадель — университет — явилось поистине революционным актом и положило начало их длительной борьбе за доступ к высшему образованию. Первый шаг — выступление против установившихся традиций и обычаев, принятых в обществе, — требовал от женщин гражданского мужества, твердости и упорства в достижении цели», — отмечает Э.А.Павлюченко в работе «Женщины в русском освободительном движении».

Конечно, даже регулярное прослушивание того или иного курса лекций не приближало женщин к получению систематического высшего образования. Как правило, уровень подготовленности первых «студенток» был недостаточным, да и не все профессора были готовы к присутствию женщин на лекциях. Тем не менее первые «студентки» стали своего рода знаменитостями, о них сообщали в печати, было много разговоров в обществе. Где-то о них говорили как о «передовых девушках», а где-то их обвиняли в падении нравов. Нам трудно представить, что всего полтора столетия назад вопрос типа «могут ли девицы посещать лекции и прилично ли это?» всерьез обсуждался не только в столичных салонах, но и на страницах периодики.

Появление женщин в университетских аудиториях стало лишь начальной вехой на их пути к высшему образованию. «Дух эпохи», потребности нового времени заставили и правительство в эпоху «оттепели» приступить к обсуждению вопроса о высшем женском образовании. На рубеже 50–60-х годов XIX века разрабатывался новый университетский устав, и особое место в его обсуждении заняла проблема не только посещения университета женщинами, что было сделано ими явочным порядком, но и проблема высшего женского образования в стране в целом.

Министр народного просвещения даже направил во все университеты запрос: «Могут ли женщины допускаться к занятиям в университете?». В 1862 году

«мнения советов университетов по вопросу о допущении лиц женского пола к слушанию университетских лекций» были опубликованы. Совет Казанского университета, руководимый известным химиком А.М.Бутлеровым, так же, как и Советы Петербургского, Харьковского и Киевского университетов, высказался за допущение женщин не только к прослушиванию лекций на все факультеты, но и к испытаниям на ученые степени и звания с правом педагогической и медицинской практики. Из тогдашних шести российских университетов лишь два (Московский и Дерптский) дали отрицательный ответ.

Несмотря на то, что большинство университетов выступило за допуск женщин к высшему образованию, новый университетский устав 1863 года, как и прежний, оставил их чисто мужскими учебными заведениями. К тому же особым распоряжением министра просвещения женщинам было категорически запрещено присутствовать на лекциях. Несмотря на то, что женщины подавали прошения о разрешении продолжать слушать лекции в самые высокие инстанции, Александр II «не изволил признать нужным сделать отступление от университетских правил».

Исключение было сделано лишь для Варвары Александровны Кашеваровой, с разрешения военного министра зачисленной в Медико-хирургическую академию с обязательством по окончании курса ехать в Оренбургский край для лечения женщин-мусульманок. За нее ходатайствовал оренбургский генерал-губернатор, а Оренбургское казачье войско выделило стипендию. Эти обстоятельства и исключительная твердость и настойчивость самой В.А.Кашеваровой помогли ей в 1868 году первой среди женщин получить диплом врача в самой России.

Со второй половины 60-х годов все больше российских женщин уезжало в заграничные университеты, что правительство по многим причинам считало нежелательным. К тому же и бурное развитие капитализма в стране обострило потребность в рабочих разных профессий, требовавших высшего образования. Проблема высшего женского образования продолжала обсуждаться в печати. Необходимость ее решения была очевидна. В начале 1872 года профессор Московского университета В.И.Герье, воспользовавшись «высочайшим повелением» учебному ведомству «поощрять женщин на поприще воспитательном», добился разрешения открыть систематические научные курсы для женщин. Сначала они были двухгодичными, с 1874–1875 годов стали трехгодичными. Так в Москве появились первые частные женские курсы, послужившие образцом для других городов.

Другой заметной вехой в истории борьбы за высшее женское образование в России явилось открытие Высших врачебных курсов. Появление их было вызвано насущной потребностью страны в медицинских рабочих. 10 июня 1872 года военный министр Д.А.Милютин отдал приказ об учреждении при Медико-хирургической академии «курсов для образования ученых акушеров». В 1876 году они стали называться Высшими женскими врачебными курсами. Они также были частными, так как содержаться должны были на частные пожертвования и плату за обучение.

Появление женщин в стенах Казанского университета также связано с проблемой подготовки медицинских рабочих из женщин. Профессор А.И.Козлов, возглавивший в 1856 году кафедру повивального искусства и акушерства, не только расширил акушерскую клинику при университете, но и тогда же организовал и акушерскую школу при ней. В Положении «Об учреждении при императорском Казанском университете курса повивального искусства», утвержденном министерством народного просвещения 30 июля 1859 года, указывалось, что курс «утверждается для вольноприходящих учениц, содержащихся на собственном иждивении, с целью

умножения образованных повивальных бабок, число коих в сем крае весьма недостаточно».

Ученицы на курс принимались «из всякого состояния» в возрасте от 20 до 40 лет, подав прошение с приложением письменного вида на проживание, метрического свидетельства о рождении и свидетельства о хорошем поведении. Особо указывалось: «Медицинский факультет испытывает поступающих в способностях, в умении читать и писать по-русски, удостоверяет в отсутствии телесных недостатков, препятствующих занятиям повивальной бабки». Полный курс учения первоначально составлял два года; отмечалось, что «плата за обучение с учениц не взимается», что по прослушивании курса «ученицы подвергаются в полном присутствии факультета испытанию и по удовлетворительном окончании оного удостоиваются звания повивальной бабки со всеми правами и преимуществами, дарованными сему званию в Российской империи».

Конечно, женщины, обучавшиеся в акушерской школе, не были в полном смысле слова студентками. Занимались они в специальном, женском, акушерском классе, отдельно от мужчин, и получали, обозначая современными терминами, минимальное, но специальное медицинское образование и профессию акушерки (повивальной бабки). Однако почин был сделан — женщины перешагнули порог университета.

Следующий шаг — допуск женщин на лекции в студенческие аудитории. В Казани он связан с именем выдающегося педагога, профессора анатомии П.Ф.Лесгафта, работавшего здесь в 1869—1871 годах. Весьма доброжелательно относившийся к высшему женскому образованию еще в Петербурге, он и в Казани разрешил слушательницам акушерских классов присутствовать на своих лекциях для студентов в анатомическом театре. В январе 1871 года было издано «высочайшее повеление о недопущении лиц женского пола к слушанию лекций совместно со студентами». Несмотря на строжайшее запрещение, писал министру народного просвещения 14 октября 1871 года попечитель учебного округа П.Д.Шестаков, «в этом году Лесгафт пошел дальше: он допустил на свои лекции не только учениц акушерского класса, но и посторонних дам».

Мало того. П.Ф.Лесгафт совершил еще одно «преступление» — в 1870 году он поручил исполнение должности ассистента в анатомическом театре ученице акушерских классов Евгении Мужсковой. В представлении о допущении ее на эту должность он просил факультет назначить Е.Мужскову взамен ассистента из студентов с вознаграждением в 16 рублей ежемесячно. Свой выбор он обосновывал тем, что в отличие от студентов «Мужскова занималась в прошлом году в анатомическом театре по 12 и 14 ч. в сутки; во-вторых, тем, что Мужскова при приготовлении анатомических препаратов выказывала большую техническую ловкость и терпение».

Эти неординарные шаги молодого профессора усилили недовольство его действиями университетского начальства, взбешенного, в частности, опубликованием П.Ф.Лесгафтом обличительных статей о руководстве Казанского университета в «С.-Петербургских ведомостях». Чаша терпения администрации переполнилась — 14 октября 1871 года приказом министра П.Ф.Лесгафт был уволен без права дальнейшей преподавательской деятельности.

Кроме университетских лекций П.Ф.Лесгафта, казанские женщины посещали и публичные лекции, организованные обществом естествоиспытателей, возникшим при Казанском университете в 1869 году. Газета «Казанские губернские ведомости» от 13 февраля 1871 года поместила весьма примечательную статью под названием «Голос женщины по поводу публичных лекций в университете».

В ней говорилось: «В здешнем университете будут читаться лекции, слушать которые могут все жаждущие знания» — такая весть распространилась по городу в начале прошлого месяца, но многим она казалась несбыточной до тех пор, пока нельзя было убедиться собственными очами в ее справедливости — так желанно, так прекрасно было это известие. Наконец, лекции начались... Слушателей теперь более 200 человек, и нельзя ручаться, что это число не удвоится во второй семестр... Факт прилива сразу такого значительного числа слушателей показывает, как натосковалось общество жизнью, почти лишенной всяких умственных интересов, и как велика все-таки в массе потребность в серьезном учении. Утешительно же в особенности видеть такое большое число женщин, желающих учиться».

В 1872 году публичные лекции приобрели характер публичных же элементарных курсов по ряду предметов — космографии, ботанике, физике, физической географии, химии, зоологии. Опыт оказался настолько удачным, что общество решило заняться устройством уже систематического цикла курсов, придав им учебный характер. В 1875 году при обществе естествоиспытателей была создана особая комиссия для подготовки проекта таких курсов.

«Имея в виду, что большинство слушателей на публичных лекциях общества состояло обыкновенно из женщин, комиссия нашла наиболее полезным и целесообразным проектировать не столько специальные естественно-исторические курсы, сколько **курсы общего высшего образования для женщин**, — курсы, на которых предметы естествознания и математики входили бы, как элемент общеобразовательный», — подчеркивал М.К.Корбут в книге «Казанский государственный университет».

В проекте положения о курсах указывалось: «Цель учреждения курсов есть высшее общее образование женщины». При этом авторы имели в виду дать достаточную подготовку к званию преподавательниц в средних женских учебных заведениях, по предметам, входившим в их программы. Определялся трехгодичный срок обучения. В мае 1876 года министр народного просвещения утвердил, «в виде опыта», на два года «Положение о публичных высших женских курсах в г. Казани». Они открылись 3 октября 1876 года. Уже ко дню открытия курсов, как сообщала газета «Казанский биржевой листок» от 7 октября, на них записалось 57 лиц, в большинстве своем окончивших Мариинскую женскую гимназию и Родионовский институт благородных девиц. Лекции читались университетскими преподавателями вечером в аудиториях университета.

Однако долго существовать курсам не пришлось. Хотя в условиях общественного подъема конца 70 — начала 80-х годов правительство и не решилось закрыть их, в 1882 году, с установлением нового режима Александра III, был прекращен прием на Казанские высшие курсы. А в 1884 году эти курсы, не имевшие официального статуса, прекратили свое существование. В условиях политической реакции министерство народного просвещения в 1886 году закрыло все высшие женские курсы в стране, отметив, что учрежденные в Москве (1872), в Казани (1876), Петербурге и Киеве (1878) частные учебные заведения под названием «Высшие женские курсы» признаны правительством «не удовлетворяющими по организации своей строгим научным и воспитательным целям». Второй раз в Казани высшие женские курсы появились лишь в условиях Первой русской революции в 1906 году.

А когда татары стали отдавать своих дочерей в русские учебные заведения? Однозначно ответить на этот вопрос невозможно, прежде всего, из-за отсутствия статистических данных и других документов. Можно говорить лишь о том, что до начала XX века это происходило лишь эпизодически, когда редкие среди татар

представители чиновничества, а также мурз и прогрессивного купечества с появлением женских учебных заведений в России стали обучать в них своих детей.

Приведу некоторые известные мне сведения о татарках, получивших профессиональное образование или обучавшихся во второй половине XIX века в русских учебных заведениях.

И. Рамеев и Р. Даутов в «Литературном словаре» сообщили о Биби-Латифе Назировне Назировой, которая в 1867–1870 годах прошла обучение в акушерской школе при Казанском университете, завершив его весьма успешно, о чем свидетельствует фраза «окончила с отличием» в выпускном документе. Хотя никаких других сведений найти не удалось, мы можем предположить, что у нее было не только достаточно хорошее знание русского языка, но и общее светское образование (домашнее). Это же, в свою очередь, позволяет допустить, что Биби-Латифа происходила, по меньшей мере, из городской среды, а не из крестьянской, как предполагал И. Рамеев, исходя из образования фамилии из имени отца. Да, в России фамилии, восходившие к древним основателям родов, как правило, имели представители благородных семейств. Но они обычно передавались по мужской линии. Девушки же часто не получали родовой фамилии, записываясь лишь по имени отца, как это было и у крестьян.

Разия Котлыярова (1866–?), по мужу Сулейманова, вероятно, в числе первых из татарок училась и окончила женскую гимназию в Касимове. Она же, видимо, первой из татарок получила и медицинское образование на Высших женских врачебных курсах при Медико-хирургической академии в Петербурге. Получив в 1891 году диплом врача, она вначале работала земским врачом в Касимовском уезде Рязанской губернии, затем в Баку. С 1904 года она работала в Оренбурге, где приобрела известность не только как хороший врач, но и как общественный деятель. Ее имя неоднократно упоминалось на страницах татарской периодики как одной из создательниц оренбургского общества мусульманок, активных участниц общественной жизни татар. В 1917 году татарская общественность Оренбурга торжественно отметила двадцатипятилетие ее трудовой и общественной деятельности.

Эти же курсы закончила в 1898 году Амина Батыршина. Сведений о том, когда и где она родилась, у нас нет. Известно лишь, что эту девочку-сироту взял на воспитание и дал ей возможность выучиться один из первых дипломированных врачей из татар Ханафи Батыршин (1837–1912). Ханафи-доктор, как его все называли, в 1868 году окончил медицинский факультет Казанского университета. Как стипендиат от Оренбургской губернии, он сначала работал там уездным врачом, а затем — военным врачом в Средней Азии. Амина-ханум после получения диплома врача долгое время работала доктором в Баку, одновременно ведя большую общественную работу. Она была активным членом бакинского общества мусульманок, вела большую разъяснительную работу среди азербайджанских женщин, писала статьи в газету «Каспий». Известно также, что А. Батыршина перевела на русский язык и опубликовала в газете работу О. Лебедевой «Свобода мусульманок».

Кроме имен этих трех женщин, получивших профессиональное медицинское образование (Б.-Л. Назирова, Р. Котлыярова, А. Батыршина), ни в архивах, ни в литературе я не встречала даже упоминания о других татарках, обучавшихся или занимавшихся в XIX веке какой-либо профессиональной деятельностью, требовавшей специального светского образования. Можно говорить лишь о женщинах, занимавшихся обучением детей. Но это обычно были жены духовных лиц, положение которых и мусульманские традиции уже обязывали их обучать и воспитывать канонам ислама женскую половину населения.

Правда, и здесь есть, по меньшей мере, одно исключение из правила, отразившееся в архивных делах. 8 апреля 1872 года инспектор башкирских, киргизских и татарских школ Казанского учебного округа В.В.Радлов докладывал попечителю округа П.Д.Шестакову, что к нему с просьбой об открытии в Казани русско-татарской школы для девочек обратилась вдова коллежского регистратора Б.У.Абсалямова. Он отмечал, что Б.Абсалямова «говорит свободно по-русски и умеет читать и писать. Она даже объяснила мне, что желала бы через несколько времени сдать экзамен на звание учительницы народного училища, если бы ее экзаменовали женщины».

Инспектор, хотя и сомневался, «удастся ли ей привлечь к учению девочек, потому что это идет совершенно вразрез с обычаями татар», поддержал просьбу Б.У.Абсалямовой и просил попечителя ходатайствовать перед министерством народного просвещения об открытии училища. П.Д.Шестаков, в свою очередь, в представлении от 3 мая 1872 года ходатайствовал: «Принимая во внимание, что образование татар-магометанок было бы весьма важно, и если бы опыт удался, от него можно ожидать больших результатов, имею честь просить ... учредить в г.Казани татарскую школу для девочек-магометанок, в виде опыта, на один год с ассигнованием на этот предмет в текущем году 500 рублей».

По этому представлению с 1 января 1873 года министерством были отпущены средства, и школа начала работать при 4 ученицах. Татарское общество, не желавшее обучать по-русски даже мальчиков, видимо, игнорировало начинание Бадриджамал-ханум. В.В.Радлов, посетивший школу в ноябре 1873 года, отмечал, что в ней лишь 5 учениц, но все они хорошо читают и пишут и даже разговаривают по-русски, а также решили много задач, изучив первых два действия арифметики. Он все же не терял надежды и докладывал попечителю: «Несмотря на полную неудачу, я все-таки полагаю бы ассигновать на эту школу на 1874 год еще раз 400 рублей. Если школа закроется, то едва ли когда-нибудь представится возможность открытия такой школы». Однако новые средства не были отпущены, с 1 января 1874 года школа была закрыта, а опыт Б.Абсалямовой «благополучно» забыт.

К сожалению, документы очень скупы на сведения о личности просительницы. Что же можно определить из этих данных? Бадриджамал Усмановна Абсалямова — так звучит ее полное имя — вдова коллежского регистратора. Это значит, что ее покойный муж имел самый младший гражданский чин 14-го класса по российской «Табели о рангах». Впрочем, этот чин давал его обладателю почетное гражданство и, возможно, пенсию вдове и детям. Б.Абсалямова свободно говорила по-русски и умела читать и писать, к тому же собиралась в недалеком будущем держать экзамен на звание учительницы. Эти сведения говорят нам о достаточно высоком уровне образованности (и для того времени — не только для татарки). Очень важно для нас и примечание о том, что она может сдавать экзамен только перед женщинами. Это означает, что инициатор создания женской русско-татарской школы — не обрусевшая татарка, а женщина, придерживавшаяся мусульманских традиций.

По сведениям Т.А.Биктимировой («Женщины-татарки на пути просветительства», 2001), Б.У.Абсалямова обучала своих учениц и рукоделию (шитью, вязанию и вышивке), а после прекращения финансирования МНП она продолжала обучать девочек у себя дома. В 1891 году она также издала книгу «Баит магшукнамэ (Сказание о возлюбленных)», отражавшую стремление татарок к свету, свободе, счастью.

Пример со школой Б.У.Абсалямовой показывает, что и в середине 70-х годов XIX века даже начальное светское образование для девочек на началах русской школы оставалось еще не востребованным татарским обществом, что уж говорить

об обучении татарок в русских гимназиях или высших женских курсах. Ведь для обучения в гимназии необходимо было не только знакомство с русским языком, но и минимальные знания хотя бы в объеме того же русско-татарского училища (как правило, в гимназию принимали девочек, уже имеющих элементарные знания). Очень медленно, под влиянием татарского просветительского движения и национального пробуждения положение начало меняться лишь в начале XX века.

Хотя у нас нет статистических данных о татарках, учившихся в женских училищах и гимназиях с первых лет их существования, можно с достаточной уверенностью констатировать, что до начала XX века лишь единицы учились и завершили их. Так, первыми гимназистками в Казани, по моим данным, стали Магипарваз Ахмерова и Рукия Губеева, поступившие в 1891 году в Ксенинскую женскую гимназию и окончившие здесь 7 классов в 1898 году. В 1898/99 учебном году они обе успешно учились в восьмом дополнительном классе, по окончании которого Магипарваз, как завершившая гимназию с серебряной медалью, получила свидетельство на звание домашней наставницы, а Рукия — домашней учительницы. В 1892–1900 годах в Мариинской женской гимназии училась Зайнаб Абдрахманова. К 1900 году в имевшихся двух гимназиях Казани было всего 5 татарок — Амина Терегулова, Зайнаб Саинова, Гайша Богданова, Сара и Суфия Ахмеровы.

Но это были считанные единицы. Директор народных училищ Казанской губернии в донесении от 11 ноября 1900 года на имя попечителя КУО отмечал: «Татары-мусульмане Казанского края доселе не пускают в существующие русские учебные заведения своих детей — даже мальчиков, не говоря уже о девочках. Фанатические муллы постоянно внушали и внушают им, что обучение русскому языку составляет тяжкий, непростительный грех перед Аллахом, что говорящий по-русски оскверняет свои уста, слушающий речь — оскверняет свои уши и т.д.». Естественно, распространенность таких представлений в народе была почти непреодолимым препятствием и для татар, желавших дать своим дочерям общее образование.

Не меньшим препятствием было наличие уроков «закона Божия» православного исповедания в программе гимназий, хотя дети, принадлежавшие к другим вероисповеданиям, как правило, освобождались от этих уроков. Руководство женских гимназий, стремясь «способствовать увеличению числа учениц-мусульманок», в начале XX века стало ходатайствовать перед попечителем Казанского учебного округа, а тот, в свою очередь, — перед министерством народного просвещения о введении в гимназиях уроков мусульманского вероучения.

Так, попечительный совет Казанской Мариинской женской гимназии обратился с подобным прошением к попечителю 20 мая 1902 года. «Желая дать возможность ученицам-мусульманкам получить религиозное воспитание, попечительный совет Мариинской гимназии на основании постановления от 11 сего мая имеет честь почтительнейше просить Ваше Превосходительство не отказать в исходатайствовании разрешения с начала будущего 1902–1903 учебного года пригласить муллу для преподавания вероучения ученицам-мусульманкам», — говорилось в прошении.

Завязалась переписка между управлением учебного округа, министерством и гимназией, в которой выяснялось количество учениц-мусульманок, за счет каких средств будет оплачиваться труд муллы и т.д. В ответе из гимназии от 5 июля 1902 года сообщалось, что «в настоящее время в гимназии пять учениц-мусульманок». При этом указывалось: «Приглашение муллы будет несомненно способствовать увеличению числа означенных учениц, так как отсутствие преподавания мусульманского вероучения задерживало поступление в гимназию учениц-мусуль-

манок». Расходы по вознаграждению муллы совет гимназии предполагал отнести «на общие средства гимназии».

12 августа 1902 года МНП разрешило «преподавание магометанского вероучения для учениц-мусульманок, но с тем, чтобы расход по вознаграждению приглашенного для этой цели муллы был относим не на общие средства гимназии, а на сбор с учащихся означенному предмету». (Пишу эти строки, а радиостанция «Азатлык (Свобода)» передает новости из российских регионов. И слышу: чиновник министерства народного образования России на вопрос журналиста о возможности организации радиопередач на татарском языке в федеральном масштабе отвечает: «У вас много богатых предпринимателей, почему бы им не организовать свою FM-станцию»?!! А робкое замечание журналистов, что татары такие же налогоплательщики, остается не услышанным. Что, история повторяется?)

10 сентября руководство гимназии сделало представление о назначении вероучителя и сообщило в управление округа, что гимназисток из мусульман стало семь. Наконец, 26 октября 1902 года преподавателем вероучения был временно допущен указной военный мулла г.Казани и по совместительству учитель начального училища при КТУШ Фасахутдин Мухутдинов. Директор КТУШ М.Н.Пинегин в своем отзыве отмечал: «Зная свободные взгляды Мухутдинова на светское образование мусульман, как мужчин, так и женщин, выразившиеся между прочим в отдаче его дочерей в Мариинскую женскую гимназию, я полагаю, что Мухутдинов, по сравнению с другими муллами г.Казани, является наиболее подходящим кандидатом на должность вероучителя в женской гимназии». Отсюда можно определить, что дочери муллы Амина и Марьям и дополнили число мусульманок в гимназии.

Позднее такие разрешения получили и другие гимназии, проходя при этом подобную же волокиту. Но к особо резкому увеличению числа мусульманок в гимназиях это не привело. Так, в 1904 году в трех гимназиях Казани было 15, в 1910 году в пяти гимназиях — 26, в 1915 году (в тех же пяти) — 52 мусульманки. Если взять в целом Казанский учебный округ, объединявший шесть поволжских губерний, то и здесь наблюдалась та же картина: к 1.01.1906 года во всех его женских гимназиях обучалось 20, а к 1.01.1910 года — 37 мусульманок.

Т.А.Бикмирова в результате долгих изысканий составила список из 185 татарок, обучавшихся в женских гимназиях России. Конечно, в него вошли далеко не все гимназистки. Но даже если мы признаем, что татарок-гимназисток было на порядок больше, сути дела это не меняет. Их было очень немного, если соотнести с числом всех татарок. Однако здесь с полным правом можно говорить не о количестве, а о качестве. Как правило, это были девушки целеустремленные, знающие, для чего им нужно образование, готовые служить своему народу. Поэтому, окончив гимназию, большинство из них стремилось получить высшее профессиональное образование, преодолевало всяческие препоны на этом пути, начиная с семейных и бытовых проблем и кончая российским законодательством.

Во все времена самодержавная власть категорически предписывала раздельное обучение в средней и высшей школе «лиц женского и мужского пола». По данным исследователя истории высшей школы в России А.Е.Иванова, из 65 государственных высших учебных заведений, работавших к 1917 году, 61 было для мужчин. Только три из них — Петербургский женский медицинский институт, преобразованный из Высших женских медицинских курсов в 1897 году, Петербургский женский педагогический институт (1903) и Высшие женские богословско-педагогические курсы в Москве (1914) — предназначались для женщин. И лишь одно — Высшее худо-

жественное училище живописи, скульптуры, архитектуры императорской академии художеств (1764) — принимало в число студентов лиц обоего пола.

Государство, охранительными методами сумевшее оградить казенную высшую школу от «нашествия» женщин (к 1917 году студентки составляли лишь около 4% всего контингента государственных вузов), не смогло победить стремления женщин к знаниям, к профессиональному образованию и желания общественности поддержать это стремление.

Система, как мы видели, стала давать сбои уже во второй половине XIX столетия: в университетских городах стали появляться женские курсы на общественных началах. Правительству приходилось лавировать, уступать в периоды обострения внутреннего положения в стране под натиском общественного движения, в числе других выдвигавшего и требование гражданского равноправия женщин с мужчинами, и вновь возвращаться к запретительным мерам в годы политической реакции.

В 1889 году была возобновлена лишь деятельность Петербургских высших женских (Бесгужевских) курсов. Ходатайства же других университетских городов получали безапелляционный отказ. Так, министр народного просвещения И.Д. Делянов в 1895 году отвечал ходатаям из Казани и Одессы: «Высшие женские курсы уже существовали в некоторых городах России, но дали отрицательные результаты и постепенно закрыты. Что касается С.-Петербургских высших женских курсов, то опыт их еще так кратковременен, что затруднительно судить о достигаемых ими результатах, а потому и учреждение таковых курсов в других городах является преждевременным».

Только в 1900 году Государственный совет утвердил законопроект о воссоздании «под фактическим и обязательным контролем министерства народного просвещения» Московских высших женских курсов. Это событие произошло в условиях не стихавших с 1899 года студенческих волнений и активизировало общественную борьбу за женское равноправие в области высшего образования. Студенты выдвигали, наряду с другими, требование разрешения женщинам приступить к занятиям в высших учебных заведениях, но получили категорический отказ.

Единственная уступка в «женском вопросе», на которую пошло правительство под напором общественных требований, коснулась женщин, получивших дипломы доктора медицины за границей. Указом от 9 марта 1902 года они были допущены к экзаменам в государственных испытательных комиссиях при императорских университетах и Петербургском женском медицинском институте.

«Вплоть до первой российской революции самодержавию удавалось изолировать женщин от университетов и народнохозяйственных институтов, — отмечает А.Е. Иванов в работе «Высшая школа России в конце XIX — начале XX века». — Революция пробила брешь в этой заградительной плотине. Борьбу за равноправие женщин в сфере высшего образования, помимо студентов и профессоров, активизировали и земцы». Еще активнее стали действовать и сами женщины, создавшие в мае 1905 года «Союз равноправия женщин».

В 1905 году советы всех университетов, кроме бездействовавшего Варшавского, явочным порядком допустили женщин к занятиям на правах вольнослушательниц. Так, только в августе-сентябре 1905 года в Казанский университет, например, было подано 44 прошения от женщин, которых руководство университета своим решением допустило к занятиям временно, до окончательного решения вопроса Советом министров. Совет Казанского университета на заседании 3 и 7 октября 1905 года постановил ходатайствовать перед министром о допущении женщин к занятиям.

Это, по мнению членов Совета, явилось бы «не только мудрым решением, но и актом справедливости по отношению к русской женщине, доказавшей уже стократ свою способность к восприятию научных истин и к приложению этих истин на удовлетворение народных нужд». Попечитель Казанского учебного округа отказался признать правомерность этого ходатайства и поддержать его.

15 мая 1906 года в защиту прав женщин выступили 111 депутатов Государственной думы. В своем заявлении они указывали: «Ограничения, установленные для лиц женского пола гражданскими законами, ограничения в праве получать образование на всех ступенях, ограничения в активном и пассивном избирательном праве, все вообще ограничения в публичных правах... подлежат отмене». Противники высшего женского образования среди думцев остались в меньшинстве.

Появление женщин в университетах обсуждалось 17 августа 1906 года в Совете министров. Совет констатировал: «Женский вопрос был уже на практике разрешен университетами, Советы которых, понимая дарованную им автономию, как право распоряжаться всеми делами высших учебных заведений, разрешили прием в последние женщин на правах вольнослушательниц». Однако предложение министра просвещения П.М.Кауфмана узаконить прием женщин в высшие учебные заведения наравне с мужчинами не нашло поддержки министров, хотя они и воздержались от прямых запретов.

В 1906–1907 учебном году женщины буквально наводнили университетские аудитории, несмотря на то, что их правовое положение не регламентировалось официальными документами. В этом учебном году их число в восьми университетах составило 1949 человек (из них 318 — в Казанском университете), а в следующем — 2000 человек (в Казанском — 300). Однако с поражением революции правительство вернулось к прежней политике недопущения женщин в высшую школу.

В мае 1908 года Совет министров рекомендовал новому министру просвещения А.Н.Шварцу восстановить «законный порядок» в приеме абитуриентов, а также рассмотреть фактическое положение дел с вольнослушательницами. Циркуляром министра просвещения от 16 мая 1908 года был запрещен новый прием женщин в университеты, а Совет министров 4 сентября 1908 года постановил не допускать женщин в университеты, «пока существующий закон не изменится». К изменению же его правительство не усматривало «ближайших оснований».

В этих условиях многие университеты, в том числе и Казанский, ходатайствовали о разрешении завершить начатые курсы принятым в качестве вольнослушательниц женщинам. Министерством было предоставлено право дослушать начатые курсы, но только тем вольнослушательницам, кто имел на то «законное право», и при условии, если они будут читаться профессорами в свободное от занятий время, отдельно от студентов и в свободных учебных помещениях. Циркулярным письмом от 22 декабря 1908 года попечитель Казанского учебного округа разрешил ректору Казанского университета допустить к занятиям принятых в 1906 и 1907 годах женщин. В результате произошло резкое сокращение числа вольнослушательниц. В 1909–1910 учебном году в Казанском университете, например, осталось всего 34 вольнослушательницы.

Среди 318 вольнослушательниц, в сентябре 1906 года перешагнувших порог университета, была и татарка, Кутлубаева (Губеева) Ракия Шайхаттаровна (1880–1966). Закончив одной из первых Ксенинскую гимназию в Казани, дочь отставного капитана Ракия Губеева в феврале 1902 года экстерном сдала экзамены (в том

числе и по-латыни) на аттестат зрелости при Царскосельском лицее. В конце того же 1902 года она вышла замуж за потомственного дворянина И.М.Кутлубаева, только что окончившего медицинский факультет Казанского университета и начавшего работать врачом в Казани. Оставив маленького ребенка на попечение мужа и родственников, в 1904 году она поступила в Санкт-Петербургский женский медицинский институт.

2 сентября 1906 года жена врача, медичка II курса Санкт-Петербургского женского медицинского института Р.Ш.-А.Кутлубаева подала прошение ректору Казанского университета о зачислении ее студенткой II курса медицинского факультета. «Нынче зимой при покойном ректоре Н.М.Любимове я подавала прошение о зачислении меня в число студенток на II курс медицинского факультета Казанского университета, но ответа до сих пор не получила; в силу этого еще раз обращаюсь с просьбой о принятии меня студенткой, или в крайнем случае, вольнослушательницей на II курс медицинского факультета, — писала она. — Главные причины, вследствие которых я принуждена покинуть Петербург и продолжить свое образование в Казани, следующие: во-первых, я местная уроженка-татарка; во-вторых, мой муж врач и живет в Казани; имею маленького ребенка, которому, конечно, необходимо присутствие матери; наконец, не имею и средств, чтобы жить в Петербурге отдельно от семьи».

Она была зачислена вольнослушательницей и, несмотря на все трудности, училась очень успешно. В ее личном деле в фонде университета сохранились документы, удостоверяющие это: в 1906/07 учебном году она сдала экзамены за второй курс и за пятый семестр третьего курса. Возможно, она бы за этот учебный год завершила полностью и третий курс, но рождение второго ребенка не позволило ей это, о чем говорит следующее прошение посторонней слушательницы IV курса Р.Кутлубаевой в совет медицинского факультета от 6 ноября 1907 года такого содержания: «Чсть имею покорнейше просить разрешить мне держать оставшиеся экзамены (физиология, органическая химия и фармакология) вместе со студентами, бывшими на холерной эпидемии, по случаю моей болезни, а именно по случаю родов, о чем могу представить свидетельство».

В 1907/08 учебном году Р.Кутлубаева сдала все экзамены за четвертый курс, а в 1908/09 году — за пятый курс университета, завершив тем самым учебу. Однако для получения звания врача еще необходимо было держать экзамены в медицинской испытательной комиссии Казанского университета, что женщинам в условиях поражения революции было сделать очень затруднительно. Р.Кутлубаева лишь в 1912 году выдержала экзамены при медицинском факультете и получила диплом врача; работала сначала в Казани, затем в Уфе. За многолетний труд получила звание заслуженного врача Башкирской АССР, избиралась депутатом Верховного Совета СССР.

В 1907/08 учебном году на естественное отделение физико-математического факультета Казанского университета посторонней слушательницей поступила вторая татарка — Амина Ибрагимовна Терегулова (1887–1975). Окончив в 1905 году восьмой педагогический класс Казанской Мариинской гимназии, с открытием в 1906 году Высших женских курсов в Казани она стала слушательницей этих курсов. Проучившись там год, Амина-туташ решила перейти в университет. Однако и здесь она проучилась лишь около года и 29 апреля 1908 года подала прошение следующего содержания: «Не имея возможности продолжить слушание лекций, прошу выдать мне мои документы». Сейчас, конечно, трудно определить,

об отсутствии каких возможностей шла речь — материальных, физических, моральных... Возможно, все они, составив сложный клубок, не позволили девушке тогда продолжить образование.

Отстояв государственную высшую школу от «нашествия» женщин, правительство, однако, не могло и в дальнейшем совсем игнорировать проблему высшего женского образования, как оно пыталось это делать в XIX веке. Вновь была возрождена идея организации высших женских учебных заведений. 3 декабря 1905 года получил «высочайшее» одобрение, т.е. стал законом «всеподданнейший доклад» министра просвещения И.И.Толстого о разрешении открытия курсов с программой выше среднего учебного заведения и со статусом частных, что на бюрократическом языке означало все негосударственные учебные заведения.

По подсчетам А.Е.Иванова, на основе этого закона в 1905–1917 годах возникло 72 негосударственных (общественно-частных) высших учебных заведения, число которых постоянно менялось, сократившись к февралю 1917 года до 59, среди которых 30 были чисто женскими, а остальные — смешанными. В 30 женских высших учебных заведениях к 1917 году училось 38913 женщин.

Вряд ли можно точно сказать, сколько среди них было татарок. Тщательные поиски Т.А.Биктимировой в разных архивах позволили ей установить имена 68 татарок, обучавшихся на 11 Высших женских курсах разного профиля. Конечно, этот список еще далеко не полон. К тому же не все из поступавших на высшие женские курсы, по разным причинам, могли закончить их и получить высшее образование. Но можно уверенно утверждать, что идеалом многих девушек было получение как можно более глубокого профессионального образования.

Я пыталась это показать на примере Фатимы-Фарида Вагаповой, не имевшей возможности учиться в русской гимназии, но тем не менее постоянно стремившейся пополнять свои знания, приближая то время, когда она сможет учиться в высшей школе. Татарки, подобно Фатиме-Фариде не сумевшие получить гимназическое образование, как правило, стремились самостоятельно подготовиться и экстерном сдать экзамены за курс женских или даже мужских гимназий, чтобы предъявить полноценный документ при поступлении в высшую школу. А уж те девушки, которые учились в русских женских гимназиях, использовали любую возможность для поступления на высшие женские курсы. Приведу несколько примеров.

Возьмем девушек, участниц кружка «Шимба», о которых я уже немного рассказывала в предыдущем очерке. Они все стремились получить высшее образование. Так, Суфия Кулахметова (1890–1972), одна из наиболее активных участниц кружка и успешных актрис, выступавшая под фамилией Мурадова, в 1908 году экстерном сдала экзамены на аттестат зрелости по программе мужских гимназий, той же осенью поступила в Петербургский женский медицинский институт. Окончив его в 1914 году, работала врачом в Казани.

Сестры Габитовы — Зайнаб и Рабига — также пытались получить высшее образование. Так, Рабига (1889–1966) с перерывами училась на Казанских высших женских курсах, после окончания в 1905 году семи классов Мариинской женской гимназии, поступив на них сразу по их открытии в 1906 году. В архиве курсов сохранилось несколько документов, свидетельствующих о том, что Рабиге приходилось отчисляться с курсов из-за невнесения платы за обучение. Тем не менее, заработав деньги для учебы преподаванием, она вновь восстанавливалась в числе курсисток и продолжала образование. Поэтому она завершила его только в 1918 году. Работала учительницей в школах Казани.

Большинство татарок, желавших получить высшее образование, поступали в высшие женские учебные заведения Петербурга и Москвы. Почему не Казани? Ответ здесь однозначен: Казанские высшие женские курсы, работавшие в 1906–1918 годах, готовили лишь преподавателей истории, а также русского языка и литературы. Учебных заведений, где могли бы работать эти девушки, у татар не было. Работать же в русских учебных заведениях они не могли по российским законам. Если вспомним, что большинству этих девушек был нужен заработок для существования, к тому же они мечтали служить своему народу, то станет ясным, почему они стремились в Петербург и Москву, где выбор специальностей был шире.

А на Казанских высших женских курсах, по моим сведениям, училось ежегодно не более трех-пяти мусульманок. Это, по всей видимости, исходило из политики социально-охранительного регулирования состава студенчества в целом, что, естественно, касалось и исповедально-национального аспекта. Высшая школа была русской не только по языку преподавания, но и предназначалась, в первую очередь, для лиц православного вероисповедания. В ежегодных отчетах о состоянии курсов приведены такие данные: в 1908/09 учебном году среди 649 курсисток была всего одна мусульманка, в 1909/10 — ни одной, в 1910/11 — 3, в 1911/12 — 4 (из 1059), в 1912/13 — 3, в 1913/14 — 5 (из 1202), в 1914/15 — 3 (из 1423).

Таким образом, за годы существования Казанских женских курсов на них поступало всего десять-пятнадцать девушек-татарок. Вот их имена: Акимбетьева Марьям Абдулшакировна, Ахмарова Зайнаб Гайнетдиновна, Вагапова Фатима Ибрагимовна, Габитова Биби-Рабига Шарафутдиновна, Гафарова Сара, Гафурова Зухра, Губайдуллина Марьям Салиховна, Девлеткильдеева Фатима Сеид-Аскаровна, Казакова (Губайдуллина) Рабига Мухаммедшакировна, Максудова (Рамеева) Камиля Мухаммедшакировна, Мухутдинова Марьям Фасакетдиновна, Рахманкулова Зулейха Хуснетдиновна, Терегулова Амина Ибрагимовна, Юнусова Магира Мирсаидовна.

Все эти девушки еще в гимназиях показывали отличные знания и, поступив на курсы, так же успешно продолжали свое обучение. Однако отсутствие средств существования, в том числе и для оплаты обучения, для некоторых из них оказывалось трудно преодолимым препятствием на их пути к получению профессии. Тем не менее упорство и настойчивость, проявляемые ими, в конце-концов приводили их к достижению поставленных целей. Нужно, правда, сказать, что если курсисткам, получившим медицинское образование, было немало работы среди татарского населения (они не только не оставались без работы, а, можно сказать, были просто нарасхват), то татаркам, получившим другие специальности, было трудно, а иногда и невозможно устроиться по профессии.

Несмотря на стремление не допускать женщин к высшему университетскому образованию, нараставшая нужда в специалистах с высшим образованием в условиях военного времени заставила правительство вновь вернуться к вопросу о допуске женщин в вузы. 28–30 июня 1915 года в Совете министров состоялось обсуждение представления министра просвещения П.Н.Игнатьева «О разрешении приема женщин на отдельные факультеты некоторых университетов». В результате министру просвещения было предоставлено право собственной властью удовлетворять ходатайства университетов о зачислении женщин на свободные вакансии.

Одним из первых с подобными ходатайствами обратилось в министерство руководство Казанского университета. Ходатайства были вызваны хроническим недокомплектом ряда факультетов в условиях военного времени. Уже в 1914/15 учебном году после призыва в действующую армию студентов университетские

аудитории наполовину опустели. Особенно пострадали медицинский и физико-математический факультеты. Тем самым появилась новая возможность для поступления девушек в Казанский университет.

Среди девушек, принятых в университет уже на правах полноправных студенток, были и две татарки — Гайша Апаева и Амина Мухитдинова. Обе они были приняты на медицинский факультет, хотя выбор Амины-туташ был не совсем осознанным и добровольным. Но обо всем по порядку.

Амина Фасиховна Мухитдинова родилась 8 сентября 1893 года в Казани в семье военного муллы Фассахутдина Мухитдинова, получившего по выслуге звание личного почетного гражданина. Амина блестяще училась в Мариинской женской гимназии, семь классов которой окончила с золотой медалью в 1912 году. В следующем учебном году она также успешно обучалась в восьмом дополнительном классе, завершив его с отличными оценками и званием домашней наставницы. Зимой 1913/14 учебного года она готовилась к сдаче экзаменов на аттестат зрелости, а затем и получила его, успешно выдержав в мае-июне 1914 года дополнительные испытания по русскому, латинскому и французскому языкам, физике и математике при второй мужской гимназии. В 1914/15 учебном году она состояла слушательницей Казанских высших женских курсов.

9 августа 1915 года, видимо, как только она узнала о приеме студенток в Казанский университет, Амина-туташ подала прошение, в котором просила: зачислить ее «в число слушательниц медицинского факультета, в случае неимения вакансии на естественное отделение физико-математического факультета». Вероятно, вакансии на естественном отделении не оказалось, и Амина Мухитдинова стала слушательницей медицинского факультета. О том, что большого стремления стать врачом у Амины-туташ не было, свидетельствует уже это ее прошение, а второе прошение, сохранившееся в ее личном деле, лишь подтверждает это: в нем она просила о переводе ее на юридический факультет. Так она стала студенткой юридического факультета.

Стремление получить юридическое образование Аминой-туташ можно объяснить достаточно просто: еще до поступления в университет она активно участвовала в общественной жизни. Большую известность она получила своей статьей «Кто такая учительница Фатима?», написанной как рецензия на одну из самых ярких пьес Гаяза Исхаки «Мугаллима (Учительница)» и опубликованной в № 23 за 1914 год журнала «Анг (Сознание)». Внимание прогрессивного татарского общества статья привлекла прежде всего тем, что рецензия была написана молодой девушкой, и образ главной героини пьесы она оценивала именно с позиций женщины.

А. Мухитдинова высоко оценила произведение. «Цель сцены — быть зеркалом сердца, зеркалом души, а не зеркалом жизни... — подчеркивала она. — Трагедии, случающиеся в обыкновенной жизни, здесь отставлены на второй план; здесь мастерски дано изображение духовных трагедий. До сих пор эта идея не встречалась на нашей татарской сцене. Думаю, что Гаяз-эфенди Исхаков своей новой драмой «Мугаллима» несколько приближается к указанной цели».

В студенческие годы — и на женских курсах, и в университете — Амина-туташ активно участвовала как в общественной жизни города, так и в студенческих кружках, поэтому ее переход на юридический факультет был осознанным и вполне естественным. После свержения царизма в феврале 1917 года А. Мухитдинова с головой окунулась в политическую борьбу. Вот как она изобразила это время: «Первые дни Февральской революции. В семь часов вечера в Большом театре мусульмане Казани впервые собрались на митинг. Театр переполнен народом».

На этом собрании был избран Мусульманский комитет, взявший на себя задачу руководства татарским национальным движением.

«На первых порах, когда других национальных организаций не было, я некоторое время участвовала в работе Мусульманского комитета... Как-то в тяжелые минуты, когда я задумывалась над тем, как, выбравшись из этого грязного общества, посвятить себя служению правому делу, делу пролетариата, ко мне заходит Муллауэр Вахитов. Мы были знакомы с ним с 1912 года, но в последние годы нам не приходилось встречаться. Он, видимо, почувствовал мое настроение и как-то исподволь заговорил о трагическом положении татар в Февральской революции. Его слова о путях спасения татарской нации, вызволения ее из пут комитетчиков разогнали мои мрачные думы, породили в душе надежды, — вспоминала А. Мухитдинова. — Он говорил, что единственный выход из положения на данном этапе борьбы — это создание Мусульманского социалистического комитета, который объединил бы все здоровые силы народа, отстаивал интересы трудящихся».

Так Амина Мухитдинова стала одной из ближайших помощниц Муллауэра Вахитова. Мусульманский социалистический комитет был создан в апреле 1917 года, и Амина-туташ, став заместителем председателя, полностью ушла в организационную и агитационно-пропагандистскую работу. Она участвовала в работе женского и учительских съездов в Казани, первого и второго всероссийских мусульманских съездов, была депутатом «Миллет меджлиси» (Национального собрания) и участвовала в его работе.

И после Октября А. Мухитдинова осталась рядом с М. Вахитовым: под его руководством она работала в созданном в январе 1918 года Центральном мусульманском комиссариате (ЦМК) при Наркомнаце. После его смерти в 1918–19 годах она — председатель научной коллегии ЦМК. При такой бурной жизни она как-то умудрилась в 1919 году закончить юридический факультет университета. В том же 1919 году она вступила в РКП(б), была назначена старшим политруком мусульманских пехотных командных курсов, затем кавалерийских курсов в Казани.

После образования ТАССР в 1920–21 годах она была заместителем наркома юстиции, провещения и начальником Академцентра. В 1922 году ЦК ВКП(б) направил А. Ф. Мухитдинову в Крым, где она работала прокурором Симферопольского ревтрибунала, прокурором Главного суда Крымской АССР. В 1928–30 годах она — член Коллегии Верховного суда РСФСР. Окончив институт красной профессуры, с 1936 года стала работать в аппарате ЦК ВКП(б). А. Ф. Мухитдинова была репрессирована по сфабрикованному в 1938 году органами НКВД делу «Идель-Уральской организации» по обвинению ряда лиц в организации группы с целью свержения Советской власти (по делу всего проходило 23 человека). Умерла она в сталинских лагерях в 1944 году от непосильного труда на судостроительных верфях в городе Енисейске.

Другая татарка, ставшая в 1915 году полноправной студенткой Казанского университета, Гайша Апанаева появилась на свет 30 марта 1896 года в семье потомственного почетного гражданина Абдуллы Мухамет-Юсуфовича Апанаева и его жены Зулейхи Шакировны Казаковой. Детство у представительницы большого и богатого клана казанских промышленников, купцов и мулл Апанаевых было счастливым, безоблачным. В 1907–14 годах Гайша училась в Ксенинской женской гимназии, седьмой класс которой закончила с серебряной медалью. 13 августа 1915 года она получила свидетельство о сдаче дополнительных испытаний за курс восьмого класса мужской гимназии, а 24 августа того же года подала прошение на имя

ректора Казанского университета о зачислении слушательницей на медицинский факультет.

Осознанный выбор представительницей богатого семейства Апанасовых медицинского факультета, без сомнения, говорит нам о том, что молодая девушка мечтала получить образование для того, чтобы служить своему народу. Гайша была далека от политики, но, как и многие другие девушки своего времени, жила мечтой о служении нации, вспоминали ее родственники, для чего и стремилась получить знания. Когда Гайша училась на втором курсе, свершилась Февральская революция, затем — Октябрьская, и представителям «имущих» стало совсем не до учебы.

И у Гайши-туташ в 1917–20 годах случился перерыв в учебе. В 1918 году она участвовала в организации татарских женских педагогических курсов в Казани, где и стала работать преподавательницей естествознания, затем, в 1919–20 годах, работала медсестрой в третьей рабочей больнице, расположившейся в бывшем доме ее дяди, Бадретдина Апанасова. 28 октября 1920 года она вышла замуж за преподавателя трехлетних педагогических курсов Мухамедгалея Мухамедшакировича Абдрахимова (1892–1943), более известного как писатель и литературовед Гали Рахим. В том же году ей удалось восстановиться в университете. Параллельно с учебой в 1921–22 годах Гайша-ханум продолжала работать медсестрой. Она прослушала полный курс медицинского факультета (с зачетом десяти семестров) и получила диплом врача лишь в 1925 году.

Казалось бы, складывалось все хорошо — дружная семья, где и муж, и жена любят и уважают друг друга, успешная работа; Гали Рахим увлеченно преподавал татарский язык и литературу в Восточном педагогическом институте, писал учебники по истории татарской литературы, татарскому языкознанию, фольклору, истории и археографии; Гайша-ханум не менее увлеченно лечила больных, готовясь писать научную работу, собирала материалы; муж ее обожал, посвящал ей многочисленные сонеты и стихотворения...

Наступил черный 1931 год: Гали Рахим арестован, причина ареста неизвестна ни ему самому, ни его близким и родственникам. Гайша-ханум вынуждена была официально отказаться от мужа. Был официально оформлен развод, но Гайша-ханум продолжала поддерживать многолетнего спутника жизни, работавшего в 1931–34 годах на строительстве Беломорканала, и с помощью своей матери Зулейхи-ханум посылала ему теплую одежду, табак, продукты питания... И в дальнейшем между ними сохранились дружеские, товарищеские отношения.

В 1934 году Гайша-ханум переехала в Баку, где жила сестра ее матери Рабига Шакировна (Казакова) вместе с детьми и мужем, видным татарским историком Газизом Губайдуллиным. Здесь, в этой семье, она познакомилась с доцентом Бакинского педагогического института Назибом Латыповичем Халфиным, в 1933 году потерявшим свою любимую жену, сестру Газиза Марьям. При активном участии четы Губайдуллиных два одиноких сердца решили соединить свои судьбы. Только-только их жизнь стало было устраиваться, как началась новая волна репрессий. В 1937 году сначала арестовали Газиза Губайдуллина, затем Назиба Халфина, а затем в тюрьме и ссылке как жены изменников народа оказались Гайша и Рабига. Они были осуждены на пять лет, но Гайша-ханум пробыла в карагандинских лагерях восемь лет.

После освобождения из лагерей Гайша Апанасова вернулась на родину. Однако ей запрещалось жить и работать в Казани, поэтому вместе с Рабигой Шакировной она обосновалась в небольшом волжском городке Козловка Чувашской АССР.

Более двадцати лет она работала в козловской больнице, заведовала гинекологическим отделением, делала сложнейшие хирургические операции, спасая жизнь рожениц и их новорожденных детишек. Выйдя на пенсию, переехала в Баку, где жили ее родственники. Последние годы своей жизни она помогала тяжело больному двоюродному брату. Скончалась Гайша-ханум в 1979 году.

«Примерно между 1910–1915 годами, то есть перед большой революцией, и у нас стали появляться светские ученые. Это означало не только вырастание нового поколения в нашей научной истории, истории общественной мысли. Это означало рождение большой революции, свершение большого переворота в истории нашей мысли. Есть и естественная причина того, что этот переворот проявился у нас не в 1905 году, когда начался всеобщий подъем, всеобщее движение, а с опозданием лет на 5–10: для того, чтобы получить научную подготовку на новой основе, чтобы вооружиться знаниями, нужно, чтобы прошло, самое малое, столько времени», — отмечал Дж.Валиди в 1927 году в статье, посвященной присуждению Газизу Губайдуллину звания профессора.

Г.Губайдуллин, — подчеркивал он, — «первый профессор, который вышел из самой татарской жизни, из кипящих волн татарской истории последнего времени. Лет до двадцати он пробыл в медресе. Только в двадцать пять он сумел перешагнуть (дословно в тексте — упасть. — А.М.) через порог университета. Но он, в отличие от большинства наших поступающих в высшую школу лиц, пошел не по привычному пути врача или медика. Это первый человек, шагнувший на новую стезю, выбравший дорогу изучения собственной истории, литературы татар и достигший звания профессора». Если Г.Газиз (так он подписывал свои работы), говоря словами Дж.Валиди, «был одним из первых, вытаскивших науку на светскую арену, или говоря по-другому, спустивших ее с небес на землю, был пионером этого большого дела», то его сестра Марьям также была одной из первых татарок, вступивших на тернистый путь науки, правда, уже после свержения царизма.

Губайдуллина Марьям родилась 10 октября 1890 года в семье казанского купца II гильдии Салиха Сабитовича Губайдуллина. Ее мать Уммугульсум, из рода известных казанских купцов Айтугановых, по воспоминаниям, была очень талантлива и музыкальна. Родила она восьмерых детей, но в живых остались только трое — младшая из детей Марьям (1890 — 1933) и ее старшие братья Газиз (Абдул-газиз, 1887 — 1938), в будущем первый татарский историк, и Кадыр (Абдулкадыр, 1888 — 1944), будущий этнограф.

Кадыр так рассказывал о матери в своем экзаменационном сочинении: «Она была умная и образованная по тогдашнему времени женщина; никогда не была консервативна, как многие татарские женщины, что внешне выражалось, например, в том, что она одевала нас в запрещенные нашими обычаями европейские костюмы. Она впервые, когда я еще даже не умел читать, развила во мне интерес к книгам. Она, собирая нас около себя, читала стихи из духовных книг: о сотворении мира, об изгнании Адама из рая и т.п. Так как она сама много читала и много знала, то почти всегда отвечала на наши вопросы и разрешала наши споры. В общем ее благотворное влияние отражалось не только на мне, но и на всей нашей семье. Когда в прошлом (в 1910 — А.М.) году наша всеми любимая мама умерла, то около нас образовалась какая-то пустота, до сих пор не исчезающая».

Уже из этих строк видна роль матери в становлении детей. Уммугульсум-ханум хотела видеть их образованными, воспитанными, полезными обществу людьми и делала все для этого. Маленькую Марьям сначала, как положено, отдали

на обучение к абыстай, затем, в 1902 году, в гимназию А.И.Котовой. Будучи гимназисткой, Марьям вместе с братьями была активной участницей кружка «Шимба». После окончания гимназии в 1910 году она поступила на Казанские высшие женские курсы и успешно завершила их в 1914 году. С 1913–1914 учебного года она начала работать учительницей географии женской школы Фатихи Аитовой в Казани. Она получила и музыкальное образование по классу фортепьяно в Казанском музыкальном училище.

В 1917 году Марьям вместе с братом Кадыром начала учиться в Северо-восточном институте археологии и этнографии, открывшемся по инициативе группы казанских историков 4 октября 1917 года для подготовки научных работников. В 1918 году Марьям участвовала в подготовке выставки, посвященной культуре народов Востока. В соавторстве с Кадыром она составила и статью «Татары» для путеводителя по выставке (перепечатана в журнале «Гасырлар авазы — Эхо веков», №1½ за 2002 год). Но в связи с событиями гражданской войны выставка эта была организована лишь 28 сентября 1920 года и действовала в географическом кабинете Казанского университета до середины января 1921 года. На ее базе в это же время был открыт музей народов Востока, а Марьям-туташ была в нем ведущим экскурсоводом.

В октябре 1920 года Совет Северо-восточного института по ходатайству профессора Н.Ф.Катанова постановил оставить на кафедре этнографии Востока для подготовки к профессорскому званию выказавшую большие способности в исследовательской деятельности Марьям Губайдуллину. После ликвидации института по постановлению СНК ТАССР от 15 декабря 1920 года она продолжила обучение в созданной вместо него Восточной Академии.

Марьям, учившаяся блестяще, в Академии стала заниматься сразу на двух отделениях — восточном и этнографическом, о чем сообщает А.М.Леонтьева в статье «К истории высшего специального этнографического образования», опубликованной в журнале «Советская этнография» (№2 за 1978 год). Она отметила, что среди студентов Академии, обучавшихся сразу на двух отделениях, обратила на себя внимание преподавателей Марьям Салиховна Губайдуллина, «выдающаяся по способностям, познаниям и проявленному интересу к знаниям».

Однако Марьям Салиховна, так же, как и ее братья, не успела сдать магистерские экзамены, так как в 1921 году советское правительство прекратило прием этих экзаменов. Тем не менее она продолжала заниматься этнографическими изысканиями и параллельно вела занятия по татарской этнографии в ряде высших учебных заведений Казани. К середине 20-х годов она была уже признанным этнографом, ее научные статьи о быте и обычаях казанских татар издавались не только в Казани. Так в 20-е годы XX века в одной семье выросло трое ученых — историк и два этнографа. Сюда же можно присоединить и четвертого — их двоюродного брата по материнской линии, известного татарского литературоведа Гали Рахима.

Это было время, когда чувствовалась острая нехватка в квалифицированных преподавательских кадрах для впервые открывающихся многочисленных учебных заведений в молодых тюркоязычных советских республиках. Не только Газиз, ставший уже известным историком, но и этнографы Марьям и Кадыр Губайдуллины получали приглашения на работу из разных мест. К тому же в Казани разворачивалась борьба с султангалиевщиной. И в 1925 году сначала семья Газиза, а затем и все Губайдуллины переехали в Баку. Здесь Марьям Салиховна начала работать в Высшем педагогическом институте. Учитывая опубликованные в Казани

работы, ей присвоили звание доцента. Она развернула научно-исследовательскую работу по этнографии тюркских народов Кавказа, изучая их обычаи, нравы, пищу, одежду и т.п. Вышла замуж за своего еще дореволюционного знакомого Наджиба Латифовича Халфина, преподававшего экономическую географию в том же институте...

Жизнь Марьям Салиховны оборвалась, когда, казалось бы, все наладилось — интересная работа, любимый муж, рядом родственники, друзья... Но — несчастный случай в переполненном вагоне трамвая, в результате чего развился гнойный перитонит. Операция не помогла. И в 1933 году прекрасного человека, талантливого ученого не стало. На ее похороны собрался весь цвет бакинской интеллигенции. С прощальной речью выступил нарком просвещения Азербайджана, высоко оценивший большой вклад Марьям-ханум и, в целом, всей семьи Губайдуллиных, в развитие азербайджанской культуры. Ненадолго пережили любимую дочь, сестру и жену ее близкие. Отец умер в 1935 году в Махачкале, где жил со своим младшим сыном, работавшим в краеведческом музее. Оба ее брата и муж, Наджиб Халфин, в 1937 году были репрессированы и погибли. Марьям «посчастливилось» — она умерла до развернувшихся репрессий, не узнав о трагической судьбе братьев и мужа. В противном случае ее, наверняка, постигла бы та же участь...

Среди татарок, устремившихся к вершинам знаний под влиянием революции 1905–1907 годов и в результате все шире распространявшейся просветительской идеологии джадидизма, были и девушки, добравшиеся даже до заграничных университетов. Оговорюсь, что мне известны всего три имени. Это Абдрахманова Зайнаб и Сыртланова Суфия, об обучении которых в Женеве сообщала газета «Вақыт» в 1912 году, и Шакулова Сара Касимовна, о биографии которой мне известно чуть больше. Первая татарка, получившая высшее образование во Франции, в парижском университете Сорбонна, Сара Шакулова родилась 3 июля 1887 года в городе Касимове Рязанской губернии в семье потомственного почетного гражданина Касимхана Хусаиновича и его жены Фатимы Айнутдиновны Шакуловых (Сеит-Шакуловых). Они вырастили пятерых детей — дочерей Сару, Лейлу, Амину и сыновей Ахмета и Мустафу.

Шакуловы — известный среди российских татар род. Свою родословную они возводили к пророку Мухаммеду, т.е. их род, корни которого уходят в V–VI века нашей эры, принадлежал к сеидам. Термином «сеид» у мусульман называлась та ветвь потомков Пророка, которая восходила к его внуку Хусаину. Как известно, в Казанском и Касимовском ханствах, так же, как и в других мусульманских странах в средние века, сеиды находились в центре общественно-политической и религиозной жизни государства и пользовались большим уважением.

Фамилия образована от имени сеида Шахколы (Шакул), жившего в первой половине XVI века в городе Касимове. Касимхан принадлежал к 44-му поколению, его дети, соответственно, к 45-му поколению. Во второй половине XIX — начале XX веков представители рода Шакуловых проживали не только в Касимове, но и в Петербурге, Москве, Казани, Симбирске и других местах, породнившись с такими известными династиями, как Акчурины, Апанаевы, Галеевы (Баруди), Дебердеевы, Ерзины, Карамышевы, Ходжаевы и другие.

Потомки сеидов, игравших в средние века видную роль в общественно-религиозной жизни татар, в XVIII — XIX столетиях занялись торговлей, предпринимательством, становились купцами I–II гильдий, что с 1832 года давало им возможность получения звания потомственного почетного гражданина. Лица же, получившие это звание, составляли вторую после дворян группу привилегированного населения

в Российском государстве. В конце XIX — начале XX веков Шакуловы «застроили весь исторический центр Касимова своими домами и совместно с другими построили мечеть», — отмечает автор книги «Касимовские татары» Б.Беляев и указывает, что семья Касимхана Хусайновича была одной из богатейших семей Касимова, занимавшейся торговлей мехами.

Касимовские татары, в том числе и род Шакуловых, жившие в окружении русских и более-менее тесно общавшиеся с ними, раньше, чем татары других регионов, начали соприкасаться с русской (европейской) культурой. Оставшиеся верными исламу роды, будучи истинными мусульманами, изучали русский язык, не чурались русской культуры, не боялись отдавать своих детей, даже дочерей, в русские школы. Отсутствовал у них и обычай полного затворничества женщин. Не случайно, вероятно, что первой татаркой, получившей высшее медицинское образование, стала в 1891 году уроженка города Касимова Разия Кутлуярова.

Тон в семье Шакуловых задавала мать — Фатима Айнутдиновна, в девичестве Дебердеева. Родившаяся в 1868 году в семье представителя династии симбирских купцов и промышленников Айнутдина Насыровича Дебердеева и его жены Арифы Сулеймановны, урожденной Акчуриной, Фатима-туташ получила прекрасное по тем временам образование: ее дядя, Якуб Сулейманович Акчурин (1854–1903), пригласил для обучения и воспитания своей сестры и ее ровесницы Фатимы гувернантку, одну из первых бестужевок, обучавшую девушек по программе женских гимназий, а также музыке и языкам. Я.С.Акчурина дочь Фатимы-ханум Амина называла «светлым лучом в детстве и юности» своей матери. Под его непосредственным влиянием Фатима-туташ и в дальнейшем много читала, всю жизнь занимаясь самообразованием, была увлечена толстовскими идеями.

Младшая дочь Шакуловых Амина Касимовна Ходжаева вспоминала: их мать была убеждена, что «женщина должна получить образование и возможность материально обеспечить себя, не зависеть от семьи и быть самостоятельной в своих действиях». Она подчеркивала: «Лев Николаевич (Толстой) и Якуб Сулейманович Акчурин были «святая святых» в нашей семье». Рано выданная замуж, она не сумела воплотить свои идеалы в жизнь сама и приложила все усилия для того, чтобы воспитать дочерей в этом духе. Особенно близка была ей по духу старшая дочь Сара, которой она стала не только любящей матерью, но и старшим другом, наставницей и единомышленницей.

«У нас, несмотря на постоянное общение с русской и подчас с европейской интеллигенцией, неизменно царил дух ортодоксальной мусульманской семьи. Уклад жизни был мусульманский, но без ханжества и догматизма», — утверждала Амина-ханум, передавшая в Государственный музей Татарстана личные вещи своей старшей сестры Сары. И на самом деле. Семилетнюю Сару отдали в джадидскую школу в деревню, находившуюся в 10 километрах от Касимова, где она в течение трех лет под присмотром няни изучала татарский язык и основы мусульманского вероучения. В 1897 году родители отдали ее учиться в русскую женскую гимназию в Касимове. Во все время пребывания в гимназии она считалась первой ученицей. Особенно легко Саре давались математика, история, русская литература. Гимназию она окончила в бурном 1905 году.

Жаждущая знаний, увлеченная идеями свободы, самостоятельности восемнадцатилетняя девушка отправилась продолжать образование в Петербург, где поступила на курсы воспитательниц и руководительниц физического образования, открытые в 1896 году известным ученым и общественным деятелем П.Ф.Лесгафтом. Видный

ученый-гуманист, горячий сторонник равноправия женщин, сумел создать уникальную для своего времени высшую женскую школу, которая по своим учебным планам и программам, методам преподавания и всему внутреннему строю резко отличалась от высшей школы любого государства, предоставлявшего женщине высшее образование.

Курсы постоянно расширяли и совершенствовали свою программу. Ко времени поступления туда Сары Шакуловой на них преподавались все естественные науки и целый ряд гуманитарных дисциплин, в том числе история, история литературы, философия, психология. Не раз менялось и название этих курсов. С осени 1905 года эти курсы были преобразованы в «курсы по биологическим, педагогическим и социальным наукам при Петербургской биологической лаборатории П.Ф.Лесгафта», сокращенно называвшиеся Лесгафтовскими.

После поражения первой российской революции в числе ряда «неблагонадежных» учебных заведений были закрыты в 1907 году и эти частные курсы. Но, видимо, они продолжали негласно работать до 1909 года, как это вытекает из документов Сары-туташ. Слава «неблагонадежности», конечно, механически переносилась и на их слушательниц, которые фактически оказались отторгнутыми от высшего образования, точнее, не могли получить документ о высшем образовании. Сара Шакулова попыталась поступить на другие ВЖК, но сделать это в Петербурге ей не удалось (повсюду шло наступление на высшее женское образование). Тогда она решила продолжить обучение за рубежом и в 1909 году отправилась в Париж.

«Как и любому иностранно-подданному, абитуриенту из России поступить во французский университет можно было только имея французский же аттестат зрелости, дающий звание «бакалавр». Получали таковой, сдав платные экзамены на словесном или естественном факультетах одного из университетов Франции», — отмечает А.Е.Иванов. Правда, женщины из России, имевшие аттестат зрелости, «могли рассчитывать на льготу — освобождение от экзаменационной повинности, но только с санкции французского Министерства народного просвещения».

Какой из этих путей избрала С.Шакулова, мне неизвестно. Но уже с осени 1909 года она — студентка самого желанного для студентов из России французского университета — Сорбонны. Во время учебы Сары в Сорбонне там учились 1600 девушек и юношей из России (данные 1911 года), что составляло почти половину студентов-иностранцев этого парижского университета и 20 процентов всех его студентов. Среди 250 российских студентов, занимавшихся естественными науками, была и Сара, избравшая своей будущей специальностью математику.

Жизнь в чужой стране, среди чужих людей, в незнакомой обстановке для двадцатидвухлетней татарки, конечно, давалась нелегко, несмотря на то, что она уже четыре года до этого училась в Петербурге. Много сил и времени требовала учеба. Вот что она писала, например, сестре 15 февраля 1910 года в короткой открытке:

«Дорогая Лейла!

Не пишешь мне ни слова — ведь целый день, вероятно, свободна? Что читаешь? Напиши. Мне теперь совершенно не приходится читать. Так трудно учиться, что не остается времени ни на что. Если б знала, как трудно учиться в высшем учебном заведении. Если останусь жить дома подольше, непременно выучу тебя по-французски; их язык очень хорош и лучшие учебники. Так что станешь студенткой, не будет так трудно, как нам».

О нехватке времени говорят и другие открытки. Из их содержания легко

понять, как девушка скучала по родным и близким, как она заботилась об их спокойствии. Так, в открытках, отправленных на имя матери, она благодарила ее за гостинцы, сообщала о том, что у нее все хорошо, просила не беспокоиться о ней. Вот, к примеру, одна из них:

«18 января 1912 года, четверг. Дорогая мама, мне кажется, я часто пишу Вам открытки. Вы же пишете, что давно не получали — всему этому виной расстояние, которое узнаешь только теперь — как оно велико. Индюшка восхитительна — только уж не хлопочите еще с посылками, нам и так хорошо живется здесь — не беспокойтесь... Крепко целую всех, Сара».

И на самом деле, несмотря ни на что, Сара полностью окунулась в атмосферу Сорбонны, приобрела друзей. Так, в 1911 году в студенческой гостинице — общежитии для студентов из Англии она познакомилась с художницей из Казани Надеждой Михайловной Сапожниковой (1877—1944). Знакомство это, несмотря на десятилетнюю разницу в возрасте, очень быстро переросло в большую дружбу, продолжавшуюся всю их жизнь. Надпись на фотографии, где Сара-гуташ снята с одной из подруг в Париже в октябре 1912 года, позволяет нам судить о ее взглядах в ту пору: «Все Ваши мысли, все брошенные Вами семена, быть может, уже забытые Вами, воплотятся и вырастут. Получивший от Вас передаст другому, и почему Вы знаете, какое участие Вы будете иметь в будущем разрешении судеб человечества».

Об успехах, достигнутых в учебе, говорят нам три ее свидетельства с отличием о получении высшего образования по отдельным специальностям и диплом о присуждении научной степени: выдержав с отличием соответствующие испытания, 25 октября 1911 года она получила свидетельство по специальности «подготовительная математика в изучении физических наук», 26 июня 1912 года — по рациональной (теоретической) механике и 29 октября 1912 года — по экспериментальной и физической механике. Основываясь на этих документах, 10 марта 1913 года министр образования подписал диплом о присуждении Саре Шакуловой научного звания профессора механики. Она получила его 19 марта 1913 года.

Итак, завершившая учебу во Франции и получившая не только высшее образование, но и ученое звание Сара Касимовна Шакулова весной 1913 года вернулась на родину. «Окончание Сарой механико-математического факультета Сорбонны не вызвало особого энтузиазма среди близкой и дальней родни. Мамой это было принято как должное. Отец, хотя и гордился дочерью, но хотел поставить точку на ее образовании и ждал, чтобы выбор ее пал на какого-либо достойного человека», — вспоминала ее сестра.

Сама же Сара на распутье, в раздумьях. «Шлю Вам привет из родных краев. Прошло три недели, как прибыли на родину. Не могу осмотреться, найти руководящие идеи, задачи среди интеллигенции. Может быть, Вы, Леонид Ефимович, находитесь в лучших условиях — напишите, как живется, что нового увидели в России, в Ваших краях. Здешние знакомые производят впечатление людей, испытавших сильную качку», — сообщала она одному из своих, видимо, парижских друзей.

Здесь, в России, никто, кроме родных и друзей, не ожидал ее с распростертыми объятиями. То, что она с отличием окончила один из самых престижных европейских университетов — Сорбонну, не имело никакого значения. Ей фактически пришлось повторить путь, который пришлось пройти и знаменитой Софье Ковалевской и многим другим российским женщинам, получившим высшее образование за границей: было нужно сдать экзамены еще и при одном из российских университетов, чтобы подтвердить свои знания и звания, полученные за границей.

Засучив рукава, Сара Шакулова вновь принялась за дело. В том же 1913 году она обратилась в министерство народного образования с просьбой допустить ее к испытаниям в физико-математической испытательной комиссии при Московском университете по отделению математических наук. Пока судьба ее ходатайства о допуске к экзаменам решалась в высоких инстанциях, она готовилась к ним. Одному из своих друзей, профессору физики в университете Шанявского Н.К.Шодро (1883–1940) в записке от 3 сентября 1913 года она сообщала:

«Продолжаю готовиться: если разрешение придет на днях, думаю пойти на риск. Готова на все, даже на полный провал, только бы не начинать вновь хлопоты относительно разрешения и всего, что имеет отношение к министерству и округам. Профессор Жданов суров, как никто, на мою просьбу позволить сдать большую часть экзаменов и отложить некоторые полукурсовые отказал наотрез — и в случае сдачи в два приема полукурсовые должна сдать в первую очередь. Все зависит от него, печатных правил не существует относительно экстернов. Он же, на мое несчастье, оказался ярым формалистом. Жму руку. Сара Шакулова.

P.S: Астрономия, физика, химия еще не открывались».

Однако бюрократическая машина министерства раскачивалась достаточно долго, предоставив Саре-туташ предостаточно времени для подготовки: разрешение было получено лишь весной 1914 года. Сдав восемь полукурсовых экзаменов и семь экзаменов на испытаниях в комиссии по различным математическим дисциплинам, 30 мая 1914 года Сара Касимовна Шакулова была удостоена диплома II степени об окончании Московского университета.

В связи с этим событием один из ее друзей, французский журналист, литератор и музыкальный критик, парижанин Пьер Дальгейм подарил ей нагрудный значок выпускника Московского университета, сделанный по его специальному заказу в знаменитой фирме Фаберже. Значок, сделанный из золота и голубой и белой эмали, получился очень изящным, дамским. Получение же самого диплома затянулось еще на год: он был выдан С.К.Шакуловой лишь 23 июля 1915 года. Значок и диплом, вместе с другими документами, сейчас хранятся в нашем Национальном краеведческом музее.

Однако даже получение диплома Московского университета в добавление к диплому Сорбонны не открыло перед С.К.Шакуловой путь ученого-математика. Законы Российской империи вдвойне ограничивали ее права: во-первых, она не могла занимать ученые должности как женщина (считалось, что наука — удел мужчин), во-вторых — как мусульманка (лица нехристианского вероисповедания, сколько и каких бы у них не было дипломов, не могли заниматься обучением и воспитанием юношества в государственных средних и высших учебных заведениях).

Поиски работы по специальности в Москве и Петербурге не дали результатов. Почти отчаявшись, С.К.Шакулова вернулась домой. И, как говорится, «не было бы счастья, да несчастье помогло». Ей удалось устроиться внештатным преподавателем математики в Зарайском реальном училище Рязанской губернии, заменив призванного в действующую армию учителя. Конечно, привыкшей к большим городам, к светскому обществу Саре Шакуловой приходилось нелегко в маленьком уездном городке, каким был Зарайск. Кроме того, она была лишена и круга национального общения. Но приходилось мириться. Здесь она проработала с 1 января 1915 года до лета 1916 года.

Летом 1916 года она приехала в Казань не только в гости (ее двоюродная тетя Айша Батыргиреевна Сеит-Шакулова — супруга Галимджана Баруди), но и для

того, чтобы приискать работу. Возможно, перед этим С.К.Шакулова списалась с художницей Надеждой Михайловной Сапожниковой, большим другом известного художника Николая Ивановича Фешина (1881—1955), работавшего в Казанской художественной школе. С их помощью она начала преподавать геометрию и черчение в этой школе. С осени 1916 года она стала также и учителем геометрии в первой женской татарской гимназии Ф.А.Аитовой и женской школе Лябибы Хусаиновой.

12 января 1917 года она получила от министерства просвещения свидетельство на звание учителя математики среднего учебного заведения (при допуске к преподаванию в Казани директор народных училищ не удовлетворился университетскими дипломами С.К.Шакуловой). В 1917—1919 годах она также продолжала преподавать в названных школах и в Казанском городском женском коммерческом училище Эккерта.

В 1919—1923 годах она работала заместителем народного комиссара просвещения и заведующей главного управления профессионально-технического образования Башкирской АССР. «Шакулова положила много труда и энергии по поднятию культурного уровня трудящихся Башкирии, в особенности по линии профтехнического образования... При ее непосредственном и активном участии были организованы несколько профтехнических учебных заведений (сельскохозяйственные, педагогические, курсы по ремонту сельскохозяйственных машин и прочие)», — отмечалось в одной из характеристик, полученных ею в 30-годы. Она приложила много сил и для создания школьной сети этой молодой автономной республики.

В 1923 году С.К.Шакулова была назначена инспектором отдела национальных школ народного комиссариата просвещения РСФСР. В 1925—1937 годах она работала вместе с Н.К.Крупской, под ее непосредственным руководством. В 1925 году стала организатором и первым руководителем татарской средней общеобразовательной школы имени Н.Нариманова, расположившейся в знаменитом доме Асадуллаева в Москве. В эти годы она много работала не только в наркомате и школе, она еще и автор учебников математики для татарских школ, работ по воспитанию юношества.

С.Шакулова была последовательницей идей бельгийского педагога-реформатора, врача и психолога Овида Декроли (1871—1932). Декроли, сторонник идей свободного воспитания, с целью сблизить школу с жизнью разработал систему обучения, основанного на «центрах интересов», имея в виду комплексные темы, соответствующие жизненным интересам человека. Обосновывая в подготовительных материалах к работе «Основные принципы построения программы Декроли» свои взгляды, С.К.Шакулова отмечала: «Тот, кто серьезно задумывался над проблемами воспитания, не мог не согласиться с мнением самых крупных педагогов Нового времени — Коменского и Песталлоцци. По мнению Коменского, «надо желать, чтобы метод человеческого образования был механическим, т.е. он должен не предписывать столь определенно, чтобы все, чему учатся, чем занимаются, не могло не иметь успеха». Песталлоцци мечтал «механизировать» воспитание, чтобы оно стало легким делом для всякого воспитания».

О дипломе Сорбонны и звании профессора С.К.Шакулова в эти сложные годы, видимо, старалась не вспоминать. Во всяком случае, в документах об этом нет никаких упоминаний. Зато есть еще один, на мой взгляд, интересный документ — «Аттестат на звание учителя средней школы», за № 7780, выданный С.К.Шакуловой 19 мая 1938 года. Он гласит: «Шакулова Сара Касимовна, в 1915 году сдавшая экстерном за курс Московского государственного университета, прошедшая

установленный испытательный стаж педагогической работы в школе, удостоена звания учителя средней школы».

С 13 октября 1938 года по 1 сентября 1940 года Сара Шакуловна работала преподавателем математики в Республиканском институте повышения квалификации ИТР и хозяйственников при наркомпросе РСФСР, затем долгие годы преподавала механику в различных технических вузах Москвы. Она работала до 1962 года, уйдя на пенсию лишь в 75 лет и сохранив при этом глубокий ум и широту интересов. Умерла она в 1964 году и похоронена в Москве. Закончить же рассказ об этой замечательной женщине я хочу строфами из стихотворения, написанного родственником и другом Сары Касимовны Абдуллой Юсуповичем Дебердеевым в связи с ее семидесятипятилетием. Вот эти проникновенные строки:

Что значит в сущности понятие «покой»?
Спокойный сон? Без тревожений бдение?
Как исключение может быть порой
Лишь небольшое легкое волнение.
Ты знала ли покой когда-нибудь?
Иль чужд тебе и дух его тлетворный?
Богат духовно жизненный твой путь.
В душе прекрасной разум благородный...

В заключение очерка — несколько слов о первой художнице среди татарок. Это представительница известного рода Акчуриных Хадича Мубиновна. Она родилась в 1893 году в семье механика суконной фабрики Мубина Акчурина и выросла в родовом гнезде Акчуриных деревне Старое Тимошкино Симбирской губернии. Училась Хадича сначала в сельской женской татарской школе, затем в Симбирской женской гимназии, после окончания четвертого класса которой в 1913 году поступила в Московское высшее художественно-промышленное (Строгановское) училище. В пятом номере журнала «Анг» за 1915 год помещена небольшая заметка под названием «Национальный шаг на пути к изящному искусству (В связи с рисунками Хадичи-гуташ Акчуриной)». Заметка эта является сопровождением к четырем рисункам, опубликованным здесь же.

Татарская энциклопедия называет Хадичу Акчурину «автором станковых живописных композиций, пейзажей с силуэтами татарских мечетей, этюдов, графических рисунков (напр., «Татарка перед зеркалом»), виньеток с архитектурными и орнаментальными мотивами». Она сотрудничала и с детским журналом «Ак юл (Светлый путь)», издававшимся в Казани в 1913–1916 годах. В частности ей приписывается заставка в этом журнале с изображением мальчика, стоящего на проселочной дороге и смотрящего из-под ладони на восходящее солнце. Эту заставку, впервые помещенную в третьем номере журнала за 1913 год, редакция сделала эмблемой журнала и воспроизводила во всех следующих его номерах. И. Рамеев указывает, что Хадича Акчурина в годы Первой мировой войны отправилась сестрой милосердия на Кавказский фронт и пропала без вести в годы гражданской войны.

Итак, материалы этого очерка показывают, что татарки, добившиеся права на светское образование лишь в начале XX века, доказали справедливость слов Магруй Музаффарии — «Учите нас — равны мы их ученым будем». Они с небывалой энергией принялись осваивать отсутствовавшие до тех пор у татар специальности. И в очень короткий по историческим меркам срок, вооружившись знаниями и став квалифицированными врачами, педагогами, актрисами, журналистами, они встали на путь служения своему народу и активно включились в общественную жизнь страны.

Семья Ахмеровых: жизнь и судьбы...

Есть праведник Захид — у женщин Захида есть...

М.Музаффария

Мне посчастливилось недолго пообщаться с двумя носительницами этого прекрасного имени, оставившими след в истории культуры татарского народа — поэтессой и общественной деятельницей Загидой Хусаиновной Бурнашевой (Гиффат-туташ, 1895–1977) и актрисой, учительницей Загидой Гиреевной Ахмеровой-Тинчуриной (1897–1988). Обе Загиды были разносторонне образованными людьми, интересными собеседницами, а для меня, только начавшего входить в тему аспиранта, и кладезью информации. Правоммерно и написание имени Захида, как это сделано в заглавии очерка, но сами они чаще использовали при написании своего имени букву «г». Следовательно, и нам нужно придерживаться этого. Разное написание объясняется тем, что в татарском варианте используется буква «аш», отсутствующая в кириллице.

Безусловно, обе эти женщины достойны не только отдельных очерков, но и отдельных глубоких исследований (будем надеяться, что в будущем они появятся). Учитывая, что о Гиффат-туташ я чуть-чуть рассказала во втором очерке, настоящий очерк хочу посвятить Загиде-ханум Ахмеровой-Тинчуриной, точнее, ее семье, и прежде всего семье, воспитавшей, вырастившей ее. Все мы родом из детства. И какими мы вырастем, какими станем людьми, во многом зависит от семьи, от родительского воспитания, от среды, из которой мы вышли. Обращение к истории семьи, к тому же, особенно важно, на мой взгляд, в наши дни, когда вновь остро обнажилась проблема воспитания детей. История семьи Ахмеровых, в конце XIX — начале XX веков входивших в интеллектуальную элиту Казани, интересна и тем, что на ее примере можно увидеть складывание традиций татарской светской интеллигенции и ее вклад в историю и дела своего народа.

Загида была последним ребенком в большой и дружной семье известного педагога Шахбазгирея Измайловича Ахмерова (1853–1900) и его жены Хадичи-ханум (1861–1945). Однако начну по порядку. Сам Шахбазгирей был обер-офицерским сыном (так называлась социальная группа лично свободного населения Российской империи до отмены крепостного права; это были дети офицеров, рожденные до получения их отцами чинов, дающих потомственное дворянство). Отсюда следует, что его отец Измаил Ахмеров в 50-е годы служил в армии и имел чин от прапорщика до капитана. По словам же продолжательниц рода, родословная Ахмеровых уходит в глубокую древность, в эпоху Золотой Орды. После завоевания Казанского ханства сыновья и внуки Ахмера-мурзы сохранили веру предков, в связи с чем пополнили ряды обедневших татарских дворян, не сумевших подтвердить документами свою принадлежность к дворянству и известных под именем «чабатылы морзалар», т.е. «лапотных» мурз.

Шахбазгирей, видимо, был последним представителем когда-то могучего рода. Родители отдали его учиться в русскую гимназию, благо офицерских и чиновничьих детей из татар обучали за счет казны (видимо, это объяснялось тем, что мало кто из татар добровольно отдавал сыновей в русскую школу). Отец его умер, когда он был гимназистом, осталась лишь слепая мать, так что еще юношей он начал подрабатывать репетиторством. То, что он окончил вторую мужскую гимназию в 1873 году уже сложившимся взрослым человеком 20 лет, говорит не

только о материальных трудностях, но и дает возможность предположить, что, видимо, до поступления в гимназию он учился мусульманским наукам в медресе. К тому же ему нужно было время и для овладения русским языком.

В то время, когда Шахбазгирей, показав отличные способности и прилежание, завершал учебу в гимназии, Казанский учебный округ и министерство народного просвещения начали вести переписку об открытии в Казани татарской учительской школы (далее — КТУШ). Среди обсуждаемых вопросов была и проблема подготовки для школы специального преподавателя русской словесности из татар. Выбор пал на показавшего способности к учебе Шахбазгирея, и он стал студентом историко-филологического факультета Казанского университета, стипендиатом министерства просвещения.

В 1873 — 1878 годах Ш.Ахмеров — студент филологического отделения университета. Уже в 1876 году, с открытия КТУШ, он, еще будучи студентом, стал работать там преподавателем русского языка. Окончив в 1878 году полный курс наук в Казанском университете по историческому факультету со званием действительного студента, 19 августа того же года он утвержден учителем русского языка в КТУШ. Там он и работал всю свою жизнь, сначала учителем, а с 1881 года и инспектором (директором) школы.

Он успешно продвигался по служебной лестнице, по выслуге лет достигая очередных чинов — коллежский ассесор (1883), надворный советник (1884), коллежский советник (1887). В 1890 году он достиг чина статского советника (по петровской «Табели о рангах», действовавшей вплоть до свержения самодержавия, это гражданский чин 5-го класса, соответствовавший, например, «генеральской» должности вице-губернатора). За успехи в педагогической деятельности ему были пожалованы также ордена Св. Станислава второй и третьей степеней.

На становление взглядов Ш.Ахмерова большое воздействие оказали востоковед В.В.Радлов, а также татарские ученые-просветители Шигабуддин Марджани и Мухаммедгали Махмудов, с которыми он работал в КТУШ бок о бок, под влиянием которых формировался как педагог, как организатор школьного дела. Они вместе разрабатывали методику обучения татар русскому языку и светским наукам. Им всем, в том числе и Ш.Ахмерову, приходилось прикладывать немало усилий даже для простого сохранения этого чуть ли не единственного государственного учебного заведения для татар от закрытия.

Дело в том, что с самого начала возникновения КТУШ на нее ополчились две противоборствующие силы: консервативное татарское духовенство и православные миссионеры. И те, и другие противились распространению среди населения научных знаний, подготовке учительства из татар, развитию татарской культуры и росту самосознания народа. Даже авторитет Ш.Марджани, работавшего в КТУШ преподавателем вероучения со дня ее открытия в течение девяти лет, не мог удержать мулл не только от нападков на школу, но и от обвинений в адрес ученого в предательстве интересов ислама.

«Простой народ и муллы достаточно долго шумели по этому поводу. Было довольно много мулл, стремившихся во вред Марджани в этом вопросе. Так, один из мударрисов Казани говорил на большом меджлисе: «Шигаб-мелла — миссионер. Он продажный человек. Главным виновником обучения по-русски является именно он». Естественно, такие высказывания распространялись в народе и влияли на него. На Марджани посыпались самые грязные, лживые обвинения... Не только

враги, но и его друзья находили неуместным этот его шаг. Всякий раз, начиная говорить об этом, беспокоили его. Это неприятие особенно усилилось после свершения им хаджа; ему стали говорить, что не подобает хаджи общаться с русскими преподавателями, заниматься обучением в этой школе», — отмечал биограф Ш.Марджани Ш.Шараф. Если так был воспринят приход в КТУШ многоуважаемого богослова, то нетрудно представить, как относились в татарском обществе к деятельности получившего русское образование Ш.И.Ахмерова.

После ухода на пенсию первого директора школы М.Махмудова исполняющим эту должность с 1 августа 1881 года был назначен 28-летний Ш.И.Ахмеров. По совместительству он был назначен и инспектором татарских школ губернии. В первые годы работы в этой должности большую помощь ему оказывали В.В.Радлов и Ш.Марджани. Но в 1884 году оба ученых оставили школу: В.В.Радлов был избран академиком Российской академии наук и переехал в Петербург, Ш.Марджани, недовольный составом учащихся, имевших очень слабое представление о мусульманских науках, ушел из школы чуть раньше. Ш.И.Ахмеров в борьбе с противниками школы остался без авторитетных наставников. Но если он и мог еще как-то терпеть нападки со стороны фанатиков из татар, стараясь не обращать на них внимания, то игнорировать действия миссионеров было невозможно.

Руководство КТУШ Ш.И.Ахмеровым пришлось на эпоху усиленных гонений на школу в целом в России. В обстановке реакции, наступившей в эпоху правления Александра III, пользуясь отъездом основателя школы В.В.Радлова, русификатор-миссионер Н.И.Ильминский и его сторонники повели решительную борьбу против подготовки учителей для татар-мусульман на средства государства. В 1884 году Н.И.Ильминский поставил вопрос о целесообразности закрытия татарских учительских школ в Оренбурге и Казани перед министром просвещения Деляновым и обер-прокурором Синода Победоносцевым. В этот раз КТУШ сохранилась, в основном, благодаря активной защите школы В.В.Радловым, оренбургская же школа была закрыта в 1890 году.

В 1892 году Делянов вновь запросил мнение попечителя Казанского учебного округа по вопросу о закрытии КТУШ. Попечитель, в свою очередь, предложил высказаться по этому вопросу инспектора школы Ш.Ахмерова. В своей докладной записке от 30 сентября 1892 года Ш.Ахмеров дал следующее обоснование необходимости сохранения школы: «Учительская школа уже пережила период нападков со стороны татарского общества. На нее уже не смотрят враждебно, как на источник проведения начал христианской религии и обрусения татарского населения. Ученики не считаются в обществе изменниками национальным принципам. Круг влияния учительской школы расширился. Тогда как лет 10–15 назад татары избегали всякого общения с воспитанниками учительской школы, теперь последние являются необходимыми людьми для татар».

Инспектор также отмечал, что подготовка учителей в КТУШ способствует распространению русского языка и начал светских знаний среди татар, исчезновению подозрительности татарского населения по отношению к шагам русского правительства и т.д. Опираясь на эту записку Ш.И.Ахмерова и другие документы, попечитель высказался против закрытия школы. КТУШ удалось сохранить и на этот раз.

Большое внимание Ш.И.Ахмеров уделял постановке учебно-воспитательной работы в КТУШ. Из внеклассных образовательно-воспитательных мероприятий особо следует отметить организацию литературных вечеров и посещений русского

театра. Сам преподававший русский язык и словесность, инспектор был и инициатором введения в практику школы ученических постановок на русском языке. Первый такой вечер состоялся в воскресенье 28 декабря 1897 года. Ученики ставили сцены из комедий Н.В.Гоголя «Женитьба» и «Ревизор». После первого удачного выступления учащихся на сцене школьные спектакли в КТУШ стали традицией. Но на каждое такое представление инспектору приходилось просить особое разрешение у попечителя учебного округа и полицмейстера.

Как правило, эти вечера приурочивались к праздникам и памятным датам. Целью их было совершенствование учащихся в русском языке, упражнения в русской разговорной речи, большее знакомство с русской литературой. Организацией таких вечеров занимались преподаватели русского языка и словесности. Для чтения подбирались отрывки из произведений И.А.Крылова, А.С.Пушкина, М.Ю.Лермонтова, Н.А.Некрасова и других, ставились сценки из пьес Д.И.Фонвизина, Н.В.Гоголя, А.Н.Островского, А.П.Чехова. Такой выбор авторов является показателем прогрессивности педагогов школы, знакомивших учащихся с лучшими произведениями русской классики. Подобные вечера пробуждали сознание учащихся, позволяли им выйти из вынужденным образом замкнутого мира татарско-мусульманской жизни, толкали их к самостоятельному познанию мира через литературу.

Большое значение Ш.И.Ахмеров придавал воспитательной работе, которую проводили преподаватели вероучения. Ш.Марджани, преподававший вероучение в КТУШ с 1876 по 1884 год, так объяснял свое согласие работать там: «Мне и в голову не приходило стать учителем вероучения в этой школе. Но снова обратился Радлов, специально просил губернатор. Позже я осознал важность этой должности. Задумался над тем, что если сначала на этой должности не будут ученые, ее могут занять не знающие исламских наук невежественные люди. В результате ее ученики могут остаться совсем без знания ислама. Считая необходимым показать ученикам отношение шариата к жизни, к различным знаниям и науке, большой вклад мусульман в развитие различных знаний, я согласился занять эту должность».

Ш.Марджани активно участвовал во всех делах школы, начиная с приема учащихся. Он постоянно объяснял ученикам: «Ислам не препятствует изучению различных языков мира и развитию просвещения. Напротив, ислам подталкивает к изучению наук. Но прежде всего нужно хорошо понимать ислам, укрепить веру. Если вера окрепнет, изучение русского языка не принесет вреда. Но неправильно изучать только русский язык». С этими его взглядами были солидарны и В.В.Радлов, и Ш.И.Ахмеров, и другие преподаватели-татары.

В отчете за 1883 год Ш.И.Ахмеров отмечал большую роль Ш.Марджани в деле воспитания учащихся и подчеркивал: «Соблюдение магометанских молитв, обычаев, хождение хоть в неделю раз в мечеть, наружность и костюм типичного мусульманина подкупают симпатии татар в пользу воспитанников школы или, по крайней мере, лишают их возможности вредить школе в глазах соотечественников клеветой и злословием». Поэтому после ухода Ш.Марджани директор школы пригласил муллой-вероучителем другого опытного и авторитетного педагога, фольклориста Таиба Яхина (1845—1910), продолжившего работу, начатую реформатором.

Своей работой в школе татарские педагоги во главе с Ш.Марджани не только содействовали росту ее авторитета в татарском обществе, но и, вместе с другими прогрессивными преподавателями, фактически способствовали разрушению планов миссионеров превратить КТУШ в место подготовки учителей — проводников политики обрусения татар. При их самом активном участии татарская учительская школа в Казани постепенно превратилась в место подготовки светской татарской интеллигенции, а Ш.И.Ахмеров, 16 лет руководивший школой, не жалел для этого ни сил, ни времени, ни здоровья.

Прекрасно знавший не только русскую и европейскую культуру, но и мусульманское право и восточную классику, Ш.И.Ахмеров уделял много внимания и знакомству русского общества с миром ислама и, конечно, с жизнью и обычаями татар. С этой целью он публиковал свои статьи и сообщения на страницах казанских газет и журналов. Особенно активно он сотрудничал с общественно-политической и литературной газетой «Волжский вестник» (1884—1906), редактором-издателем которого был знаток истории края профессор Н.П.Загоскин, и педагогическим журналом «Городской и сельский учитель» (1894—1899, редактор-издатель А.И.Анастасиев).

Чаще всего подписывавший свои статьи псевдонимом «Мусульманин», Ш.И.Ахмеров знакомил читателей с идущими в татарском обществе процессами, резко критиковал старую схоластическую мусульманскую школу, разоблачая тех, кто жил, по его определению, «в заколдованном круге догм ислама». Просветитель по духу, он с большой похвалой отзывался о деятелях нового направления, таких, как М.Махмудов, Г.Баруди и другие. Особенно тепло Ш.И.Ахмеров характеризовал Ш.Марджани, считая его образцом для подражания.

Например, в № 58 газеты за 1893 год он отмечал: «Ахун Багаутдинов (такова фамилия Марджани) был исключительною и светлою личностью среди неподвижного нашего духовенства. Он интересовался не только богословско-схоластическою литературою древних арабов, за круг идей которых не перешагивают другие муллы, но и светскими науками. Ученый-богослов, знаток древней философии, он занимался и историей, и астрономией, и физической географией, издавал ученые труды по магометанской юриспруденции, составил известную в татарской литературе историю Казанского царства и вообще проявлял разностороннюю деятельность».

Ш.И.Ахмеров не раз обращался к личности великого ученого, рисуя его не только реформатором-учителем, но и борцом-просветителем. Так, он указывал, что Ш.Марджани заслужил «глубокую привязанность со стороны своих учеников и не менее глубокую ненависть со стороны фанатических приверженцев рутины и мертвой буквы старинных книг». Или Ш.И.Ахмеров так подчеркивал несгибаемый характер ученого: «Покойный ахун г.Казани Ш.Багаутдинов, человек обеспеченный, не поладив с местными, в то время самыми крупными капиталистами братьями Ю-выми, долгое время состоял у них в немилости, не получал от них никаких подаваний, но, несмотря на то, упорно отстаивал свою самостоятельность, и в конце концов Ю-вы должны были смириться перед ним».

С 1896 года Ш.И.Ахмеров состоял почетным членом Казанского губернского попечительства детских приютов, тогда же был избран гласным Казанской городской думы. Работая в школьной комиссии, он много делал для преодоления

сопротивления татарского общества распространению русско-татарских школ, показывая своим личным примером, что знание русского языка и обучение в русской школе не превращают истинного мусульманина в вероотступника. Он воспитывал в учениках умение отстаивать свои взгляды. У него была заветная мечта — издавать газету на татарском языке, осуществить которую он так и не смог. Исследователь истории татарской печати А.Каримуллин подчеркивал, что неоднократные попытки Ш.И.Ахмерова получить разрешение на издание газеты заканчивались отказами и выговорами от вышестоящего начальства. Вот несколько примеров.

В 1887 году казанский купец и писатель Габдрахман Ильяси (1856—1895), автор первой татарской драмы, обратился в Главное управление по делам печати (ГУП) с просьбой о разрешении издавать газету на татарском языке «Казань». Инспектор КТУШ, тогда коллежский советник (чин 6 класса), Ш.И.Ахмеров присовокупил к его прошению свое заявление следующего содержания: «Имею честь заявить Главному управлению, что я, в случае разрешения... издавать в Казани еженедельную газету под названием «Казань» на татарском языке с дозволения предварительной цензуры, согласен цензировать оную безвозмездно, если то будет мне разрешено Главным управлением по делам печати». Татарские интеллектуалы, видимо, предполагали таким образом предотвратить отказ ГУПа по причине «отсутствия в Казани цензора восточных языков», как это было уже в предыдущих попытках татар получить разрешение на издание газеты. Но прошение Г.Ильяси вновь получило ничем не мотивированный отказ, а заявление Ш.И.Ахмерова просто не было принято во внимание (видимо, не заслуживало доверия правительственных чиновников).

Ш.И.Ахмеров «в 90-е годы трижды обращался в Петербург с просьбой разрешить ему издание татарской газеты под названием «Казан (Казань)». Но и эти просьбы оказались тщетными. «Человеку, состоящему на службе в правительственном учреждении, не подобает заниматься изданием газеты», — ответили ему чиновники», — отмечал М.Х.Гайнуллин в работе «Татарская литература XIX века». Обнаруженные А.Г.Каримуллиным документы позволяют понять, что двигало вполне благополучным и обеспеченным чиновником-татарином, находившимся на государственной службе, когда он снова и снова, невзирая на неприятности от начальства, хлопотал о разрешении ему издавать газету на русском и татарском языках.

«Русские мусульмане весьма невежественны в общеевропейском смысле. Более развитой элемент представляет собой его духовенство. Но умственное развитие последнего весьма односторонне и своеобразно. Наши муллы, мударисы и муэдзины получают свое образование в медресах, существующих тысячами в пределах России, или же в медресах Бухары, Самарканда, Каира, Константинополя и др. Как те, так и другие по характеру (направлению) обучения сходны между собой. Изучение схоластического богословия и философии, разработанных арабскими учеными средних веков, составляет сущность курса медресе; изучение наук светских среди нашего русского мусульманства совершенно в пренебрежении мулл. А по их следам и другие татары убеждены, что истинная наука имеется лишь у арабов, в громадных фолиантах мусульманских богословов и философов, единственных-де источников высшего знания челове-

чества. Науки же светские, по их мнению, есть не «ильм» (наука), а «гюнер» (ремесло, искусство)», — объяснял он.

«Такое явление можно было бы объяснить, если бы в среде татар вращалось мало книг, но в Казани книги издаются тысячами экземпляров, а также выписываются из других мусульманских государств, — продолжал он разъяснять положение дел в татарском обществе. — Между тем нельзя отрицать любознательность татар; у них в большом количестве обращаются сочинения не только религиозного содержания, но и исторические, географические и прочие, но содержание подобных книг заимствуется не из русских источников, а из турецких...».

Он был уверен, что в отсталости татар повинно отсутствие светского образования. «В таком неприглядном положении татары находятся благодаря отсутствию светского образования, хотя по-своему они почти все грамотны, но у них считается достаточной подготовкой — научиться механически читать по-арабски, запоминать из Корана отдельные места, часто даже без понимания их смысла; у них весьма сильна вера в спасительность самого процесса чтения Корана. При таких понятиях и взглядах у татар не могут появиться реальные знания; основа их мирозерцания ультрарелигиозная; не понимая естественной связи между явлениями природы и событиями в общественной жизни, татары безусловно верят в предопределение», — указывал просветитель.

По мнению Ш.И.Ахмерова, для преодоления такого положения необходимо «распространять в массе правильные взгляды на государственную и общественную жизнь нашего отечества, склонять к приобретению полезных знаний, способствовать усвоению необходимых ремесел и всего того, что обогащает народ и выгодно для государства». Именно этим и будет полезна газета на татарском языке.

«Для деятельности в таком направлении единственным орудием в настоящее время может служить только печатное слово, понятное для татар по изложению и языку. Русская газета недоступна для татарина как по языку, так и по своему содержанию; она не может служить потребностям татар ни по направлению, ни по программе; кроме того, издатели ее не имеют достаточного знания быта татарина, его взглядов, нравов, обычаев», — подчеркивал он.

Все свои силы отдававший на алтарь просвещения татарского юношества, Ш.И.Ахмеров душой болел за свой народ и считал, что издание газеты на татарском языке сломает перегородки между татарами и европейской цивилизацией. Но чиновники царского правительства и не стремились предоставить возможности развития нерусским народам, будь то газета или школы на родном языке. И это хорошо видно из представления казанского губернатора, отправленного вослед прошению Ш.И.Ахмерова. «Ахмеров, человек весьма серьезный, с солидным образованием, особенно по инородческим вопросам, и издание под его редакцию и ответственностью газеты, **казалось бы** (выделено мной. — А.М.), не могло вызвать никаких опасений за его направление», — сообщал губернатор.

Но тут же следовали и сомнения: «При этом не могу не высказать однако, что развитие литературы и периодических изданий на татарском языке среди инородческих племен, населяющих Россию, едва ли послужит целям сближения и слияния этих племен с русским народом: в татарах сильно развита любовь к своей религии и своему языку и из всех инородцев, населяющих Россию, татары наименее поддаются слиянию с русскими: развитие же литературы на их родном

языке может лишь пробудить среди инородцев национальное самосознание и — быть может более того — политические мечтания» (Подчеркнуто губернатором. — А.М.).

Итак, и Ш.И.Ахмеров, и губернатор, вроде бы говорили об одном и том же — **о сближении татарского и русского народов**. Но печалят их совершенно разные вещи. Если Ш.И.Ахмеров хотел сближения культурного, чтобы путем распространения просвещения преодолеть отставание своего народа, то губернатор прежде всего имел в виду **слияние**, то есть растворение, обрусение татар. И его менее всего устраивало распространение просвещения среди татар, в каком бы виде оно ни происходило.

Перейду к характеристике других членов семьи Ахмеровых. Его жена Хадичаханум (1861—1944) была также незаурядной личностью. Происходила она из старинного дворянского рода Алкиных, занесенного в родословную книгу дворян Казанской губернии, давшего немало общественных и политических деятелей. Ее отец, Шагиахмад Мухаммадович Алкин (1812—1878), одним из первых среди казанских татар учившийся в первой мужской гимназии Казани, служил на разных должностях в управлении города. В 1846 году он был назначен на должность помощника казанского полицмейстера, который и занимал до выхода в отставку, дослужился до чина коллежского советника (чин 6-го класса), прославился своей честностью и строгостью.

У Шагиахмада и его жены Хусниязмал (урожденной Арсаевой) было четыре сына и две дочери. Сам получивший русско-европейское образование, Ш.М.Алкин старался дать его и своим детям. Его четыре сына получили гимназическое образование, двое из них затем закончили университет. Из них наибольшую известность получил Саидгирей (1867—1919), который, окончив юридический факультет Казанского университета, стал знаменитым в городе юристом и общественным деятелем. Дочери Хадича и Зулейха получили, по обычаю того времени, домашнее образование по-мусульмански.

В 1878 году, когда Хадиче исполнилось семнадцать лет, а ее сводной сестре Марьям (дочь Шагиахмада от первой жены) девятнадцать, в дом Алкиных зачастили свахи. Среди предполагаемых женихов были Салих Саинов, принадлежавший к старинному дворянскому роду, давшему немало чиновников и купцов и сумевшему приобрести солидное богатство, и новоиспеченный выпускник университета Ш.И.Ахмеров. Марьям выбрала богатого жениха, а Хадича согласилась стать женой «лапотного» мурзы — «бедного» учителя.

По обычаю того времени женихи и невесты не только не встречались, но и не видели друг друга до свадьбы, поэтому о достоинствах и недостатках будущих супругов они могли судить лишь со слов свах, то есть выбор на уровне «богатый-бедный» был вполне обычен. Однако образованный Ш.И.Ахмеров нашел способ общения со своей невестой. Он передал невесте (через сваху) письмо с изложением своих представлений о будущей семейной жизни, написанное по-русски. Хадича же тогда совсем не знала русского языка. Тем не менее, когда кто-то из братьев перевел ей письмо, она ответила жениху по-татарски. Так Хадича и Шахбазгирей начали знакомиться друг с другом еще до свадьбы.

В письмах Шахбазгирей-эфенди излагал свои взгляды на семейную жизнь. Хорошо знавший как восточную, так и русскую классику, он писал о том, что,

вступая в брак, человек должен руководствоваться не только чувствами, но и помнить о своих обязанностях и долге перед родителями, перед супругой, перед будущими детьми, перед Отчизной и нацией; выполняя их, мужчина выполнит свои обязанности перед Всевышним. Настоящий мужчина должен быть именно таким, подчеркивал он. (Забегаая вперед, отмечу: Ш.А.Ахмеров умер молодым, 47 лет, а Хадича-ханум сумела воспитать в детях чувство преклонения перед памятью отца. По словам их дочери З.Ш.Тинчуриной и внучки Д.А.Шейх-Али, Хадича-ханум не только хранила эти письма как драгоценнейшую реликвию, но и использовала их как завещание, напутствие отца детям, вступающим во взрослую жизнь. Поэтому они все, даже внуки, почти наизусть знали их содержание).

Жених же придумал и способ увидеть друг друга. У Алкиных была ложа в русском театре. На спектакли изредка вывозили и женщин семьи. Ш.И.Ахмеров предложил использовать посещение театра семьей Алкиных для смотрин жениха и невесты. Родители согласились. И вот настал назначенный вечер. «Встреча-смотрины» состоялась. Невеста — наверху, в ложе, жених — внизу, в партере, увидели и, по-видимому, понравились друг другу. Начали готовиться к свадьбе.

Хадича решила использовать оставшееся до свадьбы время с пользой, попросив отца учить ее русскому языку. И Шагиахмад Алкин для этого пригласил в дом специальную учительницу. Ею стала только что окончившая гимназию Софья Петровна Эпштейн. Она занималась со всеми дочерьми Алкиных, но наиболее способной оказалась Хадича (возможно, у других не было стимула к изучению русского языка), которая очень быстро освоила азбуку, стала понимать язык и пытаться разговаривать. Она скоро подружилась с учительницей; эта дружба продолжалась у них всю жизнь.

А после женитьбы Ш.И.Ахмеров и сам немало способствовал дальнейшему образованию своей жены, составив для нее особый план занятий и руководя кругом ее чтения. Став женой интеллигента с университетским образованием, вхожего в высшее казанское общество, Хадича-ханум, продолжая систематические занятия русским языком, кинулась овладевать знаниями, о существовании которых до замужества мало что знала: она с неимоверным упорством и жадностью начала изучать и французский язык, читать русскую и мировую литературу, обучаться светскому этикету, танцам...

Жили Ахмеровы в казенной квартире при КТУШ. Когда появились кое-какие сбережения и пошли дети, сначала приобрели двухэтажный каменный дом на Большой Мещанской улице (ныне ул. Нариманова) в Старо-Татарской слободе. Было у Ахмеровых около десяти детей, из которых выжили семеро: четыре дочери и три сына. Они воспитывались в строгости, но без ханжества и догматизма. Подрастая, дети одновременно получали и мусульманское (дома), и европейско-русское (в школе и дома) образование и воспитание.

Когда старшая дочь Магипарваз (1880—1962) подросла, перед родителями встал вопрос о ее обучении. Они хорошо понимали, что одного обучения начаткам мусульманских наук для девочки уже недостаточно, необходимо светское русское (европейское) образование. Учить дома или отдать девочку в русскую женскую гимназию? После долгих сомнений и раздумий решили в пользу гимназического образования. Чтобы девочке было не так одиноко, Ахмеровы пред-

ложили и соседям, поручику Шайхаттару Асфендияровичу Губееву и его жене Ханифе, готовить к гимназии вместе с Магипарваз и ее подружку-ровесницу, дочь Губеевых Ракию. Девочек готовили к гимназии по разработанной самим Ш.Ахмеровым специальной программе,

В августе 1891 года девочки успешно выдержали вступительные испытания и были приняты в число учениц Ксенинской женской гимназии. Так старшая дочь Хадичи и Шахбазгирея Ахмеровых Магипарваз и ее подружка Ракия стали первыми гимназистками из татар в Казани (дружба девочек, начавшаяся в детстве, продолжалась всю их жизнь). Магипарваз училась в Ксенинской женской гимназии в 1891—1899 годах и окончила восьмой педагогический класс этой гимназии с серебряной медалью и званием домашней наставницы. Разные казанские гимназии закончили, уже после смерти отца, и другие дочери Ахмеровых — Суфия, Сара, Загида.

Когда Магипарваз стала гимназисткой, встал вопрос о переезде из татарской части города в русскую: девочку приходилось возить в гимназию на специально нанятом извозчике не только из-за дальности расстояния (Ксенинская гимназия располагалась в собственном здании на Воскресенской улице (ныне это здание КФАН РФ на улице Кремлевская), но и потому, что этот шаг Ахмеровых вызвал неприятие татарского общества, жившего замкнутой патриархальной жизнью и считавшего грехом всякое общение с русским обществом. Завсегдатаи Сенного базара, который девочке необходимо было пересекать дважды в день, не только постоянно всячески поносили ее и ее родителей, но и угрожали ее жизни, стараясь закидать повозку камнями или гнильем. И родители решились сломать устоявшийся образ жизни, свой налаженный быт.

Ахмеровым улыбнулась удача. Они узнали, что дворянка Геркен продает трехэтажный дом, построенный в первой половине XIX века и перестроенный в 1878 году архитектором А.А.Болотовым под многоквартирный. Дом этот располагался рядом с Мариинской гимназией, на углу улиц Петропавловской и Малой Проломной. Ныне это дом 16/5 на углу улиц М.Джалиля и Профсоюзной, известный тем, что в нем в 1873 году родился революционер Н.Э.Бауман, находилась типография Б.Домбровского, и в 1919—1937 годах жил артист, режиссер и драматург Карим Тинчурин (и нигде ни слова о хозяевах дома, внесших также немалый вклад в историю Казани, в историю татарского народа! Впрочем, уже поздно об этом писать. К сожалению, этот дом сейчас разрушается).

Собрав все средства — и накопленное за годы службы Ш.И.Ахмерова, и приданое Хадичи-ханум, и деньги, вырученные от продажи дома на Большой Мещанской улице, Ахмеровы купили этот дом. Начиналась новая полоса в их жизни. Семья Ахмеровых была уже достаточно большой. Подрастало пятеро детей — Магипарваз, Суфия, Ильяс, Сара и Дауд (младшие — Юсуф и Загида — родились уже в этом доме). С ними вместе жила и овдовевшая сестра Ш.И.Ахмерова Фатима-ханум Терегулова с сыновьями Хасаном и Мухамет-Рахимом.

С переездом в русскую часть города видоизменилось и окружение, стал еще шире круг общения. Если раньше Ахмеровы чаще общались с семьями немногочисленных в тогдашней Казани татарских интеллектуалов, таких, как Алкины, Махмудовы, Терегуловы, Саиновы, связанных, в основном, родственными узами, то теперь в их дружном и гостеприимном доме регулярно собирались и представители

русской интеллигенции, друзья Ш.И.Ахмерова еще по университету. Конечно, и раньше Ахмеровы были вхожи в круги русской интеллигенции и выезжали в русскую часть города в гости, в театр, на балы. Они, еще живя в татарской слободе, и сами принимали гостей «из города», но в новом доме и места было больше, и добираться друг к другу было ближе и удобней...

Пожалуй, во время таких встреч одним из самых распространенных увлечений Ш.И.Ахмерова и его друзей, среди которых были профессора университета Н.М.Любимов, Н.П.Загоскин, Н.Ф.Катанов, преподаватели КТУШ И.В.Терегулов и М.Н.Пинегин, кроме долгих бесед и споров, была игра в преферанс. «Расписывая пульку», они нередко засиживались до утра. Хадича-ханум, интересовавшаяся всем, что было интересно ее мужу, и впитывавшая все новое как губка, также увлеклась преферансом, причем в такой степени, что на равных играла с гостями дома — мужчинами, считая дамский преферанс мало привлекательной для себя игрой.

Подрастали дети. Вот уже и Суфия стала учиться в Ксенинской гимназии, Ильяс, а за ним и Дауд — в реальном училище. Постепенно, по мере взросления детей, расширялся и круг их друзей — гимназисток, реалистов. В семьях друзей и родственников Ахмеровых также росли дети, обучающиеся в гимназиях и других русских учебных заведениях. Так дружба родителей переходила в дружбу молодого поколения. В конце века в частных «благородных» домах Казани во время праздников было модным организовывать литературно-музыкальные вечера и утренники для детей. Не отставали от них и татарские интеллектуалы, в домах которых поочередно устраивались праздники для детей с чаепитиями, концертами, иногда силами детей игрались и небольшие сценки. Душой и инициатором таких праздников часто бывала Хадича-ханум. Не случайно именно в доме Ахмеровых в 1903 году начал действовать кружок учащейся молодежи Казани «Шимба».

Хадича-ханум, постоянно занимавшаяся самообразованием, достигла больших успехов. Под руководством мужа и С.П.Эпштейн она много читала, ей особенно нравились произведения русских писателей. Как и многих интеллектуалов того времени, ее увлекали книги и идеи Л.Н.Толстого. Именно под его несомненным влиянием она занялась переводами с русского языка на татарский произведений русских писателей. Как результат этой ее работы, в 1901 году в Оренбурге была опубликована небольшая книга с несколькими рассказами Льва Толстого в переводе Х.Ахмеровой.

Она приучилась и к чтению газет. Сначала это были любимые газеты мужа «Волжский листок» и «Тарджеман». Затем, с появлением татарской периодики, она стала постоянным подписчиком газеты «Казан мухбире» (Казанский вестник), издаваемой ее братом Саидгиреем. Читала она и другие издания прогрессивного направления. В начале XX века, когда в татарском обществе развернулись дискуссии о путях развития народа, Хадича-ханум решительно встала на сторону джадидистов. В эти годы она уже живо интересовалась национальным движением, любила поспорить с братом. По воспоминаниям дочери Загиды, в этот период ее любимой газетой на русском языке стала общественно-литературная и политическая газета «Камско-Волжская речь», издававшаяся в 1908 — 1917 годах, которую Хадича-ханум прочитывала от корки до корки.

Вырвавшись из замкнутого традиционного мирка семьи, жившей по мусульманским обычаям, с помощью мужа, чутко руководившего ее образованием, Хадичаханум превратилась в настоящую светскую даму, любившую и умевшую поддержать разговор с любым гостем, оставаясь при этом истинной мусульманкой. Хадичаханум очень любила музыку, старалась часто посещать русский театр (и драму, и оперу), где у Ахмеровых был постоянный абонемент; муж, сам любивший танцы и прекрасно танцевавший, научил им жену, которая настолько увлеклась танцами (особенно любила кадрили), что, по воспоминаниям, даже частые беременности не могли помешать этому ее увлечению. Ее внучка Д.А.Шейх-Али рассказывала, что в их семье очень долго хранился большой, роскошный черный веер, который приобрела ее бабушка специально для того, чтобы с его помощью на балах до поры до времени скрывать свое «интересное» положение.

Будучи правоверными мусульманами, Ахмеровы воспитывали своих детей так, что они прекрасно знали татарский, русский, а также европейские языки, чтити мусульманские обычаи, были верны идеалам своего времени. «Воспитанная в типичной для того времени интеллигентной семье, с юных лет читавшая русскую и западную классическую литературу и идеализировавшая таких героинь, как Елена в романе Тургенева «Накануне», я, как и многие мои ровесницы, была под влиянием прогрессивных идей», — писала позднее о себе их дочь Загида. Эти ее слова полностью можно отнести и к ее сестрам и братьям. Подрастая, все они, как и родители, как типичные интеллигенты, становились завзятыми книгочеями, любили театр и музыку...

В 1900 году в дружную, жившую полнокровной жизнью большую семью Ахмеровых пришло горе: 9 апреля от перитонита скончался глава семьи Шахбазгирей Измаилович, которому только что исполнилось 47 лет. Тридцатидевятилетней Хадиче-ханум теперь одной приходилось решать все вопросы, и прежде всего, связанные с обучением и воспитанием семерых детей, которым было от трех до двадцати лет. Им была назначена пенсия в размере семисот рублей в год, что составило треть жалованья Ш.И.Ахмерова; часть доходов они получали от сдачи квартир в аренду. К этому времени из детей только Магипарваз имела среднее образование и свидетельство домашней наставницы. Нужно было позаботиться о том, чтобы дети не чувствовали сиротства, чтобы все они получили хорошее светское образование.

После смерти мужа Хадича-ханум не опустила рук. Она решительно взяла бразды правления в свои руки, успевала следить и за учебой и воспитанием детей, и за порядком в большом доме, вовремя его ремонтировать, ладить с жильцами, арендовавшими в нем квартиры, получать с них арендную плату, вести сношения с городской управой, платить налоги и т.д. Больших строгостей ни к девочкам, ни к мальчикам в семье не применяли. Отношения строились на толстовских принципах доверия, ответственного и сознательного отношения к своим поступкам. Например, самое строгое наказание для провинившихся сыновей было таким: мальчиков подводили к большому портрету отца, внушая, что их отец был бы очень недоволен их поведением, советовали им исправиться и оставляли перед портретом на некоторое время подумать.

Хадиче-ханум хотелось продолжить просветительскую деятельность, к которой приобщил ее муж. К тому же Магипарваз могла бы работать учительницей, но в русские начальные женские училища или прогимназии путь ей был закрыт. В ее свидетельстве было записано, что она имеет право заниматься обучением и воспитанием лишь своих единоверцев. Светских же школ для мусульман, где могла бы работать девушка, в Казани просто не было. И Хадича-ханум решила добиться открытия соответствующей знаниям и возможностям дочери школы. Такой школой в тех условиях могла стать лишь женская русско-татарская школа.

Русско-татарской школой назывались учебные заведения, дающие начальное образование на русском языке татарским детям. Эти школы открывались за счет государства на основе утвержденных в 1870 году Правил «О мерах с образованием населяющих Россию инородцев». (Подробнее о них см.: Махмутова А.Х. Становление светского образования у татар. — Казань, 1982). Они преследовали обрусительные цели и были восприняты татарским обществом с большим подозрением. Поэтому вплоть до начала XX века казанские татары очень неохотно отдавали своих детей, даже мальчиков, в эти школы. А уж о том, чтобы девочки учились в подобной школе, и подумать было страшно!

Х.Ш.Ахмерова, объединившись с несколькими женщинами, решила ходатайствовать перед учебным ведомством об открытии женской русско-татарской школы. Дело было так. 7 ноября 1900 года группа татарских женщин — вдова директора Казанской татарской учительской школы Шахбазгирея Ахмерова Хадича с дочерью Магипарваз, окончившей с серебряной медалью Ксенинскую гимназию, жена подполковника Габдрахманова Хадича с дочерью Зайнаб (тоже окончившей гимназию) и жена полковника Мансурова Гайша — обратились в управление Казанского учебного округа с прошением об открытии за счет казны русско-татарской школы для девочек.

Эта инициатива была воспринята учебным начальством как небывалое явление и нашла горячую поддержку у директора народных училищ Казанской губернии А.С.Никольского, которому прошение женщин было послано на заключение. Он писал попечителю: «Промшение это составляет весьма отрадный факт в истории просвещения мусульман Казанского края, если не всей России. В г.Казани и Казанской губернии, да — сколько мне известно — и в других губерниях Казанского учебного округа в настоящее время нет ни одного русско-татарского училища, даже ни одного русского класса при мектебе и медресе, которые были бы содержимы на местные средства или учреждены по желанию самих татар-мусульман».

Отметив, что «татары-мусульмане Казанского края доселе не пускают в существующие учебные заведения своих детей — даже мальчиков, не говоря уже о девочках», директор указывал, что татарские женщины, «живя постоянно в своих гаремах, в полном отчуждении от русских, не имеющие никаких столкновений с русскими, не слышащие их языка, не понимают ни слова по-русски и потому совершенно недоступны для русского влияния и русской культуры. Они еще невежественнее своих мужей и братьев. Дух фанатизма — и племенного, и религиозного — развит среди них еще сильнее. И в этом духе воспитывают они своих детей».

Именно поэтому А.Никольский считал необходимым открытие женской русско-татарской школы в Казани и настойчиво подчеркивал: «Русское училище для татарских девочек в Казани, знакомя последних с русским языком и русской грамотностью, несомненно, ослабит в них племенной и религиозный фанатизм и сблизит их с русскими согражданами, а через них, — особенно, когда они станут матерями, — будет содействовать рождению среди татар новых поколений, воспитанных в ином духе, с иными понятиями и взглядами на русских, их просвещение и все русское».

Попечитель Казанского учебного округа А.Остроумов также поддержал инициативу женщин и в представлении от 10 января 1901 года ходатайствовал перед министром народного просвещения об открытии школы. Ходатайство это было удовлетворено: министерство народного просвещения разрешило «открыть в Казани русское начальное училище для обучения татарских девочек» с 1 июля 1901 года и выделило из бюджета министерства на нужды школы 470 рублей ежегодно. Попечительницей школы была назначена Х.Ш.Ахмерова, учительницей светских предметов на русском языке — ее дочь.

Естественно, что в русско-татарской школе, существовавшей за государственный счет, основное внимание должно было уделяться начальному образованию и воспитанию на русском языке. Однако в программе школы предусматривались часы и на изучение основ мусульманского вероучения. Понимая, что без привлечения для преподавания мусульманского вероучения известной среди татар личности родители не отдадут своих дочерей в школу, Х.Ш.Ахмерова предложила стать вероучительницей Магруй Музаффарий и попросила ее для начала привести в школу своих учениц. Та согласилась, оговорив, что после обеда будет давать ученицам школы и уроки татарского языка. Так Хадича-ханум сумела найти первых учениц своей школы.

Первоначально школа располагалась в доме Шамсутдинова по улице Захарьевской (ныне ул. Каюма Насыри). Занятия в школе начались 5 сентября 1901 года при 25 ученицах. Хотя вначале школа была встречена татарским населением недоверчиво, постепенно отношение менялось. Росло и число учениц, особенно за счет дочерей молодой татарской интеллигенции и купечества, понимавших необходимость русского светского образования.

Если к 1 января 1904 года, то есть на третий год существования, в школе было всего-то 30 учениц, то в годы революции число желающих обучать своих дочерей в этой школе ощутимо выросло. И в 1906/07 учебном году в ней обучалось уже 53 ученицы. Увеличение числа учениц заставило руководство школы искать более просторное помещение. Школа переехала на Екатерининскую улицу (ныне улица Габдуллы Тукая) в дом, принадлежавший брату Х.Ш.Ахмеровой С.Ш.Алкину, где и находилась вплоть до ее закрытия в 1918 году.

Очень скоро и в этом помещении стало тесно. Рост количества желающих поступить в школу и в дальнейшем отмечал и директор народных училищ Казанской губернии. Он сообщал 16 апреля 1911 года управляющему Казанским учебным округом: «Училище было открыто в 1901 году, действительно, при незначительном количестве учениц, а теперь желающим учиться в этом училище прихо-

дится отказывать за недостатком помещения. К 1 января текущего года в этом училище обучалось 67 учениц; в начале учебного года было отказано в приеме за недостатком места 20 девочкам». Об этом же писал и председатель Казанской городской исполнительной училищной и по народному образованию комиссии. Указав, что в 1911 году в школе обучается 68 учениц, он отмечал: «Помещение этого училища по своим размерам не позволяет вместить более того, сколько обучается в нем в настоящее время».

Так Хадича-ханум нашла достойное себя и памяти мужа дело, требовавшее от нее большого мужества и умения. Она стала одной из самых уважаемых женщин Казани, успешно руководила школой, воспитывала и учениц школы, и своих детей. В 1906-1908 годах Хадича-ханум со всеми своими детьми жила в Петербурге. Это было связано с тем, что Магипарваз уже училась там, закончившие гимназии Суфия с Сарой также решили поехать туда учиться. Считая, что жить всем вместе в Петербурге обойдется дешевле, Хадича-ханум, номинально оставаясь попечительницей школы, поручила ее полностью Магруй Музаффари, передала ведение своего дома опекуну Лебедеву и переехала с детьми в Петербург. Но Лебедев оказался транжирой, запустил дом, и через два года Ахмеровы вернулись в Казань, оставив учиться в Петербурге Магипарваз и Сару. Рассмотрим, как же сложилась судьба ее детей.

Самая старшая, Магипарваз, как уже было сказано, в 1901 — 1903 годах работала учительницей в первой женской русско-татарской школе Казани. В эти же годы она вышла по любви замуж за военного врача князя Рустембека Саригаскаровича Девлеткильдеева (1871—1902), родила сына Аскара (1902—18). Но замужество оказалось недолгим: во время командировки на Кавказ для борьбы с брюшным тифом князь заразился и умер. В 1903 году Магипарваз сдала экзамены на аттестат зрелости при первой мужской гимназии Казани и, оставив сына матери, уехала в Петербург, где поступила на Бестужевские высшие женские курсы. Проучившись там год, она оставила учебу. Однако намерение получить высшее образование сохранила.

В 1904 году Магипарваз-ханум стала учиться в женском медицинском институте, открытом в 1897 году в Петербурге на частные пожертвования и с 1904 года переведенном на государственное финансирование. Она училась с перерывами, вызванными семейными обстоятельствами, и окончила институт лишь в 1913 году. Получив диплом врача, вернулась в Казань. Магипарваз-ханум первой из татарок стала врачом-гинекологом. В одной из комнат дома Ахмеровых был организован кабинет для приема пациенток. Много времени она отдавала лечению женщин-татарок из разных слоев, принимая их как в своем кабинете, так и в других местах. Газета «Кояш», например, не раз отмечала, что она организовала постоянный бесплатный прием татарок в больнице благотворительного общества.

Магипарваз-ханум продолжала свою врачебную деятельность и в бурном 1917 году, и в годы гражданской войны. Когда после установления Советской власти в Казани дом Ахмеровых был национализирован, ее заработок стал основным средством существования семьи Ахмеровых. Революционные потрясения принесли в дом Ахмеровых не только потерю дома. В огне гражданской войны

погибли Дауд и Юсуф Ахмеровы и совсем еще юноша, сын Магипарваз-ханум Аскар. Спокойный, выдержанный по натуре человек, Магипарваз-ханум, как и ее мать Хадича Шагиахметовна, стойко встретила все беды и горести, выпавшие на долю их семьи.

Магипарваз-ханум долгие годы успешно работала врачом-гинекологом на кафедре акушерства и гинекологии №1 Казанского ГИДУВа под руководством профессоров А.И.Тимофеева (1881 — 1929) и Н.Е.Сидорова (1898 — 1984). За самоотверженный многолетний труд она была награждена орденом Ленина, получила звание «Заслуженный врач ТАССР». Свою трудовую деятельность М.Ш.Ахмерова-Девлеткильдеева завершила врачом родильного дома, расположенного недалеко от их дома, в здании бывшей больницы Клячкина. Умерла она 3 мая 1962 года, восьмидесяти двух лет, в Казани.

Суфия (1885—1949) — была третьим ребенком в семье Ахмеровых (девочка, родившаяся до нее, прожила всего два года). Родители отдали ее учиться в ту же Ксенинскую женскую гимназию. Была она очень живой, непоседливой, училась, в отличие от старшей сестры, не выказывая особых успехов. Правда, она любила читать, особенно произведения русской и зарубежной классики. Суфия стала и одной из самых деятельных членов кружка «Шимба» и с первых дней возникновения активно участвовала во всех его делах. Ей особенно нравилось участие в театральных представлениях кружка, и получалось это у нее достаточно талантливо.

После окончания гимназии Суфия решила получить профессиональное образование драматической актрисы. В 1906 году она поступила в частную театральную студию в Петербурге. Вернувшись в Казань в 1908 году, вновь стала активно участвовать в постановках «субботян». Самое активное участие приняла воссозданная ею труппа «субботян» в мероприятиях, организованных в связи с проводившейся летом 1909 года в Казани международной промышленной выставкой. В частности, «субботяне» поставили в летнем театре «Русской Швейцарии» (так тогда назывался парк имени М.Горького), на территории которого были развернуты павильоны выставки, спектакль по пьесе Гаяза Исхаки «Алдым-бирдем (Брачный договор)». Одну из главных ролей в ней сыграла Суфия-туташ, первая татарская актриса, получившая специальное образование.

Летом того же года Суфия вышла замуж за Аскара Алиевича Шейх-Али, чья родословная восходила к чингизидам, и переехала к мужу в Петербург. У них появилось двое дочерей, и Суфия-ханум с той же энергией, с какою она участвовала в спектаклях, стала заниматься созданием домашнего очага. Как правило, лето она проводила с семьей в имении Шейх-Али, расположенном в деревне Шаршады Вятской губернии (ныне в Агрызском районе РТ). В Шаршады часто приезжали сестры и братья Суфии-ханум, друзья четы Шейх-Али из Казани, Петербурга и других мест. Бывало очень весело, почти каждый день превращался в праздник, затевались игры; организовывали и вечера-концерты, на которых блистала хозяйка. На этих вечерах она любила читать монолог Катерины из «Грозы» А.Н.Островского, с участием гостей игрались отрывки из татарских и русских пьес. Лето пролетало незаметно.

В годы гражданской войны, пока ее муж воевал (сначала на стороне белых,

затем — в Красной Армии), Суфия-ханум с двумя дочерьми жила у матери в Казани, время от времени участвовала в спектаклях «Сайяра». В 1920 году А.А.Шейх-Али, служивший в штабе РККА, получил жилплощадь, и семья обосновалась в Москве. Выйдя вскоре в отставку, Аскар Алиевич Шейх-Али, у которого были золотые руки и изобретательная голова, открыл небольшую мастерскую. В числе многих его изобретений, было одно, заинтересовавшее руководство ТАССР: он придумал самое удобное размещение арабских букв для пишущей машинки. И в 1924 году его пригласили на работу в Казань.

Так Суфия-ханум вновь оказалась в родном городе, среди близких ей людей. Дети уже подросли, учились в школе. В Казани оставалось еще достаточно людей, выступавших вместе с ней в спектаклях, помнивших ее игру. Да и она сама не забыла свое увлечение театром. В Татарском академическом театре не хватало профессиональных актрис, и она вновь вошла в труппу. Здесь она работала в 1925 — 1928 годах, выступая под фамилией Мирсалимбековой. Однако в 1928 году ей пришлось оставить театр.

Казалось, и Хадича-ханум Ахмерова, пережившая в годы гражданской войны потерю сыновей Дауда и Юсуфа и внука Аскара, наконец-то, могла вздохнуть спокойно: жизнь в середине двадцатых годов стабилизировалась, с ней жила старшая дочь Магипарваз, рядом, в этом же бывшем их доме, — младшая дочь Загида с мужем, известным режиссером, артистом и писателем Каримом Тинчуриным (1887 — 1937), сюда же вернулась из Москвы Суфия с мужем и двумя дочерьми... Однако это оказалось лишь небольшим «затишьем перед бурей» — судьба готовила ей еще не один сокрушительный удар.

В стране начиналась эпоха борьбы с «чуждыми элементами». Правда, Ильяс, единственный из ее сыновей, оставшийся в живых в горниле мировой и гражданской войн, умер «естественной» смертью в конце двадцатых годов, до начала основных волн сталинских репрессий. Наступала «очередь» дочерей Хадичи-ханум — их мужья, образованные, талантливые интеллектуалы, конечно же, представляли «угрозу» складывавшейся сталинской тоталитарной системе. Все три зятя Хадичи-ханум оказались в застенках НКВД.

Первым горе пришло в семью Суфии-ханум: в 1931 году арестовали ее мужа, изобретателя и одного из организаторов завода по производству пишущих машинок «Яналиф» Аскара Алиевича Шейх-Али (он был не только его техническим руководителем, но и создателем самой машинки, давшей имя заводу). Среди восемнадцати арестованных, привлеченных к следствию, были писатели, ученые, журналисты, экономисты, в частности, известный ученый-литературовед Джамал Валиди. Они все, в том числе и А.А.Шейх-Али, были объявлены участниками «контрреволюционной группы, находящейся в идейно-организационной связи с султангалеевщиной...». Припомнили им и их «чуждое» происхождение, и подписи под обращением татарской интеллигенции в мае 1927 года к пленуму ОК ВКП(б), известным как «Письмо 82-х» (в нем шла речь о недопустимости административного решения вопроса о латинизации татарской письменности)...

Как отмечал С.Рахимов, опубликовавший в журнале «Гасырлар авазы — Эхо веков» (1996, № 1/2) материалы этого дела из протоколов допроса Дж.Валиди,

«это был фактически первый процесс над творческой интеллигенцией после масштабной кампании конца 20-х годов по выселению священнослужителей, составлявших основу мусульманской элиты России. Ни один подсудимый не признал своей вины, однако решением коллегии ОГПУ от 11 мая 1932 года 11 человек получили пять лет концлагеря, двое — три года и четверо высланы на три года в северный край». Среди последних был и А.А.Шейх-Али. В 1932—1934 годах он работал на строительстве Беломорско-Балтийского канала.

После ареста мужа Суфия-ханум с большим трудом устроилась на работу машинисткой в сельхозснаб. В 1934—1941 годах она жила со старшей дочерью Динорой, работавшей врачом в Подмоскovie, в городе Истра. Туда же приехал и А.А.Шейх-Али, вскоре устроившийся на работу на один из московских заводов. Но спустя какое-то время ему напомнили, что и после отбывания срока наказания сохраняется ограничение в правах. В частности, ему не разрешалось жить и работать в столице и ряде больших городов. Оторвав его от семьи, направили на работу в Алатырь. Суфия-ханум и дочери, по мере возможности, посещали Аскара Алиевича. В 1941 году, с началом войны их дочь была мобилизована для работы в военном госпитале; оставшаяся одна Суфия-ханум вернулась в Казань, где и жила с матерью и с семьей второй дочери до своей смерти в 1949 году...

Третья дочь Ахмеровых, Сара (1889—1952), с детства отличалась большими способностями, особенно к гуманитарным наукам и математике. Училась она в Казанской Мариинской гимназии. Окончив ее в 1906 году с золотой медалью, она, как и ее сестры, продолжила учебу в Петербурге. Ею восхищались учителя Мариинской гимназии. Как вспоминала ее младшая сестра Загида, даже спустя годы после окончания Сарой гимназии учителя при встречах с членами семьи с теплотой вспоминали об успехах и способностях ее сестры, особенно восхищаясь ее сочинениями.

Ее боготворили в семье все — мать, братья, сестры, родственники. Сара-туташ была не только умна и образованна, но и очень красива, стройна, скромна, обладала прекрасными манерами. Круг общения у нее, как и у всех Ахмеровых, был достаточно широк: подруги-гимназистки, друзья по кружку «Шимба (Суббота)» (в 1904—06 годах она была одним из самых активных его членов), студенты, реалисты... Дружеские чувства связывали ее с Муллануром Вахитовым, Фатихом Амирханом и другими «субботянами». По семейным преданиям, в нее были влюблены почти все татарские интеллектулы не только в Казани, но и в Петербурге. Сама же Сара-туташ была со всеми по-дружески равна, в отличие от многих девушек почти не обращала внимания на свою внешность, жила мыслями о продолжении образования.

В 1907—1912 годах она училась на юридическом факультете Бестужевских высших женских курсов, выказав большие успехи по всем дисциплинам. Обладавшая аналитическим умом, знавшая европейские и восточные языки, Сара-туташ поражала всех и на курсах. 29 января 1913 года ей было выдано свидетельство об окончании полного курса наук юридического отделения с указанием экзамена-

ционных оценок ее успехов. Из него видно, что Сара-туташ «весьма удовлетворительные» успехи (что соответствует современному «отличные») показала по семнадцати предметам. «Удовлетворительно» (что означало «хорошо») она получила лишь по церковному праву.

Современному читателю, вероятно, будет интересно узнать, какие же предметы выносились тогда на итоговые экзамены для будущих юристов. Это были латинский язык, энциклопедия права, история римского права, общее государственное право, политическая экономия, статистика, история русского права, догма римского права, история философии права, русское государственное право, полицейское право, финансовое право, гражданское право, уголовное право, торговое право, уголовное судопроизводство, гражданское судопроизводство и церковное право. Кроме того, Сара-туташ изучала специальные предметы — научно-философские течения в изучении права в новое время, история развития демократической доктрины, современное гражданское право Германии, по которым так же показала «весьма удовлетворительные успехи».

Как способная к научной деятельности, Сара-туташ по окончании курсов была оставлена на кафедре философии. Преподавала философию права на женских курсах, параллельно вела занятия по праву на высших частных коммерческих курсах. Однако в связи с тем, что по законам Российской империи иноверка могла заниматься обучением только своих единоверцев, министерство просвещения отказало в утверждении ее в звании приват-доцента, что одновременно лишало ее и возможности подготовки к профессорскому званию. Тем не менее в конце 1913 года руководством Бестужевских курсов она была командирована в Германию для изучения истории германского права и совершенствования в философии.

Но началась первая мировая война. Сара, как и другие подданные Российской империи, должна была быть выслана из Германии. В лагере, где она ожидала высылки, Сара познакомилась с Букшпаном Я.М., молодым экономистом, также приехавшим в Германию на учебу из России. Между ними завязался роман. Чрезвычайно умная, красивая, таинственная, восхищавшая многих, но никому до сих пор не отдававшая предпочтения Сара-туташ влюбилась! И влюбилась не в татарина, не в мусульманина, а в иудея! Чувства были обоюдными, и они решили пожениться.

Сара была мусульманкой, а Яков — атеистом, согласным жениться по любому обряду. Он объявил, что принимает мусульманство, что помогло получить разрешение Хадичи Шагиахметовны. Приехав в Казань, в 1914 году молодые поженились по мусульманскому обычаю. Свадьбу сыграли в Казани, но жили они сначала, в предреволюционные годы, в Петербурге, затем, после революции, в Москве (Я.М.Букшпан, ставший достаточно крупным экономистом, работал в аппарате у А.И.Микояна, возглавлявшего различные наркоматы).

Заинтересовавшаяся историей и философией религии еще во время учебы на Бестужевских курсах, Сара Гиреевна, видимо, в годы гражданской войны увлеклась католичеством. Постепенно она уверилась окончательно, что именно католичество

наиболее близко ее внутреннему миру. По словам Д.А.Шейх-Али, она стала считать, что эта религия — самая научная, логически верно выстроенная, хотя и жесткая, но человеческая религия, и приняла католичество. Любившая все доводить до совершенства, она полностью отдалась новой религии, став лучшим проповедником в кругу московских католиков. Этот шаг был болезненно воспринят всеми ее родственниками. Особенно большим ударом это было для матери Хадичи-ханум, в своей жизни пережившей многое: смерть мужа, затем красавцев-сыновей и внука, революции...

Но, по словам Д.А.Шейх-Али, самым большим своим горем Хадича-ханум считала этот поступок дочери. Принятие любимой дочерью католичества стало для нее неисправимой трагедией. Она назвала Сару предательницей и прекратила всякие с ней отношения, запретив ей появляться в отчем доме. Она не простила дочь даже после того, как Я.М.Букишпан был репрессирован. Оставшись одна с четырьмя детьми, Сара Гиреевна с большим трудом устроилась на работу в Ленинскую библиотеку. Муж ее погиб в сталинских лагерях. Лишь в годы войны Хадича-ханум приняла в дом дочь с внуками, но так и не простила ей измены религии, народу, традициям семьи. Вернувшись через два года из эвакуации в Москву, Сара-ханум тяжело заболела, стала слепнуть и вскоре скончалась от опухоли мозга.

Хадича Шагиахметовне суждено было пережить и вторую мировую войну, принесшую ей новые потери. Последний мужчина в роду Ахмеровых, сын Дауда Измаил, учившийся в Ленинграде, с началом войны ушел в ополчение. Больше о нем никто ничего не слышал. Умерла Хадича-ханум в 1945 году, восьмидесяти четырех лет.

Судьба самой младшей из дочерей Ахмеровых, Загиды (1897 — 1988), была не менее трагичной. Ей не было еще и трех лет, когда умер ее отец. Воспитателей, правда, у нее было много — не только мать, но и сестры, и, особенно, братья Дауд и Юсуф. В школу ее отдали в 1906 году в Петербурге. Вернувшись в Казань в 1908 году, Хадича-ханум отдала ее в женскую гимназию Шумковой, которую девушка окончила в 1915 году.

Жила Загида полнокровной жизнью, присущей представителям интеллектуальной элиты города: много читала, увлекалась театром, музыкой, посещала молодежные и национальные вечера. Участвовала она и в похоронах Г.Тукая. В 1912–1913 годах, «в старших классах гимназии, мы, гимназистки, тайком пробирались в Восточный клуб, — вспоминала она о своей юности, к примеру, в воспоминаниях об известном артисте Г.Карееве. — Позднее нам стали разрешать ходить туда открыто, даже в гимназической форме. Нужно сказать и то, что в те годы одним из мест, куда мы больше всего любили ходить, был также городской театр».

Некоторое время после окончания гимназии Загида-гуташ работала учительницей русского языка в женских татарских школах, одновременно готовилась к сдаче экзаменов на аттестат зрелости по программам мужских классических гимназий. С детства она брала уроки игры на фортепьяно у известного казанс-

кого пианиста Корбута, а в 1914–1915 годах даже училась в Казанском музыкальном училище. Уже в предреволюционные годы она укрепилась в мысли, что станет учительницей. Однако, сдав экстерном экзамены на аттестат зрелости, она осенью 1917 года почему-то стала студенткой медицинского факультета Казанского университета, о чем она упомянула в цитируемых воспоминаниях о Г.Карееве.

«Мы были далеки от политики. Поэтому Февральская революция для меня оказалась неожиданностью. Я ходила на митинги, там слушала пламенные речи, но еще не могла понять сущность приближающихся больших событий. Тем не менее, как человек, с юных лет живущий за счет своего труда, я хорошо понимала, что основа жизни в труде, что обязанностью честного человека должна быть борьба за справедливость. К тому же для молодости в целом присущи поиск нового, энтузиазм. Во всяком случае, из разговоров и споров в окружавшей меня среде выяснила: правду надо искать не среди тех, кто поддается панике, ворчит, а у тех, кто идет вместе с народом, заботится о нем», — отмечала Загида-тутах в тех же воспоминаниях.

С осени 1917 года Загида Ахмерова стала участвовать в спектаклях труппы «Сайяр». Вот как она описала этот факт. «Точно не помню, был конец октября или начало ноября 1917 года. Жизнь нашей семьи идет своим ходом. Я хожу слушать лекции. Обычное дело в больших семьях: однажды раздастся звонок у дверей. Мама выходит открыть дверь и, с кем-то уважительно беседуя, проходит в гостиную. Затем зовет меня. Выхожу в гостиную и останавливаюсь как вкопанная: передо мной стоит сам Кареев!.. Вот так я познакомилась со знаменитым артистом, создавшим на сцене десятки незабываемых образов».

Вспомнив затем свои посещения Восточного клуба, где она уже видела Г.Кареева, в частности, в спектаклях труппы «Сайяр», дав оценку культурной жизни Казани своей гимназической поры, она продолжила: «Естественно, что приход к нам Кареева привел меня в изумление. Тут же передо мной появился мир образов, созданных им на сцене... И вот такой выдающийся артист у нас, в нашем доме. Сначала подумала: «Может, пришел в связи с организацией какого-либо благотворительного вечера?». Но почему он? У них же есть специальные люди для этого?! Короче, я была в растерянности».

Все оказалось проще. Труппе не хватало исполнительниц женских ролей, и Г.Кареев решил обратиться к Ахмеровым. «Почему ко мне? На основании чего? Может, он вспомнил, что в нашем доме когда-то игрались самодеятельные спектакли? Или имел в виду, что моя старшая сестра Суфия Ахмерова (Мирсалимбекова) после окончания в 1909 году в Петербурге театральных курсов организовывала самодеятельные труппы в Казани?.. Во всяком случае, я сама до тех пор никогда не участвовала в спектаклях. А тут предлагают играть на настоящей театральной сцене! И роль не маленькая! Что делать? И согласиться боюсь, и отказывать неудобно. А Кареев, приводя веские обоснования, начал меня уговаривать».

Самым веским, пожалуй, стали слова «это нужно для нации» (это выражение в то время обладало волшебной силой, побуждавшей людей на решительные поступки во имя нации). Вот так Загида Ахмерова, сама того не ожидая, стала артисткой. Зимой 1917/18 годов она участвовала в нескольких спектаклях и в то же время продолжала посещать университет, считая свое актерство временным явлением. Летом 1918 года труппа завершила сезон, артисты разъехались.

З.Ахмерова, считавшая, что ее артистическая карьера на этом завершилась, была послана в Буинск преподавать на летних курсах повышения квалификации учителей. Но тут началась гражданская война, Буинск заняли белочехи, курсы прекратили свою работу. Когда она вместе с подругой, преодолев огромные трудности, в начале сентября через Симбирск добралась до Казани, город был в руках чехословаков. Через три-четыре дня в город вошли части Красной Армии, начались обыски в поисках спрятавшихся белогвардейцев и их пособников.

«И к нам пришел какой-то комиссар Миннуллин с двумя красноармейцами. Дома мы были лишь вдвоем с моей старшей сестрой Магишарваз Девлеткильдеевой. Комиссар не сказал ни слова моей старшей сестре: она врач, работает в госпитале и больнице. А я, хотя и было у меня желание работать учительницей, пока еще была безработной. Поэтому комиссар Миннуллин тут же навесил на меня ярлык саботажницы. Стараясь оправдаться, я рассказала, что зимой работала в труппе «Сайяр». Выслушав меня, Миннуллин приказал мне немедленно отправиться в Губком, где в это время рассматривался вопрос о создании государственного театра, и вступить в труппу. Вот так я вновь связала свою судьбу с театром», — вспоминала З.Ахмерова.

Итак, Загиде-туташ пришлось забыть о продолжении учебы. С сезона 1918/19 годов она стала одной из постоянных артисток в труппе Г.Кареева. Видимо, тогда же она близко познакомилась с Каримом Алиевичем Тинчуриным (1887 — 1938), уже достаточно известным театральным деятелем — артистом, режиссером, драматургом. В 1919 году они решили связать свои судьбы, получили благословение Хадичи-ханум, совершили никах (мусульманский обряд бракосочетания с приглашением муллы), стали жить вместе в одной из квартир бывшего дома Ахмеровых.

С тех пор жизнь и судьба младшей дочери Ахмеровых была навечно связана с именем и делами Карима Тинчурина. Семья у них получилась хорошая, в ней царили немногословная любовь, уважение, мир и счастье. Между мужем и женой установилось полное взаимопонимание. Они работали вместе, у них были общие интересы. Но, проработав в театре шесть лет, Загида-ханум решила оставить артистическую карьеру. Она считала, что, создавая уют в доме и помогая мужу в оформлении его литературных трудов, она принесет гораздо больше пользы. К тому же в театральном коллективе было немало завистников, недовольных не только тем, что К.Тинчурин сам пишет пьесы, ставит их на сцене, да еще и играет в них, но и тем, что в труппе состоят его жена Загида и ее сестра Суфия Мирсалимбекова.

С середины двадцатых годов Загида-ханум официально нигде не работала, но фактически выполняла работу секретаря при муже. Она переписывала-перепечатывала его рукописи, писала на русском языке бесчисленные справки, аннотации к его пьесам, следила за домом, ухаживала за мужем и его матерью, с которой очень подружилась. Она умела утешить мужа, успокоить его в трудные минуты, которых со становлением тоталитарной системы в стране становилось все больше.

В начале тридцатых годов Тинчурины решили, что Загида, с юности работавшая учительницей русского языка, должна получить высшее педагогическое образование. Загида-ханум поступила учиться на филологическое отделение Восточно-педагогического института (позднее — Казанский педагогический институт). Она с удовольствием училась, мечтала вернуться к учительской деятельности. Но наступил черный 1937 год — начиналась новая, кровавая эпоха...

За Каримом Тинчуриным пришли в ночь с 15 на 16 сентября 1937 года. Но прежде было чествование — 15 сентября в театре с большой помпой отметили его пятидесятилетие. И сразу после него — обыск, арест... Загиду, как жену врага народа, исключили из института перед самым получением диплома. Ей предлагали сменить фамилию, отказаться от мужа, утверждая, что тогда все уладится. Но она была тверда в своем решении и заявила, что она ни при каких обстоятельствах не совершит этот шаг. Она долго не могла устроиться на работу. Путь в школу был закрыт. Наконец-то устроилась работать в канцелярии валяльной фабрики. Больше всего мучило отсутствие каких-либо вестей о муже — человек как в воду канул, о его судьбе ничего узнать невозможно...

Началась война. Осенью Загиду Гиреевну мобилизовали на рытье окопов и отправили в Тетюшский район. После возвращения оттуда она переехала в Алатырь, где жил в ссылке и трудился муж сестры А.А.Шейх-Али. З.Тинчурина устроилась там на работу в канцелярии ветеринарного техникума. В 1946 году она вернулась в Казань. Ее, наконец-то, допустили до преподавательской работы! Она была права, когда хотела заняться преподаванием: из нее получился прекрасный словесник. До выхода на пенсию она преподавала русский язык и литературу в Суворовском училище, затем в авиационном техникуме. Ее ученики на всю жизнь запомнили и с любовью вспоминали прекрасные уроки Загиды Гиреевны, называя их уроками жизни.

Еще почти десять лет она ничего не знала о муже. Ее попытки что-либо узнать о его судьбе были безуспешны. Лишь после смерти Сталина начались подвижки. Наконец, 14 октября 1955 года Президиум Верховного суда ТАССР пересмотрел дело по обвинению Тинчурина К.А. и принял решение: «Постановление Тройки при НКВД ТАССР от 14/XI-1938г. в отношении Тенчурина Карима Алеевича отменено и дело прекращено за отсутствием состава преступления».

Сообщение прокуратуры о прекращении дела Загиде Гиреевне было передано 18 октября 1955 года, и она начала ходатайство по выяснению дальнейшей судьбы мужа. Однако органы не хотели раскрывать свои секреты. 8 февраля 1956 года Загиде-ханум выдали свидетельство о смерти, в котором было указано, что К.А.Тинчурин скончался от рака пищевода 7 мая 1947 года. Хотя этот документ вызывал

массу сомнений и вопросов (например — о месте смерти или: «Почему запись о смерти сделана лишь 27 января 1956 года»), дата и причина смерти, указанные в нем, были приняты официально.

В апреле 1956 года З.Г.Тинчурина получила выписку из постановления секретариата Союза писателей СССР «о посмертном восстановлении в правах члена Союза писателей Тенчурина К.А.». Союз писателей ТАССР создал комиссию по литературному наследию писателя, которой Загида-ханум передала рукописи и другие бумаги мужа, которые она бережно хранила все эти годы. Татарский Академический театр поставил спектакль по его пьесе «Голубая шаль», первый просмотр которого состоялся 1 июня 1956 года...

Загида-ханум прожила долгую жизнь, около семи десятилетий которой она посвятила мужу — великому драматургу, артисту, режиссеру Кариму Тинчурину. Сначала она заботилась о нем, создавала условия для работы, была верной помощницей во всем. Затем боролась за сохранение его рукописей и восстановление его доброго имени. И судьба смиростивилась, как будто решив дать ей время, чтобы не только дожидаться возвращения честного имени мужа и его творческого наследия, которое она сохранила наперекор всем бедам, но и добиться правды о его смерти, что она смогла сделать лишь в год столетия писателя. Р.Батулла в книге, посвященной К.Тинчурину, приводит ее заявление, написанное 24 июня 1987 года.

Вот оно: «В правление Союза писателей ТАССР, в комиссию по проведению столетия К.Тенчурина от вдовы его Захиды Тенчуриной заявление. Есть все основания сомневаться в неверности даты смерти К.Тенчурина в 1947 году. Нет никакой логики в том, что за десять лет мой муж не смог и не хотел дать весточку о том, что жив. Живой свидетель Нугуманов Лукман Нугуманович, воочию увидевший список расстрелянных в 1938 году, передал мне, что в списке стояло имя К.Тенчурина. В связи с вышеизложенным и столетием К.Тенчурина прошу провести исследование по установлению точной даты смерти мужа и места захоронения». В этот раз ответ не заставил себя ждать. Вскоре она получила справку из КГБ, где сообщалось, что К.А.Тинчурин расстрелян в 1938 году.

Место же захоронения осталось неизвестным. Перед смертью Загида Гиреевна завещала писателю Р.Батулле, семья которого очень сблизилась с ней в последние годы ее жизни: «У Карима нет своей могилы. Поэтому на моем памятнике напишите и его имя. Пусть моя могила станет могилой Карима. Цветы будете носить туда». Ее завещание выполнено. На памятнике на ее могиле надпись, сделанная арабской вязью и на татарской кириллице: «13.VI.1897 — 1988.13.VIII. Жена Карима Тинчурина, учительница, артистка «Сайяр», дочь Шагбазгирея Ахмерова Загида Тинчурина. Образец героизма, верности, чистой совести — это ты».

Она умерла, достигнув девяноста одного года, отпраздновав в 1987 году столетний юбилей Карима Тинчурина, убедившись, что его пьесы, являющиеся достоянием татарского народа, не сходят со сцен театров, что любовь зрителей, которого драматург не был обделен при жизни, сохранилась и по прошествии времени только крепчает... Для Карима Тинчурина Загида-ханум стала той самой Жен-

щиной, которая беззаветно любила его, была верна ему и в радости, и в горе, способствовала более полному раскрытию его талантов... Она была Женщиной, о которой говорится в одном из хадисов: «Возьмите великого человека и прочитайте его биографию; всегда возле него увидите женщину, которая готовит ему путь к величию и наполняет душу радостью и смелостью!».

Такова вкратце история одной семьи, пережившей вместе со страной все катаклизмы XX века. Над мужчинами рода Ахмеровых как будто довлел какой-то рок: Шагбазгирей Измайлович умер в самом расцвете сил, не достигнув и пятидесяти лет; его сыновья ушли из жизни, фактически не найдя в ней своего места, а внуки погибли, не успев даже подготовиться к жизни... Женщины же этой семьи оказались долгожительницами, принявшими на свои хрупкие плечи все тяготы богатого на них двадцатого века.

Послесловие

Татарский поэт Хасан Туфан (1900—1981) в лирико-философском произведении «Между двух эпох» так характеризовал людей своего поколения:

Эпохи богатырской люди,
Мы не по чьей-нибудь причуде
Самих себя не берегли,
Осуществляя,
Как могли,
Мечты и замыслы народа.

(пер. В.Бояринова)

На мой взгляд, эти слова можно в целом отнести к поколениям людей, совершившим настоящее чудо на рубеже XIX—XX веков. Они не только не берегли себя. Они были кудесниками богатырской эпохи — в течение буквально двух-трех десятилетий они сумели преобразовать татарское общество, застывшее в средневековье, в общество энергичное, подвижное, живущее полнокровной интеллектуальной жизнью.

В эпоху перемен, а именно таким было их время, перед любым обществом, перед каждым человеком вплотную встает одна из тяжелейших нравственных проблем — проблема выбора. Она стояла и перед героинями моих очерков. Она стояла перед Зугрой Акчуриной, которая предпочла вопреки воле отца и большого клана Акчуриных выйти замуж за неизвестного еще Исмагила Гаспринского, не имевшего другого богатства, кроме своего пера и сокровенной мечты просвещать мусульман России, и стать не только его верной и любящей женой, но и самой бескорыстной его помощницей.

Эта проблема не раз вставала перед матерями — такими, как Хадича Ахмерова или Магруй Музаффария, делавшими выбор не только своей судьбы, но и определяв-

шими судьбы своих сыновей и дочерей, направляя их воспитание и образование по тому пути, которого требовало время. По-своему ее решали **новые** женщины, в начале XX века вставшие на путь борьбы за свое право выбора, за свободу от вековых предрассудков в отношении к женщине, чтобы учиться и работать, наравне с мужчинами служить обществу и народу, обучая, просвещая и врачую его.

Стоит посмотреть на фотографии рубежа XIX—XX веков, чтобы понять, что же позволяет нам назвать их новыми женщинами. Эти женщины отличались уже своим внешним видом — одевались скромно, но со вкусом, в платье европейского покроя. При этом они, как правило, были без платка — обязательной принадлежности тогдашнего костюма татарки. Однако на голове у них были маленькие изящные калфаки, чем они, может быть, даже нарочито, подчеркивали свою принадлежность к татарской нации. Но больше всего поражает выражение их лиц — фотографии столетней давности без искажений доносят до нас и их скромность и изящество, и умный одухотворенный взгляд, и глубинную красоту их душ.

Новых женщин отличала не только строгая простота в одежде, в быту. Фотографии как бы рассказывают нам и о таких чертах, характерных для нового в татарском обществе рубежа веков человека, как непримиримость к невежеству, несправедливости и угнетению, вера в грядущие великие перемены, нетерпеливое ожидание этих перемен и страстное желание не покладая рук работать для их ускорения, мысли о долге перед нацией, перед народом, стремление служить ему бескорыстно... Они считали, что стыдно бросать деньги (если они имелись) на барские прихоти, а не на просвещение народа; что нельзя оставаться в стороне от общественной жизни, ничего не делать. Все это было присуще героиням моих очерков.

Независимо от того, из каких слоев вышли эти девушки и женщины — из села или города, из крестьянской семьи или из дворянской... — они стремились к одной великой цели — способствовать процветанию своей нации, а для достижения этого — учиться, чтобы получить знания и специальность. И учились: одни, получившие лишь скромное образование в джадидистских женских школах — русскому языку и светским наукам; другие, воспитанные в мусульманском духе, но получившие светское образование в гимназиях и поэтому недостаточно знавшие родной язык и литературу, не менее упорно изучали татарский язык, читали литературу на нем, ибо в них они находили так необходимую им духовную пищу...

В результате эти два течения, представлявшие два мира, во втором десятилетии XX века уже часто шли рука об руку, представляя женскую половину пока еще очень тонкого слоя татарской интеллигенции. Женщины — представительницы интеллектуальных профессий разного профиля оказались востребованы обществом, и в этом было их счастье и гордость. И можно с гордостью констатировать, что среди них появились «философы, ученые, врачи», о чем в начале века можно было писать лишь в прошедшем времени. Пожалуй, татарки были представлены

во всех отраслях высшего образования, куда допускались российские женщины. Не менее активно они включались и в общественно-национальное движение, о чем красноречиво говорят события 1917 года. И заряда, данного поколениями новых людей, несмотря на все войны и репрессии, хватило татарскому обществу почти до конца XX века.

И сегодня мы переживаем сложную эпоху, когда разрушается старая система ценностей, когда идут поиски новых идеалов. В эпохи великих перемен в обществе возникает потребность все нового и нового обращения к прошлому народа. Обращение к прошлому показывает, что историю, особенно в области интеллектуальной, делают личности. И это не только государственные мужи, воздвигнутые на высоту своим трудом или волею случая. Это прежде всего высокообразованные люди, интеллектуалы, которые своим трудом, часто незаметным, двигают общество по пути духовности, по пути человечности, по пути прогресса. И это, на мой взгляд, доказывают жизнь и судьбы героинь моих очерков.

Оглавление

Предисловие	3
1. Джадидизм и женский вопрос	6
2. Первые татарские поэтессы и писательницы	30
3. Женская школа Буби	53
4. Трактат Г.Буби «Женщины»	73
5. Учительница и поэтесса Магруй Музаффария	91
6. Лябиба Хусаинова и ее школа	109
7. Журналистка Фатима-Фарида	124
8. Вопрос о среднем женском образовании и Фатиха Аитова	143
9. Феномен Мухлисы Буби	160
10. Возникновение татарского театра и первые актрисы	174
11. Татарки в средних и высших учебных заведениях.	200
12. Семья Ахмеровых: жизнь и судьбы.	227
Послесловие	251

Научно-популярное издание

Махмутова *Альта Хазеевна*

Пора и нам зажечь зарю свободы!

(Джадидизм и женское движение)

Казань. Татарское книжное издательство. 2006

Редактор *Р.М.Кадыров*

Художник *Р.Г.Шамсутдинов*

Художественный редактор *И.Р.Шамсутдинов*

Техническое редактирование и компьютерная верстка *В.А.Савельевой*

Корректоры *А.Г.Хамитова, Н.И.Максимова*

Оригинал-макет подписан в печать 28.07.2006. Формат 70×90 ¹/₁₆. Бумага мелованая. Гарнитура «Kudriashov». Печать офсетная. Усл. печ. л. 18,72 + форз. 0,29 + вкл. 2,34. Усл. кр.-отт. 22,81. Уч.-изд. л. 21,19 + форз. 0,47 + вкл. 2,27. Тираж 1000 экз. Заказ 3-577.

Татарское книжное издательство. 420111. Казань, ул.Баумана, 19.

<http://tatkniga.ru>

e-mail: tki@tatkniga.ru.

Оригинал-макет подготовлен с помощью пакета программ Jahat™.

ОАО Полиграфическо-издательский комплекс «Идел-Пресс».
420066. Казань, ул.Декабристов, 2.